

**Клиника:
анатомия жизни**

Артур Хейли

**АРТУР ХЕЙЛИ
КЛИНИКА:
АНАТОМИЯ
ЖИЗНИ**

**ВПЕРВЫЕ!
ПОЛНАЯ НЕСОКРАЩЕННАЯ
ВЕРСИЯ НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!**

Annotation

Артур Хейли — классик современной американской литературы. Его произведения — это своеобразные «куски жизни». Аэропорт, отель, больница, Уолл-стрит — всякий раз замкнутое пространство, в котором переплетаются страсти, амбиции и — судьбы. Такова жизнь. Таковы и романы Хейли.

Больница.

Здесь лечат и спасают людей.

Вот единственное, по сути, отличие больницы от любого другого замкнутого коллектива — магазина, офиса, отеля, издательства.

Здесь заводят служебные романы, враждуют, делают карьеру — если понадобится, то и за счет коллег, — плетут интриги. Но врачи и медсестры забывают о личных делах и амбициях и объединяются, когда на карту поставлена судьба пациента...

Читателю впервые предлагается полный текст романа, который принес Артуру Хейли международную известность. Реальный объем этого романа почти в два раза превышает сокращенный «журнальный» вариант, выходивший под названием «Окончательный диагноз».

- [Артур Хейли](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Артур Хейли

Клиника: анатомия жизни

Глава 1

В это жаркое летнее утро жизнь в клинике Трех Графств текла как обычно — то обманчиво замирала, то вскипала высокими бурунами, словно на нее действовали невидимые отливы и приливы. За стенами клиники изнывали от неимоверной жары граждане города Берлингтон, штат Пенсильвания, — тридцать два градуса в тени при влажности семьдесят восемь процентов. В районе сталелитейного завода и на железнодорожном узле, где не имелось ни тени, ни градусников, температура — если бы кто-нибудь взял на себя труд ее измерить — была еще выше. В клинике было прохладнее, чем на улице в тени, но ненамного. От жары страдали больные и персонал. Лишь немногие счастливчики — состоятельные пациенты и большие начальники — наслаждались прохладой в помещениях с кондиционерами.

В приемном отделении, расположенном на первом этаже, кондиционеров не было, и Мадж Рейнолдс, вытащив из ящика стола пятнадцатую гигиеническую салфетку и промокнув мокрое лицо, решила навестить в туалет, чтобы приложить соответствующие салфетки и к иным, более потаенным местам. В свои тридцать восемь лет мисс Рейнолдс была не только главным регистратором приемного отделения, но и прилежной читательницей рекламы женских гигиенических средств. В результате ее постоянно мучил страх оказаться не на высоте своего санитарного состояния, и она непрестанно курсировала по маршруту от своего стола до дамского туалета, расположенного в конце коридора. Правда, сначала она решила оповестить четверых больных о предстоящей им сегодня госпитализации.

Несколько минут назад из отделений поступила сводка о выписке. Вместо планировавшихся на выписку двадцати четырех больных были выписаны двадцать шесть. Если прибавить к этому две ночные смерти, то из списка очередников на плановую госпитализацию можно было выбрать еще четыре фамилии. В четырех домах Берлингтона и его окрестностей какие-то люди, кто с надеждой, кто со страхом, соберут самое необходимое и отправятся в клинику Трех Графств, чтобы вверить свою жизнь и судьбу медицине — в том ее виде, в каком ее практиковали в этом лечебном учреждении. Промокнув лицо шестнадцатой салфеткой, мисс Рейнолдс открыла журнал, придвинула к себе телефон и набрала номер.

В лучшем положении, по сравнению с персоналом приемного отделения клиники, находились счастливчики, ожидавшие своей очереди в приемной поликлинического отделения. Здесь в шести кабинетах, оснащенных кондиционерами, шестеро специалистов бесплатно принимали амбулаторных больных, которые не желали или не имели возможности в частном порядке обратиться к тем же специалистам в городском медицинском центре.

В кабинете отоларинголога старик Руди Германт, время от времени работавший на заводе — когда заставляли жена и дети, — удобно расположился в кресле и наслаждался прохладой, пока доктор Джон Макьюэн выяснял причину его нараставшей глухоты. Собственно, сам больной не слишком сильно страдал от нее — глухота была ему даже выгодна, особенно когда мастер приказывал быстрее поворачиваться или делать что-то сверх нормы. Но старший сын решил, что отцу пора заняться ушами, и Руди оказался здесь.

Доктор Макьюэн раздраженно вытащил отоскоп из уха старика.

— Было бы неплохо вымыть из ушей всю эту грязь, — язвительно заметил он.

Такая раздражительность в общении с пациентами была в общем-то Макьюэну несвойственна. Но сегодня утром за завтраком продолжался его спор с женой о семейных расходах, начавшийся еще накануне. Из-за этой перепалки он так разнервничался, что, выезжая из гаража на своем новеньком «олдсмобиле», сильно помял правое заднее крыло.

Руди поднял на врача исполненный благожелательного любопытства взгляд.

— Что у меня, доктор? — вежливо поинтересовался он.

— Я сказал, что было бы неплохо... Собственно, это не важно, — ответил Макьюэн, лихорадочно соображая, чем могла быть вызвана глухота пациента — старостью или небольшой опухолью. Случай показался ему интригующим, и профессиональный интерес заглушил раздражение.

— Я не слышал, что вы сказали, — терпеливо объяснил Руди.

Макьюэн повысил голос:

— Ничего особенного! И ничего страшного! — В этот момент врач был страшно рад глухоте старого Руди, стыдясь своей вспышки.

Тучный терапевт, доктор Льюис Тойнби, прикурив новую сигарету от предыдущей, окинул изучающим взглядом сидевшего напротив не менее тучного пациента. Размышляя о его болезни, доктор Тойнби испытывал некоторую горечь, так как решил на неделю-другую отказаться от

китайских блюд. Правда, на этой неделе он приглашен на два обеда, а в следующий вторник состоится очередная встреча в клубе гурманов, поэтому экстренную диетическую меру удастся перенести без особого труда. Мысленно поставив диагноз, доктор Тойнби вперил в пациента строгий взгляд и весомо изрек:

— Вы страдаете ожирением, и я предпишу вам диету. Кроме того, вам непременно следует бросить курить.

Приблизительно в сотне ярдов от того места, где специалисты творили суд и расправу, по коридору первого этажа, обильно потея от жары и преодолевая толчею, торопливо шла мисс Милдред, старший регистратор клиники. Мало того, не обращая внимания на жару, женщина ускорила шаг, увидев, что ее жертва свернула за угол и пропала из вида.

— Доктор Пирсон! Доктор Пирсон!

Когда она поравнялась с ним, пожилой патологоанатом клиники остановился, сдвинул сигару в угол рта и раздраженно бросил:

— В чем дело?

Маленькая мисс Милдред, старая дева пятидесяти двух лет, едва достигавшая пяти футов на самых высоких шпильках, робко съежилась под хмурым взглядом доктора Пирсона. Но рапорта, формуляры и папки были смыслом ее жизни. Мисс Милдред собралась с духом.

— Доктор Пирсон, надо подписать протоколы вскрытия. Комитет здравоохранения затребовал дополнительные копии.

— В другой раз. Я очень спешу. — Сегодня августейший Джозеф Пирсон был сильно не в духе.

Но мисс Милдред стояла на своем:

— Прошу вас, доктор Пирсон. Это займет всего лишь секунду. Я и так уже гоняюсь за вами третий день.

Доктор Пирсон неохотно сдался. Вздохнув, он взял у мисс Милдред протоколы и ручку, подошел к стоявшему в коридоре столу и принялся, ворча, подписывать листы.

— Я даже не знаю, что подписываю. Что это?

— Случай Хоудена, доктор Пирсон.

Пирсон никак не мог остыть.

— Этих случаев столько, что все и не упомнишь.

Мисс Милдред терпеливо напомнила:

— Это рабочий, который погиб от падения с высоты. Он сорвался с цеховых подмостков. Если вы помните, руководство завода утверждало, что у Хоудена произошел сердечный приступ и в противном случае он не мог

бы упасть, так как администрация всегда придает первостепенное значение технике безопасности.

— Угу, — неопределенно хмыкнул доктор Пирсон.

Он подписывал страницу за страницей, а мисс Милдред продолжала свой рассказ. Она отличалась непреодолимой склонностью доводить до логического конца любое начатое ею дело.

— Вскрытие, однако, показало, что у Хоудена было совершенно здоровое сердце, да и вообще он не страдал никакими заболеваниями, от которых могло бы произойти падение.

— Все это я знаю, — резко оборвал ее патологоанатом.

— Простите, доктор Пирсон. Я думала...

— Это был несчастный случай на производстве. Администрация предприятия должна выплачивать вдове пенсию.

Доктор Пирсон поправил во рту сигару и поставил следующую подпись, ухитрившись при этом порвать лист. А мисс Милдред за это время машинально отметила про себя, что на галстук доктора прибавилось пятен от яичного желтка, а заодно подумала, что расческа уже много дней не касалась его густых седых волос. В личности Джозефа Пирсона — заведующего отделением патологической анатомии — сочетались шут и скандалист. Десять лет назад у Пирсона умерла жена, и с тех пор его одежда начала постепенно, но неотвратимо ветшать. Теперь, в возрасте шестидесяти шести лет, он больше походил на бродягу, нежели на руководителя одного из главнейших отделений клиники. Сейчас под его халатом была старая вязаная куртка с растянутыми петлями и с двумя дырками, прожженными скорее всего кислотой. Серые, давно не глаженные брюки мешковато спадали на поношенные и соскучившиеся по щетке и ваксе ботинки.

Джозеф Пирсон подписал последний лист и почти с ненавистью сунул пачку копий в руки мисс Милдред.

— Теперь, надеюсь, я могу заняться делом?

Сигара прыгала у него во рту, рассыпая пепел, отчасти на его халат, а отчасти на отполированный до блеска линолеум. Пирсон так давно работал в клинике Трех Графств, что ему сходилась с рук и грубость, которую не стали бы терпеть от более молодого сотрудника, и курение везде, где он хотел, даже у грозных надписей «Не курить», развешанных в коридорах на самых видных местах.

— Спасибо, доктор, — проворковала мисс Милдред. — Большое вам спасибо.

Доктор Пирсон коротко кивнул в ответ и вышел в вестибюль, надеясь

спуститься в подвал на лифте. Однако оба лифта были заняты, и Пирсон, испустив недовольное восклицание, отправился в свое отделение по лестнице.

* * *

В хирургическом отделении, расположенном тремя этажами выше, было прохладнее. А в операционном отделении, где тщательно контролировались температура и влажность, врачи и сестры в легкой форме, надетой прямо на нижнее белье, могли чувствовать себя весьма комфортно. Несколько хирургов, закончив утренние операции, сидели в комнате отдыха и пили кофе, прежде чем снова вернуться к операционным столам. Из операционных, двери которых выходили в коридор, сестры развозили на каталках еще не вышедших из наркоза больных по расположенным в обоих крыльях этажа послеоперационным палатам. Там они будут находиться до тех пор, пока состояние не позволит перевести их в соответствующие клинические отделения.

Отхлебывая огненно-горячий кофе, хирург-ортопед Люси Грейнджер пылко превозносила достоинства купленного ею накануне «фольксвагена».

— Прошу прощения, Люси, — сказал доктор Бартлет, — но боюсь, что я сегодня случайно наступил на стоянке на твой автомобиль.

— Ничего страшного, Гил, — ответила Люси. — Должно быть, тебе до того тяжело каждый день обходить детройтское чудовище, на котором ты едешь, что просто некогда смотреть под ноги.

Гил Бартлет, один из специалистов по общей хирургии, был известен как обладатель кремового «кадиллака», всегда тщательно вымытого и безупречно отполированного. Этот автомобиль служил отражением щеголеватости владельца, который всегда был одет лучше других врачей клиники Трех Графств. Помимо этого, Бартлет был единственным обладателем ухоженной и аккуратно подстриженной бороды, делавшей его похожим на Ван Дейка. Когда доктор Бартлет говорил, борода двигалась вверх и вниз — этот процесс просто завораживал Люси.

К ним подошел Кент О'Доннелл. О'Доннелл заведовал хирургическим отделением и, кроме того, был председателем медицинского совета клиники.

Бартлет тут же обратился к нему:

— Кент, я как раз вас искал. На следующей неделе я буду читать сестрам лекцию о тонзилэктомии у взрослых, так не найдется ли у вас

слайдов с аспирационными трахеитами и пневмониями?

О’Доннелл задумался, перебирая в уме свою коллекцию цветных учебных фотографий. Он сразу понял, зачем они нужны Бартлету. Все дело было в редком и малоизвестном осложнении после удаления миндалин у взрослых. Как и большинство хирургов, О’Доннелл знал, что даже при самом тщательном соблюдении хирургической техники крошечные частички миндалин могут попасть в дыхательные пути и стать причиной абсцесса легкого. Он вспомнил, что у него есть несколько таких фотографий, сделанных во время вскрытий.

— Думаю, что найдется, — ответил он Бартлету. — Сегодня вечером поищу.

— Если у тебя нет фотографий трахеи, дай ему снимки прямой кишки. Он все равно не заметит разницы, — сказала Люси Грейнджер.

Врачи дружно рассмеялись.

О’Доннелл тоже не смог сдержать улыбки. Они с Люси были старыми друзьями, и О’Доннелл часто думал, что, будь у них больше времени и возможностей, эта дружба могла бы перерасти в нечто большее. Люси нравилась ему во многих отношениях, и не в последнюю очередь он любил ее за ту непринужденность, с какой она держала себя в сфере, которая в медицине считается чисто мужской. В то же время Люси никогда не теряла своего женского обаяния. Хирургический костюм делал ее бесформенной, такой же, как и окружавшие ее мужчины, но О’Доннелл знал, что под ним скрывается стройная и ладная фигура, которую Люси умело подчеркивала консервативной, но стильной одеждой.

От этих мыслей О’Доннелла отвлекла медсестра, постучавшая и заглянувшая в дверь ординаторской.

— Доктор О’Доннелл, — сообщила она, — вас ждут родственники вашего больного.

— Скажите им, что я сейчас к ним выйду.

Он пошел в раздевалку, снял хирургический костюм и переоделся. Сегодня у него была запланирована одна операция, и в операционную он больше не вернется. Сейчас он поговорит с родственниками больного, которому он только что успешно удалил желчный пузырь, а потом займется административными делами.

Этажом выше хирургического отделения, в палате сорок восемь для частных больных, Джордж Эндрю Дантон только что утратил способность реагировать на термические раздражители. До констатации смерти оставалось секунд пятнадцать. Доктор Макмагон держал больного за

запястье, щупая пульс, а медсестра Пенфилд усилила мощность кондиционера до предела. В палате находилась семья Дантона, и в помещении было очень душно. Хорошая семья, отметила про себя сестра Пенфилд, — жена, взрослый сын и юная дочь. Жена тихо плакала, дочь молчала, но по щекам ее неудержимо струились слезы. Сын отвернулся к окну, но плечи его предательски вздрагивали. «Надеюсь, что когда я буду умирать, — подумала вдруг Элен Пенфилд, — по мне тоже будут так плакать — это лучше любого некролога».

Доктор Макмагон отпустил руку больного и выразительно посмотрел на остальных. Слова были не нужны, и сестра Пенфилд зафиксировала в истории болезни время смерти — десять часов пятьдесят две минуты.

В коридорах, куда выходили двери общих палат и палат для частных больных, наступило временное затишье. Утренние назначения сделаны, врачебные обходы закончены. Новая волна суеты наступит к обеду, а пока некоторые медсестры отправились в столовую выпить по чашке кофе, а другие остались на постах, чтобы закончить записи в картах.

«Жалобы на непрекращающиеся боли в животе», — записала сестра Уилдинг в карте одной больной и хотела было перейти к следующей строчке, но передумала.

Во второй раз за это утро седовласая Уилдинг, бывшая в свои пятьдесят шесть одной из старейших медсестер отделения, сунула руку в карман медицинской формы и извлекла оттуда уже дважды прочитанное ею письмо, пришедшее на адрес клиники. Из конверта, когда она его открыла, выпала фотография юного младшего лейтенанта флота, стоящего под руку с красивой девушкой. Сестра Уилдинг внимательно всмотрелась в фотографию, прежде чем снова, в третий раз, перечитать письмо.

«Дорогая мама, для тебя это будет большим сюрпризом, но здесь, в Сан-Франциско, я встретил девушку, с которой мы вчера поженились. Я понимаю, что в какой-то мере это будет большим разочарованием для тебя. Ведь ты всегда говорила, что хотела бы присутствовать на моей свадьбе. Но я уверен, что ты поймешь меня, если я скажу...»

Сестра Уилдинг оторвалась от письма и подумала о своем мальчике, которого она всегда помнила, которого так редко видела. После развода с мужем она одна растила Адама до его поступления в колледж в Аннаполисе. Потом были его редкие приезды по выходным и короткие

отпуска, затем сына направили на флот, и вот он уже взрослый мужчина, принадлежащий другой женщине. Сегодня она отправит ему телеграмму с изъявлениями любви и добрыми пожеланиями. Много лет назад она говорила, что, как только Адам оперится и встанет на ноги, тотчас уволится с работы, но этого не сделала, а теперь увольнение уже не за горами и нет нужды его торопить. Она положила письмо с фотографией в карман, взяла ручку и закончила запись: «Остаются небольшая тошнота и понос. Доведено до сведения доктора Рейбенса».

На четвертом этаже, в акушерском отделении, никогда нельзя было наперед сказать, каким будет день. Дети, думал доктор Чарльз Дорнбергер, моя руки вместе с двумя другими акушерами, имеют неприятное обыкновение появляться на свет пачками. Бывали, конечно, часы, а порой и дни, когда все происходило размеренно и упорядоченно — дети рождались по очереди, но потом разверзались двери ада и в отделении оказывалась дюжина женщин, рожающих одновременно. Сейчас как раз наступил один из таких моментов.

Его пациентка, жизнерадостная толстуха негритянка, готовилась произвести на свет десятого ребенка. Она поступила, когда роды уже начались, поэтому в родильный блок ее доставили из приемного отделения «Скорой помощи» на каталке. Моя руки, Дорнбергер слышал ее диалог с интерном — молодым, стажирующимся в клинике врачом, — сопровождавшим роженицу в отделение.

Очевидно, как это всегда бывало в подобных случаях, интерн освободил лифт от всех прочих пассажиров, чтобы доставить в родблок экстренную пациентку.

— Все эти милые люди вышли из лифта ради меня, — говорила негритянка. — Никогда в жизни не чувствовала себя такой важной.

Дорнбергер услышал, как интерн посоветовал женщине расслабиться, на что она ответила:

— Расслабиться, сынок? Я и так уже расслабилась. Я всегда расслабляюсь, когда рожаю. Мне же теперь не надо ни мыть посуду, ни стирать, ни готовить. Да я всей душой хотела сюда попасть. Для меня это праздник. — Началась схватка, женщине стало больно, и она замолчала, потом снова заговорила сквозь стиснутые зубы: — У меня уже девять детей, этот будет десятым. Старший уже такой же, как ты, сынок. Ничего, через годик ты снова меня увидишь. Я опять буду здесь.

Женщина засмеялась. Потом голос ее стих, заговорили сестры, а интерн вернулся к себе, в отделение неотложной помощи.

Дорнбергер посушил руки, надел стерильный костюм и, следуя за каталкой с роженицей, потея от жары, пошел в родовой зал.

В кухне клиники, где жара не причиняла ее работникам особых неудобств просто в силу того, что они к ней привыкли, Хильда Строган, главная диетсестра, откусила добрый кусок пирога с изюмом и одобрительно кивнула повару. Хильда подозревала, правда, что этот кусок с его калориями скажется в конце недели на показаниях напольных весов в ванной, но успокаивала свою совесть тем, что ее долг — пробовать все меню клиники. Кроме того, ей было уже поздно волноваться по поводу калорий и лишнего веса. Результаты прежних проб, постепенно накапливаясь, привели к тому, что стрелка весов уже давно перевалила за двести фунтов, добрая толика которых приходилась на ее величественный бюст. Это были два Гибралтара, о которых в клинике ходили легенды. Когда Хильда Строган шествовала по коридору, она была похожа на авианосец с эскортом из двух крейсеров.

Помимо еды, миссис Строган была влюблена в свою работу. Сейчас она удовлетворенно оглядывала свою империю — сияющие стальные печи, сверкающую посуду, безупречно отбеленные и отутюженные передники поваров и их помощников, чистые разделочные столы. При виде этого великолепия в груди миссис Строган разливалось приятное тепло.

Обеденное время было для кухни самым тяжелым, так как, кроме больных, в это время надо было накормить в столовой и персонал. Через двадцать минут каталки с едой разъедутся по отделениям, но работа с обедом продлится еще не меньше двух часов. А потом, пока Посудомойки будут чистить и мыть тарелки, повара примутся за приготовление ужина.

Воспоминание о тарелках заставило миссис Строган задумчиво нахмуриться. Она устремила в задний отсек кухни, где были установлены две большие посудомоечные машины. Этот отсек кухни был не таким блестящим и современным, как остальные, и главная диетсестра уже не в первый раз подумала, как она была бы счастлива, если бы оборудование этой части ее владений поменяли на самое современное. Она понимала, правда, что нельзя добиться всего сразу, и была вынуждена признать, что за два года работы в клинике Трех Графств сумела так достать администрацию, что та закупила для кухни массу дорогостоящего нового оборудования. Но все равно, отправившись проверять паровые столы в столовой, миссис Строган решила в ближайшее время еще раз обратиться к начальству.

Но не одна диетсестра думала в это время о еде. На втором этаже, в рентгеновском отделении, перед дверью кабинета номер один сидел амбулаторный пациент Джим Блэдвик, который, по его собственному выражению, был голоден как черт.

Для этого были очень веские основания. По рекомендации семейного врача Джим голодал со вчерашнего вечера и теперь был готов к рентгеновскому исследованию, каковое должно было подтвердить догадку врача о том, что в двенадцатиперстной кишке Джима Блэдвака, вице-президента одной из трех крупнейших в городе дилерских компаний по продаже автомобилей, всюду цветет язва. Сам Блэдвик в глубине души надеялся, что подозрения лечащего врача не имеют под собой никакой почвы. Более того, он надеялся, что ни язва, ни что-либо другое не может, не смеет уничтожить то, чего он наконец достиг благодаря жертвам, воле, упорству и выносливости за три года тяжелого изнурительного труда.

Естественно, Джим волновался — да и кто бы на его месте не волновался, имея каждый месяц определенную долю продаж, которую надо было выполнить невзирая ни на что. Это не может быть язва. Нет, это что-то другое, какой-нибудь пустяк, который можно вылечить быстро, навсегда и без особых усилий. Вице-президентом по продажам Блэдвик стал всего шесть недель назад, и он отчетливо понимал, что удержать этот гордый титул сможет только в одном случае — если будет обеспечивать результат. Но для этого надо быть в форме — оставаться сильным, крепким, неутомимым. Никакой медицинский диагноз не сможет оправдать падение продаж.

Некоторое время Блэдвик держался, надеясь, что все рассосется само собой. Около двух месяцев назад у него появились неприятные ощущения и разлитые боли в области желудка; появилась и отрыжка. Она зачастую беспокоила его в самый неподходящий момент — когда рядом находились клиенты. Поначалу Блэдвик старался не обращать внимания на эти недомогания, убеждая себя в том, что все в порядке, но в конце концов дискомфорт стал таким сильным, что пришлось обратиться к врачу. В результате Джим Блэдвик и оказался здесь, в рентгеновском отделении клиники Трех Графств. Джим надеялся, что исследование не займет много времени. Переговоры по продаже шести грузовиков начали заходить в тупик, а продажа была нужна как воздух. Господи, как же хочется есть!

Для доктора Ральфа Белла, рентгенолога по прозвищу Динь-Дон, это

была всего лишь очередная рентгеноскопия желудочно-кишечного тракта, ничем не отличающаяся от сотен других. Правда, иногда рентгенолог не отказывал себе в удовольствии поиграть в своеобразную интеллектуальную игру, и на этот раз он заключил сам с собой пари, решив, что у этого парня обязательно окажется язва. Пациент был очень похож на язвенника. Доктор Белл украдкой рассматривал больного, пряча глаза за толстыми стеклами очков в массивной роговой оправе. Этот человек мнителен и сейчас сильно волнуется и злится. Рентгенолог усадил Блэдвика за экран и дал ему в руку стакан с бариевой взвесью.

— Вы выпьете это по моей команде, — объяснил он.

Приготовившись, Белл произнес:

— Пейте!

Блэдвик послушно выпил беловатое содержимое стакана.

Вглядываясь в экран, доктор Белл следил за путем бария по пищеводу, желудку и двенадцатиперстной кишке.

Непрозрачная для рентгеновских лучей жидкость четко очерчивала контуры внутренних стенок этих органов, и Белл в нужные моменты нажимал кнопку, делая снимки. Для того чтобы направить барий в нужное место, Белл затянутой в массивную перчатку рукой сдавливал и мял живот Джима Блэдвика. Наконец рентгенолог увидел его — кратер в стенке двенадцатиперстной кишки. Язва. Классическая, как в учебнике, не вызывающая никаких сомнений. Он выиграл пари.

— Вот и все, мистер Блэдвик, благодарю вас.

— И каков приговор, доктор? — спросил Джим. — Я буду жить?

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

Все пациенты очень хотят знать, что он увидел на экране. «Свет мой, зеркальце, скажи...» Но рентгенолог не имеет права высказывать свое мнение и ставить диагнозы.

— Завтра утром ваш лечащий врач получит снимки и поговорит с вами.

«Незавидная судьба тебя ожидает, парень, — подумал доктор Белл. — Вряд ли тебе понравится длительный отдых, молоко и полусырые яйца».

В двухстах ярдах от главного корпуса клиники, в обветшавшем здании бывшей мебельной фабрики, которое ныне служило общежитием для медсестер, студентка Вивьен Лоубартон изо всех сил пыталась справиться с молнией, никак не желавшей застегиваться.

— Чтоб ты сгорела! — Девушка употребила в адрес непослушной молнии любимое выражение отца, зарабатывавшего неплохие деньги

лесоруба, который не видел оснований пользоваться разными языками для общения с деревьями в лесу и со своими домашними.

В свои девятнадцать лет натура Вивьен представляла собой нечто среднее между грубоватостью отца из штата Орегон и врожденной деликатностью матери — уроженки Новой Англии. Эта деликатность устояла в схватке с орегонской грубостью. Вивьен училась на медсестру уже четыре месяца, и в ее реакции на медицину уже проявились черты обоих родителей. В одно и то же время она испытывала благоговейный трепет и непреодолимое отвращение. Она понимала, что близкое столкновение со страданиями и болезнями способно потрясти новичка, но это знание не помогало в моменты, когда желудок был готов вывернуться наизнанку и требовалась вся ее воля, чтобы не броситься вон из палаты.

Именно в такие моменты она чувствовала сильнейшую потребность в смене обстановки, в очищающем противоядии. Такое противоядие она в какой-то степени нашла в своей старой любви — в музыке. Удивительно, но город Берлингтон, несмотря на свои малые размеры, располагал превосходным симфоническим оркестром, и, открыв его для себя, Вивьен сделалась его верной почитательницей. Размеренный темп, царивший в мире классической музыки, вселял твердость и придавал уверенность в своих силах. Вивьен очень расстроилась, когда летом концерты прекратились, и почувствовала, что образовавшуюся пустоту необходимо чем-то заполнить.

Но сейчас было не до таких странных мыслей. Перерыв между утренними лекциями и практикой был очень коротким, а тут еще эта проклятая молния!.. Она дернула еще раз, и — ура! — зубчики, как по волшебству, встали на место, молния застегнулась. Вивьен бросилась к двери, но потом остановилась, чтобы вытереть лицо. Боже, какая жара! Как она вспотела от борьбы с молнией!

* * *

Так шло это утро в клинике Трех Графств — обычное, ничем не отличавшееся от других. Утро в сестринских, лабораториях, операционных; в отделениях неврологии, психиатрии, педиатрии, дерматологии, ортопедии, офтальмологии, гинекологии и урологии; в отделениях по уходу и в палатах частных пациентов; в администрации, бухгалтерии, отделе закупок и административно-хозяйственной части; в приемных, коридорах, холлах, лифтах. На всех пяти этажах, а также в

подвале и полуподвале. Обычное утро с его невидимыми приливами и отливами, с завихрениями человеческих судеб в этом лечебном учреждении.

Было одиннадцать часов утра пятнадцатого июля.

Глава 2

На башне церкви Искупления, расположенной в двух кварталах от клиники Трех Графств, колокол прозвонил одиннадцать часов, когда Кент О’Доннелл шел из хирургического отделения в администрацию. Звук колокола не отличался мелодичностью, сказывался давний изъяз, допущенный при отливке. Надтреснутый звон сочился в открытое окно лестничной площадки. О’Доннелл машинально взглянул на часы и посторонился, чтобы пропустить спешащих и громко топающих по металлическим ступеням служебной лестницы интернов — молодых врачей, проходящих в клинике стажировку. Завидев председателя медицинского совета, каждый из интернов замедлял шаг и уважительно здоровался. На втором этаже О’Доннелл отошел в сторону, чтобы пропустить медсестру, везшую коляску с ребенком лет десяти. У девочки был перевязан один глаз. Рядом шла мать, склонившаяся над дочерью, как наседка над цыпленком.

О’Доннелл не узнал сестру, но приветливо ей улыбнулся. Она же, проходя мимо, украдкой окинула его оценивающим взглядом. О’Доннеллу было немного за сорок, и на него все еще оглядывались женщины. Высокий стройный мужчина с мощными квадратными плечами и мускулистыми руками. Он сохранил фигуру и телосложение, которыми отличался в колледже, когда играл полузащитником в студенческой футбольной команде. Даже и теперь он — принимая важные решения — выпрямлялся и расправлял широкие плечи, словно готовясь к захвату ног нападающего команды соперников. Несмотря на мощное сложение, двигался О’Доннелл легко и свободно, а благодаря регулярным занятиям спортом — летом теннис, а зимой лыжи — не имел лишнего жира, сохранял силу и гибкость.

О’Доннелл никогда не был красивым, как Адонис, но в его лице была та угловатая, резкая неправильность (дополненная шрамом на носу, полученным во время игры в футбол), которая, как это ни странно, привлекает женщин больше, чем идеальная красота. Истинный возраст О’Доннелла можно было угадать только по волосам. Еще совсем недавно они были черны как вороново крыло, но теперь начали стремительно седеть, хотя и оставались густыми. Похоже, пигмент сдался годам и ударился в бегство с позиций.

Кто-то окликнул О’Доннелла сзади. Он остановился и, обернувшись, увидел Билла Руфуса, одного из старших хирургов.

— Как дела, Билл?

Руфус всегда нравился О’Доннеллу. Билл был добросовестным, надежным хирургом с богатой практикой. Больные доверяли ему благодаря искренности, сквозившей в каждом его слове. Уважали его и сотрудники — прежде всего интерны и резиденты, которым нравилась способность Руфуса учить младших коллег, не унижая их человеческого достоинства. Билл держался с ними как с равными, и это отличало его от многих других хирургов.

Единственным недостатком Билла, если можно так это назвать, была склонность к ярким, немыслимо пестрым галстукам. О’Доннелл и сейчас внутренне содрогнулся при виде галстука с бирюзовыми кругами и красными червеобразными зигзагами на лиловатом и лимонно-желтом фоне. Из-за своих галстуков Билл постоянно становился объектом насмешек. Один из психиатров недавно предположил, что выбор галстуков говорит о «каком-то гнойном процессе, который прорывается наружу сквозь пристойную консервативную оболочку». Но Руфус в ответ лишь добродушно посмеивался. Сегодня он, однако, выглядел серьезным и озабоченным.

— Кент, мне надо с тобой поговорить, — сказал он.

— Пойдем ко мне в кабинет, — предложил О’Доннелл. Его охватило любопытство. Руфус был не из тех, кто тревожит руководство по пустякам.

— Нет, мы можем поговорить и здесь, — возразил Руфус. — Знаешь, Кент, речь идет о патологоанатомических заключениях в отношении хирургических больных.

Они отошли к окну, чтобы не мешать идущим по коридору людям, и О’Доннелл подумал, что давно боялся этого вопроса.

— Что ты имеешь в виду, Билл?

— Заключения приходят поздно, с большой задержкой. С очень большой задержкой.

О’Доннелл давно знал об этой проблеме. Как и другие хирурги, Руфус часто оперировал больных с опухолями.

После выделения опухоли ее удаляли и направляли на гистологическое исследование доктору Пирсону. Патологоанатом должен был выполнить два исследования доставленной опухоли. Во-первых, в экспресс-лаборатории он должен был исследовать материал опухоли за то время, пока продолжается операция, а больной находится под наркозом. Замороженный кусочек ткани исследовался под микроскопом. В результате этой процедуры патологоанатом давал в отношении опухоли одно из двух заключений — доброкачественная или злокачественная. Если опухоль

оказывалась злокачественной, то есть у больного был рак, то операцию продолжали, если же опухоль оказывалась доброкачественной, то операцию заканчивали, а больного отправляли для пробуждения в послеоперационную палату.

— А с экспресс-анализами проблем нет? — спросил О’Доннелл. Он не слышал о таких проблемах, но хотелшний раз удостовериться.

— Нет, — ответил Руфус. — Если бы они были, до тебя доходила бы масса жалоб. Задерживаются заключения о полном гистологическом исследовании.

— Понимаю, — сказал О’Доннелл, стараясь выиграть время, чтобы обдумать то, что услышал. О’Доннелл восстановил в уме всю процедуру. После исследования замороженного кусочка ткани вся опухоль отправлялась в патологоанатомическую лабораторию, где лаборанты готовили тонкие срезы для полноценного исследования на более совершенном оборудовании. Патологоанатом, изучив срезы, выдавал свое окончательное заключение. Иногда опухоль, которую при первичном исследовании сочли доброкачественной или сомнительной, оказывалась злокачественной, и в таких случаях больного снова брали в операционную и выполняли необходимую операцию.

Такие изменения в заключениях не считались чем-то экстраординарным, но, конечно же, повторные заключения должны быть скорыми. О’Доннелл уже понял, что в этом и состояла суть жалобы Руфуса.

— Если бы это было один раз, — продолжал Руфус, — я не стал бы тебя беспокоить. Я знаю, как тяжело приходится патологоанатомам, и не собираюсь нападать на Джо Пирсона. Но такие случаи не единичны, они происходят сплошь и рядом, Кент.

— Давай обратимся к фактам, Билл, — решительно произнес О’Доннелл, не сомневаясь, однако, что, не имея фактов, Руфус не стал бы обращаться с такой серьезной жалобой.

— Хорошо. На прошлой неделе я оперировал миссис Мэйсон, с опухолью груди. Я удалил опухоль, и после первичного исследования замороженного образца Пирсон выдал заключение о ее доброкачественности. Однако в протоколе для истории болезни было уже сказано, что опухоль злокачественная. — Приведя пример, Руфус добавил: — Но у меня претензии не к этому. При первичном исследовании часто нельзя с полной уверенностью дать окончательное заключение.

— А к чему? — Теперь, когда О’Доннелл окончательно понял, о чем идет речь, хотел как можно скорее решить этот вопрос.

— Пирсону потребовалось восемь дней для того, чтобы дать протокол

для истории болезни. К тому моменту, когда я его получил, больная была уже выписана домой.

— Понимаю.

И в самом деле очень плохо, подумал О’Доннелл. От такой проблемы невозможно отмахнуться.

— Это очень нелегко, — продолжал Руфус, — звонить женщине и говорить ей о нашей ошибке. Говорить, что, как выяснилось, у нее все-таки рак и ее надо повторно оперировать.

Да, еще как нелегко. О’Доннелл знал это по собственному опыту. До того как он пришел в клинику Трех Графств, ему самому приходилось делать такие звонки. Не дай Бог, чтобы это повторилось.

— Билл, можно я разберусь с этим сам? — О’Доннелл был рад, что к нему обратился именно Руфус. Другие хирурги могли раздуть это дело и осложнить решение.

— Конечно. Только если это приведет к результату. — Руфус имел полное право на возмущение. — Это случай не единичный, просто самый вопиющий.

И снова О’Доннелл мысленно согласился с Руфусом.

— Я поговорю с Джо Пирсоном сегодня же, — пообещал он. — После конференции о летальности в хирургических отделениях. Ты там будешь?

Руфус кивнул:

— Да, я там буду.

— Значит, мы еще увидимся, Билл. Спасибо, что рассказал об этом. Обещаю что-нибудь придумать.

Что-нибудь, думал О’Доннелл, идя по коридору. Но что именно? Он продолжал размышлять на эту тему и тогда, когда пришел в администрацию и открыл дверь кабинета Гарри Томазелли — администратора клиники.

О’Доннелл не сразу увидел Томазелли, и тот сам его окликнул:

— Иди сюда, Кент. — Томазелли стоял в дальнем углу выложенного березовыми панелями кабинета. Перед ним на большом столе лежали развернутые чертежи и эскизы.

О’Доннелл пересек кабинет по толстому ворсистому ковру и посмотрел на разложенное на столе.

— Гредишь наяву, Гарри? — Он ткнул пальцем в один из эскизов: — Знаешь, я уверен, что мы сможем отгрохать тебе фантастический пентхаус вот здесь, в восточном крыле.

Томазелли улыбнулся:

— Я согласен. Осталось только уговорить совет клиники в

необходимости пентхауса. — Администратор снял модные, без оправы, очки и принялся тщательно их протирать. — Вот он — наш Новый Иерусалим.

О’Доннелл принялся внимательно изучать архитектуру клиники Трех Графств, какой она станет после возведения величественной пристройки, планирование которой вступило в завершающую стадию. В пристройке будет находиться целое крыло и новое общежитие для медсестер.

— Какие еще новости? — Он отвернулся от чертежей и посмотрел на Томазелли.

Администратор водрузил очки на место.

— Утром я снова говорил с Ордэном.

Ордэн Браун, президент второго по величине сталелитейного завода Берлингтона, был, кроме того, председателем совета директоров клиники.

— И?..

— Он уверен, что к январю мы получим полмиллиона долларов из строительного фонда. Это означает, что фундамент мы сможем заложить уже в марте.

— А еще полмиллиона? На прошлой неделе Ордэн говорил мне, что на них можно рассчитывать только к декабрю следующего года. — О’Доннелл считал надежды председателя совета директоров чересчур оптимистичными.

— Знаю, — сказал Томазелли. — Но он просил передать тебе, что изменил свое мнение. Вчера у него состоялась еще одна встреча с мэром. Он убежден, что следующие полмиллиона мы получим следующим летом, а строительство начнем к осени.

— Это и в самом деле хорошая новость. — О’Доннелл решил умолчать о своих сомнениях. Если Ордэн Браун так заговорил, значит, он на сто процентов уверен в успехе.

— Да, кстати, — сказал Томазелли с наигранной небрежностью в голосе, — на следующую среду назначена встреча Ордэна и мэра с губернатором. Кто знает, не получим ли мы еще и грант штата?

— А что еще? — О’Доннелл обратился к администратору с шутливой резкостью.

— Я думал, что ты будешь доволен и этим, — ответил Томазелли.

На самом деле О’Доннелл был очень доволен. Это было первым шагом к воплощению заветной мечты, которая возникла у О’Доннелла три с половиной года назад, когда он приехал в клинику Трех Графств на работу.

Если бы кто-то сказал О’Доннеллу, когда он учился в Гарварде, или позже, когда был старшим резидентом-хирургом в Колумбийском

пресвитерианском медицинском центре в Нью-Йорке, что он закончит свою карьеру в захудалой клинике Трех Графств, он воспринял бы это как насмешку. Даже когда О’Доннелл заканчивал свою хирургическую подготовку в лондонской больнице Святого Варфоломея, он был намерен вернуться в Штаты и работать в какой-нибудь именитой клинике — Джонса Гопкинса в Балтиморе или в Массачусетской генеральной в Бостоне. При его подготовке он вполне мог рассчитывать на такую карьеру. Но до того как настало время принятия окончательного решения, его нашел в Нью-Йорке Ордэн Браун — председатель совета директоров клиники Трех Графств, — который убедил его приехать в Берлингтон и посмотреть клинику.

Увиденное потрясло и ужаснуло О’Доннелла до глубины души. Клиника разрушалась чисто физически, организация была отсталой, медицинские стандарты — за редким исключением — низкими. Заведующие хирургическими и терапевтическими отделениями сидели на своих местах десятилетиями. О’Доннелл понимал, что их цель одна — сохранить благоприятное для себя положение вещей. Администратор клиники — связующее звено между советом директоров и медицинским персоналом — был вопиюще некомпетентен. Программа подготовки интернов и резидентов пользовалась дурной репутацией. На научные исследования не выделялось практически никаких средств. Медицинские сестры жили и работали почти в средневековых условиях. Ордэн Браун без утайки показал ему все. Потом они отправились к председателю совета директоров домой. О’Доннелл согласился остаться на ужин, но решил вернуться в Нью-Йорк первым же ночным рейсом. Ему была отвратительна даже мысль о том, чтобы еще раз побывать в Берлингтоне или в клинике Трех Графств.

За ужином в тихой, увешанной коврами гостиной дома Ордэна Брауна, расположенном на склоне возвышавшегося над Берлингтоном холма, О’Доннелл выслушал до боли знакомую историю. Клиника Трех Графств, некогда прогрессивное, современное и авторитетное в штате медицинское учреждение, стала жертвой самодовольства и апатии. Председателем совета директоров был один престарелый промышленник, он постоянно перекладывал свою ответственность на подставных лиц, а в клинике появлялся только по случаю общественных мероприятий. Отсутствие твердого руководства поразило всю систему сверху донизу. Руководители подразделений занимали свои посты по многу лет и противились любым изменениям. Их более молодые подчиненные вначале проявляли лихорадочную активность, затем впадали в отчаяние и разбегались. В итоге

клиника приобрела такую репутацию, что молодые выпускники медицинских факультетов перестали стремиться пополнить ряды ее врачей. Из-за этого администрации пришлось снизить требования к квалификации персонала.

Изменения начались только после того, как новым председателем совета директоров был назначен Ордэн Браун. Прежний, старый промышленник, умер за три месяца до этого. Группа влиятельных горожан убедила Брауна занять освободившееся место. Выбор не был единодушным. У старой гвардии совета директоров был свой кандидат — бессменный член совета Суэйн. Но большинством голосов выбрали все же Брауна, и теперь он пытался убедить остальных членов совета воспринять его идеи относительно модернизации клиники.

Битва оказалась на редкость тяжелой. Возник альянс между консервативными членами совета директоров, представителем которых выступал Юстас Суэйн, и группой медицинских руководителей клиники. Вместе они упрямо противились всяким новшествам.

Брауну приходилось действовать осторожно и дипломатично. Он потребовал для себя полномочий на расширение состава совета директоров, с тем чтобы привлечь в него новых, более активных членов. Их он намеревался набрать из среды молодых руководителей и профессионалов делового мира Берлингтона. Но поскольку среди членов совета не было единодушия, план этот пришлось положить под сукно.

Если бы он захотел, рассказывал Браун О’Доннеллу, то мог бы решить проблему силовым путем, простым волевым решением. Пользуясь своим влиянием, он мог бы вышибить из совета директоров его старых и пассивных членов. Но это было бы недальновидно, потому что большинство из них — состоятельные мужчины и женщины, а клиника нуждалась в наследстве, которое доставалось ей в случае смерти патрона. Если затронуть интересы этих людей, они, вероятно, пересмотрят свои завещания и оставят клинику без средств. На это, впрочем, открыто намекнул и сам Юстас Суэйн, владелец сети универмагов. По этой причине приходится соблюдать осторожность и быть дипломатом.

Однако Брауну все же удалось добиться некоторого прогресса. В частности, он смог убедить членов совета директоров в том, что необходимо назначить нового руководителя хирургической службы клиники. Именно поэтому он и обратился к О’Доннеллу.

Во время ужина О’Доннелл в ответ на сделанное ему предложение отрицательно покачал головой.

— Боюсь, эта должность не для меня, — сказал он.

— Возможно, это и так, — ответил Браун, — но я хочу, чтобы вы меня выслушали до конца.

Он умел убеждать, этот промышленник, который, несмотря на то что был отпрыском богатого семейства, прошел путь от пудлинговщика до руководителя сталелитейного завода, а затем стал вице-президентом компании. Кроме того, он умел чувствовать и распознавать людей; годы, которые он провел в гуще заводских рабочих, не прошли даром. Именно поэтому он, вероятно, и взвалил на свои плечи это бремя — вытащить из болота клинику Трех Графств. Но каковы бы ни были причины такого решения, за короткое время, что они провели вместе, О’Доннелл почувствовал самоотверженность этого человека.

— Если вы приедете сюда, — сказал Браун в конце ужина, — то я не могу вам ничего обещать. Я мог бы пообещать вам свободу рук, но скорее всего вам придется драться за каждое ваше решение. Вы столкнетесь с оппозицией, сопротивлением, интригами и недовольством. В некоторых вопросах я не смогу ничем вам помочь, и вам придется решать их самостоятельно. — Он помолчал, а потом тихо добавил: — Думаю, что единственная хорошая вещь, которую можно сказать об этой ситуации, заключается — с точки зрения такого человека, как вы, — в том, что это вызов, вероятно, самый большой вызов, который вам когда-либо предлагалось принять.

Больше о клинике Браун в тот вечер не напоминал. Они стали беседовать о других вещах — о Европе, приближавшихся выборах и возрождении национализма на Ближнем Востоке. Хозяин дома много ездил по миру и был хорошо информирован о международном положении. Потом он отвез О’Доннелла в аэропорт, и у трапа они крепко пожали друг другу руки.

— Я был очень рад нашему знакомству, — сказал Браун, и О’Доннелл искренне ответил ему тем же. Потом он сел в самолет с твердым намерением забыть о Берлингтоне и вспоминать поездку туда только как поучительный опыт.

В полете он пытался читать журнал — в нем оказалась заинтересовавшая его статья о теннисном чемпионате, но смысл прочитанного ускользал от него. Он продолжал неотступно думать о клинике Трех Графств, о том, что там увидел и что надо было бы сделать. А затем, наконец, впервые в жизни, О’Доннелл задумался о своем собственном отношении к медицине и начал задавать себе вопросы: «Что она для меня значит? Чего я хочу достичь в ней для себя? Каких достижений ищу? Что я могу ей дать? Что оставлю после себя?» Он не был

женат и, вероятно, никогда уже не женится. В его жизни были любовные связи, но не было постоянных прочных любовных отношений. Куда ведет его путь от Гарварда и колумбийского Пресвитерианского госпиталя, больницы Святого Варфоломея?.. Куда? Ответ пришел внезапно. Он осознал, что путь этот ведет в Берлингтон, в клинику Трех Графств. Решение было твердым, необратимым и окончательным. После того как самолет приземлился в Нью-Йорке, О'Доннелл отправил Брауну телеграмму с одной фразой: «Я принимаю предложение».

Теперь, глядя на план здания, которое администратор напыщенно именовал Новым Иерусалимом, О'Доннелл вспомнил оставшиеся за плечами три с половиной года. Ордэн Браун был прав, когда говорил, что О'Доннеллу придется нелегко. Ему пришлось столкнуться со всеми препятствиями, о которых упоминал председатель совета директоров. Но теперь самые трудные из них были преодолены.

После приезда О'Доннелла прежний шеф хирургической службы тихо ушел в отставку. О'Доннелл привлек на свою сторону работавших в клинике хирургов, сочувствовавших идее о повышении стандартов оказания хирургической помощи. Вместе они ужесточили правила, а для их соблюдения учредили комитет надзора за операционными. Была возобновлена работа комитета, следившего за тем, чтобы хирурги не повторяли ошибок, в результате которых пациентам подчас удаляли здоровые ткани и органы.

Не слишком компетентных хирургов вежливо, но твердо заставили работать в пределах их способностей. Некоторым неумелым халтурщикам, способным лишь на удаление аппендикса, О'Доннелл предложил уйти добровольно и тихо, пригрозив в противном случае административным увольнением. Среди них был один хирург, который удалил больному единственную почку, не выяснив, что вторая уже была удалена. Эту страшную ошибку обнаружили только при вскрытии. Этого хирурга убрать из клиники было легко. С другими дело обстояло намного хуже. В медицинском совете был большой скандал, а два хирурга, ранее состоявшие в штате клиники, подали в суд на ее администрацию. О'Доннелл понимал, что в суде ему придется выдержать сильный натиск, не говоря уже о том, что причины увольнений будут преданы широкой огласке.

Но, преодолевая эти проблемы, О'Доннелл и поддерживавшие его сотрудники продолжали идти намеченным путем, заполняя образовавшиеся вакансии квалифицированными врачами. Многие из них были выпускниками альма-матер О'Доннелла, и он убедил их переехать на

работу в Берлингтон.

Тем временем сменился и главный терапевт клиники — им стал доктор Чендлер. Он работал терапевтом в клинике и при старом режиме, но часто выступал против методов работы тогдашней администрации. Чендлер часто не соглашался и с О’Доннеллом, а О’Доннелл находил его чересчур высокопарным, однако Чендлер, когда речь шла о поддержании высоких стандартов оказания помощи, был всегда бескомпромиссным.

За три с половиной года пребывания О’Доннелла в клинике изменились и методы руководства. Через несколько месяцев после своего приезда в Берлингтон О’Доннелл рассказал Ордэну Брауну об одном помощнике администратора клиники, лучшем из всех, с кем ему приходилось встречаться. Председатель совета директоров немедленно сел в самолет, а через два дня вернулся с подписанным контрактом. Через месяц после того, как с почетом проводили на пенсию прежнего администратора, давно переставшего справляться со своими обязанностями, его место занял Гарри Томазелли. Прошедшее время в полной мере показало эффективность его порой резкого, но умелого руководства.

Год назад О’Доннелл был избран председателем медицинского совета, что сделало его главным врачом клиники. С этого момента он, Томазелли и доктор Чендлер приступили к совершенствованию программ обучения интернов и резидентов. Работа принесла свои плоды. За год число заявок на прохождение интернатуры и резидентуры в клинике возросло.

Впереди был долгий и трудный путь. О’Доннелл понимал, что это только начало выполнения обширной программы, которая затронет все три главные области медицины — лечение, обучение и научные исследования. Ему сейчас сорок два, через несколько месяцев исполнится сорок три. Сомнительно, что за оставшиеся ему годы активной жизни он успеет исполнить задуманное. Но старт был удачным, он обнадеживал и вселял уверенность, и О’Доннелл понимал, что решение, принятое три с половиной года назад в самолете, было верным.

В клинике оставались, однако, и слабые места. Собственно, так и должно быть. Ничто великое не достигается легко или быстро. Некоторые старшие коллеги до сих пор противились новшествам и оказывали сильное влияние на давних членов совета директоров, во главе которых стоял сохранивший все свое упрямство Юстас Суэйн. Возможно, это было даже к лучшему, думал О’Доннелл, возможно, справедливо утверждение о том, что молодые люди хотят изменить все и сразу. Однако из-за этой группы ретроградов необходимые решения приходилось зачастую принимать не

сразу и очень осмотрительно. Сам О'Доннелл принимал это как неизбежный факт, но ему было трудно убедить в своей правоте новых сотрудников.

Именно это обстоятельство заставило его со всей серьезностью отнестись к жалобе Билла Руфуса. Отделение патологической анатомии было настоящим оплотом старого режима. Доктор Джозеф Пирсон, руководивший отделением, как собственной вотчиной, работал в клинике тридцать два года. Он лично и близко знал всех старых членов совета директоров и часто играл с Юстасом Суэйном в шахматы. К слову сказать, Джо Пирсон был квалифицированным и компетентным специалистом: его заключения были безупречны. В молодости он успешно занимался наукой, а потом какое-то время был президентом Ассоциации патологоанатомов штата. Проблема заключалась в том, что работы в отделении стало так много, что она была уже не под силу одному человеку. Кроме того, О'Доннелл подозревал, что многие методы работы в нем устарели и нуждаются в усовершенствовании. Но любых изменений в отделении, как бы желательны они ни были, добиться будет очень сложно.

К тому же надо принять во внимание необходимость привлечения средств для планируемого расширения клиники. Если у него возникнут трения с патологоанатомом, то не скажется ли влияние Пирсона на планах Ордэна Брауна собрать необходимые деньги к осени? Пожертвования Юстаса Суэйна обычно очень велики, и если он их не сделает, это будет серьезная потеря. Да еще надо учесть влияние Суэйна на других состоятельных граждан города: старый прожженный воротила мог поддержать или утопить все планы новой администрации.

Имея на руках столько проблем, О'Доннелл решил, что проблемы патологоанатомической службы могут подождать. Тем не менее надо каким-то образом отреагировать на жалобу Билла Руфуса.

О'Доннелл оторвался от чертежей и поднял голову.

— Гарри, — сказал он администратору, — кажется, у нас будет война с Джо Пирсоном.

Глава 3

На верхних этажах клиники царили суета и жара. Здесь же, в выложенных белой плиткой коридорах подвала, было тихо и прохладно. Эту тишину не нарушала даже маленькая процессия — медсестра Пенфилд, идущая рядом с бесшумно катившейся на хорошо смазанных подшипниках каталкой, которую направлял санитар в резиновых тапочках, видневшихся из-под белых форменных брюк.

Сколько раз она совершала уже это печальное путешествие, думала сестра Пенфилд, глядя на прикрытое простыней тело на каталке. За последние одиннадцать лет раз пятьдесят. Может быть, и больше. Кто же ведет счет таким событиям — последним путешествиям из отделений в морг, из мира живых в царство мертвых?

Это была традиция. Последний поход с больным, запланированный на самое тихое время и совершавшийся по задним коридорам, а затем на грузовом лифте в подвал — так, чтобы никто из живых не расстроился и не впал в депрессию из-за близкого столкновения со смертью. Последняя процедура, которую медсестра выполняла для своего подопечного, подтверждение того, что медицина, хотя и оказалась бессильной в этом случае, все же не сбрасывает умершего со счетов сразу, забота о нем продолжается даже после смерти.

В одном месте белый коридор разветвлялся на два. Справа доносился шум машин. Там находились технические службы — отопление, система подачи горячей воды, распределительные электрические щиты, аварийные генераторы. Верный путь указывала единственная табличка со стрелкой: «Отделение патологической анатомии. Морг».

Когда Вейдман, санитар, везший каталку, вкатил ее в левый коридор, какой-то сторож — то ли у него был перерыв, то ли он просто отлынивал от работы — оторвал от губ бутылку кока-колы, посторонился, вытер губы и ткнул пальцем в сторону прикрытого трупы:

— Это не твоя работа, а?

Замечание относилось к Вейдману. Это была дружеская подначка, повторявшаяся изо дня в день игра.

Вейдман тоже не был в этой игре новичком.

— Думаю, ему просто достался несчастливый билет, Джек.

Сторож кивнул, снова прижал к губам горлышко бутылки и сделал очередной глоток.

Какой краткий срок отделяет жизнь от прозекторской, подумала сестра Пенфилд. Всего лишь какой-то час назад это тело под простыней было Джорджем Эндрю Дантоном, живым человеком пятидесяти трех лет, инженером. Она знала все эти подробности из истории болезни, которую держала сейчас под мышкой.

Семья после смерти вела себя точно так же, как и до нее — солидно, эмоционально, но без истерик, и это облегчило задачу доктора Макмагона попросить разрешение на вскрытие.

— Миссис Дантон, — негромко сказал он, — я понимаю, что в такой момент вам тяжело говорить и думать об этом, но есть кое-что, о чем я хотел бы вас попросить. Речь идет о разрешении на вскрытие тела вашего мужа.

Он продолжал говорить, употребляя невыразительные слова о том, что клиника неуклонно повышает требования к лечению во благо всех больных, что вскрытие позволяет подтвердить врачебный диагноз и извлечь уроки, а значит, улучшить качество помощи для тех, кто обратится за ней в будущем. Но все это возможно только при получении разрешения семьи.

Сын умершего остановил врача и вежливо сказал:

— Мы все понимаем. Мама подпишет бумаги.

Сестра Пенфилд подготовила нужный документ, и вот теперь труп больного Джорджа Эндрю Дантона, пятидесяти трех лет, готов к патологоанатомическому исследованию.

Двери прозекторской открылись.

Когда в помещение ввезли каталку с телом, Джордж Ринни, санитар морга, черный как смоль, поднял голову. Он в это время протирал прозекторский стол.

Вейдман приветствовал Ринни бородатой остротой:

— Принимайте больного на лечение.

Вежливо, как будто он не слышал эту остроту в сотый раз, Ринни обнажил в дежурной улыбке белоснежные зубы и указал на стол:

— Сюда.

Вейдман развернул каталку, установив ее у края стола. Ринни сдернул простыню с обнаженного тела Джорджа Эндрю Дантона и, аккуратно свернув, отдал ее Вейдману. Смерть смертью, но простыню надо вернуть в отделение. С помощью второй простыни, на которой лежало тело, мужчины перетянули его на стол.

Джордж Ринни сделал эту работу с кряхтением. Покойник был не меньше шести футов роста и к концу жизни сильно прибавил в весе.

Откатив каталку от стола, Вейдман осклабился:

— Стареешь, Джордж. Видать, скоро твоя очередь.

Ринни покачал головой:

— Ничего, я еще и тебя перегружу на стол.

Сцена разыгрывалась как по нотам. Было видно, что актеры репетировали ее сотни раз. Наверное, давным-давно эти двое начали прибегать к своим мрачным шуткам, чтобы инстинктивно отгородиться от смерти, с которой им приходилось жить и сосуществовать в близком соседстве. Но изначальная цель была уже давно и прочно забыта. Теперь это был просто ритуал, развлекающая их игра — и ничего больше. Они слишком привыкли к смерти, чтобы испытывать неловкость или страх.

В дальнем конце прозекторской стоял доктор Макнил — специализирующийся в патологической анатомии резидент. Он надевал халат, когда в прозекторскую вошла сестра Пенфилд со своим грузом. Просматривая историю болезни и сопроводительные документы, которые вручила ему медсестра, Роджер Макнил остро чувствовал ее близость и исходящее от нее тепло. Он почти физически ощущал прохладу хрустящей накрахмаленной формы, мягкость и шелковистость выбившихся из-под шапочки волос.

— Кажется, все на месте.

Приударить ему за сестрой Пенфилд или нет? Прошло уже шесть недель его вынужденного воздержания, а в двадцать семь лет это очень большой срок. Пенфилд была очень привлекательной женщиной, ей, наверное, года тридцать два. Она еще достаточно молода, но уже достаточно опытна — не будет строить из себя девичью невинность. Она интеллигентна и приветлива, и, кроме того, у нее отличная фигура. Под белой формой четко вырисовывались трусики. В такую жару на ней, наверное, больше ничего нет. Доктор Макнил задумался. Ее придется пару раз куда-нибудь пригласить, прежде чем дойдет до дела. Значит, в этом месяце ничего не получится — на это у него просто не хватит оставшихся денег. «Храни себя для меня, о Пенфилд! Больные будут умирать и приводить тебя ко мне».

— Спасибо, доктор. — Она улыбнулась и, повернувшись, направилась к выходу.

«Я ее уломаю», — подумал Макнил и крикнул вслед:

— Привозите почаще! Нам нужна практика.

Еще одна избитая шутка, защитная реакция перед лицом смерти.

Элен Пенфилд вышла из прозекторской вслед за санитаром. Традиция соблюдена, уважение покойнику оказано. Теперь скорее назад, к

страдающим живым. Медсестра улыбнулась. У нее было ощущение, что доктор Макнил хотел ей что-то предложить. Но это в следующий раз.

Пока Джордж Ринни подсовывал деревянный подголовник под шею умершего, доктор Макнил разложил на столе инструменты, которые понадобятся при вскрытии. Ножи, ножницы для ребер, щипцы, электрическая фреза для вскрытия черепа... Все это чисто вымыто — Ринни был добросовестным работником, но не безупречным, каким был инструментарий в хирургической операционной четырьмя этажами выше. Пациентам, попавшим на этот стол, не страшна никакая инфекция, в предосторожностях нуждаются только патологоанатомы.

Джордж Ринни вопросительно взглянул на Роджера Макнила, и резидент сказал:

— Позвоните в сестринский отдел, Джордж, пусть студентки спускаются в прозекторскую. И сообщите доктору Пирсону, что мы готовы.

— Хорошо, доктор. — Ринни послушно вышел. Резидент отделения патологической анатомии Макнил уже пользовался авторитетом, несмотря на то что его зарплата была немногим выше зарплаты санитаря. Но еще немного, и эта разница значительно увеличится. Прошло уже три с половиной года резидентуры. Еще полгода, и он по праву станет штатным патологоанатомом. Тогда он сможет рассчитывать на зарплату в двадцать тысяч долларов в год, так как, к счастью, спрос на патологоанатомов значительно превышает предложение. Тогда не придется думать, стоит ли ухаживать за сестрой Пенфилд или еще за кем-то.

Роджер Макнил мысленно улыбнулся, ни одним мускулом не выдав этой улыбки. Люди, имевшие с ним дело, считали его строгим и суровым и были правы, а иногда думали, что у него нет чувства юмора, но здесь они ошибались. Действительно, ему было трудно заводить друзей среди мужчин, но женщины находили его очень привлекательным. Этот факт он обнаружил очень рано и использовал к своей выгоде. Когда он был интерном, коллеги находили это необъяснимым. Мрачный, угрюмый Макнил отличался невероятной, сверхъестественной способностью укладывать в постель молоденьких медсестер, об которых обламывали зубы самые завязанные ловеласы.

Дверь прозекторской распахнулась, и в помещение влетел Майк Седдонс. Седдонс был резидентом в хирургическом отделении, временно откомандированным в отделение патологической анатомии. Он всегда летал. Рыжие вихры на его голове торчали в самых неожиданных местах — было такое впечатление, что голову Седдонса постоянно обдувал какой-то невидимый ветер, не дававший волосам спокойно лежать на месте.

Мальчишеское лицо его не покидала дружелюбная улыбка. Макнил считал Седдонса эксгибиционистом, но все же неплохо к нему относился, так как Седдонс пришел в отделение патологической анатомии с большей охотой, нежели другие резиденты-хирурги.

Седдонс окинул взглядом лежавшее на столе тело:

— Вот и работа для нас!

Макнил жестом указал на историю болезни и другие документы, и Седдонс, взяв их в руки, спросил:

— Отчего он умер? — и, раскрыв историю болезни, добавил: — От ишемической болезни сердца, да?

— Во всяком случае, там так написано, — ответил Макнил.

— Ты будешь вскрывать?

Макнил отрицательно покачал головой:

— Вскрывать будет Пирсон.

Седдонс удивленно посмотрел на коллегу:

— Сам босс? В этом случае есть что-то особенное?

— Ничего особенного. — С этими словами Макнил прикрепил четырехстраничный бланк вскрытия к картонному планшету. — Придут студентки-медсестры. Думаю, Пирсон хочет произвести на них впечатление.

— Групповое представление! — Седдонс улыбнулся: — Я хочу его посмотреть.

— В таком случае тебе тоже придется поработать. — Макнил протянул Седдонсу планшет: — Заполни часть пунктов.

— Давай. — Седдонс с готовностью взял бланк и начал заполнять пункты внешнего осмотра тела. Занося нужные сведения, он негромко говорил сам с собой. — Шрам после аппендэктомии. Небольшая родинка на левом плече. — Он отвел руку осматриваемого в сторону. — Прости, старик. — И сделал очередную запись: — Небольшое трупное окоченение. — Приподнял веки: — Зрачки круглые, диаметром ноль целых три десятых сантиметра. — С трудом раздвинул челюсти: — Посмотрим на зубы.

Из коридора послышался шум шагов. Потом дверь приоткрылась, и в щель заглянула медсестра, в которой Макнил узнал заведующую учебной частью медсестринского отделения.

— Здравствуйте, доктор Макнил, — сказала она. За ее плечом стояли студентки школы медсестер.

— Здравствуйте. — Резидент поманил их рукой: — Можете заходить. Смелее.

Студентки, одна за другой, вошли в прозекторскую. Их было шесть. Войдя, все они нервно посмотрели на лежавшее на столе тело.

Майк Седдонс улыбнулся:

— Поторопитесь, девочки. Занимайте лучшие места.

Седдонс окинул группу оценивающим взглядом. Среди девушек были две новенькие, которых он раньше не видел, из них одна — очень красивая брюнетка. Он еще раз посмотрел на нее. Даже спартанская медицинская форма не могла скрыть изумительную фигуру. Седдонс непринужденно прошелся по прозекторской и как бы невзначай встал между приглянувшейся ему девушкой и остальными студентками. Одарив ее широкой улыбкой, он тихо сказал:

— Кажется, я вас раньше не видел.

— Я здесь уже давно, столько же, сколько и другие девушки. — Она посмотрела на Седдонса с искренним любопытством и шутливо добавила: — Кроме того, мне говорили, что врачи вообще не замечают студентов первого курса.

Седдонс сделал вид, что задумался.

— Пожалуй, это действительно так, но иногда мы делаем исключение. — Глаза молодого врача заискрились честным и неподдельным восхищением. — Для выдающихся студенток. Между прочим, меня зовут Майк Седдонс.

— А меня Вивьен Лоубартон, — сказала брюнетка и рассмеялась, но, поймав укоризненный взгляд преподавательницы, сразу умолкла. Вивьен понравился этот молодой рыжий доктор, но разговоры и шутки в прозекторской показались ей неуместными. В конце концов, человек, лежавший на столе, был мертв. Наверху им сказали, что он только что умер; по этой причине студенток освободили от работы и послали смотреть вскрытие. Слово «вскрытие» вернуло Вивьен к тому, что сейчас будет здесь происходить. Интересно, как она отреагирует на это зрелище? Она и сейчас уже испытывает смятение. Она понимала: как медсестре ей придется не раз сталкиваться со смертью, но пока это было внове и предстоящее сильно ее пугало.

В коридоре раздались шаги. Седдонс коснулся руки Вивьен и прошептал:

— Мы с вами потом поговорим.

Дверь прозекторской распахнулась, и студентки почтительно расступились, давая дорогу вошедшему доктору Пирсону. Он сухо поздоровался, не ожидая ответных приветствий, подошел к своему шкафчику, снял белый халат, взял рабочий, сунул руки в рукава и сделал

знак Седдонсу. Молодой врач подошел и завязал на спине Пирсона завязки. Затем они двое, как вымуштрованные солдаты, повернулись и пошли к умывальнику. Седдонс высыпал немного моющего порошка на руки патологоанатома, а после того, как тот помылся, помог ему надеть резиновые перчатки. Все это Седдонс и Пирсон проделали в полной тишине. Потом старик сдвинул сигару в угол рта и бросил молодому коллеге:

— Спасибо.

Пирсон подошел к столу, взял у Макнила бланк протокола и принялся читать сделанные в нем записи, полностью погружившись в чтение. Пока Пирсон не обращал ни малейшего внимания на лежавшее перед ним тело умершего. Наблюдая происходящее, доктор Седдонс вдруг понял, на что похоже это действо: оно напоминало появление дирижера перед оркестром — не хватало только аплодисментов.

Перелистав историю болезни, Пирсон тоже осмотрел тело, сверяя увиденное с записями Седдонса. Положив на письменный стол протокол, он сдвинул сигару в другой угол рта и оглядел группу девушек.

— Я полагаю, что это первое в вашей жизни вскрытие.

Будущие сестры дружно закивали: «Да, сэр», «Да, доктор».

Пирсон удовлетворенно наклонил голову:

— На это я скажу, что меня зовут доктор Пирсон и я являюсь патологоанатомом этой клиники. Эти два джентльмена — доктор Макнил, резидент отделения патологической анатомии, и доктор Седдонс, резидент-хирург третьего года... — Он повернулся к Седдонсу: — Я прав?

Седдонс широко улыбнулся:

— Вы совершенно правы, доктор Пирсон.

Пирсон продолжил:

— Резидент третьего года, который оказал нам любезность и пришел поработать в патологическую анатомию. — Он посмотрел на Седдонса: — Скоро доктор Седдонс станет полноправным хирургом, выпущенным на ничего не подозревающую публику.

Две девушки хихикнули, другие улыбнулись. Доктор Седдонс тоже улыбался, ему нравилась такая манера общения. Пирсон никогда не упускал возможности подковырнуть хирургов и хирургию, и не без оснований. За сорок лет работы в патологической анатомии он насмотрелся на ляпсусы хирургов. Седдонс покосился на Макнила. Резидент-патологоанатом мрачно нахмурился. Он такого не одобряет, подумалось Седдонсу. Роджер любит патологическую анатомию прямо, искренне и без обиняков. Но Пирсон еще не закончил свою речь.

— О патологоанатомах часто говорят, что это врачи, которых пациенты видят чрезвычайно редко. Но очень немногие отделения клиники могут похвастать, что они приносят больным такую же пользу, как наше отделение.

Сейчас будет апофеоз, подумал Седдонс и оказался прав.

— Именно патологоанатомы исследуют кровь пациента, его экскременты, прослеживают течение его болезни, определяют, доброкачественная или злокачественная у него опухоль. Патологоанатом дает врачам необходимые советы, а иногда, когда пасует врачебное искусство, — Пирсон сделал паузу и выразительно посмотрел на тело Джорджа Эндрю Дантона, — именно патологоанатом ставит окончательный диагноз.

Пирсон снова выдержал паузу. Старик — выдающийся актер, подумал Седдонс. Как он умеет производить нужный эффект!

Пирсон, как указкой, взмахнул своей сигарой.

— Хочу обратить ваше внимание, — обратился он к студенткам, — на слова, которые вы увидите на стенах многих прозекторских.

Девушки посмотрели в указанном им направлении и увидели табличку с заключенными в золоченую рамку словами «Mortui vivos docent».

Пирсон прочел изречение по-латыни, а затем перевел:

— Мертвые учат живых. — Он снова взглянул на труп: — Именно это сейчас и произойдет. Этот человек, вероятно, — он подчеркнул слово «вероятно», — умер от коронарного тромбоза. Вскрытие покажет, так ли это.

После этого Пирсон глубоко затянулся, и Седдонс, зная, что произойдет дальше, подошел к Пирсону. Он понимал, что в этом театре он всего лишь статист, но ни в коем случае не желал пропустить свой выход. Выпустив изо рта клуб синеватого дыма, Пирсон отдал сигару Седдонсу, а он положил ее в пепельницу на письменном столе.

Пирсон осмотрел разложенные перед ним инструменты и выбрал нож. Примерившись, он сделал быстрый, чистый и глубокий разрез острым как бритва лезвием.

Макнил исподволь наблюдал, как отреагируют на это действие студентки. Он считал, что на вскрытие нельзя пускать слабонервных, ведь даже искушенным людям зачастую неприятно видеть первый разрез. До этого момента лежащее на столе тело сохраняет хотя бы видимое сходство с живым человеком. Но после разреза эта иллюзия становится решительно невозможной. Мужчина, женщина, ребенок исчезают, остаются лишь плоть и кости, напоминающие о жизни, но не живые. Это последняя истина,

конец, ожидающий всех и каждого. Так исполняются слова Ветхого Завета: «Прах еси и возвратишься в прах».

Пирсон с демонстрирующей многолетний опыт сноровкой сделал глубокий Y-образный разрез. Тремя движениями ножа он рассек кожу сначала от каждого плеча до середины основания груди, а затем добавил срединный разрез, рассекавший живот от груди до гениталий. Нож двигался, со свистом и шорохом обнажая желтый подкожный жир.

Взглянув на студенток, Макнил заметил, что две из них смертельно побледнели, третья, тяжело дыша, отвернулась, а остальные продолжали стоически смотреть. Резидент внимательно посмотрел на побледневших девушек. Нередко бывало, что практикантки падали в обморок чуть ли не в начале первого для них вскрытия. Но кажется, с этими шестью девушками все будет в порядке. У тех двоих цвет лица стал нормальным, а третья девушка снова повернулась к столу, хотя и прижимая ко рту носовой платок.

— Если кому-нибудь надо выйти на несколько минут, не стесняйтесь. Первое вскрытие — это всегда тяжело, — сказал Макнил.

Девушки благодарно посмотрели на него, но ни одна не сдвинулась с места. Макнил знал, что некоторые патологоанатомы не пускают будущих сестер на вскрытие до тех пор, пока не сделают разрез кожи. Но Пирсон считал, что будущих медиков не следует щадить, они должны видеть все с самого начала и до конца, и в этом Макнил был согласен со стариком. Сестрам приходится видеть много страшных вещей — язвы, раздавленные конечности, нагноения, хирургические манипуляции, — и чем скорее они привыкнут к виду и запаху медицины, тем лучше для всех и прежде всего для них самих.

Макнил надел резиновые перчатки и присоединился к Пирсону. К этому моменту старый патологоанатом быстрыми движениями отделил грудной лоскут и, действуя большим ножом, обнажил ребра. Затем рассек ребра рычажным резакром и, удалив грудину, открыл перикард и легкие. Перчатки, инструменты и стол окрасились кровью.

Седдонс, надев перчатки, откинул вниз нижние лоскуты кожи и вскрыл живот. Он удалил из живота желудок и кишечник и после беглого осмотра положил их в ведро. По прозекторской начал распространяться неприятный запах. Теперь Пирсон и Седдонс принялись перевязывать и отсекал крупные артерии, чтобы у сотрудников похоронного бюро не возникло проблем с бальзамированием. Сняв с крючка тонкий шланг с душем, Седдонс вымыл кровь, скопившуюся в животе, а потом, по кивку Пирсона, сделал то же самое с грудной полостью.

Тем временем Макнил занялся головой. Для начала он сделал глубокий поперечный разрез через макушку до обеих ушей, не выходя за границы волосистой части, — чтобы разрез не был виден во время похорон, а потом пальцами отслоил кожный лоскут от поверхности черепа и фартуком положил его на лицо, прикрыв глаза. Теперь, когда костный череп был открыт, Макнил взял портативную фрезу, уже включенную в сеть, и, прежде чем нажать кнопку, опять взглянул на студенток. Они следили за его действиями со смешанным чувством недоверия и страха. Спокойно, девочки, подумал Макнил, через пару минут вы все увидите.

Пирсон извлекал из грудной полости сердце и легкие, когда Макнил включил фрезу и приложил ее к своду черепа. По прозекторской разнесся жуткий вибрирующий и звенящий звук металлических зубьев, вгрызающихся в костную ткань. Макнил поднял голову и увидел, что студентка с платком вздрогнула. Нехорошо, если сейчас ее начнет рвать, подумал он. Лучше, если успеет выйти. Он продолжал пилить кость до полного отделения свода, а потом отложил фрезу в сторону. Джордж Ринни отмоее ее от крови и осколков, когда будет мыть все инструменты. Макнил аккуратно снял крышку черепа, обнажив покрывающую мозг мягкую оболочку, и снова посмотрел на будущих сестер. Держались они хорошо. Если вынесут это зрелище, то вынесут все.

Удалив свод черепа, Макнил ножницами вскрыл крупную вену — верхний сагиттальный синус. По ножницам и пальцам потекла темная кровь. Кровь жидкая, отметил про себя Макнил, нет никаких признаков венозного тромбоза. Осмотрев мозговую оболочку, он отделил ее от подлежащих тканей и открыл собственно головной мозг. Ножом Макнил отделил головной мозг от спинного, извлек его из полости черепа и осторожно уложил в большую стеклянную емкость с формалином, которую поднес ему Седдонс.

Наблюдая за Макнилом, следя за его руками, Седдонс старался понять, что сейчас происходит в голове резидента-патологоанатома. Они были знакомы с Макнилом два года. Сначала Седдонс знал его просто как старшего товарища по резидентуре, а потом, когда его на несколько месяцев направили в отделение патологической анатомии, познакомился с ним ближе. Патологическая анатомия интересовала Седдонса, но все же он был рад, что она не является его основной специальностью. Он никогда не жалел о том, что выбрал для себя хирургию, и с нетерпением ждал, когда пройдет еще пара недель и он сможет вернуться в свое отделение. В противоположность царившему в прозекторской морга клиники духу смерти в операционной была территория жизни. После операции он

испытывал чувство свершения, чего в этом месте не было. Каждому свое, подумал он, патологическая анатомия — для патологоанатомов.

У патологической анатомии была еще одна особенность. Здесь можно потерять чувство реальности, забыть о том, что медицина создана людьми ради людей. Вот, например, этот мозг... Седдонс внезапно и с необычайной остротой осознал, что всего несколько часов назад это был мыслительный центр определенного человека, координатор его чувств — тактильных, обонятельных, зрительных, вкусовых. В нем рождались мысли, он знал любовь, страх, торжество. Вчера, а возможно, даже сегодня он приказывал глазам плакать, а рту пускать слюну. Умерший был инженером. Значит, его мозг знал математику, сопромат, разрабатывал конструкции, может быть, строил дома, дороги, церкви. Наследием этого мозга продолжают пользоваться живые люди. Но что он теперь? Масса ткани, лежащая в формалине, которую сначала рассекут на срезы, исследуют под микроскопом, а потом сожгут в печке.

Седдонс не верил в Бога и не мог понять, как могут верить в него образованные люди. Чем более развитыми становились знание, наука, мышление, тем неуместнее казалась религия. Но Седдонс верил в то, что за неимением лучшего можно было назвать искрой человечности, кредом индивидуума. Как хирург он, конечно, не всегда будет иметь дело с индивидуальностями, не всегда будет знать своих больных, а даже если и будет, то перестанет воспринимать их индивидуальности, сосредоточившись на хирургической технике во время операции. Но Седдонс уже давно дал себе клятву — никогда не забывать о том, что за всякой техникой стоит больной, то есть человеческая индивидуальность, неповторимая личность. Учась на медицинском факультете, Седдонс видел, как другие студенты постепенно заворачиваются в кокон самоизоляции, отчуждения от больных. Иногда это была защитная мера, целенаправленный отказ от личностных эмоций и чувства вовлеченности. Седдонс же ощущал в себе достаточно сил для того, чтобы избежать такой отчужденности, но на всякий случай заставлял себя думать об этом и разговаривать с собой, что удивило бы многих его друзей, считавших его поверхностным экстравертом. Хотя, кто знает, может быть, они не удивились бы; разум, мозг, как бы его ни называли, — такая непредсказуемая машина.

А вот что можно сказать о Макниле? Чувствует ли он что-нибудь? Седдонс не знал этого, но подозревал, что его душа тоже окружена непробиваемой броней. А Пирсон? С ним сомнений не было. Джо Пирсон все время оставался холодным клиницистом. Несмотря на все его

актерство, годы работы сделали его черствым циником. Седдонс посмотрел на старика, который выделил сердце и внимательно его рассматривал.

В это время Пирсон поднял голову и посмотрел на студенток:

— Из истории болезни этого человека нам известно, что три года назад он перенес инфаркт миокарда. Вторым инфаркт он перенес в начале этой недели. Итак, сначала мы исследуем коронарные артерии. — Под внимательными взглядами будущих сестер Пирсон принялся осторожно вскрывать артерии сердечной мышцы. — Где-то здесь мы обнаружим область тромбоза... Да, вот она. — Он ткнул металлический зонд в нужное место. Обнаружив в главной ветви левой коронарной артерии, в дюйме от места ее отхождения, бледный тромб длиной около половины дюйма, он извлек его и поднял, чтобы девушки могли его увидеть. — Теперь мы исследуем само сердце, — сказал Пирсон, положил сердце на стол и рассек его центральным продольным разрезом.

Положив рядом обе половины, старый патологоанатом внимательно их рассмотрел, а потом поманил к себе студенток. Те нерешительно подошли.

— Вы видите область рубцевания сердечной мышцы? — Пирсон показал девушкам, склонившимся над разверстым сердцем, беловатые фиброзные полосы в толще миокарда. — Это признак перенесенного три года назад инфаркта — старого и зажившего.

Пирсон сделал паузу, затем продолжил:

— Здесь, в левом желудочке, мы видим также признаки свежего инфаркта. Обратите внимание на бледную зону в центре очага кровоизлияния. — Он указал на темно-красное пятно с беловатым центром, контрастно выделявшееся на фоне ярко-красной ткани остального миокарда, а затем обернулся к резиденту-хирургу: — Вы согласны, доктор Седдонс, что диагноз коронарного тромбоза, ставшего причиной смерти, установлен верно?

— Да, согласен, — вежливо ответил Седдонс. В этом просто нет никаких сомнений, подумал он. Какой маленький сгусток, словно кусочек спагетти! И такого пустяка хватило на то, чтобы лишить человека жизни! Он посмотрел на пожилого патологоанатома, который отложил сердце в сторону.

Вивьен тем временем окончательно взяла себя в руки. Во всяком случае, так ей казалось. В самом начале, особенно когда зубья фрезы вгрызлись в череп, кровь отхлынула от ее головы. Она была тогда близка к обмороку, но невероятным усилием воли сумела его избежать. По непонятной причине она вдруг вспомнила эпизод из своего раннего детства. Дело было в выходной день в орегонском лесу. Отец тогда упал на

раскрытый нож и сильно поранил ногу. Удивительно, но этот сильный мужчина вдруг обмяк и едва не заплакал при виде собственной крови. Зато мама, которая больше привыкла к кухне, чем к лесу, внезапно проявила свою выдержку. Она сделала из платка жгут, перетянула им ногу и послала Вивьен за помощью. А когда отца несли по лесу на самодельных носилках, она шла рядом и каждые полчаса ослабляла жгут, чтобы на некоторое время восстановить кровообращение, а затем снова затягивала, чтобы остановить продолжавшееся кровотечение. Врач потом сказал, что она спасла ногу от ампутации. Вивьен вспомнила этот случай, и это вернуло ей силы. Теперь она знала, что никаких проблем со вскрытием у нее больше не будет.

— Есть вопросы? — спросил доктор Пирсон.

Вопрос был у Вивьен.

— Скажите, пожалуйста, что будет с органами, которые извлекли из тела?

— Мы будем хранить около недели сердце, легкие, желудок, почки, печень, поджелудочную железу, селезенку и головной мозг. Будет проведено их детальное, подробное исследование. У нас на исследовании одновременно находятся органы нескольких умерших — от шести до двенадцати.

Как холодно и безлично все это звучит, подумала Вивьен. Но наверное, так и надо себя вести, если приходится заниматься этим всю жизнь, изо дня в день. Она непроизвольно вздрогнула. Майк Седдонс перехватил ее взгляд и едва заметно улыбнулся. Интересно, задала она себе вопрос, он просто удивился или решил меня подбодрить? Она не поняла, почему он улыбнулся.

Другая девушка тоже решила задать вопрос. Произнесла она его тихо и нерешительно, словно боясь спрашивать:

— Это тело... будет похоронено... вот в таком виде?

Привычный вопрос, и Пирсон ответил на него сразу:

— Бывает по-разному. В таких клиниках, как наша, где есть образовательные центры и кафедры, органы изучают после вскрытия в отличие от больниц, где не преподают. Наша практика: мы передаем тело в похоронные бюро без органов. — Подумав, он добавил: — Они не скажут нам спасибо, если мы положим органы обратно. Это затрудняет бальзамирование.

Верно, подумал Макнил. Может, не следовало говорить об этом так откровенно и цинично, но все верно. Иногда он задумывался над тем, что стало бы с людьми, оплакивающими своих близких, если бы они знали, как

мало осталось внутри у дорогих им покойников. После сегодняшнего вскрытия пройдет еще несколько недель до того, как будут исследованы и утилизированы внутренние органы, а гистологические срезы тканей для микроскопического исследования будут храниться вечно.

— Бывают ли исключения? — Студентка решила окончательно что-то для себя прояснить и не отставала от Пирсона. Он, правда, не возражал. Сегодня у старика благодушное настроение, подумал Макнил. Иногда с ним такое случается.

— Да, бывают, — говорил в это время Пирсон. — Прежде чем приступить к вскрытию, мы должны получить на него разрешение от родственников умершего. Иногда такое разрешение бывает безусловным, как в данном случае, и тогда мы получаем право исследовать голову и все тело. Но иногда мы получаем лишь ограниченное разрешение. Например, родственники могут попросить не вскрывать череп. В нашей клинике мы обычно выполняем такие просьбы.

— Спасибо, доктор, — поблагодарила студентка. Видимо, ее удовлетворил данный Пирсоном ответ.

Но старый патологоанатом продолжал:

— Иногда мы сталкиваемся с тем, что родственники, по религиозным соображениям, требуют, чтобы были погребены все внутренние органы. Мы подчиняемся этим требованиям.

— Католики выдвигают такое требование? — поинтересовалась одна из девушек.

— В большинстве случаев нет, но есть католические больницы, которые следуют именно такой практике. Это затрудняет работу патологоанатомов. Обычно.

Произнеся последнее слово, Пирсон иронично улыбнулся Макнилу. Оба прекрасно понимали, что имеется в виду. В одной крупной католической больнице, расположенной на другом конце Берлингтона, существовал неукоснительный порядок: перед похоронами все органы укладывали в тело вскрытого покойника. Но иногда приходилось прибегать к небольшим военным хитростям. У патологоанатомов больницы всегда был под рукой запас внутренних органов. Поэтому после вскрытия в тело укладывали органы, хранившиеся в холодильнике, труп отдавали родственникам для погребения и затем заполняли ими полости следующего покойника.

Макнил знал, что Пирсон, хотя и не был католиком, не одобрял этого. Что бы ни говорили о старике, он всегда следовал духу и букве разрешения на вскрытие. В официальном разрешении на вскрытие иногда встречалась

такая фраза: «Вскрытие должно быть ограничено разрезом живота». Но некоторые патологоанатомы делали полное вскрытие из одного разреза. Один патологоанатом как-то сказал: «Из разреза живота при желании можно добраться до любого органа — даже до языка». К чести Пирсона, подумал Макнил, старик никогда бы себе этого не позволил — в клинике Трех Графств фраза «ограничить разрезом живота» означала, что исследованию подлежит только полость живота.

Пирсон снова обратил внимание на труп:

— Продолжим наше исследование... — Он замер и внимательно посмотрел на умершего. Потом взял нож, осторожно коснулся легкого и заинтересованно хмыкнул: — Макнил, Седдонс, взгляните-ка сюда.

Пирсон отошел в сторону, и Макнил склонился над заинтересовавшей старого патологоанатома областью. Присмотревшись, резидент согласно кивнул. Плевра, обычно прозрачная и блестящая оболочка, покрывающая легкие, была покрыта рубцами — плотной белой рубцовой тканью. Это был признак туберкулеза. Давний это процесс или свежий, они сейчас выяснят. Макнил посторонился и уступил место Седдонсу.

— Пропальпируйте легкие, Седдонс, — произнес Пирсон. — Думаю, что вы обнаружите там нечто интересное.

Резидент-хирург сжал легкие руками, ощупал их пальцами. Он сразу обнаружил в глубине множественные полости. Подняв глаза, он посмотрел на Пирсона и тоже кивнул. Макнил принялся листать историю болезни. Чтобы не запачкать страницы, он воспользовался чистым ножом.

— Делали ли больному рентген грудной клетки при поступлении? — поинтересовался Пирсон.

Резидент отрицательно покачал головой:

— Больной был в состоянии шока. В истории написано, что по этой причине от рентгенографии грудной клетки было решено воздержаться.

— Мы сделаем вертикальный разрез и посмотрим, — вновь обратившись к студенткам, сказал Пирсон.

Он подошел к столу, положил на него легкие и вертикальным срединным разрезом вскрыл одно из них. Ошибки быть не могло — это был запущенный, далеко зашедший фиброзно-казеозный распад. Было такое впечатление, что легкое состоит из плотно спрессованных шариков для настольного тенниса. В центре было видно гнойное образование, рост которого остановила только смерть.

— Вы видите?

Седдонс без промедления ответил на вопрос Пирсона:

— Похоже, его мог добить первым и туберкулез.

— В причинах смерти всегда присутствует неопределенность. — Пирсон посмотрел в сторону будущих медсестер: — У этого человека был запущенный, далеко зашедший туберкулезный процесс. Как справедливо отметил доктор Седдонс, этот туберкулез мог очень скоро убить больного. Вероятно, ни сам мистер Дантон, ни его лечащий врач не подозревали об этой болезни.

Пирсон стянул с рук перчатки и сбросил рабочий халат.

Представление окончено, подумал Седдонс. Массовка и рабочие сцены наведут порядок. Макнил и он уложат нужные органы в соответствующие емкости и наклеят на них ярлыки с номером истории болезни. Потом они грубым матрасным швом зашьют разрезы и отправят тело в холодильник, где оно будет находиться до прибытия представителей похоронной конторы.

Пирсон надел белый халат, в котором он явился в прозекторскую, и закурил новую сигару. У старика был обычай оставлять на пути следования по клинике окурки сигар в самых неожиданных местах. Патологоанатом предоставлял другим право положить их в пепельницы. Выпустив клуб дыма, Пирсон обратился к будущим сестрам:

— В вашей профессиональной жизни непременно наступит такой момент, когда какой-то из ваших больных умрет и вам надо будет получить разрешение на его вскрытие от ближайших родственников. Как правило, это делают врачи, но иногда эта обязанность достается и сестрам. Возможно, вам придется столкнуться с сопротивлением. Любому человеку трудно решиться дать согласие на право изуродовать тело человека, которого он любил. Это вполне понятное чувство.

Пирсон сделал паузу. Седдонс вдруг поймал себя на мысли о том, что он, возможно, несправедлив к старику. Кажется, он не лишен ни теплоты, ни человечности.

— Подыскивая аргументы, — продолжал Пирсон, — чтобы убедить родственников в необходимости вскрытия, вспомните сегодняшний случай и воспользуйтесь им как примером. — Он вынул изо рта сигару и махнул ею в сторону умершего: — Этот человек в течение многих месяцев страдал туберкулезом и мог заразить окружающих — членов своей семьи, коллег на работе, персонал клиники. Если бы не вскрытие, то многие могли бы заболеть туберкулезом, не догадываясь об этом, и болезнь развивалась бы до тех пор, пока не стало бы слишком поздно ее лечить.

Две практикантки инстинктивно отпрянули от стола.

Пирсон покачал головой:

— Сейчас опасности заражения уже нет. Туберкулез — респираторная

инфекция. Но благодаря сегодняшнему вскрытию мы сможем направить людей, контактировавших с больным, к фтизиатру для наблюдения. Он будет периодически обследовать их в течение нескольких лет.

Седдонс, к своему немалому удивлению, был тронут словами Пирсона. Патологоанатом хорошо говорил и, главное, верил в то, что говорил. Сейчас старик очень нравился Седдонсу.

Словно прочитав мысли резидента, Пирсон посмотрел в его сторону и насмешливо улыбнулся:

— В патологической анатомии тоже бывают свои победы, доктор Седдонс. — Он кивнул сестрам и вышел, оставив в прозекторской облако сигарного дыма.

Глава 4

Ежемесячная хирургическая клинико-анатомическая конференция была запланирована на четырнадцать тридцать. В четырнадцать двадцать семь доктор Люси Грейнджер, встревоженная, как опаздывающая на урок школьница, торопливо подошла к столу секретаря перед входом в администрацию и спросила:

— Я не опоздала?

— Не думаю, — ответила девушка. — По-моему, еще не начали.

Приблизившись к двустворчатой двери, Люси слышала гул голосов, а войдя в конференц-зал, устланный толстым ворсистым ковром, с длинным ореховым столом и резными стульями, сразу же увидела Кента О’Доннелла и какого-то незнакомого молодого человека. Вокруг стоял гул голосов, в воздухе плавали облака табачного дыма. Ежемесячные клинико-анатомические конференции считались коллективными мероприятиями, и на них должны были являться не только штатные хирурги, а их было сорок с лишним человек, но и интерны и резиденты.

— Люси! — окликнул ее О’Доннелл.

Услышав ее имя, два знакомых хирурга оглянулись, и она приветливо помахала им рукой.

О’Доннелл направился к ней, ведя за собой молодого человека.

— Люси, я хочу познакомить тебя с доктором Роджером Хилтоном. Он только что зачислен в штат. Помнишь, я недавно говорил тебе о нем?

— Да, помню. — Она лучисто улыбнулась Хилтону.

— Это доктор Грейнджер. — О’Доннелл всегда старался помочь новым врачам влиться в коллектив. — Один из наших хирургов-ортопедов, — добавил он.

Люси протянула Хилтону руку, и он ответил рукопожатием. У молодого хирурга была сильная твердая ладонь и мальчишеская улыбка. Ему скорее всего не больше двадцати семи, решила Люси.

— Добро пожаловать, — сказала она, — если вы еще не устали выслушивать эти слова.

— Если честно, то мне очень приятно их слышать. — Молодой человек говорил искренне.

— Это ваше первое место работы в клинике?

Хилтон кивнул:

— Да, прежде я был резидентом-хирургом в клинике Майкла Риза, в

Чикаго.

Теперь Люси вспомнила. Кент О'Доннелл очень хотел заполучить этого человека в Берлингтон. Это означало, что Хилтон — квалифицированный хирург.

— Люси, можно тебя на минутку? — спросил О'Доннелл и показал на окно, около которого было не так много людей.

Извинившись перед молодым хирургом, они отошли.

— Вот так лучше. Здесь мы по крайней мере можем слышать друг друга, — с улыбкой произнес О'Доннелл. — Как у тебя дела, Люси? Я давно тебя не видел, если не считать работы.

Люси задумалась и шутливо ответила:

— Ну, пульс у меня нормальный, температура тридцать шесть и шесть. Давление я давно не измеряла.

— Почему бы мне этого не сделать? — спросил О'Доннелл. — Например, за ужином?

— Думаешь, это будет умно? Вдруг ты уронишь тонометр в суп?

— Ну, так давай поужинаем без тонометра.

— С удовольствием, Кент, — ответила Люси. — Но мне надо сначала дочитать одну книгу.

— Читай, а потом я тебе позвоню. Давай попытаемся поужинать на следующей неделе. — Он коснулся плеча Люси: — Пойду открывать представление.

Глядя, как он прокладывает себе дорогу в людской толчее, Люси в который уже раз поймала себя на мысли о том, как она восхищается О'Доннеллом — как коллегой и как мужчиной. Приглашение на ужин не было для нее новостью. Они и раньше встречались по вечерам, и Люси даже казалось, что между ними установились какие-то негласные отношения. Они оба не состояли в браке, Люси, в свои тридцать пять, была на семь лет моложе главного хирурга. Но О'Доннелл ни разу не дал ей понять, что видит в ней нечто большее, чем приятного собеседника.

Сама Люси чувствовала: если даст себе волю, то ее восхищение Кентом перерастет во что-то более глубокое и личное. И она предпочитала не форсировать события; пусть все идет как идет, а если ничего не выйдет, то она ничего не потеряет. В этом состоит по крайней мере одно из преимуществ зрелости перед юностью. Зрелый человек не спешит, понимая, что противоположный конец радуги находится не в соседнем квартале.

— Начнем, джентльмены? — О'Доннелл занял место во главе стола и, повысив голос, обратился к присутствующим. Он тоже был рад

мимолетной встрече с Люси; его приятно грела мысль о том, что скоро он с ней увидится. Вообще-то ему следовало бы позвонить ей раньше, но были веские причины, удерживавшие О’Доннелла от звонка. Хотя Кент чувствовал, что его все сильнее и сильнее тянет к Люси Грейнджер, он не был уверен, что это хорошо для них обоих.

Он давно привык к своему образу жизни. Одиночество и независимость становятся необходимыми со временем, и О’Доннелл сомневался, что сможет привыкнуть к иной жизни. Он подозревал, что нечто похожее чувствует и Люси и могут возникнуть проблемы в их профессиональной карьере. Но, как бы то ни было, ему было очень комфортно в ее обществе, лучше, чем с любой из женщин, каких он знал раньше. От Люси исходило душевное тепло — когда-то он обозначил это свойство как строгую доброту, — оно успокаивало и вселяло силу.

Он понимал, что есть и другие люди — прежде всего пациенты Люси, — на которых она производит такое же впечатление.

Ведь Люси обладала вполне реальной зрелой женской красотой. К тому же сегодня, глядя на ее волосы, которые мягкими золотистыми волнами обрамляли лицо Люси, он заметил в них седину. Медицина беспощадна, рано седеют все, кто ей служит. Но седина Люси напомнила ему, что их время неумолимо уходит. Может быть, он не прав, что так медлит? Чего он ждет? «Ладно, — решил он, — посмотрим, как пройдет предстоящий ужин».

Гомон не утихал, и О’Доннелл еще раз, громче, чем в первый раз, призвал коллег к тишине.

Отозвался Билл Руфус:

— Кажется, до сих пор нет Джо Пирсона.

О’Доннелл мгновенно нашел Руфуса, который резко выделялся среди коллег своим кричащим галстуком.

— Разве Джо нет? — О’Доннелл окинул помещение удивленным взглядом. — Никто не видел Джо Пирсона? — спросил он.

Несколько человек отрицательно покачали головами.

На лице О’Доннелла промелькнуло раздражение, но в следующую секунду он взял себя в руки, встал и направился к двери.

— Мы не можем проводить клинико-анатомическую конференцию без патологоанатома. Пойду выясню, почему он задерживается. — Но не успел О’Доннелл дойти до двери, как в кабинет вошел Джо Пирсон. — Мы уже хотели искать вас, Джо, — дружелюбно произнес О’Доннелл, и Люси показалось, что она ошиблась, заметив мимолетное недовольство на лице главного хирурга.

— У меня было вскрытие. Оно продлилось дольше, чем я рассчитывал, а потом я перекусил на скорую руку. — Пирсон говорил невнятно.

Вероятно, он доедает бутерброд, подумала Люси. Потом она заметила, что остатки его, завернутые в салфетку, спрятаны между папок, которые Джо держал под мышкой. Люси улыбнулась. Только Джо Пирсон мог прийти на конференцию с бутербродом.

О’Доннелл представил Пирсона и Роджера Хилтона друг другу. Когда они обменивались рукопожатиями, одна из папок патологоанатома выскользнула из-под руки и листы бумаги веером рассыпались по полу. Улыбнувшись, Билл Руфус собрал их, положил в папку и сунул под мышку Пирсону. Тот кивком поблагодарил за помощь и коротко спросил Хилтона:

— Хирург?

— Именно так, сэр, — весело ответил Хилтон.

Молодой человек хорошо воспитан, подумала Люси, уважительно относится к старшим.

— Еще один работник в нашей механической мастерской, — сухо и резко произнес Пирсон. В наступившей вдруг тишине его слова прозвучали очень громко. Такую реплику можно было бы считать добродушным подшучиванием, если бы не прозвучавшие в тоне Пирсона горечь и вызов.

Хилтон рассмеялся:

— Думаю, что это можно назвать и так.

Но Люси почувствовала, что молодой коллега удивлен тоном патологоанатома.

— Не обижайтесь на Джо, — добродушно сказал О’Доннелл, — у него пунктик в отношении хирургов. Ну что ж, начнем?

Все двинулись к столу. Заведующие заняли места в переднем ряду стоявших вокруг стола стульев, остальные — в задних рядах. О’Доннелл сел во главе стола. Пирсон сел по левую руку от главного хирурга и положил на стол свои папки. Потом он развернул бутерброд и откусил от него, не делая попытки это скрыть.

В начале стола Люси увидела Чарли Дорнбергера, одного из трех акушеров-гинекологов клиники. Дорнбергер сосредоточенно набивал трубку. Всякий раз, когда Люси видела доктора Дорнбергера, он либо набивал, либо чистил, либо раскуривал трубку. Но она ни разу не видела, чтобы он ее курил. Рядом с Дорнбергером сидел Гил Бартлет, а напротив — Динь-Дон из рентгеновского отделения и Джон Макьюэн. Отоларинголог, должно быть, испытывал какой-то особый интерес к сегодняшней конференции, потому что обычно их не посещал.

— Добрый день, джентльмены. — О’Доннелл посмотрел на

присутствующих, и все разговоры стихли. Главный хирург опустил взгляд на свои записи: — Первый случай. Сэмюэль Лобиц, белый мужчина пятидесяти трех лет. Прошу вас, доктор Бартлет.

Гил Бартлет, как всегда безупречно одетый, раскрыл блокнот. Инстинктивно Люси посмотрела на аккуратно подстриженную бороду, ожидая, когда она начнет шевелиться. Борода действительно запрыгала вверх и вниз, когда Бартлет негромко заговорил:

— Пациент поступил ко мне двенадцатого мая.

— Немного громче, Гил, — прозвучало с дальнего конца стола.

Бартлет повысил голос.

— Я постараюсь. Но может быть, вам после конференции следует обратиться к доктору Макьюэну?

Соседи отоларинголога коротко рассмеялись.

Люси всегда завидовала тем, кто свободно себя чувствовал на клиничко-анатомических конференциях. Сама она была на это не способна, особенно когда обсуждались ее случаи. Это было настоящее испытание: описывать постановку диагноза и лечение умершего больного, выслушивать мнения коллег по этому поводу, а потом заключение патологоанатома. Джо Пирсон в таких случаях не щадил никого.

Бывали добросовестные ошибки, без которых никогда не обходится в медицине, пусть даже эти ошибки стоили пациенту жизни. Ни один врач не может избежать таких ошибок в своей врачебной практике. Очень важно было учиться на этих ошибках, чтобы не повторять их впредь. Именно для этого проводились клиничко-анатомические конференции. Каждый, кто на них присутствовал, мог извлечь уроки из своих и чужих ошибок.

Иногда ошибки бывали непростительными, и это чувствовалось по возникавшей на конференции обстановке. Тогда воцарялось неловкое молчание. Коллеги отводили взгляды, отворачивались. Редко кто выступал в таких случаях с открытой критикой. Во-первых, в этом не было необходимости, а во-вторых, все понимали, что никто не застрахован от таких неприятностей.

Люси вспомнила случай, происшедший с одним хорошим хирургом в другой клинике, где она раньше работала. Во время операции этот хирург заподозрил рак кишечника. Произведя ревизию пораженного отдела, он пришел к выводу, что опухоль неоперабельная, и, вместо того чтобы ее удалить, сделал обходной анастомоз. Три дня спустя больной умер, и его труп был направлен на вскрытие. Оно показало, что у больного не было рака, а имелось нагноение на месте аппендикса. Хирург не распознал истинного заболевания и тем самым обрек человека на смерть. Люси

вспомнила ужас, который охватил присутствующих, когда они выслушали заключение патологоанатома.

Естественно, подобные случаи никогда не предавались огласке. В такие моменты медицина смыкает ряды. Но в хороших лечебных учреждениях дело на этом не заканчивается. В клинике Трех Графств О'Доннелл лично беседовал с виновником, и если ошибка была неоправданной, то за ним некоторое время пристально следили, тщательно проверяя правильность диагностики и назначаемого лечения. Сама Люси с этим еще ни разу не сталкивалась, но от других слышала, что главный хирург был очень жесток во время таких бесед за закрытыми дверями.

Между тем Гил Бартлет продолжал:

— Об этом случае мне сообщил доктор Цимбалист.

Люси знала этого врача общей практики, который, правда, не состоял в штате клиники. Некоторых больных Цимбалист направлял и ей.

— Мне позвонили домой, — сказал Бартлет, — и доктор Цимбалист сообщил, что подозревает у своего больного прободную язву. Симптомы, которые он перечислил, подтверждали диагноз. Пациент в это время уже находился в машине «скорой помощи», которая везла его в клинику. Я немедленно сообщил об этом по телефону дежурному хирургу-резиденту. — Бартлет заглянул в свои записи. — Я осмотрел больного приблизительно через полчаса. Больной был в шоке, жаловался на сильные боли в верхней половине живота. Артериальное давление было семьдесят на сорок миллиметров ртутного столба. Кожные покровы были пепельно-серые и покрыты холодным потом. Для борьбы с шоком я назначил внутривенное введение жидкости, а для обезболивания — морфин. При пальпации живота была выявлена ригидность передней брюшной стенки и положительный симптом Блюмберга.

— Вы сделали больному рентген грудной клетки? — спросил доктор Руфус.

— Нет, состояние больного было настолько тяжелое, что я не стал назначать рентгенографию грудной клетки. Я был согласен с предварительным диагнозом и принял решение немедленно оперировать больного.

— И у вас не было никаких сомнений, доктор? — На этот раз вопрос задал Пирсон. Перед тем как его задать, патологоанатом заглянул в свои записи. Теперь он смотрел в глаза доктору Бартлету.

На мгновение Бартлет заколебался, и Люси подумала: здесь что-то не так. Скорее всего диагноз был неверным и Джо Пирсон ждет момента, когда сможет захлопнуть капкан. Потом она вспомнила, что Бартлет

прекрасно знает результаты вскрытия, так как, вероятно, на нем присутствовал. Так делают многие хирурги, когда умирают их больные. Бартлет вежливо ответил Пирсону:

— В таких критических случаях всегда есть сомнения, доктор Пирсон. Но я решил, что все симптомы подтверждают прободную язву, и предпринял эксплоративную лапаротомию^[1]. — Бартлет сделал паузу. — На операции выяснилось, что у больного нет прободной язвы. Рана была ушита, и больной переведен в отделение. Я вызвал на консультацию доктора Тойнби, но больной скончался до его прихода.

Бартлет закрыл блокнот и обвел взглядом присутствующих. Итак, диагноз действительно был неверным, и, несмотря на то что Бартлет сохранял внешнее спокойствие, Люси понимала, что сейчас творится в его душе. Можно было спорить, оправдывали ли имеющиеся симптомы проведение экстренной операции.

О’Доннелл посмотрел на доктора Пирсона и вежливо поинтересовался:

— Будьте любезны, сообщите нам результаты вскрытия.

Люси подумала, что главный хирург тоже прекрасно осведомлен об этих результатах и знает, что последует дальше. Главные специалисты всегда знакомились с результатами вскрытий, касавшихся их специальности.

Пирсон перебрал лежавшие перед ним бумаги, потом выбрал один лист и поднял голову:

— Как уже сказал доктор Бартлет, у этого больного не оказалось прободной язвы. В животе вообще все было нормально. — Он помолчал, как будто для того, чтобы усилить драматический эффект, а затем снова заговорил: — У больного оказалась пневмония на ранней стадии. Боль в животе была обусловлена сопутствующим тяжелым плевритом.

Вот так. Люси обдумала все услышанное от Бартлета. Все правильно, оба заболевания проявляются одинаковыми симптомами.

— Есть ли у коллег вопросы? — спросил О’Доннелл.

Наступила неловкая пауза. Да, совершена ошибка, но ошибка не злонамеренная. Сидевшие за столом врачи чувствовали, что каждый из них может оказаться в точно такой же ситуации. Высказаться решил Билл Руфус.

— Я бы сказал, что при такой симптоматике пробная лапаротомия была оправданной.

Именно этого ждал Пирсон и в ответ задумчиво произнес:

— Ну, не знаю... — И небрежно бросил «гранату»: — Мы все знаем,

что доктор Бартлет редко интересуется чем-либо, кроме живота.

В кабинете повисла гробовая тишина, а Пирсон продолжил:

— Вы вообще исследовали легкие, доктор Бартлет?

Высказывание и вопрос были сами по себе возмутительны. Если даже Бартлет заслужил упреки, то они должны были исходить от О’Доннелла, а не от Пирсона и не здесь, а за закрытыми дверями. Нельзя было вести себя так, словно Бартлет был известен своим легкомыслием. Напротив, те, кто с ним работал, поражались его скрупулезности и, как казалось многим, чрезмерной осторожности. В данном случае он столкнулся с необходимостью принятия быстрого решения.

Бартлет вскочил на ноги, едва не опрокинув стул. Лицо его горело.

— Конечно, я слушал легкие и перкутировал грудную клетку! — Он буквально выкрикнул эти слова. Борода его тряслась от гнева. — Я уже сказал, что больной был не в том состоянии, чтобы отправлять его на рентген, а если бы даже мы его сделали...

— Джентльмены! Джентльмены! — попытался вмешаться О’Доннелл, но Бартлета уже невозможно было остановить.

— Очень легко быть умным задним умом, и доктор Пирсон никогда не упускает возможности это продемонстрировать.

Со своего места, взмахнув трубкой, подал реплику Чарли Дорнбергер:

— Не думаю, что доктор Пирсон хотел...

Бартлет резко оборвал гинеколога:

— Конечно, не думаете. Вы же его друг, и он никогда не нападает на акушеров.

— Довольно! — О’Доннелл, расправив плечи, встал. Его атлетическая фигура нависла над столом.

«Он настоящий мужчина — с головы до пят», — подумала Люси.

— Доктор Бартлет, вы не будете так любезны сесть? — О’Доннелл стоя ждал, пока Бартлет неохотно усаживался на свое место.

Внешнее раздражение главного хирурга лишь частично отражало его внутреннее возмущение. Джо Пирсон не имел права превращать конференцию в базарную склоку. Теперь уже нет возможности спокойно обсудить данный вопрос и придется закрыть его. Как же хочется поставить Джо Пирсона на место здесь и сейчас! Но это еще больше осложнит ситуацию.

Бартлет, конечно, не был безупречен в ведении больного. Если бы больному сразу сделали рентгенографию в положении стоя, то отсутствие серпа газа над печенью и под диафрагмой — решающего признака прободной язвы — заставило бы Бартлета задуматься. Кроме того, рентген

позволил бы выявить затемнение в нижних долях легких, то есть симптомы пневмонии, которую Пирсон позднее обнаружил на вскрытии. В любом случае Бартлет смог бы скорректировать свои решения и тем самым повлиять на исход заболевания.

Бартлет оправдывает свои действия тем, что больной был слишком плох для того, чтобы везти его на рентген. Но если состояние больного было критическим, то как Бартлет мог решиться на операцию? С нею можно было не спешить. Операцию при прободной язве надо выполнить в течение двадцати четырех часов. По истечении этого срока смертность от прободной язвы на фоне выполненной операции становится выше, чем без нее, потому что самыми тяжелыми для пациента являются именно первые сутки заболевания. По их истечении, если больной остается жив, включаются защитные силы организма и отграничивают зону разрыва желудка или двенадцатиперстной кишки. На основании описанных Бартлетом симптомов можно было предположить, что больной находился в заключительной фазе первых суток или уже пошли вторые сутки от момента прободения. В этом случае сам он постарался бы с помощью интенсивной терапии, не прибегая к операции, улучшить общее состояние больного, а затем, после уточнения диагноза, решить вопрос о хирургическом вмешательстве. С другой стороны, в медицине очень легко судить задним умом, но очень трудно принимать решения у постели больного, когда речь идет о жизни или смерти.

Все это главный хирург собирался обсудить на конференции, но обсудить спокойно и объективно. Некоторые выводы должен был сделать сам Гил Бартлет. Он честен и не боится самокритики. Смысл дискуссии стал бы ясен каждому. Конечно, обсуждение не доставило бы Бартлету удовольствия, но в то же время не унизило бы его. А самое главное — это обсуждение еще раз показало бы хирургам важность проведения тщательной дифференциальной диагностики.

Теперь уже ничего не получится. Если продолжить обсуждение этого вопроса, то у всех сложится впечатление, что О’Доннелл поддерживает Пирсона в попытках уничтожить Бартлета и задеть его самолюбие. Этим можно подорвать моральное состояние хирурга. Таким образом, цель, ради которой этот случай вынесен на конференцию, оказалась недостигнутой. Уж этот Джо Пирсон!

Вспышка угасла, а удар молотка о стол — редкий случай на конференции! — возымел свое действие. Бартлет, с пылающим от гнева лицом, сел на место, Пирсон углубился в какие-то свои бумаги.

— Джентльмены, — прервал О’Доннелл вынужденную паузу. —

Думаю, все мы не хотим повторения таких инцидентов на клиничко-анатомических конференциях. Они предназначены для обучения, а не для ссор с переходом на личности. Доктор Пирсон, доктор Бартлет, я надеюсь, что выразился достаточно ясно. — О’Доннелл посмотрел на обоих и, не дожидаясь ответа, спокойно сказал: — Перейдем к следующему случаю.

Конференция рассмотрела еще четыре случая, и их обсуждение прошло спокойно и конструктивно. И вот это было хорошо, подумала Люси. Конфронтации не способствуют поддержанию морального климата в клинике. Иногда требуется большое мужество, чтобы поставить диагноз в экстренной ситуации; но если тебе не повезло, если ты оказался повинен в ошибке, то должен понимать, что тебя призовут к ответу. Другое дело — халатность или небрежность. Ни один хирург не допустит этого, если он настоящий специалист, а не беспечный и некомпетентный халтурщик.

Сегодня Люси уже не в первый раз удивилась тому, как сильно суждения Пирсона связаны с его личными чувствами. В стычке с Гилом Бартлетом Пирсон был более резок, чем на прежних конференциях. Причем это не был вопиющий случай, да и Бартлет очень редко ошибался. Он был прекрасный хирург, благодаря ему в клинике Трех Графств теперь оперировали опухоли, которые раньше считались неоперабельными.

Пирсон, без сомнения, тоже это знал. Откуда же такой антагонизм? Не оттого ли, что Бартлет достиг в медицине положения, которого Пирсон не в силах был добиться? Она посмотрела на Бартлета. Лицо его было до сих пор напряжено; было видно, что он сильно переживает случившееся. Обычно Бартлет был спокоен, дружелюбен, приветлив — у него было все, чего может желать человек, которому только недавно перевалило за сорок. Бартлет и его жена были известными людьми в берлингтонском высшем обществе. Люси не раз видела его на коктейлях в домах состоятельных пациентов. У Бартлета была богатая частная практика. По прикидке Люси, он зарабатывал в год около пятидесяти тысяч долларов.

Не это ли было причиной озлобления Джо Пирсона? Пирсона, который не мог соперничать в этом с хирургами. Его работа была очень важна, но незаметна. Пирсон выбрал для себя дело, скрытое от глаз общества. Люси самой не раз задавали вопрос: что делают и чем занимаются патологоанатомы? Никто и никогда не спрашивал: что делают хирурги? Она знала, что многие считают патологическую анатомию разновидностью вспомогательных служб, не понимая, что патологоанатом — это прежде всего врач, как правило, с ученой степенью, проучившийся много лет, прежде чем стать высококвалифицированным специалистом.

Большим вопросом были, конечно же, деньги. В клинике Трех Графств

Гил Бартлет работал как приглашенный хирург, и деньги он получал не от клиники, а от пациентов. Люси и все остальные приглашенные врачи работали на тех же основаниях. Напротив, Джо Пирсон был штатным сотрудником клиники и получал фиксированную зарплату в двадцать пять тысяч долларов в год, то есть приблизительно половину того, что мог заработать более молодой годами, но успешный хирург. Люси однажды где-то прочитала циничное определение разницы между хирургом и патологоанатомом: «Хирург получает пятьсот долларов за удаление опухоли. Патологоанатом получает пять долларов за то, что исследует эту опухоль, ставит диагноз, рекомендует лечение и определяет прогноз пациента».

Сама Люси неплохо ладила с Джо Пирсоном. По непонятной для нее причине она чувствовала, что нравится старому патологоанатому, и бывали моменты, когда она платила ему взаимностью. Иногда его симпатия к ней оказывалась полезной — Люси было с кем поговорить о трудных диагнозах.

Обсуждение закончилось, О’Доннелл подвел итог. Люси вернулась к реальности. От обсуждения последнего случая она отвлеклась; это нехорошо, впредь надо будет следить за собой. Присутствующие поднимались со своих мест. Пирсон собрал бумаги и шаркающей походкой направился к выходу. На пути к двери его остановил О’Доннелл. Люси видела, как главный хирург отвел Пирсона в сторону.

— Зайдемте на минутку ко мне, Джо. — О’Доннелл открыл дверь небольшого кабинета. Он примыкал к конференц-залу и иногда использовался для заседаний медицинского совета. Сейчас в кабинете никого не было. Пирсон вошел в него вслед за главным хирургом.

О’Доннелл держался с деланной непринужденностью.

— Джо, мне кажется, что вам не стоит терроризировать врачей на конференциях.

— Почему? — без обиняков спросил Пирсон.

«Отлично, — подумал О’Доннелл, — пусть будет так, как ты сам этого хочешь». Вслух он сказал:

— Потому что это заведет нас в тупик. — В голосе О’Доннелла зазвучали стальные нотки. Обычно в разговорах с патологоанатомом главный хирург проявлял к нему должное уважение, учитывая разницу в годах. Но на этот раз надо было употребить власть. Хотя О’Доннелл как главный хирург не являлся непосредственным начальником Пирсона и не имел права вмешиваться в его работу, он мог указать на недостатки патологической анатомии, касавшиеся отделений хирургического профиля.

— Я указал на неверный диагноз, только и всего. — Пирсон говорил напористо и агрессивно. — Вы хотите, чтобы мы молчали о таких вещах?

— Вы же прекрасно меня понимаете, — отрезал О'Доннелл, не скрывая на этот раз ледяного холода в голосе. Он видел, что Пирсон колеблется, понимая, что зашел слишком далеко.

— Я не хотел ссоры и склоки, — ворчливо признал он. — Не думал, что до этого дойдет.

Кент О'Доннелл невольно улыбнулся. Нелегко было заставить Джо Пирсона извиниться. Должно быть, старику было очень трудно произнести эти слова. Главный хирург заговорил более мягко:

— Думаю, что есть лучшие способы делать это, Джо. Если вы не возражаете, то давайте договоримся так: вы будете зачитывать результаты вскрытия, а я буду вести обсуждение. Думаю, что тогда мы сможем работать без гнева и пристрастий.

— Я не понимаю, почему мое замечание вызвало у кого-то гнев, — проворчал Пирсон, но О'Доннелл чувствовал, что старик сдается.

— Как бы то ни было, Джо, я хочу, чтобы мы проводили конференции так, как я считаю нужным.

«Не хочется наступать ему на горло, — подумал О'Доннелл, — но настало время определиться».

Пирсон пожал плечами:

— Как вам будет угодно.

— Спасибо, Джо. — О'Доннелл понял, что выиграл; это оказалось легче, чем он предполагал. Может быть, стоит тогда затронуть и другой вопрос? — Джо, — сказал он, — уж коли мы здесь, давайте поговорим еще об одной вещи.

— У меня очень много работы. Это может подождать?

Слушая Пирсона, О'Доннелл хорошо понимал, что у него на уме. Патологоанатом давал понять, что, уступив в одном, не собирается сдаваться по всем направлениям и хочет сохранить независимость.

— Думаю, что это дело не может ждать. Речь идет о патологоанатомических заключениях для хирургических отделений.

— Вас не устраивают заключения? — Реакция старика была агрессивно-оборонительной.

О'Доннелл продолжил:

— Мне жалуются врачи. Некоторые заключения поступают из отделения патологической анатомии с большой задержкой.

— Это, конечно, Руфус. — Джо Пирсон не скрывал горечи. В его словах явственно слышался подтекст: еще один хирург создает проблемы.

О’Доннелл твердо решил не поддаваться на провокацию.

— Не только Билл Руфус. Жалуются и другие хирурги. Вы же знаете об этом, Джо.

На какое-то время Пирсон замолчал, и О’Доннелл вдруг ощутил приступ жалости к старику. Годы идут неумолимо. Сейчас Пирсону шестьдесят шесть. Активной жизни ему осталось от силы пять или шесть лет. Некоторые смиряются с этой переменой и уступают место более молодым коллегам. Пирсон был не таков и не скрывал своей обиды и недовольства. О’Доннелл не вполне понимал, что стояло за ними. Может быть, старик болезненно ощущал, что не успевает за новшествами современной медицины? В этом он не первый и не последний. Но при всей неуживчивости Джо Пирсона у него были неоспоримые заслуги. Именно поэтому О’Доннелл действовал осмотрительно и осторожно.

— Да, я знаю. — В тоне патологоанатома прозвучало смирение.

Значит, он признал сам факт. «Как это характерно для него», — подумал О’Доннелл. Пирсон понравился ему в самом начале его пребывания в клинике Трех Графств, понравился своей прямоотой, которую О’Доннелл часто использовал для повышения уровня медицинских стандартов.

О’Доннелл вспомнил, что одной из проблем, с которой ему пришлось столкнуться, была борьба с ненужными операциями. Среди таких операций было невероятно большое число гистерэктомий. Некоторые штатные хирурги клиники зачастую удаляли совершенно нормальные матки. Эти люди нашли в хирургии удобный и выгодный способ лечения всех женских недугов, даже тех, которые хорошо поддаются медикаментозному лечению. Для патологоанатомических заключений была придумана дымовая завеса в виде расплывчатых диагнозов: «хронический миометрит» или «фиброз матки». О’Доннелл вспомнил, как сказал однажды Пирсону: «В гистологических заключениях мы будем называть лопату лопатой, а здоровую матку здоровой маткой». Пирсон тогда улыбнулся и полностью поддержал нового шефа хирургической службы. В результате ненужные операции почти прекратились. Хирурги были шокированы тем, что удаленные ими органы демонстрировались коллегам, а те убеждались, что они удалены были совершенно здоровыми.

— Послушайте, Кент, — сказал Пирсон почти примирительным тоном. — Я же буквально поставлен на уши. Вы не представляете, сколько у меня работы.

Это был довод, которым О’Доннелл решил незамедлительно воспользоваться.

— Хорошо представляю, Джо. И полагаю, что у вас слишком много работы. Это очень нелегко... — Он хотел добавить «в вашем возрасте», но передумал и вместо этого сказал: — Может, вам нужна помощь?

Реакция последовала немедленно, Пирсон едва не сорвался на крик:

— Вы говорите мне о помощи? Господи, я же месяцами прошу дать мне лаборантов! Мне нужны по меньшей мере три лаборанта, но обещают только одного! Что говорить о машинистке? Множество заключений лежат неделями, потому что их некому напечатать. Это нормально? — Не дождавшись ответа, Пирсон продолжал бушевать: — Мне нужна помощь? Если бы администрация меньше болтала и больше делала, то можно было бы добиться многого, например уменьшить число хирургических ошибок. Боже мой! И вы говорите, что мне нужна помощь. Вот уж воистину, важная новость!

О’Доннелл спокойно слушал.

— Вы закончили, Джо? — спросил он.

— Да. — Было видно, что Пирсону немного стыдно за всплеск эмоций.

— Я думал не о лаборантах и не о помещении, — сказал О’Доннелл. — Говоря о помощи, я имел в виду еще одного патологоанатома. Человека, который помогал бы вам руководить отделением. Может быть, даже смог бы как-то его модернизировать.

— Нет, вы только послушайте! — При слове «модернизировать» Пирсон страшно возмутился, но О’Доннелл не стал слушать его возражений.

— Я выслушал вас, Джо. Теперь выслушайте меня вы. Прошу вас. — Он сделал паузу. — Я думаю, что вам будет полезен молодой толковый специалист, который сможет освободить вас от некоторых второстепенных обязанностей.

— Мне не нужен второй патологоанатом. — Это было утверждение — энергичное и бескомпромиссное.

— Почему, Джо?

— Потому что в отделении нет достаточно работы для двух квалифицированных специалистов. Со всей работой — той, что касается патологической анатомии, — я могу справиться и один, без всякой помощи. Кроме того, у меня в отделении есть резидент.

О’Доннелл удержался от резкости, но продолжал стоять на своем:

— Резидент проходит у нас обучение, Джо, и обычно находится в клинике недолго. Конечно, я согласен, что резидент может взять на себя часть работы, но вы не можете передать ему даже часть своей

ответственности, а мы не можем поручить ему руководство. Поэтому я считаю, что вам нужна помощь, и нужна сейчас.

— Позвольте мне самому об этом судить. Дайте мне несколько дней, и мы уладим недоразумение с хирургами.

Было ясно, что Джо Пирсон не желает уступать. О’Доннелл ожидал, что старик будет противиться предложению взять второго патологоанатома, но не оценил силы его сопротивления. Отчего Пирсон упрямится — не хочет ни с кем делить власть в своем царстве или просто боится, что его выживут с работы? На самом деле у О’Доннелла и в мыслях не было добиваться увольнения Пирсона. Опыт его в патологической анатомии был незаменим, О’Доннелл хотел лишь усилить отделение и улучшить организацию службы клиники. Возможно, стоит выразиться яснее.

— Джо, поймите, речь не идет о какой-то большой реорганизации. Никто ее не предлагает. Вы по-прежнему будете руководить...

— В таком случае предоставьте мне самому решать, как это делать.

О’Доннелл чувствовал, что его терпение иссякает. Пожалуй, на сегодня хватит. Надо выждать пару дней, а потом сделать вторую попытку. Ему хотелось избежать открытого столкновения.

— На вашем месте я бы подумал, Джо.

— Здесь не о чем думать, — ответил Пирсон, стоя в дверях. Он коротко кивнул и вышел.

«Вот так, — подумал О’Доннелл. — Линия фронта обозначена». И он принялся размышлять, каким должен стать его следующий шаг.

Глава 5

Столовая клиники Трех Графств был традиционным местом обсуждения слухов о событиях, происходивших во всех отделениях и службах. Было мало таких событий — повышение в должности, скандал, увольнение, прием на работу, — которые бы не обсуждались здесь задолго до подписания в администрации официальных приказов и распоряжений.

Врачи часто использовали столовую для неофициальных консультаций с коллегами, с которыми могли встретиться только за обедом или за чашкой кофе во время короткого перерыва. Многие серьезные дела решались за ее столиками. Именно тут можно было выяснить мнение маститого специалиста и сделать это бесплатно, в то время как такая же консультация на рабочем месте стоила бы довольно круглой суммы. Иногда такие обсуждения были очень выгодны больным, которые, поправляясь от считавшегося проблемным заболеванием, даже не подозревали, что своим выздоровлением обязаны мимолетному разговору врачей в столовой.

Были и исключения. Некоторые врачи не допускали вольности в отношении своей — приобретенной потом и кровью — квалификации и противились всяким попыткам коллег вовлечь их в обсуждение тех или иных клинических случаев. Возражение в таких случаях было достаточно стандартным: «Пришлите этого больного ко мне, я его обследую, а заодно засеку время».

Одним из таких врачей был Гил Бартлет, причем он мог не постесняться в выражениях, отказывая в неофициальной консультации. Один такой отказ, о котором потом много рассказывали, имел место, правда не в клинической столовой, а на коктейле в доме одного из частных пациентов Бартлета. Хозяйка дома, светская львица Берлингтона, сумела ухватить доктора, так сказать, за пуговицу и принялась рассказывать ему о своих хворях и недомоганиях — настоящих и мнимых. Бартлет некоторое время слушал ее, а потом громко, так что слышали окружающие, ответил: «Мадам, из того, что я услышал, могу заключить, что у вас какие-то проблемы с менструальным циклом. Если вы разденетесь, я вас охотно посмотрю прямо сейчас».

Однако, прямо отказывая в консультации при встречах вне клиники, многие врачи понимали, что отказ в столовой может плохо сказаться на их репутации, и прибегали к заплесневелым отговоркам: «Если хотите, мы можем поговорить в моем втором кабинете». Обычно других объяснений

не требовалось.

В столовой царила демократия. О чинах и званиях не то чтобы забывали, их на какое-то время игнорировали. Единственное исключение: для врачей были особые столики. Главная диетсестра, миссис Строган, периодически их инспектировала, понимая, что нарушение гигиены и обслуживания может привести к неприятным вопросам на медицинском совете.

Старшие врачи, за редким исключением, пользовались именно этими, выделенными для них, столами. Прочий персонал не отличался такой чопорностью, а интерны и резиденты при каждом удобном случае демонстрировали свою независимость, присоединяясь к сестрам и лаборантам. Не было поэтому ничего необычного в том, что Майк Седдонс уселся за столик рядом с Вивьен Лоубартон, которая, освободившись раньше своих подруг, обедала в гордом одиночестве.

С тех пор как десять дней назад они познакомились на вскрытии, Вивьен несколько раз мельком видела Седдонса в клинике. Каждый раз она чувствовала, что ей все больше и больше нравится этот парень с копной рыжих волос и широченной улыбкой. Интуитивно девушка чувствовала, что скоро он сделает попытку познакомиться с ней поближе, и вот этот момент, кажется, наступил.

— Салют! — сказал Седдонс.

— Привет, — пробормотала Вивьен, потому что как раз в этот момент со всем могучим аппетитом юности прожевывала кусок курицы. Она поднесла руку ко рту: — Прости, пожалуйста.

— Все нормально, — отмахнулся Седдонс. — Ешь на здоровье. Я пришел сделать тебе предложение.

Дожевав и проглотив, Вивьен с лукавством сказала:

— Я думала, ты сделаешь его чуть позже.

Майк Седдонс улыбнулся:

— Разве ты не слышала: «...В его возрасте чувства несдержанны и не нуждаются в манерных украшениях»? Вот мое предложение: послезавтра идем в театр, а до этого ужинаем в «Кубинском гриле».

— И у тебя хватит денег на все это? — с удивлением спросила Вивьен. Среди персонала и сестер шутки о бедности были обычным, проверенным временем явлением.

Седдонс понизил голос до сценического шепота:

— Никому не говори, но у меня образовался побочный доход. Вспомни умерших больных на вскрытиях. У многих во рту полно золотых зубов. Дело очень простое...

— Прекрати, ты испортишь мне аппетит. — Она отправила в рот очередной кусок.

Седдонс позаимствовал с ее тарелки оставшийся кусочек.

— М-м, вкусно, — похвалил он, пожевав. — Пожалуй, мне стоит почаще есть. Ну так вот, история такова. — Он достал из кармана два билета и отпечатанное поручительство. — Смотри, подарок благодарного пациента.

Это были билеты на гастрольный мюзикл бродвейского театра. В поручительстве говорилось об оплаченном обеде для двоих в «Кубинском гриле».

— Что же ты сделал? — с искренним любопытством спросила Вивьен. — Операцию на сердце?

— Нет, на прошлой неделе я на полчаса подменил в отделении «Скорой помощи» Фрэнка Уорта. Как раз в это время пришел какой-то парень с раненой рукой, и я обработал и зашил рану. А потом по почте получил все это. — Он засмеялся: — Фрэнк в ярости. Говорит, что никогда больше не уйдет с рабочего места. Ну, так ты пойдешь?

— С удовольствием, — согласилась Вивьен.

— Прекрасно! Я приеду за тобой к общежитию в семь часов. Ладно? — Говоря все это, Седдонс смотрел на девушку с еще большим интересом, чем раньше. До него вдруг дошло, что у нее не только красивое личико и стройная фигура. В ее взгляде и улыбке были теплота и нежность. Хотелось бы встретиться с ней сегодня, ведь до послезавтра так долго ждать. Но внутренний голос предостерег: «Не впутывайся в тесные отношения! Помни свой девиз: “Люби их и бросай, оставляя со счастливыми воспоминаниями. В расставании есть сладкая печаль, но оно необходимо — как иначе остаться свободным и независимым?”».

— Хорошо, — сказала Вивьен. — Я, может быть, опоздаю, но ненамного.

Прошло полторы недели с тех пор, как Гарри Томазелли рассказал О’Доннеллу о планах начать весной строительство нового крыла клиники. И вот сегодня О’Доннелл, Томазелли и Ордэн Браун, председатель совета директоров, собрались для обсуждения первоочередных задач.

За несколько месяцев до этого они вместе с архитектором разработали подробные поэтажные планы для всех подразделений, которые предполагалось разместить в новом крыле. Пожелания руководителей пришлось согласовывать с доступными финансовыми возможностями. Арбитром выступал Браун, советуясь при необходимости с О’Доннеллом.

как с медицинским экспертом. Браун при согласованиях обычно бывал язвителен, хотя и смягчал резкость уместными шутками. Иногда дело шло быстро, но в некоторых случаях, когда имперские претензии руководителей служб зашкаливали, обсуждение затягивалось.

Заведующий аптекой, например, потребовал, чтобы его кабинет был оборудован личным туалетом. Когда архитектор заметил, что согласно плану туалет находится всего в сорока футах от кабинета заведующего, тот возразил, что это много при его хроническом поносе. Ордэн Браун сухо посоветовал ему обратиться к гастроэнтерологу.

Некоторые действительно стоящие проекты были забракованы только по причине недостатка средств. Так, Динь-Дон предложил оснастить рентгенологическое отделение установкой кинорентгенографии, что позволило бы улучшить качество диагностики сердечно-сосудистых заболеваний. Но такая установка стоила более пятидесяти тысяч долларов, и от плана пришлось скрепя сердце отказаться.

Теперь, когда все организационные вопросы были решены, надо было заняться насущной проблемой — получением денег. Строго говоря, это было прерогативой совета директоров; но совет ожидал помощи от медиков.

— Мы предлагаем квоты для врачей, — сказал Браун. — Шесть тысяч для старших врачей, четыре тысячи для приглашенных и две тысячи для помощников врача.

О'Доннелл тихо присвистнул:

— Боюсь, что нас засыплют жалобами.

— Это придется пережить, — улыбнувшись, сказал Браун.

В разговор вмешался Томазелли:

— Поступление денег можно растянуть на четыре года, Кент. Если у нас будут письменные ручательства, то мы сможем занять деньги в банке.

— Это другое дело, — откликнулся Браун. — Когда по городу пройдет слух о том, что сами врачи делают взносы, нам будет легче собрать для фонда хорошие деньги.

— А вы позаботитесь о том, чтобы по городу прошел такой слух?

— Естественно. — Браун еще раз улыбнулся.

О'Доннелл начал размышлять, в какой форме донести эту новость до персонала на ближайшем собрании. Конечно, придется выслушать недовольных, а их будет немало — большинство медиков живут теперь только на зарплату. С другой стороны, в отношении квот не будет никакого принуждения, поэтому активных возражений ждать не стоит, так как персонал клиники в итоге получит немалую выгоду. Определенно многие

внесут деньги и будут делать все, чтобы и других заставить нести равное с ними бремя. Вот в этом будет проблема. Клиника — питательная среда для всяческих интриг, и для недовольных существует множество способов осложнить руководству жизнь.

Томазелли, снова проявив незаурядную интуицию, сказал:

— Не волнуйся, Кент. Перед собранием я тебя как следует проинструктирую. Выстроим все пункты в безупречную цепочку. Думаю, что после собрания многие захотят расширения квот.

— На это можешь не рассчитывать, — улыбнулся О’Доннелл. — Ты собрался тронуть врачей за их самое чувствительное место — за кошелек.

Администратор усмехнулся. Он знал, что обращение главного хирурга к персоналу будет решительным и продуманным до мелочей, как и все, что до сих пор делал О’Доннелл. Томазелли — уже в который раз — подумал о том, как ему повезло, что он работает с таким человеком. На предыдущем месте работы, в другой клинике, где он был помощником администратора, председатель медицинского совета был популистом и, как флюгер, менял свои решения в зависимости от чужих мнений. В результате лечебное учреждение было лишено реального руководства, отчего страдали стандарты оказания помощи.

Томазелли восхищался способностью О’Доннелла к прямым и быстрым решениям главным образом потому, что и сам придерживался подобной тактики, находясь на посту администратора клиники Трех Графств. Принимая быстрые решения, конечно, делаешь и ошибки, зато дело движется вперед, а число ошибок со временем уменьшается. Быстрота — слов, мыслей и действий — была качеством, которое Томазелли усвоил, работая в судах, когда он и не помышлял о том, что когда-нибудь станет больничным администратором.

После окончания колледжа он поступил на юридический факультет и уже начал закладывать фундамент будущей адвокатской практики, когда началась война. Не дожидаясь призыва, Томазелли записался добровольцем во флот. Он получил офицерское звание и был направлен на службу в администрацию военно-морского госпиталя. Когда госпиталь начал заполняться ранеными, лейтенант Томазелли открыл в себе способность тонко чувствовать границу между медицинской практикой и администрированием.

После войны, столкнувшись с выбором: вернуться в юриспруденцию или остаться в здравоохранении, — Томазелли выбрал последнее и поступил на факультет организации здравоохранения в Колумбийском университете. Он окончил университет в тот момент, когда все поняли, что

медицинское администрирование — это специализированное поле деятельности, в которой медицинская степень не только не нужна, но и не особенно полезна. Потребность в медицинских администраторах быстро росла, и, проработав два года помощником администратора, Гарри Томазелли принял предложение Ордэна Брауна и занял пост администратора в клинике Трех Графств.

Он был просто влюблен в свою новую работу. Он разделял взгляды Кента О’Доннелла на стандарты полноценной медицинской помощи и уважал деловую хватку и ум Ордэна Брауна — председателя совета директоров. Делом Томазелли было следить за тем, чтобы все подразделения клиники — сестринский состав, административно-хозяйственная часть, служба инженерного обеспечения, текущего ремонта здания, бухгалтерия — соответствовали требованиям, выдвигаемым председателями медицинского совета и совета директоров.

Часть своих полномочий он передавал подобранным им самим руководителям служб. То, что он делал, удавалось ему в первую очередь из-за его интереса ко всему, что происходило в клинике. Ничто важное не ускользало от внимания Томазелли. Каждый день его плотную, коренастую фигуру можно было видеть в коридорах, кабинетах. Он останавливался, чтобы поговорить с врачами, медсестрами, пациентами, санитарями, клерками, поварами — со всеми, кто мог ему открыть что-то новое в работе клиники и предложить какие-либо улучшения. Новые идеи приводили его в волнение. Часто можно было видеть, как он убеждает в чем-то своего собеседника — подавшись вперед, сверкая глазами из-за толстых стекол очков в массивной черной оправе и подкрепляя слова энергичной жестикуляцией.

Беседуя с людьми, Томазелли редко что-либо записывал. Тренированная юридической подготовкой память позволяла ему удерживать в голове все узнанные факты. В результате после каждого своего обхода он рассылал массу памятных записок всем крупным и мелким руководителям, от которых зависело возможное улучшение работы клиники.

При всем том у Томазелли был дипломатический дар: он умел говорить, не обижая собеседников. Мог, например, высказать подчиненному претензию или порицание и тут же непринужденно перейти к другим вопросам. Несмотря на краткость, его памятные записки отличались изысканностью и любезностью. Он страшно не любил увольнять сотрудников, если их проступки были не слишком серьезны. Руководителям отделов он часто говорил: «Если человек проработал у нас

больше месяца, значит, мы потратили на его обучение время и силы, а он приобрел опыт. Наша задача направить этот опыт в нужное русло. Это лучше, чем нанимать нового человека». О такой политике Томазелли знали все. Администратора уважали, и это поддерживало в клинике здоровый моральный климат.

Были, однако, в организации клиники вещи, которые по-настоящему тревожили Томазелли. Большая часть оборудования требовала замены. В идеале клиника должна была бы располагать совершенно новым оборудованием — кинорентгеновская установка была здесь лишь одним примером. Даже в новом здании эти проблемы будут решены не все. Как и О’Доннелл, Томазелли понимал, что впереди годы упорного труда и не всех целей удастся достичь. Но в конце концов всегда надо хотеть немного больше, чем можешь получить.

К реальности его вернул голос Ордэна Брауна. Председатель совета директоров говорил О’Доннеллу:

— Общественная активность будет обязательно возрастет по мере развертывания кампании. Да, кстати, еще одно. Думаю, будет неплохо, Кент, если ты выступишь в ротари-клубе. Ты сможешь рассказать о новом здании, о планах на будущее и так далее.

О’Доннелл терпеть не мог публичных мероприятий, особенно регламентированное дружелюбие закрытых клубов. Он едва не скорчил недовольную гримасу, но вслух сказал:

— Если ты думаешь, что это поможет.

— Один из моих людей состоит в руководстве ротари-клуба, — пояснил Браун. — Я скажу ему, чтобы он все подготовил. Это будет лучшее открытие недельной кампании. Через неделю мы сможем повторить то же самое в клубе Кивани.

О’Доннелл подумал, что Браун не оставляет ему времени на хирургию, из-за чего могут возникнуть проблемы с его квотой, но возражать не стал.

— Кстати, — продолжил Браун, — ты свободен послезавтра вечером? Я хочу пригласить тебя на ужин.

— Да, я свободен, — не задумываясь ответил О’Доннелл. Ему нравились спокойные и в то же время интересные вечера в доме на холме.

— Мне хотелось бы, чтобы ты поехал со мной к Юстасу Суэйну. — Заметив удивление на лице О’Доннелла, Браун добавил: — Все в порядке. Ты приглашен. Он просил меня тебе это передать.

— Я рад принять это приглашение.

Тем не менее приглашение со стороны одного из самых твердолобых членов совета директоров стало для О’Доннелла полной неожиданностью.

Естественно, О’Доннелл несколько раз встречался с Суэйном, но не был знаком с ним близко.

— На самом деле это, конечно, мое предложение, — продолжил Браун. — Мне хочется, чтобы ты сам поговорил с ним о клинике в самой общей форме. Постарайся убедить его в правильности своих идей. Честно говоря, иногда он создает проблемы на заседаниях совета директоров, ты и сам это хорошо знаешь.

— Сделаю что смогу.

Теперь, когда стало ясно, что стоит на кону, О’Доннелл понял, что ему придется ввязаться в политику совета директоров. До сих пор ему удавалось от них дистанцироваться, сохраняя какую-то независимость. Но он не мог сказать «нет» председателю совета директоров.

Браун взял портфель и собрался уходить. О’Доннелл и Томазелли поднялись, чтобы проводить его.

— Гостей будет очень немного, — сказал Браун. — Не больше полудюжины. Мы могли бы захватить тебя в городе. Перед выездом я тебе позвоню.

О’Доннелл выдал благодарность, и Браун, вежливо кивнув, вышел за дверь.

Едва она закрылась, как в кабинет вошла секретарь Томазелли Кэти Коэн.

— Прошу прощения, что помешала, — извинилась она.

— Что случилось, Кэти? — спросил Томазелли.

— Один человек очень хочет поговорить с вами по телефону, — сказала секретарь, — некий мистер Брайан.

— Я сейчас занят с доктором О’Доннеллом. Скажи Брайану, что я перезвоню ему позже. — Томазелли не скрывал удивления. Обычно Кэти знала, что говорить звонившим в таких случаях. Ее не надо было учить элементарным вещам.

— Я так ему и сказала, мистер Томазелли, — неуверенно произнесла Кэти. — Но он очень настойчив. Говорит, что он муж одной нашей пациентки. Я решила, что вас надо поставить в известность.

— Может быть, тебе стоит с ним поговорить, Гарри, — вмешался О’Доннелл. — Сними с Кэти эту тяжесть, я могу подождать.

— Хорошо. — Администратор подошел к одному из двух своих телефонов.

— Четвертая линия, — сообщила Кэти, дождалась соединения и вышла в холл.

— Администратор слушает, — приветливо сказал в трубку Гарри

Томазелли. Но потом он нахмурился, слушая, что ему говорили с противоположного конца провода.

Мощная мембрана трубки вибрировала так энергично, что О'Доннелл разбирал некоторые слова: «Постыдная ситуация... непосильное бремя для семьи... будет разбирательство».

Томазелли прикрыл ладонью микрофон трубки и сказал О'Доннеллу:

— Он и в самом деле кипит. Речь идет о его жене. Я не вполне понимаю...

Некоторое время он продолжал слушать, потом заговорил:

— Мистер Брайан, давайте начнем сначала. Попробуйте рассказать мне, что, собственно, случилось. — С этими словами Томазелли придвинул к себе блокнот и взял карандаш. — Да, сэр. — Последовала пауза. — Теперь скажите мне, пожалуйста, когда ваша жена поступила в клинику? — Телефон снова завибрировал, а администратор принялся записывать. — Кто ее лечащий врач? — Администратор еще раз что-то черкнул в блокноте. — Когда ее выписали? — Еще одна пауза. — Хорошо, я понял вас.

В ответной реплике О'Доннелл расслышал слова: «Я не могу ничего добиться», — а потом снова заговорил Томазелли:

— Нет, мистер Брайан, я не помню этого случая, но я все узнаю, обещаю вам. — Выслушав говорившего, он продолжил: — Да, сэр, я понимаю, что означает для вашей семьи больничный счет. Но вы тоже должны понять, что клиника не извлекает из этого никакого дохода.

О'Доннелл все еще слышал голос в трубке, но теперь мужчина говорил тише, поддавшись умиротворяющим талантам Томазелли. Воспользовавшись первой же паузой, администратор сказал:

— Сэр, только лечащий врач определяет, сколько времени больной должен находиться в клинике. Думаю, вам следует еще раз поговорить с лечащим врачом вашей жены, а я тем временем выясню у нашего казначея, что можно сделать с вашим счетом. Мы проверим его пункт за пунктом. — И добавил: — Спасибо, мистер Брайан, до свидания.

Томазелли повесил трубку, вырвал из блокнота страницу и положил ее на поднос с надписью «Распоряжения».

— Что случилось? — спросил О'Доннелл, не особенно, впрочем, тревожась. В больших лечебных учреждениях претензии по поводу обслуживания и счетов были не редкостью.

— Он утверждает, что его жену держат в клинике слишком долго без всякой необходимости. Ему придется влезть в долги, чтобы оплатить счет.

— Откуда он знает, что его жену держат у нас слишком долго? — резко спросил О'Доннелл.

— Говорит, что наводил справки, — задумчиво ответил Томазелли. — Может быть, в этом и есть какая-то необходимость, но она действительно провела в клинике три недели.

— И что?

— Я бы не стал придавать этому значение, но в последнее время число таких жалоб значительно возросло. Не всегда люди ведут себя так агрессивно, но суть у всех этих жалоб одна.

В мозгу О'Доннелла что-то промелькнуло, и это было словосочетание: «Патологическая анатомия».

— Кто был лечащим врачом? — спросил он вслух.

Томазелли взглянул в записи:

— Эрни Рейбенс.

— Давайте позвоним ему и попробуем сейчас же все выяснить.

Томазелли нажал кнопку селектора:

— Кэти, попробуй соединить меня с доктором Рейбенсом.

Они ждали молча. Из холла доносился тихий голос, вызывавший по селекторной связи доктора Рейбенса.

Спустя секунду телефон зажужжал. Томазелли поднял трубку и передал ее О'Доннеллу.

— Эрни? Это Кент О'Доннелл.

— Чем могу быть полезен? — С другого конца провода послышался тонкий, отчетливый голос Рейбенса, одного из старших хирургов.

— У тебя есть больная, — он заглянул в листок, который пододвинул ему администратор, — миссис Брайан?

— Да, есть. Что случилось? Вам пожаловался ее муж?

— Так ты все знаешь?

— Конечно, я все знаю, — раздраженно ответил Рейбенс. — Лично я думаю, что у него есть все основания жаловаться.

— Так в чем дело, Эрни?

— Дело в том, что при поступлении я поставил миссис Брайан диагноз — рак молочной железы. Я удалил опухоль, но она оказалась доброкачественной.

— Так зачем же ты продержал ее три недели? — спросил О'Доннелл, подумав о том, что в разговорах с Рейбенсом всегда приходится играть в игру «вопрос-ответ». Информацию из этого врача буквально выуживаешь.

— Спроси об этом Джо Пирсона! — ответил Рейбенс.

— Будь проще, когда говоришь со мной, Эрни, — попросил О'Доннелл. — Это же твоя больная.

В трубке наступило молчание. Потом тонкий голос отдельно

произнес:

— Ладно. Я сказал, что опухоль доброкачественная, но прошло две с половиной недели, прежде чем я об этом узнал. Ровно столько времени потребовалось Джо Пирсону для того, чтобы сунуть стекло под свой микроскоп.

— Ты напоминал ему об этом?

— И не один раз! Я звонил ему раз пять. Он бы тянул еще больше, если бы я его не дергал.

— И именно поэтому миссис Брайан так долго была в клинике?

— Естественно. — В голосе на противоположном конце провода послышались язвительные нотки. — Или ты предлагаешь выписать ее без патологоанатомического заключения?

У Рейбенса основательные причины для недовольства, подумал О'Доннелл. Врач оказался в весьма затруднительном положении. Если бы он выписал больную, то не исключено, что ему пришлось бы потом звонить ей и вызывать для следующей операции, как это случилось с Руфусом. С другой стороны, каждый лишний день пребывания в клинике означал дополнительное финансовое бремя для семьи больной.

— Я ничего не предлагаю, Эрни, — уклончиво ответил О'Доннелл, — просто интересуюсь.

Рейбенс думал о том же.

— Тогда тебе лучше поговорить не со мной, — сказал он. — И к тому же я не единственный, с кем такое произошло. Ты же знаешь про Билла Руфуса.

— Да, знаю. Честно говоря, я думал, что положение с тех пор немного улучшилось.

— Может быть. Только я почему-то этого не заметил. Что прикажете делать со счетом Брайана?

— Сомневаюсь, что мы сможем что-то сделать. Его жена действительно провела в клинике три недели. Ты же знаешь, что мы и так ограничены в средствах.

Интересно, подумал О'Доннелл, как бы отреагировал Рейбенс, если бы ему предложили отдать в строительный фонд клиники свои личные шесть тысяч долларов?

— Дело достаточно тухлое, — объяснил Рейбенс. — Муж больной — приличный, но небогатый человек. Кажется, он плотник, выполняет частные заказы. У него нет страховки. Наши счета заставят его надолго влезть в долги.

О'Доннелл молчал, размышляя о том, что же делать дальше.

В трубке снова раздался фальцет Рейбенса:

— Это все?

— Да, Эрни, это все. Спасибо. Гарри, я хочу сегодня же созвать совещание, — сказал О’Доннелл, передавая трубку Томазелли. — Надо пригласить нескольких старших врачей. Мы соберемся здесь, если это удобно. Я хочу, чтобы ты тоже присутствовал.

Томазелли кивнул:

— Это можно сделать.

О’Доннелл начал перебирать в уме имена:

— Мы, естественно, пригласим Чендлера как главного терапевта. Надо позвать Руфуса и, конечно, Рейбенса. Да, надо позвать и Дорнбергера. Он может оказаться полезным. Сколько всего получается?

Администратор посмотрел на записанные в блокнот имена:

— Шесть, если считать тебя и меня. Как насчет Люси Грейнджер?

О’Доннелл на мгновение задумался.

— Хорошо, пусть нас будет семь.

— Повестка дня? — Томазелли приготовился записывать.

О’Доннелл покачал головой:

— Нам не нужна подробная повестка. Вопрос будет один: изменения в работе отделения патологической анатомии.

Когда администратор назвал имя Люси Грейнджер, О’Доннелл колебался только по одной причине: Томазелли невольно напомнил ему о свидании с Люси накануне вечером. Они, как договорились перед клинко-анатомической конференцией, поужинали в «Палм-Корте» отеля Рузвельта — ели роскошную еду и пили коктейли, рассказывая друг другу о себе, о знакомых, о случаях из жизни — профессиональной и обыденной.

После ужина О’Доннелл отвез Люси домой. Незадолго до этого она переехала в Бенвенуто-Грандж, в большую шикарную квартиру в северной части города.

— Не зайдешь пропустить рюмочку на ночь?

О’Доннелл оставил машину одетому в униформу швейцару, который припарковал ее, и последовал за Люси. В сверкающем никелем тихом лифте они поднялись на пятый этаж, прошли по коридору, облицованному березовыми панелями, устланному широким толстым, приглушающим шаги ковром. Глядя на эту роскошь, О’Доннелл удивленно вскинул брови.

Люси улыбнулась:

— Это подавляет, правда? Я сама до сих пор не могу прийти в себя.

Она открыла дверь и нажала клавишу выключателя. Мягкий,

приглушенный свет осветил элегантную гостиную. Впереди О'Доннелл заметил приоткрытую дверь спальни.

— Сейчас я смешаю коктейль, — сказала Люси.

Она повернулась к О'Доннеллу спиной, и он слышал только, как позвякивает в стаканах лед.

— Люси, ты никогда не была замужем? — спросил он.

— Нет, — ответила она не обернувшись.

— Могу я узнать почему? — тихо спросил он.

— На самом деле все очень просто. Но меня уже давно никто об этом не спрашивал. — Люси обернулась, держа в руках готовые коктейли, один из которых протянула О'Доннеллу. Опустившись в кресло, она задумчиво продолжила: — Сейчас я вспоминаю и думаю, что мне всего один раз предлагали выйти замуж — я имею в виду всерьез. Я тогда была значительно моложе.

О'Доннелл попробовал коктейль.

— И ты ответила «нет»?

— Я хотела сделать карьеру в медицине. В то время это было для меня безумно важным. Карьера и брак казались мне несовместимыми.

— Не жалеешь об этом? — с деланной небрежностью спросил он.

Люси задумалась.

— Конечно, нет. Я добилась того, чего хотела, в определенном смысле я вознаграждена. Иногда, правда, я гадаю, что было бы при другом ответе. Но это так по-человечески, не правда ли?

— Пожалуй, да, — ответил он. Его почему-то тронул ответ Люси. Он чувствовал себя так умиротворенно, словно после долгих скитаний вернулся домой. Ей надо иметь детей. — И ты по-прежнему думаешь, что брак и медицина несовместимы, во всяком случае, для тебя?

— Теперь я уже не так догматична. — Она улыбнулась. — Этому я, кажется, научилась.

О'Доннелл задумался. Что будет для него означать женитьба на Люси? Будет ли в их доме царить любовь и покой? Или их параллельные пути в профессиональной карьере зашли так далеко, что стало поздно что-либо менять, приспособиваясь друг к другу? Если они поженятся, то что будут делать в часы досуга? Будут ли эти часы по-домашнему интимны? Или они будут без конца решать проблемы клиники, читая за обедом истории болезни и обсуждая на десерт диагностические проблемы? Получит ли он в результате брака желанное убежище от невзгод, или он станет лишь продолжением медицинской рутины?

— Знаешь, я всегда думал, что между нами много общего, — сказал он

вслух.

— Да, Кент, — ответила Люси, — я тоже так думаю.

О’Доннелл допил коктейль и встал. Он понимал, что они сказали друг другу гораздо больше, чем было выражено словами. Теперь ему требовалось время, чтобы хорошенько все обдумать. Слишком многое поставлено на карту, чтобы принимать скоропалительные решения.

— Тебе не обязательно уходить, Кент, — заметила Люси. — Если хочешь, можешь остаться.

Она сказала это так просто, что О’Доннелл понял: если он останется, то дальше все будет зависеть только от него.

В глубине души он жаждал остаться, но осторожность и привычка взяли верх. Он взял Люси за руки:

— Доброй ночи, Люси. Давай сначала все обдумаем.

Когда двери лифта закрывались, Люси стояла на пороге квартиры и смотрела вслед О’Доннеллу.

Глава 6

— Я созвал вас, — начал О’Доннелл, обращаясь к сидевшим вокруг стола врачам, — чтобы заручиться поддержкой в одном важном деле.

Присутствующие внимательно слушали главного хирурга. Пришли все, кроме Рейбенса, занятого на плановом грыжесечении.

О’Доннелл продолжил:

— Мне кажется, что всем нам известны проблемы отделения патологической анатомии. Думаю, вы согласитесь со мной, что они не только медицинские, но и личностные.

— И что же это за проблемы? — спросил Дорнбергер. Говоря это, пожилой акушер-гинеколог набивал трубку. — Боюсь, я не понимаю, куда ты клонишь, Кент.

Чего-то подобного О’Доннелл ждал. Он знал, что Дорнбергер и Пирсон — близкие друзья, и поэтому ответил со всей возможной вежливостью:

— Я хочу, чтобы ты выслушал меня до конца, Чарли. Я постараюсь все объяснить.

Он принялся методично перечислять проблемы: задержки заключений по хирургическим случаям, повышение нагрузки на отделение патологической анатомии, неспособность Джо Пирсона в одиночку с ней справиться. Он упомянул о случае с Руфусом и посмотрел на него, ища поддержки, рассказал о телефонном разговоре с Рейбенсом. Упомянул и о своем разговоре с Пирсоном и об отказе старика взять в штат второго патологоанатома. В заключение О’Доннелл сказал:

— Я убежден, что нам нужен второй патологоанатом. Я хочу, чтобы вы мне в этом помогли.

— Меня тоже тревожит ситуация с патологической анатомией, — торопливо, словно боясь, что его слова не попадут в протокол, сказал главный терапевт клиники доктор Чендлер. Однако дальше он продолжал, как обычно, глубокомысленно и весомо, даже несколько напыщенно. — Сложность заключается в стиле Джо Пирсона. Но всем нам следует учесть, что он заведующий отделением и его стиль — это стиль руководителя отделения. А значит, мы должны избегать любых действий, которые могут подорвать его авторитет.

— Согласен, — ответил О’Доннелл. — Именно поэтому мне нужна помощь. Помощь в том, чтобы убедить Пирсона в необходимости

изменений.

— Не уверен, что мне нравится способ, каким мы это делаем, — сказал Руфус.

— Почему, Билл? — спросил О’Доннелл, отметив, что сегодня на нем более скромный галстук — всего три цвета вместо обычных четырех.

— Мне кажется, что мы, собравшиеся здесь врачи, не имеем никакого права говорить об изменениях в работе отделения патологической анатомии. — Руфус окинул взглядом присутствующих: — Действительно, у меня было несколько неприятных столкновений с Джо Пирсоном. Думаю, что они были и у большинства присутствующих.

Но это не означает, что я готов присоединиться к заговору, цель которого — убрать Джо из отделения.

О’Доннелл был рад этому высказыванию и был внутренне к нему готов.

— Позвольте мне объясниться, — сказал он. — У меня, как, надеюсь, ни у кого из присутствующих, нет ни малейшего намерения, — он взглянул на Руфуса, — выгонять доктора Пирсона.

Врачи одобрительно закивали головами.

— Давайте рассуждать так, — продолжил главный хирург. — Все согласны в том, что изменения в отделении патологической анатомии давно назрели. Для обоснования достаточно одних только задержек с хирургическими заключениями. Каждый день отсрочки необходимой операции создает опасность для больного. Думаю, нет нужды убеждать вас в этом.

В разговор вступил Томазелли:

— Не надо забывать, что такие задержки уменьшают количество больных, которым мы можем помочь. Очередь на госпитализацию и без того велика.

Потом снова заговорил О’Доннелл:

— Конечно, вместо того чтобы созывать вас, я мог бы настоять на собрании медицинского совета. — Он сделал паузу. — И я на это пойду, если возникнет такая необходимость, но, думаю, вы не хуже меня знаете, что из этого получится. Джо сам является членом медицинского совета, у него большая поддержка со стороны старой гвардии совета, и обсуждение этого вопроса выльется в ругань и склоку. Допустим, мы победим — докажем, что Пирсон не в состоянии возглавлять отделение. И что? Чего мы этим добьемся? Тем самым, как правильно сказал Харви, мы подорвем авторитет не только патологической анатомии, но и всей клиники.

О’Доннелл умолчал о том, что возможный конфликт неминуемо

приведет и к политическим осложнениям.

— Я не говорю, что я с вами согласен, но в чем заключаются ваши предложения? — спросил Дорнбергер. Он подкрепил вопрос клубом синеватого дыма.

Руфус сморщил нос:

— Надо быстрее заканчивать, а то здесь скоро будет нечем дышать. Откуда вы привозите этот верблюжий навоз, Чарли?

Все улыбнулись, и О'Доннелл решил, что пора ставить точку.

— Я предлагаю вам, Чарли, поговорить с Джо Пирсоном от нашего имени.

— О нет!

О'Доннелл предвидел такую реакцию и попытался как можно убедительнее уговорить гинеколога.

— Чарли, мы все знаем, что вы близкий друг Джо. Я не просто так пригласил вас сюда. Вы один можете убедить его в необходимости изменений.

— Другими словами, вы хотите, чтобы я стал вашим палачом и занес над ним ваш топор? — сухо спросил он.

— Чарли, поверьте мне, речь идет не о топоре.

Дорнбергер заколебался. Он видел, что все смотрят на него, напряженно ожидая ответа. Как поступить: внять убеждениям О'Доннелла или нет? Его разрывали два чувства — озабоченность судьбой клиники и дружеское отношение к доктору Пирсону. Положение дел в отделении патологической анатомии, собственно, не было для него новостью. Он и сам подозревал, что там не все в порядке. Тем не менее случаи с Руфусом и Рейбенсом поразили его. Кроме того, он понимал, что главный хирург, к которому он относится с большим уважением, не стал бы созывать это совещание без особых причин.

В то же время Дорнбергер хотел всеми силами помочь Джо Пирсону, и его до глубины души возмущала волна неприязни, обрушившаяся на старого друга. Правда, О'Доннелл, кажется, искренне говорит о том, что у него нет намерения избавиться от Пирсона, да и остальные тоже этого не хотят.

Дорнбергер окинул взглядом присутствующих.

— Это единодушное решение? — спросил он.

— Я очень люблю Джо, — задумчиво произнесла Люси Грейнджер. — Думаю, как и все мы. Но я полагаю, что изменения в работе отделения патологической анатомии давно назрели.

До сих пор Люси молчала. Она больше думала о вчерашней встрече с

О’Доннеллом. Вчерашний визит Кента взволновал ее. Такого смятения она не испытывала много лет. Уж не влюблена ли она в него? Все совещание она убеждала себя, хотя и не очень уверенно, что такие слова хороши для молодых и горячих, а в ее возрасте надо больше думать головой и не поддаваться эмоциям. В результате она нашла в себе силы отделить личное от профессионального и включилась в решение обсуждаемых проблем. Медицина учит этому искусству — отвлекаться от личного ради решения неотложных задач.

О’Доннелл посмотрел на Руфуса:

— Билл?

Хирург кивнул:

— Хорошо. Если Чарли поговорит с Пирсоном, то я согласен.

Следующим был Чендлер. Он обратился к Дорнбергеру:

— Чарли, мое мнение таково, что это самый лучший способ разрешить ситуацию. Ты окажешь нам и всей клинике неоценимую услугу.

— Хорошо, — ответил Дорнбергер. — Посмотрим, что я смогу сделать.

На какое-то время наступила тишина, и О’Доннелл ощутил невероятное облегчение. Коллеги наконец поняли и оценили проблемы и начали что-то предпринимать. Дело, кажется, сдвинулось с мертвой точки. Но иногда, подумал он, все усилия идут насмарку, если не во всем следовать принятому протоколу; если попытка окажется неудачной, придется прибегнуть к более жестким мерам. В промышленности, когда человек не справляется со своими обязанностями, его увольняют или назначают ему помощника. Издаётся приказ — и помощник выходит на работу. В медицине все не так просто. Авторитет руководства здесь очерчен не так четко, и назначенный заведующий отделением скоро становится полновластным хозяином своей епархии. Еще важнее то, что медицинский руководитель всегда сомневается, стоит ли принимать жесткие меры, ибо понимает, что имеет дело не просто с работой. Приходится как бы оспаривать способности человека, который, как и ты, зависит от своей профессиональной репутации. Это очень деликатный вопрос. Единственное решение может непоправимо испортить будущее товарища по профессии, попросту лишить его средств к существованию. Именно поэтому такие дела решаются осторожно и по возможности скрытно от чужих глаз.

— Насколько я понимаю, нам придется искать второго патологоанатома, — негромко сказал Томазелли.

— Да, думаю, что нам пора приниматься за поиски, — ответил

О’Доннелл администратору и посмотрел на остальных: — Полагаю, что у всех нас есть связи и надо ими воспользоваться. Если вы знаете подходящего человека — хорошего специалиста, недавно закончившего резидентуру, — пожалуйста, сообщите.

— Патологоанатомы теперь стали очень разборчивыми, — заметил Руфус.

— Да, найти нужного специалиста будет нелегко, — согласился О’Доннелл. — Тем более надо быть повежливее с Джо.

Томазелли выдвинул ящик стола и достал оттуда папку.

— Может быть, это вас заинтересует, — сказал он.

— Что там у вас? — спросил Чендлер.

— Недавно я получил открытый список патологоанатомов, — ответил Томазелли. — Честно говоря, я чувствовал, к чему все клонится, и запросил этот список. Пару недель назад я получил ответ с именем одного патологоанатома.

— Можно посмотреть? — спросил О’Доннелл и потянулся за листом, извлеченным Томазелли из папки. Он знал, что по запросам лечебных учреждений периодически поступают так называемые открытые списки с информацией о патологоанатомах, готовых приступить к работе. Имена этих патологоанатомов печатались в таких списках с их разрешения. Существовал также закрытый список, но он циркулировал только в пределах профессионального круга патологоанатомов. В закрытом списке в основном фигурировали имена специалистов, недовольных своим нынешним местом работы и тайно искавших новое место. В таких случаях лечебные учреждения сообщали администрации общества патологоанатомов о своих нуждах, она доводила предложения до заинтересованных коллег, а те уже сами обращались в клиники. Но несмотря на существование всех этих механизмов, О’Доннелл знал, что наилучшие результаты дают личные рекомендации и связи.

Он взглянул на лист, переданный ему администратором. Это было резюме доктора Дэвида Коулмена, тридцати одного года. У О’Доннелла непроизвольно поднялись брови, когда он ознакомился с резюме Коулмена. С отличием окончил Нью-Йоркский университет. Интернатуру проходил в клинике Бельвью. Два года служил в армии — патологоанатомом. После службы в течение пяти лет проходил резидентуру по патологической анатомии в трех хороших лечебных учреждениях. Это был человек, получивший блестящее образование и разностороннюю подготовку.

О’Доннелл передал резюме Руфусу.

— Очень сомневаюсь, что он обратит на нас внимание, — сказал

главный хирург администратору. — При его квалификации мы просто не сможем платить ему достойную зарплату.

Из прежних разговоров с администратором он знал, что зарплата патологоанатома будет не больше десяти тысяч долларов в год.

Руфус поднял глаза:

— Согласен. Этот человек может устроиться в любой большой клинике крупного города. — Он передал резюме Харви Чендлеру.

— Ну, дело в том... — начал было Томазелли и сделал паузу. Было видно, что он испытывает несвойственную ему нерешительность и тщательно подбирает слова для какого-то сообщения.

— Что такое, Гарри? — с любопытством поинтересовался О'Доннелл.

— Дело в том, что доктор Коулмен заинтересован именно в нашей клинике. — Томазелли снова сделал паузу. — Мне сказали, что он слышал о наших нововведениях и планах на будущее.

О'Доннелл первым нарушил внезапно воцарившуюся тишину:

— Откуда ты это знаешь?

— Знаю, потому что веду с ним переписку.

— Это как-то не совсем обычно, Гарри. Ты не находишь? — язвительно поинтересовался Руфус.

— Возможно, я немного забежал вперед, но после того, как я получил это, — он указал рукой на резюме, переданное теперь Люси, — я написал доктору Коулмену. Естественно, я не стал предлагать ему что-либо определенное. Это был просто зондаж, выяснение позиций. — Он обернулся к О'Доннеллу: — Это началось после нашего с тобой разговора пару недель назад. Ты, наверное, помнишь его, Кент.

— Да, помню. — О'Доннелл предпочел бы, чтобы Томазелли заранее сообщил ему о своей переписке. Правда, как администратор Гарри имеет полное право переписываться, с кем ему угодно. Ведь именно он руководит клиникой. Да и переписка, без сомнения, была сугубо конфиденциальной. Возможно, Томазелли сделал удачный ход. — Так ты говоришь, он заинтересовался? — обратился О'Доннелл к администратору.

— Да, он хочет приехать и посмотреть клинику. Я как раз собирался сказать тебе об этом, но ты назначил совещание — очень кстати.

Теперь резюме разглядывал Дорнбергер. Он ткнул в него пальцем и спросил:

— И что теперь прикажете мне с этим делать?

О'Доннелл, ища поддержки, посмотрел на остальных:

— Думаю, что вы должны взять его с собой, Чарли, и показать Джо Пирсону.

Глава 7

В боковой комнате, примыкающей к прозекторской, резидент Роджер Макнил ждал заведующего отделением. Все было готово для проведения обзора макроскопических препаратов. Не хватало только присутствия доктора Джозефа Пирсона.

В клинике Трех Графств, также как и во многих других лечебных учреждениях, обзор макроскопических препаратов был следующей стадией исследования после вскрытия. Полчаса назад служитель морга Джордж Ринни принес органы, извлеченные на прошлой неделе в трех вскрытиях. Органы двух трупов аккуратно лежали в белых эмалированных лотках, а рядом стояли три стеклянных кувшина, в каждом из которых находился мозг. В центре помещения стоял каменный прозекторский стол со стоком, а над столом висел шланг для смыва. Сейчас кран был открыт, и вода текла на уложенные в третий лоток органы, смывая с них формалин и резкий запах.

Макнил осмотрелся, проверяя, все ли на месте. Пирсон всегда выходил из себя, если чего-то не оказывалось под рукой. Про себя Макнил отметил, что комната, в которой они проводят исследование, своей мрачностью вполне соответствует своему назначению. Да еще повсюду органы. Не хватало лишь какой-то мелочи, чтобы комната стала похожей на бойню. Макнилу приходилось бывать в других клиниках, где в таких помещениях все сверкало нержавеющей сталью и современным оборудованием, но эти новшества пока не коснулись клиники Трех Графств.

Послышались знакомые шаркающие шаги, и вошел Пирсон, волоча за собой неизбежное облако сигарного дыма.

— Мы не можем терять времени. — Пирсон редко утруждал себя приветствиями. — Прошло уже полторы недели после разговора с О’Доннеллом, а мы по-прежнему отстаем. — Сигара прыгала у Пирсона во рту вверх и вниз. — Когда мы закончим с этим, я займусь хирургическими хвостами. Итак, что у нас с первым случаем?

Говоря все это, Пирсон надел черный резиновый фартук и резиновые перчатки. Потом он подошел к столу и сел. Макнил сел напротив и начал читать протокол вскрытия:

— «Женщина пятидесяти пяти лет. Клинический диагноз: основное заболевание — рак молочной железы».

— Дайте посмотреть. — Джо Пирсон протянул руку к папке. Иногда

он терпеливо ждал, когда резидент зачитает ему особенности случая, но иногда читал протоколы сам. В этом, как и во всем другом, Пирсон был непредсказуем. — Гм... — промычал он и выключил воду. Сунув руку в лоток, порылся в нем, извлек сердце, раскрыл его обеими руками. — Это вы его вскрыли?

Резидент отрицательно покачал головой.

— Я тоже так думаю. — Пирсон снова воззрился на сердце. — Седдонс?

Макнил неохотно кивнул. Он тоже заметил, что сердце вскрыто неправильно.

— Метка Зорро, — усмехнулся Пирсон. — Как будто он рубил его топором. Кстати говоря, где Седдонс?

— Думаю, что в операционной. Он хотел посмотреть какую-то интересную операцию.

— Передайте ему от моего имени, что, пока он прикреплен к отделению патологической анатомии, он должен быть здесь при всех наших исследованиях. Итак, приступим.

Макнил положил на колени картонный планшет и приготовился записывать. Пирсон начал диктовать:

— Миокард слегка утолщен, митральный клапан деформирован. Вы видите? — Он поднес сердце ближе к Макнилу.

Макнил перегнулся через стол и посмотрел.

— Да, вижу, — ответил он.

Пирсон продолжал:

— Сухожильные хорды спаяны, укорочены и утолщены. — Он небрежно добавил: — Похоже, больная страдала запущенным ревматизмом. Но не он послужил причиной смерти.

Пирсон отрезал небольшой кусочек ткани и положил его в помеченный этикеткой небольшой флакон. Этот образец он позже изучит под микроскопом. Заученным стереотипным движением патологоанатом бросил сердце в отверстие в полу под столом. Под отверстием находится металлический чан. Позже служитель очистит и вымоет его, а остатки органов будут сожжены в специальной печи.

Пирсон взял из лотка легкие. Первое легкое он раскрыл, как книгу, потом продиктовал Макнилу:

— В легких имеют место многочисленные метастатические узелки. — Он снова показал орган резиденту.

Когда Пирсон занялся вторым легким, за его спиной открылась дверь.

— Вы заняты, доктор Пирсон?

Патологоанатом, узнав по голосу Карла Баннистера, старшего лаборанта отделения патологической анатомии, раздраженно обернулся. Баннистер повернул голову. За спиной Баннистера угадывалась чья-то фигура.

— Конечно, я занят. Что тебе нужно? — В тоне было нечто среднее между зверским рыком и добродушным подшучиванием. Пирсон почти всегда разговаривал с Баннистером именно так. Обратись он к лаборанту более приветливо, тот, пожалуй, сильно бы смутился.

Баннистер был непробиваем. Он поманил к себе стоявшего за его спиной человека:

— Входите. — Потом снова обратился к Пирсону: — Это Джон Александер. Помните? Это наш новый техник-лаборант. Вы приняли его неделю назад, и сегодня он приступает к работе.

— Ах да. Я совсем забыл. Входите. — На этот раз голос стал более сердечным.

Макнил подумал, что старик не хочет в первый же день до смерти напугать нового сотрудника, и с любопытством поглядел на новичка. Не больше двадцати двух лет. Потом он узнал, что не ошибся. Он уже слышал, что Александер закончил колледж и получил степень по медицинским технологиям. Что ж, это очень неплохо, потому что Баннистер отнюдь не Луи Пастер.

Макнил перевел взгляд на старшего техника-лаборанта. Внешне Баннистер представлял собой уменьшенную копию Пирсона. Короткое плотноватое тело было частично прикрыто замызганным лабораторным халатом, а видневшаяся из-под него одежда была поношенной и давно не глаженной. Голову Баннистера венчала изрядная плешь, а оставшиеся волосы находились в полном небрежении.

Макнил знал историю карьеры Баннистера. Он пришел в клинику Трех Графств через два или три года после Пирсона. За плечами у парня была только средняя школа, и Пирсон взял его для подсобных работ — заполнения бланков, выполнения мелких поручений и мытья лабораторной посуды. Постепенно Баннистер обучился множеству практических вещей и стал, по сути, правой рукой Пирсона.

Официально Баннистер занимался серологией и биохимией. Но он так долго работал в отделении, что при необходимости мог выполнять, и на самом деле выполнял, множество других лабораторных методик. Пирсон возложил на Баннистера практически всю административную работу в лаборатории, и тот, по существу, являлся теперь руководителем всех остальных техников-лаборантов в отделении патологической анатомии.

Макнил подумал, что в молодости Баннистер, наверное, был хорошим лаборантом и, имея он образование, мог бы достичь в профессии гораздо большего. Но все сложилось как сложилось. Баннистер был силен в практике, но на обе ноги хромал в теории. Наблюдая за старшим лаборантом, Макнил понимал, что вся работа Баннистера основана на механической памяти, а не на рассуждениях. Да, он хорошо делал серологические и биохимические тесты, но не понимал научной сути происходивших при этом реакций. Макнил считал, что в один прекрасный день такое непонимание может обернуться катастрофой.

Макнил знал, что новый сотрудник в этом отношении был полной противоположностью Баннистеру. Он прошел обычный для современных технологов-лаборантов путь. За плечами у него годы обучения в колледже, а на последнем курсе — специализация в области медицинских технологий. Правда, словосочетание «технолог-лаборант» резало слух таким людям, как Баннистер, которые предпочитали другое — «техник-лаборант».

Пирсон махнул сигарой в сторону свободного стула, стоявшего у стола:

— Садитесь, Джон.

— Спасибо, доктор, — вежливо ответил Александер. В безупречно сидевшем лабораторном халате, отглаженных брюках и сияющих ботинках, он являл собой разительный контраст в сравнении с Пирсоном и Баннистером.

— Вы думаете, вам здесь понравится? — Спрашивая это, Пирсон внимательно рассматривал легкое.

— Уверен, что понравится, доктор.

Какой милый мальчик, отметил Макнил. Похоже, он говорит вполне искренне.

— Знаете, Джон, — снова заговорил Пирсон, — скоро вы поймете, что у нас есть свой, определенный стиль работы. Возможно, он покажется вам не совсем привычным, но нам он подходит.

— Я понимаю вас, доктор.

«Понимаешь ли? — подумал Макнил. — Понимаешь ли, что на самом деле говорит тебе старик? Он говорит, что не желает никаких перемен, что его не интересует научный бред, нахватанный тобой в колледже, и что ничто в отделении — даже мелочь — не может происходить без его благословения».

— Некоторые могут сказать, что мы старомодные консерваторы, ретрограды, — продолжал Пирсон необычайно дружелюбным для него

тоном, — но мы предпочитаем старые, испытанные и проверенные временем методы. Правда, Карл?

Призванный на помощь Баннистер не стал медлить с ответом:

— Именно так, доктор.

Пирсон покончил с легкими, поковырялся в лотке, словно в ящике с лотерейными билетами, и извлек из него желудок. Старик хмыкнул и показал вскрытый желудок резиденту:

— Видите?

Макнил кивнул:

— Я уже видел, эта находка внесена в протокол.

— Отлично. — Пирсон кивнул в сторону планшета и начал диктовать:

— Пептическая язва двенадцатиперстной кишки, расположенная непосредственно под пилорическим сфинктером желудка.

Александр приподнялся на стуле, чтобы лучше рассмотреть макропрепарат. Пирсон заметил это движение и пододвинул желудок ближе к лаборанту.

— Вы интересуетесь вскрытиями, Джон?

— Я всегда интересовался анатомией, доктор, — уважительно ответил Александр.

— Так же как и лабораторным делом, не так ли? — По тону Макнил понял, что Пирсон остался доволен. Патологическая анатомия была первой и единственной любовью старика.

— Да, сэр, — подтвердил новый лаборант.

— Это органы пятидесятипятилетней женщины. — Пирсон перевернул несколько страниц лежавшей перед ним истории болезни. Александр внимательно слушал. — Случай довольно интересный. Умершая была вдовой. Непосредственная причина смерти — рак молочной железы. За два года до смерти ее дети знали о заболевании, но не смогли убедить женщину обратиться к врачу. Кажется, у нее было предубежденное отношение к медицине.

— Для некоторых людей оно характерно, — вставил Баннистер. Он хихикнул, но смех его замер, когда он перехватил взгляд Пирсона.

— Оставь при себе свои глупые замечания, — оборвал его патологоанатом. — Я говорю Джону важные вещи. Тебе тоже не повредит их послушать.

Любого другого на месте Баннистера такой ответ просто шокировал бы, но старший техник-лаборант лишь широко улыбнулся.

— И что было дальше, доктор? — спросил Александр.

— Здесь написано: «Дочь утверждает, что последние два года

родственники наблюдали выделения из соска левой молочной железы матери. За год и два месяца до поступления в клинику выделения стали кровянистыми. Каких-либо жалоб на другие расстройства здоровья больная не заявляла». — Пирсон перевернул страницу. — Кажется, эта женщина обращалась к целителю, который лечил ее молитвами. — Он мрачно усмехнулся: — Видно, вера ее оказалась слаба, потому что вскоре она слегла и попала в клинику.

— Думаю, что было уже поздно.

Это не простая вежливость, подумал Макнил. Этому парню действительно интересно.

— Да, — ответил Пирсон. — Если бы она вовремя обратилась к врачу, ей сделали бы радикальную мастэктомию, то есть полное удаление молочной железы.

— Да, сэр, я знаю.

— Если бы она это сделала, то была бы жива до сих пор. — С этими словами Пирсон аккуратно опустил желудок в отверстие в полу.

Но что-то продолжало волновать Александера.

— Но вы только что сказали, что у нее была пептическая язва, не так ли? — спросил он.

Отличный вопрос, оценил Макнил. Кажется, Пирсон был того же мнения, так как, повернувшись к Баннистеру, сказал:

— Послушай, Карл. Видишь этого парня? Учись у него держать уши открытыми. Берегись, он может занять твоё место.

Баннистер привычно улыбнулся, но Макнил заметил, что улыбка получилась немного кислой. Слова Пирсона могли оказаться пророческими.

— Ну, Джон, — Пирсон, кажется, всерьез разговорился, — она могла, конечно, от нее страдать, но это совершенно не обязательно.

— То есть она не знала о своей язве?

Макнил решил, что пора и ему вступить в разговор.

— Удивительно, — сказал он Александеру, — сколько болезней бывает у людей помимо заболевания, от которого они умирают, болезней, о которых эти люди не имеют ни малейшего представления. Вы не раз с этим столкнетесь.

— Верно, — согласно кивнул Пирсон. — Знаете, Джон, человеческий организм удивляет не тем, что нас убивает, а тем, что в нем иногда гнездятся тяжелые болезни, но мы тем не менее продолжаем жить. — Он замолчал и круто поменял тему разговора: — Вы женаты?

— Да, сэр, женат.

— Жена приехала с вами?

— Пока нет. Она приедет на следующей неделе. Мне надо сначала подыскать подходящее жилье.

Макнил только теперь вспомнил, что Александер был иногородним специалистом, приехавшим работать в клинику Трех Графств. Кажется, он приехал из Чикаго.

Александер, колебавшись, добавил:

— Есть одна вещь, о которой я хотел бы вас попросить, доктор Пирсон.

— Какая? — насторожился старик.

— Моя жена беременна, доктор, а в этом городе мы никого не знаем. — Александер сделал паузу. — Будущий ребенок для нас очень важен, потому что первого мы потеряли. Он умер через месяц после рождения.

— Я понял. — Пирсон отвлекся от работы и внимательно слушал.

— Доктор, может быть, вы порекомендуете гинеколога, к которому могла бы обратиться моя жена?

— Это легко, — с явным облегчением произнес Пирсон. Он явно ожидал чего-то худшего. — Доктор Дорнбергер — хороший человек и специалист. Он принимает здесь, в клинике. Хотите, я ему позвоню?

— Если это вас не сильно затруднит.

— Узнай, на месте ли он, — сказал Пирсон Баннистеру.

Баннистер снял телефонную трубку и назвал телефонистке номер.

— Он на месте, — сказал старший лаборант и протянул трубку шефу.

Старик раздраженно мотнул головой и показал Баннистеру свои затянутые в перчатки, испачканные руки.

— Держи трубку сам, держи!

Баннистер поднес трубку к уху Джо Пирсона.

— Это ты, Чарли? — загремел патологоанатом в микрофон. — У меня есть для тебя пациентка.

Чарльз Дорнбергер, сидевший в своем кабинете тремя этажами выше, улыбнулся и отодвинул трубку от уха.

— Что может сделать акушер для твоей пациентки, Джо? — И тут же подумал, что этот звонок может быть ему на руку. После вчерашнего совещания у О’Доннелла он ломал голову, как подступиться к Джо Пирсону. Теперь возможность представилась сама собой.

Пирсон перебросил сигару в угол рта. Общение с гинекологом всегда доставляло ему удовольствие.

— Это не покойник, старый дурак. Это живой человек. Жена одного из

моих лаборантов — миссис Джон Александер. Они только что приехали в наш город и никого здесь не знают.

Когда Пирсон назвал фамилию, Дорнбергер открыл ящик стола и достал оттуда чистый бланк карточки.

— Минутку. — Он прижал трубку плечом, чтобы придержать карточку освободившейся левой рукой, а правой записал четким мелким почерком: «Александер, миссис Джон». Дорнбергер всегда отличался организованным подходом к делу.

— Буду рад оказать такую услугу, Джо. Пусть она позвонит, и мы договоримся о времени.

— Отлично. Это будет не сегодня, миссис Александер приедет только на следующей неделе. — Он улыбнулся Александеру, потом добавил, как обычно, очень громко: — Если они захотят двойню, то проследи, Чарли, чтобы они ее получили. — Пирсон выслушал ответ Дорнбергера и рассмеялся. — Да, и еще одно! Не вздумай требовать за работу свой фантастический гонорар. Я не хочу, чтобы парень сразу начал просить прибавки для оплаты твоих счетов.

Дорнбергер улыбнулся:

— Не переживай. — С этими словами он пометил в карточке: «Сотрудник клиники». Это означало, что пациент будет бесплатным. Потом он сказал в трубку: — Джо, мне надо поговорить с тобой об одном деле. Когда тебе будет удобно меня принять?

— Не сегодня, Чарли, — ответил Пирсон. — У меня полно работы. Может быть, завтра?

Дорнбергер заглянул в свой ежедневник:

— Завтра я сильно занят. Давай послезавтра. Я приду к тебе в кабинет.

— Договорились. Но почему бы тебе не сказать об этом деле сейчас, по телефону? — В голосе Пирсона проскользнуло любопытство.

— Нет, Джо, лучше я приду и мы поговорим лично, а не по телефону.

— Хорошо, Чарли. Увидимся послезавтра. Пока, — ответил Пирсон и сделал знак Баннистеру положить трубку на рычаг. Затем повернулся к Александеру: — Все устроилось. Ваша жена, когда придет срок, будет рожать в клинике. Как сотрудник вы получите двадцатипроцентную скидку.

«Как он просиял, — подумал Макнил. — Радуйся, радуйся, дружок. Старик сегодня в хорошем расположении духа. Но будь начеку, такие моменты случаются не часто, бывают и другие, и они едва ли придутся тебе по вкусу».

— Одну секунду. — Доктор Дорнбергер улыбнулся молоденькой

практикантке, вошедшей в его кабинет, когда он разговаривал с Пирсоном, и кивком указал на стоявший сбоку от стола стул.

— Спасибо, доктор. — Вивьен Лоубартон принесла историю болезни, которую Дорнбергер хотел просмотреть. Обычно врачи не пользовались услугами медсестер и сами ходили в отделения за историями. Но сестры любили Дорнбергера и часто оказывали ему разные мелкие услуги, и когда гинеколог несколько минут назад позвонил в отделение и попросил принести историю болезни, дежурная сестра тут же отправила Вивьен в его кабинет.

— Я не люблю делать несколько дел сразу. — Дорнбергер карандашом записывал в карточке сведения, сообщенные ему Пирсоном. Потом, подробно расспросив и осмотрев пациентку, он сотрет карандашные записи и заполнит карточку чернилами. Не переставая писать, он спросил: — Вы новенькая?

— Совершенно верно, доктор. Я четвертый месяц учусь в школе медсестер.

У девушки был нежный мелодичный голос, к тому же она была очень хорошенькой. Интересно, не переспала ли она уже с каким-нибудь интерном или резидентом? Или все изменилось с тех пор, как сам Дорнбергер был студентом? Иногда гинекологу казалось, что нынешние интерны и резиденты стали более консервативными. Жаль. Если это так, то они лишают себя больших удовольствий. Вслух он, однако, сказал иное:

— Я говорил с доктором Пирсоном, нашим патологоанатомом. Вы с ним знакомы?

— Да, — ответила Вивьен. — Наша группа уже побывала на вскрытии.

— О Господи! И как вам... — он хотел сказать «понравилось», но передумал, — показалось это действо?

Вивьен на мгновение задумалась.

— Сначала оно меня потрясло. Но потом стало даже интересно.

Он сочувственно кивнул и отложил заполненную карточку. Сегодня был спокойный день. Можно было закончить одну работу, а потом не спеша приняться за другую. Он протянул руку за историей болезни.

— Спасибо. Это займет всего минуту. Вы сможете подождать?

— Конечно, доктор. — Вивьен даже обрадовалась возможности несколько минут отдохнуть от суеты отделения и поудобнее устроилась на стуле. В кабинете работал кондиционер и было прохладно. В сестринском общежитии такой роскоши не было.

Вивьен рассматривала доктора Дорнбергера, пока он изучал историю

болезни. Наверное, он ровесник доктора Пирсона, но выглядит совершенно по-другому. Пирсон круглолиц, с выступающей нижней челюстью, тяжеловесен. Доктор Дорнбергер худ и угловат. В отличие от Пирсона густые седые волосы Дорнбергера тщательно расчесаны на пробор, а больничная форма безупречно чиста и отутюжена.

Дорнбергер отдал Вивьен историю болезни.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Было большой любезностью с вашей стороны принести мне историю болезни.

Он очень живой, подумала Вивьен, в нем есть изюминка. Она слышала, что Дорнбергера очень любят его пациентки, и теперь поняла, что в этом нет ничего удивительного.

— Надеюсь, мы еще увидимся. — Дорнбергер встал, проводил Вивьен до выхода и открыл перед ней дверь. — Удачи в учении.

— До свидания, доктор. — Она вышла, оставив за собой едва уловимый аромат духов.

Каждый раз, подумал Дорнбергер, встреча с юностью заставляет его удивляться себе. Он вернулся к столу, сел на крутящийся стул и задумчиво откинулся на его спинку. Потом машинально достал трубку и принялся ее набивать.

Он проработал в медицине полных тридцать два года. Через неделю будет тридцать три. Это были насыщенные годы, сторицей вознаградившие его усилия. Финансовых проблем доктор Дорнбергер давно не испытывал. Четверо детей давно выросли. Теперь у них были свои семьи, и они с женой могли спокойно жить на собранный за годы совместной жизни капитал. Но будет ли он доволен, уйдя на пенсию и живя за городом простой деревенской жизнью? Не станет ли ему скучно?

Дорнбергер неизменно гордился тем, что как врач всегда был в курсе последних научных достижений. Уже давно он поставил себе цель, чтобы ни один более молодой коллега не мог превзойти его ни в оперативной технике, ни в знаниях. В результате Дорнбергер продолжал до сих пор жадно читать медицинскую литературу, выписывал множество медицинских журналов, которые прочитывал от корки до корки, а иногда и сам писал в них статьи, не пропускал заседаний медицинских обществ и был их активным членом. В самом начале своей карьеры, задолго до того, как это стало модным веянием, он понял целесообразность узкой специализации и выбрал акушерство и гинекологию. Он никогда не жалел о своем выборе и часто думал, что именно его специальность позволяет ему душой оставаться молодым.

Уже в середине тридцатых, когда в США только начали создаваться

специализированные медицинские советы, Дорнбергер был уже состоявшимся специалистом в своей области. Он тогда, с учетом своих достижений, получил сертификат без экзамена и до сих пор этим гордился. Приятное воспоминание подхлестывает его и заставляет держаться на уровне.

Тем не менее он никогда не завидовал младшим коллегам. Почувствовав, что они грамотны и добросовестны, он уступал им дорогу и помогал словом и делом. Он, например, восхищался О'Доннеллом, глубоко его уважал и считал приход молодого врача на пост главного хирурга клиники Трех Графств самой большой удачей этого лечебного учреждения. Сам Дорнбергер буквально воспрянул духом после того, как О'Доннелл начал свои преобразования.

У Дорнбергера было много друзей. Некоторые были его коллегами по цеху, других он находил в самых неожиданных местах. Джо Пирсона можно было смело отнести ко второй категории. Как профессионалы, они по-разному смотрели на многие вещи. Дорнбергер, например, знал, что в последние годы Джо Пирсон практически перестал читать специальную литературу, и подозревал, что во многих областях старый патологоанатом безнадежно отстал от жизни. В результате и как у администратора у него тоже возникли проблемы, вскрытые на вчерашнем совещании. Однако узы, связывающие этих двух людей, за много лет стали необычайно крепкими. К собственному удивлению, на врачебных конференциях Дорнбергер обычно становился на сторону Пирсона, а в частных разговорах яростно защищал отделение Пирсона от необоснованной, на его взгляд, критики.

Замечание, высказанное Дорнбергером на клинко-анатомической конференции десять дней назад, было выдержано именно в таком духе. Кажется, все заподозрили его в сговоре с Джо Пирсоном. Гил Бартлет, например, сказал что-то вроде этого: «Вы с ним друзья, и он никогда не нападает на акушеров». Дорнбергер успел забыть эту реплику в точности, но теперь вспомнил прозвучавшую в ней горечь. Надо было воздержаться тогда от замечания. Бартлет — хороший врач, и Дорнбергер решил сердечным обращением с ним загладить свою невольную вину.

У Дорнбергера были и свои личные проблемы. Увольняться или не увольняться? И если увольняться, то когда? С недавнего времени он, несмотря на хорошую физическую форму, начал уставать от работы. Всю свою профессиональную жизнь он работал по ночам, но теперь ночные звонки стали его утомлять. Вчера за обедом он слышал, как Керш, дерматолог, говорил одному интерну: «Сынок, иди к нам заниматься кожными болезнями. За пятнадцать лет меня ни разу не вызвали в клинику

ночью». Дорнбергер рассмеялся вместе с остальными, но втайне позавидовал дерматологу.

Пока он по-прежнему великолепно справляется с делом. У него, как и всегда, ясный ум, твердая рука и острый глаз. Но Дорнбергер внимательно следил за собой, зная, что не станет колебаться при первых же признаках упадка. Тогда он освободит место и уйдет. Он видел, как это ужасно, когда старики слишком долго засиживаются на своих местах.

Что касается его, то он пока останется в должности на следующие три месяца, а потом будет видно.

Тем временем Дорнбергер плотно набил трубку табаком и потянулся за коробком спичек. Он уже собирался чиркнуть спичкой и прикурить, когда раздался телефонный звонок. Отложив трубку и спички, он поднял телефонную трубку:

— Доктор Дорнбергер слушает.

Звонила одна его пациентка. Час назад у нее начались схватки, а теперь у нее отошли воды. Пациентка была совсем молодой, это были первые роды. Она задыхалась от волнения, хотя изо всех сил старалась его скрыть.

Дорнбергер принялся спокойно инструктировать пациентку:

— Ваш муж дома?

— Да, доктор.

— Тогда соберите вещи, и пусть он отвезет вас в клинику. Я приму вас, как только вы приедете. У нас впереди масса времени, вот увидите.

Даже по телефону он почувствовал, что волнение пациентки улеглось. Ему почти всегда удавалось успокаивать рожениц, и он считал это такой же неотъемлемой частью своей работы, как назначение лечения или операции. Правда, теперь он сам ощутил некоторое волнение. Каждый новый случай всегда оказывал на него такое действие. По логике вещей, думал Дорнбергер, он должен был уже давно утратить всякие чувства и переживания по этому поводу. За долгие годы работы в медицине врачи имеют обыкновение становиться непробиваемыми, назначения их — стереотипными и механическими, а отношение к больным — безучастным. Но все это ни в коей мере не коснулось Дорнбергера — возможно, потому, что даже теперь, по прошествии стольких лет, он очень любил свое дело.

Он взялся за курительную трубку, но потом отложил ее в сторону и потянулся к телефону. Надо позвонить в акушерское отделение, сказать, что в клинику везут его пациентку.

Глава 8

— Я не уверен даже в том, что победа над полиомиелитом была благом или необходимостью.

Эту фразу произнес Юстас Суэйн — основатель империи универмагов, миллионер и филантроп, а также член совета директоров клиники Трех Графств. Гости уютно расположились в облицованной дубом, мягко освещенной библиотеке старого, но импозантного особняка, расположенного на пятидесяти акрах парка близ восточной окраины Берлингтона.

— Невозможно, чтобы вы говорили это всерьез, — небрежно заметил Ордэн Браун. И председатель совета директоров улыбнулся двум присутствовавшим женщинам — своей жене Амелии и дочери Суэйна Дениз Кванц.

Кент О’Доннелл отпил немного коньяка, бесшумно поданного слугой, и откинулся на спинку глубокого кожаного кресла, которое он выбрал, когда гости после обеда перешли в библиотеку. Сцена, на взгляд О’Доннелла, была почти средневековой. Он окинул взглядом освещенное приглушенным светом помещение, ряды переплетенных в кожу книг, которые стояли на стеллажах, достигавших высокого деревянного потолка, тяжеловесную мебель из темного старого дуба. В необъятном камине лежали огромные поленья. В этот теплый июльский вечер они не горели, но по первому же знаку хозяина слуга был готов поджечь их факелом. Юстас Суэйн сидел напротив О’Доннелла как король в похожем на трон кресле с прямой спинкой, а остальные гости расположились перед ним полукругом, словно подданные.

— Я говорю вполне серьезно. — Суэйн поставил на стол стакан с бренди и подался вперед. — О, я, конечно, признаюсь: покажите мне ребенка на костылях, и я, забыв обо всем, полезу в карман за чековой книжкой. Но я говорю о деле в широкой перспективе. Факт остается фактом, и я готов спорить с любым, кто станет это отрицать: мы занимаемся тем, что ослабляем род человеческий.

Этот аргумент не отличался новизной. О’Доннелл учтиво возразил:

— Вы хотите предложить, чтобы мы прекратили медицинские исследования, заморозили наши знания и технологии и перестали помышлять о победах над другими болезнями.

— Вы не сможете этого сделать, — ответил Суэйн. — Это так же

невозможно, как заставить гадаринских свиней не прыгать с обрыва.

О'Доннелл рассмеялся:

— Не скажу, что мне нравится эта аналогия. Но если так, то к чему спор?

— К чему? — Суэйн стукнул кулаком по подлокотнику кресла. — К тому, что вы можете только что-то критиковать и не можете ничего сделать, чтобы это изменить.

— Понимаю, — сказал О'Доннелл, чувствуя, что не хочет углубляться в эту дискуссию. Кроме того, спор мог повредить отношениям с Суэйном как его самого, так и Ордэна Брауна, а они приехали сюда как раз для того, чтобы их улучшить. О'Доннелл окинул взглядом присутствующих в библиотеке людей. Амелия Браун, с которой О'Доннелл был хорошо знаком после посещений дома председателя совета директоров, перехватила его взгляд и улыбнулась. Жена была в курсе всех дел своего мужа и знала всю подноготную политики руководства клиники.

Дениз Кванц, замужняя дочь Юстаса Суэйна, внимательно слушала.

За обедом О'Доннелл обнаружил, что его взгляд совершенно невольно то и дело останавливается на миссис Кванц. Трудно было поверить, что эта женщина — родная дочь жесткого циничного человека, сидевшего во главе стола. В свои семьдесят восемь лет он все еще проявлял мертвую хватку, приобретенную в бурном и жестоком мире крупных дельцов рынка розничной торговли. Временами он пользовался преимуществами своего возраста и отпускал колкие замечания в адрес гостей, хотя О'Доннелл подозревал — он просто провоцирует спор. О'Доннелл даже поймал себя на мысли о том, что престарелого мальчишку до сих пор тянет подраться, пусть даже теперь только словесно. Интуитивно О'Доннелл чувствовал, что Суэйн преувеличивает свою антипатию к медицине только для того, чтобы поддержать свою злость. Исподволь разглядывая старика, О'Доннелл решил, что не последнюю роль в этом играют подагра и ревматизм.

В отличие от отца Дениз Кванц говорила вежливо и мягко. Она не раз сглаживала отцовские резкости, добавляя к ним несколько разумных слов. О'Доннелл отметил, что она к тому же красива и красота эта подчеркивается очарованием зрелости, которая приходит иногда к женщине в сорокалетию. О'Доннелл узнал, что Дениз часто приезжает в Берлингтон из Нью-Йорка. Вероятно, она не хочет бросать отца и периодически приглядывает за ним. Жена Суэйна умерла много лет назад. Из разговора, однако, выяснилось, что большую часть времени Дениз проводит все же в Нью-Йорке. Пару раз она упомянула своих детей, но имя

мужа не было названо ни разу. О’Доннелл решил, что они либо живут раздельно, либо давно развелись. Кент невольно сравнил Дениз Кванц и Люси Грейнджер. Эти две женщины были абсолютно разными. Люси, с ее успешной профессиональной карьерой, чувствовала себя в медицинской и больничной среде как рыба в воде и могла сблизиться с таким мужчиной, как он, на почве общих профессиональных интересов. Дениз Кванц была женщина свободная, богатая и независимая. Несомненно, она вращалась в великосветском обществе, но, несмотря на это — О’Доннелл чувствовал это инстинктивно, — умела создать в доме тепло и уют. Кент задумался: какая из двух женщин больше подходит для мужчины — та, которая посвятила себя профессии, или та, которая выбрала личную жизнь!

Дениз отвлекла О’Доннелла от его мыслей:

— Я уверена, что вы не сдадитесь так просто, доктор О’Доннелл. Не дайте отцу так легко отделаться.

Старик фыркнул:

— Мне не от чего отделяться. Все ясно как божий день. Веками природное равновесие сдерживало рост населения. После всплеска рождаемости наступал голод, уменьшавший численность населения.

В разговор вмешался Ордэн Браун:

— Но во многих случаях причины сокращения численности были чисто политическими, не имеющими ничего общего с силами природы.

— Иногда случалось и такое, в этом я могу с вами согласиться. — Суэйн беззаботно махнул рукой. — Но в гибели слабых членов популяции нет ничего политического.

— Вы имеете в виду слабых или бедных? — спросил О’Доннелл. «Ты хотел спора, — подумал он, — и ты его получишь».

— Я имею в виду только то, что сказал, — слабых. — Старик произнес это резко, но Кент чувствовал — он наслаждается спором. — Во время чумы или другой эпидемии слабые вымирали, а выживали сильнейшие. Другие болезни выполняют такую же функцию, поддерживая численность населения на определенном уровне — естественном. За счет этого сохранялись сильные, и именно они порождали следующие поколения.

— Юстас, вы действительно считаете, что современное человечество выродилось? — Амелия Браун задала этот вопрос с улыбкой, и О’Доннелл отметил про себя — она понимает, что старику все это очень нравится.

— Мы полным ходом идем к вырождению, — подтвердил ей старик, — по крайней мере здесь, на Западе. Мы искусственно продлеваем жизнь калекам, слабакам и больным. Мы навязываем обществу непосильное бремя — содержание неприспособленных к жизни,

неспособных внести вклад в общее благо. Скажите мне, какой смысл в пансионатах и клиниках для неизлечимых больных? Сегодня медицина спасает больных, которым надо дать возможность умереть. Но мы помогаем им жить, позволяем совокупляться и размножаться, передавая бесполезность детям, внукам и правнукам.

— Связь между наследственностью и болезнями пока не выяснена, — напомнил старику О’Доннелл.

— Сила человека не только в теле, но и в уме, — отпарировал Суэйн. — Разве дети наследуют только ментальные достоинства своих родителей и не наследуют их ментальную слабость?

— Далеко не всегда.

Все молчали слушая. Спор вели двое — старый магнат и хирург.

— Но во многих случаях это так, разве нет? — настаивал Суэйн.

— Насколько мы видим, это и в самом деле случается довольно часто, — с улыбкой ответил О’Доннелл.

Суэйн возмущенно фыркнул:

— Именно поэтому у нас так много психиатрических больниц, забитых пациентами. Именно поэтому теперь расплодилось так много психиатров.

— Может быть, это говорит о том, что мы стали обращать больше внимания на душевное здоровье.

— Может быть, это говорит о том, — ответил Суэйн, пародируя О’Доннелла, — что мы искусственно выращиваем, выращиваем и выращиваем слабых и хилых людей. — Последние слова старик почти выкрикнул. Его охватил приступ неудержимого кашля.

Надо остановиться, подумал О’Доннелл, у старика, наверное, гипертония.

Суэйн словно прочитал мысли О’Доннелла. Сделав глоток бренди, старик почти злобно произнес:

— Не щадите меня, мой юный медицинский друг. Я могу в пух и прах разбить все ваши аргументы.

О’Доннелл решил продолжить спор, но проявлять больше умеренности.

— Думаю, есть одна вещь, которую вы упустили из вида, мистер Суэйн. Вы сказали, что недуги и болезни — это природные регуляторы. Но многие болезни не являются результатом естественного хода вещей. Они результат воздействия созданной человеком окружающей среды. Антисанитария, отсутствие гигиены, трущобы, загрязнение воздуха — все это создано не природой, а самим человеком.

— Это часть эволюции, а эволюция — часть природы. Все это дополнение к регулирующим процессам.

О’Доннелл был восхищен. Этого воинственного старика не собьешь. Но аргумент показался ему слабоватым.

— Если вы правы, то и медицина является частью уравнивающего процесса.

— Как вы это обоснуете? — молниеносно возразил Суэйн.

— Медицина — это тоже часть эволюции. — Несмотря на добрые намерения О’Доннелла, голос его зазвенел от напряжения. — Все дело в том, что каждое рукотворное изменение окружающей среды создает проблему для медицины и она пытается ее решить. Но медицина никогда не решает эти проблемы до конца, она всегда отстает. Ибо едва мы начинаем заниматься одной проблемой, как возникает следующая.

— Но это проблема медицины, а не природы. — Глаза Суэйна злорадно блеснули. — Если оставить природу в покое, то она разрешит свои проблемы до того, как они возникнут. И сделает это путем естественного отбора самых приспособленных.

— Вы не правы, и я сейчас скажу почему. — О’Доннелл перестал заботиться об эффекте, производимом его словами. Он чувствовал, что должен высказаться, ответить на трудный вопрос не только другим, но и самому себе. — У медицины на самом деле только одна реальная проблема. Она всегда была и будет одной и той же. Это проблема индивидуального выживания человека. — Он сделал паузу. — А выживание — это древнейший закон природы.

— Bravo! — Амелия Браун хлопнула в ладоши. Но О’Доннелл еще не закончил.

— Именно поэтому мы победили полиомиелит, мистер Суэйн, чуму, черную оспу, сыпной тиф и сифилис. Именно поэтому мы сейчас боремся с раком, туберкулезом и другими болезнями. По этой причине мы сохраним те места, о которых вы говорили, — пансионаты и клиники для неизлечимых больных. Именно поэтому мы бережем людей — всех людей, каких можем, — и слабых, и сильных. В итоге это дает одно — выживание. Это стандарт медицины, единственный, которым мы можем и должны руководствоваться.

Он ждал, что в ответ Суэйн разразится пылкой тирадой, но старик молчал. Потом посмотрел на дочь:

— Налей доктору О’Доннеллу еще немного коньяка, Дениз.

Дениз подошла к нему с графином, и О’Доннелл протянул ей бокал. Женщина слегка наклонилась, и О’Доннелл расслышал тихий шелест ее

одежды и уловил мучительно-сладкий аромат духов. На секунду его охватило абсурдное, чисто мальчишеское желание коснуться ее мягких темных волос. Когда он очнулся от наваждения, Дениз была уже около отца.

Наливая коньяк в бокал Суэйна, она спросила:

— Папа, если ты в самом деле думаешь так же, как говоришь, то что ты делаешь в совете директоров клиники?

Суэйн рассмеялся:

— Я нахожусь там в основном потому, что Ордэн и другие надеются, что я не изменю свою волю. — Он посмотрел на Брауна: — Во всяком случае, они уже давно подсчитывают, сколько им осталось ждать.

— Ты несправедлив к своим друзьям, Юстас, — сказал Браун. Он старался шутить, но тон был серьезным.

— Не лги. — Старик явно радовался новой возможности поругаться. — Ты задала вопрос, Дениз, и я на него ответил. Я состою в совете директоров, потому что я практичный человек. У мира свои законы, и я не в силах их изменить, хотя и вижу, что они неверны. Но я могу по крайней мере быть уравнивающей силой. О, я знаю, что большинство из вас обо мне думает — что я мракобес и обструкционист.

— Кто-нибудь из нас это говорил? — молниеносно спросил Браун.

— Вам нет нужды это говорить. — Старик метнул недобрый взгляд в сторону председателя совета директоров. — Всякая деятельность нуждается не только в двигателе, но и в тормозе. Вот я и есть тормоз — замедляющая сила, стабилизатор. Когда меня не станет, ты и твои друзья поймете, что вам нужен другой тормоз.

— Ты говоришь вздор, Юстас. Ты несправедливо судишь свои собственные мотивы. — Браун решил ответить откровенностью на откровенность. — Для Берлингтона ты сделал хорошего не меньше, чем любой из моих знакомых.

Старик съехался в кресле.

— Откуда мы можем знать даже наши собственные мотивы? — проворчал он и поднял глаза: — Полагаю, что вы ждете от меня большого пожертвования на пристройку к клинике.

— Честно говоря, мы ждем, что ты, как и всегда, внесешь свой щедрый вклад.

— Думаю, что сумма в четверть миллиона долларов будет приемлемой, — сказал Суэйн с неожиданной мягкостью в голосе.

О’Доннелл заметил, что Браун затаил дыхание. Это был бы очень щедрый дар, намного больше ожидаемого в самых смелых мечтаниях.

— Не стану притворяться, Юстас, — сказал Браун. — Я ошеломлен.

— Для этого нет никаких оснований, — произнес старик, вращая ножку бокала. — Правда, окончательно я еще не решил. Пока я думаю. Окончательный ответ дам недели через две. — Он внезапно повернулся к О’Доннеллу: — Вы играете в шахматы?

О’Доннелл отрицательно покачал головой:

— Последний раз я играл в колледже.

— Мы часто играем в шахматы с доктором Джо Пирсоном. — Он смотрел в глаза О’Доннеллу. — Вы, конечно, знаете доктора Пирсона.

— Да, и очень хорошо.

— Я знаю доктора Пирсона много лет, — сказал Суэйн, — я встречался с ним в клинике Трех Графств и в других местах. — Суэйн говорил медленно, взвешивая каждое слово.

Что это — предостережение? О’Доннелл был пока в этом не уверен.

Суэйн продолжал:

— По моему мнению, доктор Пирсон — один из самых квалифицированных специалистов клиники. Надеюсь, что он еще много лет будет руководить своим отделением. Я безраздельно уважаю его способности и суждения.

Вот оно, подумал О’Доннелл. Председателю совета директоров и председателю медицинского совета предъявлен ультиматум. Своей речью Юстас Суэйн сказал: «Если вы хотите получить четверть миллиона долларов, то руки прочь от Джо Пирсона!»

Какое-то время Ордэн, Амелия и О’Доннелл ехали в «линкольне» Брауна по городу молча. Первой заговорила Амелия:

— Вы и правда думаете, что он даст четверть миллиона?

— Он вполне способен их дать, — ответил ее муж. — И даст. Если захочет.

— Думаю, ты понял его намек? — спросил О’Доннелл.

— Да, — ответил Браун без обиняков, но не продолжил тему, за что О’Доннелл был ему очень благодарен. Он понимал, что это его проблема, а не проблема председателя совета директоров.

Чета Браунов высадила О’Доннелла у входа в отель, где он жил. Попрощавшись, Амелия добавила:

— Да, кстати, Кент. Дениз разошлась с мужем, но официально они не разведены. Думаю, что есть какая-то проблема, но мы с ней никогда ее не обсуждали. Двое детей учатся в школе. Ей тридцать девять лет.

— Зачем ты ему все это рассказываешь? — удивленно спросил Браун.

Амелия улыбнулась:

— Потому что он очень хочет это знать. — Она тронула мужа за руку: — Ты никогда не станешь женщиной, дорогой, даже если сделаешь себе операцию.

Глядя на удаляющийся «линкольн», О’Доннелл недоумевал: как она догадалась? Может быть, слышала, как он прощался с Дениз. Он вежливо сказал ей, что надеется ее увидеть, и она ответила: «Я живу с детьми в Нью-Йорке. Почему бы вам не позвонить мне, когда вы там будете?» И теперь неожиданно для себя О’Доннелл решил поехать в следующем месяце на конгресс хирургов, от участия в котором раньше хотел отказаться. Он вспомнил о Люси Грейнджер и — какая иррациональность! — ощутил укол совести, обвинив себя в неверности.

У входа в отель от нелегких мыслей его отвлек чей-то голос:

— Добрый вечер, доктор О’Доннелл.

Он обернулся и узнал одного из резидентов-хирургов, Сед донса. Рядом с ним стояла хорошенькая брюнетка. Ее лицо тоже показалось О’Доннеллу знакомым. Судя по возрасту — медсестра-практикантка. Улыбнувшись обоим, он поздоровался. Потом вошел в стеклянную дверь и направился клифту.

— Кажется, он чем-то встревожен, — сказала Вивьен.

— Сомневаюсь, Ясноглазка, — бодро ответил Седдонс. — Он достиг такого положения, когда все тревоги остаются позади.

Спектакль закончился, и теперь они возвращались в клинику Трех Графств. Мюзикл им понравился. Это было веселое, буйное шоу, и во время представления они не раз от души смеялись. Сидя рядом с Вивьен, Майк держал ее за руку, а пару раз клал руку на спинку ее кресла и пальцами касался ее плеча. Девушка не возражала.

За ужином перед театром они рассказывали друг другу о себе. Вивьен спросила Майка, как он решил стать хирургом, а он поинтересовался, почему она поступила в школу медсестер.

— Не знаю, смогу ли я тебе это объяснить, Майк, — ответила она, — но я всегда хотела ею быть, во всяком случае, сколько себя помню. — Она рассказала Седдонсу, что ее родители сначала были против такого выбора, но потом, видя ее упорство, уступили. — Думаю, что на самом деле мне просто хотелось делать что-то очень полезное, а сестринская профессия казалась мне именно такой.

— Ты и до сих пор так думаешь? — спросил Седдонс.

— Да, — ответила Вивьен. — Правда, иногда, когда устаешь, когда видишь все эти неприятные больничные вещи, то вспоминаешь о доме и

временами думаешь, сомневаешься, стоит ли этим заниматься. Ведь есть профессии полегче. Но думаю, такие сомнения приходят в голову не только мне. Но вообще-то я уверена в правильности выбора. — Она улыбнулась и добавила: — Я очень упорный человек, Майк, и я обязательно стану медсестрой.

Да, подумал он, в это можно поверить — она действительно упорная. Глядя на Вивьен, Седдонс не мог не почувствовать ее внутреннюю силу — твердость характера, прячущуюся за фасадом мягкой женственности. Как и пару дней назад, в нем опять вспыхнул интерес к ней как к человеку, но он снова осадил себя. Никаких серьезных отношений! Нельзя забывать, что все чувства — это чистая биология!

Время близилось к полуночи, но Вивьен отметилась в журнале позднего возвращения, и спешить им было некуда. Некоторые старые сестры, руководившие обучением практиканток, завели в школе сестер спартанские порядки, считая, что современные студентки пользуются слишком большой свободой. Ради справедливости надо сказать, что они редко нарушали установленный порядок.

Майк взял девушку за руку:

— Пойдем через парк.

Вивьен рассмеялась:

— Кажется, я и раньше слышала эту избитую фразу. — Но она не стала сопротивляться, когда Майк повел ее к воротам парка. В темноте были видны смутные контуры тополей, под ногами мягко пружинила трава.

— У меня целая коллекция избитых фраз. Это мое страстное увлечение. Хочешь услышать еще?

— Что, например? — Она чувствовала себя вполне уверенно, но голос ее слегка дрожал.

— Например, вот это. — Майк остановился, взял Вивьен за плечи, повернул в себе и поцеловал в губы.

У Вивьен забилося сердце, но не настолько сильно, чтобы она потеряла способность трезво мыслить. Надо ли это прекратить? Она понимала, что если не сделает этого сейчас, то потом будет гораздо труднее.

Майк ей нравился, и она чувствовала, что он может понравиться ей еще больше. Физически он был очень привлекателен, и они оба были молоды. В Вивьен проснулось желание. Они снова поцеловались, и девушка смелее прижалась губами к губам Майка. Кончик его языка оказался у Вивьен во рту. От этого прикосновения по ее телу побежали приятные мурашки. Майк обнял Вивьен, и сквозь тонкую ткань летней

одежды она чувствовала, как его ладони гладят ее спину. Потом его правая рука спустилась ниже, скользнула по подолу юбки. Дальше ласки стали еще смелее. Это опьяняло. Как будто глядя на себя со стороны, она подумала, что если хочет остановиться, то надо сделать это сейчас, немедленно, но ощущения были таким сладкими, что хотелось продлить их еще на секунду, еще на один миг.

Однако в следующий момент весь мир вокруг просто исчез, перестал существовать, а время остановилось. Закрыв глаза, Вивьен наслаждалась теплом и нежностью. В последние несколько месяцев их так мало выпадало на ее долю, зато сколько раз приходилось прибегать к самодисциплине, брать себя в руки, сдерживать эмоции и слезы. Как трудно бывает это делать, когда ты молода, неопытна и немного испугана! Сколько всего нового пришлось испытать и увидеть — ночные дежурства в отделении, болезни, смерть, вскрытие, — и нет клапана, который можно было бы открыть и сбросить накопившееся напряжение. Медсестра, даже практикантка, вынуждена все время видеть страдания и дарить больным и страждущим свое сочувствие и заботу. Теперь же ей самой дарили нежность и ласку. Сейчас, когда Майк обнимал ее, она ощущала такое же утешение и облегчение, какое испытывала в детстве, когда ее ласкала мама.

Майк немного отстранил Вивьен от себя.

— Какая ты красавица! — сказал он.

Вивьен спрятала лицо у него на груди. Он приподнял ей подбородок, и они снова слились в поцелуе. Майк провел рукой по груди Вивьен, затем потянулся к застежке ее блузки. На этот раз Вивьен воспротивилась.

— Нет, Майк! Нет, нет! — задыхаясь, прошептала она, хотя желала совсем другого. Забыв обо всем, она обхватила Майка за шею.

Его ладонь скользнула под расстегнутую блузку, пальцы слегка сжали сосок, и Вивьен окатило жаркой волной. Теперь отступать было поздно. Она отчаянно, страстно хотела Майка. Прижавшись губами к его уху, она выдохнула:

— Да! Да! Да!

— Милая, милая Вивьен. — Он был возбужден и взволнован не меньше, чем она. Вивьен чувствовала это по его срывающемуся хриплому голосу.

И все же здравый смысл не до конца изменил Вивьен.

— Только не здесь, Майк. Здесь кругом люди.

Тесно прижавшись друг к другу, они пошли в гущу деревьев. Вивьен дрожала от возбуждения. Как все будет на этот раз? Она уже отбросила всякий страх за последствия, они казались такими не важными. К тому же

Майк — врач, он проявит осторожность.

Они вышли на маленькую полянку, обрамленную деревьями и кустарником. Майк поцеловал ее, и она страстно ответила на его поцелуй. Значит, это произойдет здесь. Все будет по-настоящему. Вивьен не была девственницей. Она лишилась невинности еще в школе, а потом была близка с парнем на первом курсе колледжа. Она не получила удовлетворения ни в первый, ни во второй раз, но почему-то знала, чувствовала, что получит его сегодня.

— Скорее, Майк, пожалуйста, скорее.

Ее возбуждение передалось и ему.

— Туда, милая, — хрипло сказал он, и они двинулись к краю полянки.

Внезапно Вивьен ощутила острую боль, такую сильную, что девушка сначала не поняла, откуда она исходит. Потом до нее дошло, что болит в левом колене. Она не удержалась и громко вскрикнула.

— Что случилось? Вивьен, что с тобой? — повернулся к ней Майк.

Она видела, что он озадачен. Наверное, подумал, что это трюк. Иногда девушки прибегают к подобным хитростям, желая выскользнуть из щекотливой ситуации.

Боль немного утихла, острота ее прошла, но она продолжала накатывать волнами.

— Майк, — сказала Вивьен, — кажется, у меня что-то с коленом. Здесь можно сесть? — Она снова вздрогнула от усилившейся боли.

— Вивьен, — отозвался Седдонс, — зачем прибегать к хитростям? Если хочешь вернуться в клинику, то просто так и скажи, я тебя отвезу.

— Поверь мне, Майк. — Она взяла его за руку. — Это правда колено. Оно ужасно болит. Мне надо сесть.

— Пошли туда. — Вивьен показалось, что в голосе Майка прозвучал скепсис, но он безропотно повел ее к скамейке.

Сев на скамью, Вивьен сказала:

— Прости меня, но я не нарочно.

— Ты уверена? — с сомнением в голосе спросил Седдонс.

Она потянулась к его руке:

— Майк, иди сюда. Я очень хотела, не меньше, чем ты, и тут вдруг... — Она снова поморщилась от боли.

— Прости ты меня, — сказал он. — Я подумал...

— Я знаю, что ты подумал. Но это не так. Честное слово.

— Хорошо. Что болит?

Теперь он стал врачом. Было забыто все, что происходило несколько минут назад.

— Колено. Вдруг пронзила очень сильная острая боль.

— Давай посмотрю. — Он опустился перед ней на корточки. — Какое?

Она подняла юбку и указала на левое колено. Майк тщательно, легкими прикосновениями, его ощупал. В мгновение ока он отбросил всякую мысль о том, что щупает колено девушки, любви которой только что так страстно домогался. Теперь его поведение стало профессиональным и аналитическим. В уме он перебирал возможные варианты — как учили на медицинском факультете. Нейлоновый чулок мешал осмотру.

— Спусти чулок, Вивьен.

Она спустила чулок, и он снова принялся ощупывать колено.

Наблюдая за его действиями, Вивьен думала: он очень хороший, он станет прекрасным врачом и будет лечить больных, не жалея сил. Ей вдруг стало интересно, как могла бы выглядеть их совместная жизнь. Если она выучится на медсестру, то сможет помогать ему. Но она тут же осадилась — это же смешно, они едва знакомы. И тут она снова резко вздрогнула от пронзившей ее боли.

— У тебя раньше случалось такое? — спросил Майк.

На мгновение абсурдность ситуации так ее насмешила, что она засмеялась.

— Что такое, Вивьен? — Он недоуменно посмотрел на нее.

— Ничего, я просто подумала... Всего минуту или две назад... А теперь ты осматриваешь меня, как врач в кабинете.

— Слушай, детка, — Майк был абсолютно серьезен, у тебя такое бывало раньше?

— Один раз, — ответила она. — Но в тот раз боль не была такой сильной.

— Когда это было?

Она задумалась.

— Около месяца назад.

— Ты обращалась к врачу? — Он вел себя как настоящий профессионал.

— Нет, а что — надо было?

— Возможно, — неопределенно ответил он, потом добавил: — Завтра ты это сделаешь. Думаю, лучше всего обратиться к доктору Грейнджер.

— Майк, у меня что-то серьезное? — Вивьен по-настоящему встревожилась.

— Скорее всего нет, — ободрил ее Седдонс. — У тебя в суставе есть припухлость, которой не должно быть. Люси Грейнджер посоветует нам,

что делать. Завтра я поговорю с ней, а сейчас надо доставить тебя домой.

Прежнее любовное настроение растаяло без следа. Снова погрузиться в него было уже невозможно, во всяком случае, сегодня, и они оба это понимали.

Майк помог Вивьен встать. Когда он обнял девушку за талию, у него вдруг возникло желание защищать и оберегать ее.

— Ты сможешь идти? — спросил он.

— Да, боль прошла, — ответила Вивьен.

— Дойдем до ворот, а там поймем такси.

Видя, что она нахмурилась, он бодро воскликнул:

— Тот пациент оказался скупердьяем! Мог бы еще оплатить и такси.

Глава 9

— Мне нужны подробности.

Эти произнесенные недовольным тоном слова склонившегося над биноккулярным микроскопом доктора Джозефа Пирсона были обращены к Роджеру Макнилу.

Резидент-патологоанатом заглянул в папку:

— Сорокалетний мужчина. Клинический диагноз: острый аппендицит.

Макнил сидел напротив Пирсона за столом в кабинете заведующего отделением.

Пирсон снял с предметного столика один препарат и вставил под объектив микроскопа другой.

— Как выглядела ткань макропрепарата? — спросил он.

Макнил, который выполнял макроскопическое исследование червеобразного отростка, доставленного из операционной, ответил:

— Мне показалось, что аппендикс выглядит совершенно нормально.

— Гм... — Пирсон повернул стекло со срезом под микроскопом. — Секунду. Здесь, кажется, что-то есть. — Какое-то время он рассматривал срез. Потом вставил под объектив третий препарат. — Вот оно. Признаки острого аппендицита. На этом срезе видна его начальная стадия. Кто оперировал больного?

— Доктор Бартлет.

— Он точно поставил ранний диагноз. Посмотри. — Пирсон встал и уступил Макнилу место за микроскопом.

Работая с резидентом, как того требовала учебная программа, Пирсон стремился обязательно показывать ему все гистологические срезы органов, поступавших в отделение патологической анатомии из хирургии. Но на это уходило дополнительное время, и они сильно отставали. Срезы, которые они сейчас рассматривали, были приготовлены из аппендикса, удаленного несколько недель назад. Больного давно выписали домой, и гистологическое заключение теперь просто подтвердит клинический диагноз, поставленный хирургом. В данном случае Гил Бартлет оказался прав, и это можно было поставить ему в заслугу, ибо врач сумел поставить верный диагноз на ранней стадии, до того как у больного могли развиваться тяжелые осложнения.

— Следующий случай, — сказал Пирсон и сел к микроскопу, а Макнил вернулся на свое место за столом.

Резидент раскрыл планшет со стеклами и передал его патологоанатому, а сам открыл историю болезни. Они углубились в работу. В кабинет неслышно вошел Баннистер и принялся складывать папки с историями болезни в шкаф.

— Это текущий случай, — сказал Макнил. — Образец доставили пять дней назад. Хирурги ждут заключение.

— Лучше мы займемся этим случаем как первым, — кисло отозвался Пирсон, — иначе наверху нас просто съедят.

Макнил хотел было напомнить, что еще несколько недель назад он предлагал изменить процедуру обработки препаратов, но Пирсон настоял на том, чтобы исследовать образцы в порядке их поступления в отделение, однако решил промолчать. Зачем лишние хлопоты? Он стал докладывать:

— Женщина пятидесяти шести лет. Образец: соскоб поражения кожи. Клинический диагноз: родимое пятно. Вопрос: не является ли поражение меланомой?

Пирсон положил под объектив стекло и несколько раз повернул его. Потом выбрал самый мощный объектив и настроил резкость.

— Возможно, что это меланома. — Он взял второе стекло, рассмотрел его, потом исследовал еще два среза и задумчиво откинулся на спинку стула. — С другой стороны, это может быть синий невус. Посмотри сам и скажи, что ты по этому поводу думаешь.

Макнил подошел к микроскопу. Этот случай был очень важен. Меланома — опухоль, отличающаяся стремительным злокачественным течением. Ее клетки быстро распространяются по всему телу, приводя человека к смерти. Если сейчас будет поставлен диагноз «меланома», то больной предстоит большая операция. Напротив, синий невус — опухоль абсолютно безвредная. Ее можно оставить на месте, и она не причинит женщине никакого вреда до конца ее жизни.

Макнилу учили, что меланома встречается не так уж часто, но синий невус — заболевание вообще крайне редкое. Математически было больше шансов, что это меланома. Но они занимались не математикой, а патологической анатомией в ее чистейшем виде.

Макнил мысленно перебрал в уме сравнительные гистологические признаки двух заболеваний. Они были удручающе сходными. В срезах видна рубцовая ткань и сильно пигментированные клетки. В обоих случаях структура клеток очень хорошо выражена. Кроме всего прочего, Макнилу учили быть честным. Посмотрев все препараты, он признался:

— Я не знаю. — Потом добавил: — У нас есть подобные случаи? Может, стоит сравнить с ними?

— Поиски займут у нас год, — нахмурился Пирсон. — Я не помню, когда в последний раз видел голубой невус. — И мрачно добавил: — На днях мы получим серию стандартных образцов, и тогда в сомнительных случаях сможем сравнивать картину.

— Вы говорите об этом уже пять лет, — сухо заметил Баннистер.

Пирсон резко обернулся к нему, повернувшись на крутящемся стуле:

— Что ты здесь делаешь?

— Складываю папки в шкаф, — лаконично ответил старший техник-лаборант. — За секретаря, которого у нас нет и который по идее должен быть.

«Конечно, должен, и не один», — подумал Макнил. Отделение остро нуждалось во вспомогательном персонале, да и система хранения препаратов безнадежно устарела. Слова шефа о наборе стандартных образцов напомнили Макнилу о вопиющих недочетах администрирования. Почти во всех хороших клиниках были такие наборы. Иногда их называли наборами поврежденных тканей. Но как бы их ни называли, они очень помогают справляться с проблемами, подобными той, с которой они сейчас столкнулись.

Пирсон снова принялся изучать срезы. Он что-то бормотал, как это делает большинство патологоанатомов, мысленно отвергая одни признаки и находя подтверждение другим. Макнил слышал: «Эта слишком мала... нет кровоизлияния... отсутствует некроз тканей... не вижу, но подтверждения нет... да, это так... вот теперь довольно».

Пирсон оторвался от микроскопа, вытащил из-под объектива последний срез, положил его в планшет.

— Диагноз — синий невус.

Суд патологической анатомии состоялся. Женщина будет жить.

Пирсон перечислил признаки, основываясь на которых он вынес свое заключение, чтобы поучить Макнила. Потом указал на планшет:

— Тебе стоит лучше посмотреть эти срезы. Такое увидишь нечасто.

Макнил несколько не сомневался в том, что старик поставил правильный диагноз. Многолетний опыт сделал свое дело. Макнил уважал суждения Пирсона в патологической анатомии. «Но когда ты уйдешь, — подумал он, глядя на старика, — нам остро потребуется набор образцов».

Они исследовали еще два случая, которые оказались простыми и не вызвали никаких затруднений.

Пирсон вставил в микроскоп первый срез следующего случая. Он взглянул в окуляры, выпрямился и загремел на весь кабинет, обращаясь к

Макнилу:

— Баннистера сюда!

— Я еще здесь, — безмятежно отозвался старший лаборант.

Пирсон развернулся к нему на стуле.

— Посмотри на это безобразие! — громко и грубо заорал он. — Сколько можно учить тебя правильно делать срезы? Что случилось с лаборантами в гистологии? Они что, глухие или просто непроходимо глупы?

Макнилу приходилось и раньше слышать такие вспышки ярости.

— В чем проблема? — спросил Баннистер.

— Я скажу тебе, в чем проблема. — Пирсон вытащил стекло из-под объектива и толкнул его по столу. — Как я могу поставить верный диагноз при таком паршивом срезе?

Старший лаборант взял со стола стекло и посмотрел его на свет.

— Срез слишком толстый, да?

— Конечно, он очень толстый. — Пирсон взял с подставки еще одно стекло. — Посмотри на этот срез. Если его положить на хлеб, то получится изрядный бутерброд.

Баннистер примиряюще улыбнулся:

— Я проверю микротом. Он уже давно барахлит. — Старший лаборант протянул руку к подставке со стеклами: — Это можно убрать?

— Нет, мне придется работать с ними. — Буря миновала, теперь старик просто ворчал. — Тебе надо лучше следить за гистологией.

Теперь уже Баннистер проявил строптивость. Идя к двери, он пробурчал:

— Я бы следил, но у меня много и других дел...

— Ладно, ладно. Эту песню я слышу уже не в первый раз! — крикнул ему вслед Пирсон.

Не успел Баннистер взяться за ручку двери, как раздался тихий стук и на пороге появился Чарльз Дорнбергер.

— Можно войти? — спросил он.

— Конечно. — Пирсон улыбнулся: — Может быть, тебе даже удастся что-нибудь узнать, Чарли.

Гинеколог вежливо кивнул Макнилу, потом непринужденно обратился к Пирсону:

— Мы договорились, что я приду к тебе сегодня. Ты забыл?

— Да, забыл. — Пирсон отодвинул в сторону подставку со стеклами и спросил резидента: — Сколько нам еще осталось?

— Восемь случаев.

— Мы закончим позднее.

Макнил собрал уже заполненные истории болезни.

Дорнбергер достал трубку и принялся не спеша ее набивать. Оглядев большую, тускло освещенную комнату, он вздрогнул.

— У тебя здесь очень сыро, Джо. Каждый раз, когда я сюда прихожу, опасаясь простудиться.

Пирсон глухо рассмеялся:

— Мы каждый день распыляем здесь вирусы гриппа чтобы отпугивать незваных гостей. Выкладывай, зачем пришел?

Дорнбергер не стал терять время на предисловия.

— Я пришел к тебе как парламентар, который должен тактично с тобой поговорить. — Он вставил в рот мундштук трубки и убрал кисет в карман.

Пирсон поднял голову:

— Что случилось? Опять какие-то проблемы?

Их взгляды встретились.

— Трудно сказать, — тихо ответил Дорнбергер и сделал паузу. — Похоже, что скоро ты получишь помощника — второго патологоанатома.

Дорнбергер ожидал вспышки, но Пирсон был странно спокоен.

— Независимо от того, хочу я этого или нет, так? — задумчиво спросил он.

— Да, Джо. — Дорнбергер не стал юлить — в этом не было никакого смысла. Он обдумывал свое поведение в течение всех дней, прошедших после совещания в администрации.

— Думаю, что за этим стоит О’Доннелл. — Пирсон произнес это с горечью, но спокойно. Как всегда, старый патологоанатом был непредсказуем.

— Отчасти да, но не только он, — сказал Дорнбергер.

Реакция Пирсона снова удивила гинеколога.

— Как ты думаешь, что мне делать? — спросил он. Это был вопрос, заданный близкому другу.

Дорнбергер положил неприкуренную трубку в пепельницу, стоявшую на столе Пирсона. Он был рад, что Пирсон так воспринял дурную новость. Значит, он, Дорнбергер, сможет помочь ему принять новое положение дел, приспособиться к нему. Вслух он сказал:

— Думаю, выбор невелик, Джо. Ты отстаешь с представлениями заключений в хирургию, разве не так? И с другими вещами ты тоже опаздываешь.

На мгновение Дорнбергеру показалось, что он зашел слишком далеко,

задев Пирсона за больное место. Он видел, как тот напрягся, и ожидал, что Джо взорвется. Но взрыва не произошло. Громче, чем обычно, но вполне рассудительно Пирсон ответил:

— Конечно, некоторые вещи нуждаются в улучшении. В этом я могу тебе признаться. И я не успеваю все сделать вовремя — мне не хватает времени.

Он принял это, подумал Дорнбергер, он понимает действительное положение вещей. И уже без внутреннего напряжения произнес:

— Но у тебя появится время — с приходом второго патологоанатома.

Сказав это, Дорнбергер достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист, который дал ему администратор.

— Что это? — спросил Пирсон.

— Это резюме патологоанатома, которого нашел Гарри Томазелли. Он хотел бы работать в нашей клинике. Но пока еще ничего не решено.

Пирсон взял резюме.

— Да, они не теряли время даром.

— Наш администратор — человек дела, — бодро произнес Дорнбергер.

Пирсон пробежал глазами текст.

— «Доктор Дэвид Коулмен», — прочитал он, сделал паузу, а потом с нескрываемой горечью и растерянностью добавил: — Тридцати одного года...

Было двадцать минут первого, и в столовой клиники началось самое горячее время — выстроилась длинная очередь.

Миссис Строган, как и обычно в это время, внимательно следила за тем, чтобы ее подчиненные успевали приносить новые порции на раздачу и очередь не останавливалась. Сегодня на обед было мясо по-ирландски, баранья поджарка и жареный палтус. Главная диетсестра заметила, что баранина расходуется плохо. Она решила попробовать ее, чтобы понять, в чем причина. Может быть, мясо не очень сочное и уходящие говорят об этом новым посетителям? В этот момент миссис Строган взглянула на стопку тарелок на раздаче, заметила пятно на верхней из них и сразу же убрала тарелку. Опять эта проблема с посудомоечной машиной! Надо обязательно поставить вопрос о замене машины.

Со стороны столов, предназначенных для врачей, доносился смех. В центре веселой компании был доктор Ральф Белл, рентгенолог.

Гил Бартлет подошел к столу с подносом, поставил его и протянул Беллу руку.

— Мои поздравления, Динь-Дон, я все слышал, — сказал он.

— Слышал что? — поинтересовался Льюис Тойнби, терапевт, подошедший вслед за Бартлетом. Но, посмотрев на сияющего Белла, воскликнул: — Не может быть! Опять?

— А почему бы и нет? — рассмеялся рентгенолог. — Теперь нас, Беллов, восемь.

— Восемь? Когда же это произошло?

— Сегодня утром. Еще один мальчишка в мою футбольную команду.

В разговор вмешался Билл Руфус:

— Не суди его строго, Льюис. Он делает что может. В конце концов, он женат всего восемь лет.

Льюис Тойнби протянул руку Беллу:

— Только не жми слишком сильно, чтобы не лишиться такой плодовитости.

— Это мне не грозит, — добродушно сказал Белл. Все это он слышал уже не один раз.

— Как себя чувствует твоя жена? — спросила Люси Грейнджер.

— Отлично, спасибо, — ответил Белл.

— Интересно, каково это — быть сексуальным маньяком? — с наигранной задумчивостью спросил сидевший за соседним столом главный терапевт Харви Чендлер.

— Я не сексуальный маньяк. В нашем доме половой акт происходит один раз в год. Просто я очень метко стреляю.

Люси Грейнджер посмеялась вместе со всеми, а затем сказала:

— Ральф, сегодня я направила к тебе больную. Это одна из наших медсестер-практиканток, Вивьен Лоубартон.

Смех затих.

— Что ты у нее ищешь? — спросил Белл.

— Я хочу, чтобы ты сделал ей несколько снимков левого колена, — ответила Люси и добавила: — Там прощупывается новообразование, которое мне очень не нравится.

Вернувшись в свой кабинет, Дорнбергер позвонил О'Доннеллу.

— Я показал Джо резюме парня, с которым вы переписываетесь, — сообщил он главному хирургу в конце разговора.

— Как он к этому отнесся? — спросил О'Доннелл.

— Конечно, Джо не в восторге, — ответил Дорнбергер, — но думаю, что если вы пригласите этого Коулмена на собеседование, то он не будет сильно возражать. Однако советую держать Джо в курсе ваших действий.

— В этом можете не сомневаться, — сказал О’Доннелл. — Спасибо, Чарли, большое вам спасибо.

Дорнбергер положил трубку и набрал номер миссис Джон Александер, которая звонила ему утром и оставила сообщение. Он заглянул в карточку и вспомнил, что это жена нового лаборанта-технолога из отделения патологической анатомии, которую направил к нему Джо Пирсон. Из разговора выяснилось, что миссис Александер только вчера приехала в Берлингтон. Они договорились о ее визите в приемную Дорнбергера, которая находилась в центре города, на следующей неделе.

Приблизительно в то же самое время, когда миссис Александер говорила по телефону с доктором Дорнбергером, ее муж получал первую взбучку от доктора Джозефа Пирсона.

После того как Пирсон отругал Баннистера за плохое качество срезов, старший лаборант отправился в серологическую лабораторию, где работал Александер, и все ему рассказал. Продолжая кипеть, он пошел вымещать гнев на двух девушках-лаборантках из гистологической лаборатории и их помощнике. Александер через оставленную незакрытой дверь слышал, как он ругался.

Александер считал, что вину за плохие срезы нельзя возлагать только на лаборанток. За короткое время, проведенное в клинике, он успел понять, в чем заключается настоящая проблема.

— Знаешь, Карл, — сказал он Баннистеру, когда тот вернулся, — я не думаю, что это целиком их вина. Мне кажется, что у них просто слишком много работы.

— У нас у всех слишком много работы, — ответил Баннистер и неожиданно съязвил: — Если ты все так хорошо понимаешь, может быть, возьмешь на себя часть их обязанностей?

Александер на провокацию не поддался.

— Нет, не возьму. Но дела пошли бы лучше, будь у нас аппарат для приготовления срезов. Делать срезы вручную — это же прошлый век!

— Забудь об этом, детка. Это не твоя проблема, — высокомерно заметил Баннистер. — Всякое дело, если оно требует затрат, умирает здесь не начавшись.

Александер не стал спорить, но решил поднять этот вопрос при первой же встрече с шефом.

Случай представился в тот же день, когда Александер понес на подпись к доктору Пирсону протоколы. Старый патологоанатом с видимым раздражением разбирал почту. Взглянув на Александра, Пирсон жестом велел ему положить протоколы на стол и продолжал читать. Александер не

уходил, и Джо Пирсон рявкнул:

— В чем дело? В чем дело?!

— Доктор Пирсон, у меня есть одно предложение.

— Ты хочешь сделать его прямо сейчас?

Более искушенный человек понял бы, что хочет сказать доктор Пирсон: «Оставьте меня в покое и уходите». Но Александер не был таким человеком.

— Да, сэр.

Пирсон смиренно вздохнул:

— Ну?

— Речь идет о том, чтобы ускорить подготовку заключений для хирургических отделений, сэр, — немного нервничая, начал Александер. Когда молодой лаборант произнес слова «хирургических отделений», Пирсон отложил письмо и с интересом посмотрел на подчиненного. Александер продолжал: — Доктор, вы никогда не думали о приобретении аппарата для микротомии?

— Что ты лично знаешь об этих аппаратах? — В голосе Пирсона зазвучали зловещие нотки. — К тому же, насколько я знаю, ты работаешь в серологической лаборатории.

— В колледже я прошел полный курс гистологии, сэр. — Возникла пауза, но Пирсон промолчал, и Александер снова заговорил: — Я пользовался этими аппаратами, доктор, и могу сказать, что они очень хороши. Они экономят целый день, так как вместо того, чтобы выдерживать ткани в растворах, можно на ночь запустить аппарат, а утром...

Пирсон резко перебил молодого человека:

— Я знаю, как они работают. Я видел эти аппараты.

— Понимаю, сэр. Но в таком случае...

— Я сказал, что видел эти так называемые аппараты, и они меня не впечатлили. — Пирсон вещал громким скрипучим голосом. — Вручную качество срезов получается лучшим. Мало того, эти аппараты очень дороги. Ты видишь вот это? — Он ткнул пальцем в стопку отпечатанных желтых бланков, лежащих перед ним на подносе.

— Да, сэр.

— Это заявки на приобретение оборудования для нашего отделения. За каждую заявку я вынужден насмерть сражаться с администрацией. Томазелли всякий раз говорит, что мы тратим слишком много денег.

Первую ошибку Александер сделал, когда сунулся к шефу с непрошеными предложениями. Теперь он совершил вторую — он принял

высказывание Пирсона как разрешение продолжить дискуссию.

— Но если аппарат позволит сэкономить день или два... — миролюбиво сказал Александер. Потом он сделал серьезное лицо и продолжил: — Доктор Пирсон, я видел срезы, приготовленные с помощью этих аппаратов. Они высокого качества. Может быть, срезы, которые видели вы, были сделаны с нарушением процедуры.

В этот момент пожилой патологоанатом встал из-за стола. Дело было не только в дерзости Александера. Молодой человек преступил невидимую границу, разделявшую врача и лаборанта. Вскинув голову, Пирсон заорал:

— Довольно! Я сказал, что меня не интересует этот аппарат, и я говорил вполне серьезно. Я не желаю продолжать этот никчемный спор. — Он обошел стол, остановился перед лаборантом и выдохнул ему прямо в лицо: — И хочу напомнить тебе еще кое-что. Здесь я патологоанатом, и это я руковожу отделением. Я не возражаю против предложений, если они разумны, но не стоит преступать дозволенные границы. Ты понял?

— Да, сэр, я понял.

Джон Александер, совершенно упавший духом, расстроенный и ничего толком не понявший, поплелся на свое рабочее место.

Весь день Майк Седдонс был занят переполнявшими его чувствами. Несколько раз ему приходилось совершать титанические усилия, чтобы сосредоточиться на порученной ему работе. Один раз, во время вскрытия, Макнил был даже вынужден предостеречь его.

— Сейчас ты отхватишь себе кусок руки. Нам не надо, чтобы люди, пришедшие к нам с полным набором пальцев, уходили от нас беспальными.

Седдонс торопливо отдернул руку. Действительно, бывали такие случаи, когда неопытные резиденты отрезали себе затянутые в резиновые перчатки пальцы острыми как бритва ножами для вскрытия.

Но он все равно не мог вполне сосредоточиться. Его мысли не покидала Вивьен. Что такого особенного было в ней? Что так тревожило и волновало его? Да, она очень привлекательна. Да, он хотел как можно скорее затащить ее в постель. К тому же она была податливой как воск, и если бы не боль в колене... но не утратила она желания быть с ним? Ведь девушки отличаются непостоянством — сегодня она допускает тебя до самой экзотической близости, а завтра не моргнув глазом скажет, что между вами ничего такого не было.

Что было между ним и Вивьен? Только сексуальное влечение или нечто большее? Майк Седдонс постоянно думал об этом. Он никогда не переживал так по поводу своих прежних сексуальных опытов. Наконец в

голову ему пришла простая мысль: если он исключит из своего интереса к Вивьен сексуальное желание, то, возможно, поймет, что так привлекает его в этой девушке. И он решил назначить Вивьен свидание сегодня же вечером, если, конечно, она будет свободна.

Вивьен, вернувшись после занятий в общежитие, увидела записку от Майка. Видимо, он принес записку сам и положил в ячейку под буквой «Л». Майк приглашал ее прийти на четвертый этаж клиники в акушерское отделение без четверти десять вечера.

Сначала Вивьен решила не ходить. Если она натолкнется в клинике на какую-нибудь из преподавательниц-медсестер в неурочное время, у нее будут неприятности. Но ей очень хотелось пойти, и в девять часов сорок минут она миновала деревянный переход между общежитием медсестер и главным корпусом клиники.

Майк уже ждал ее. Он сразу открыл дверь в корпус. Они прошли на железную лестницу, марши которой шли вверх и вниз. В это позднее время здесь не было ни единой души, а если бы кто-нибудь вышел на лестницу, то о его появлении предупредил бы грохот шагов. Майк, ведя Вивьен за руку, спустился на следующую лестничную площадку. Потом он обернулся, и она — словно это было самое естественное — тут же оказалась в его объятиях.

Они целовались, и Вивьен чувствовала, как Майк все сильнее и сильнее обнимает ее. Вернулось волшебство прошлой ночи. Теперь она поняла, почему ей так хотелось прийти. Этот парень с буйными рыжими волосами вдруг стал для нее самым главным. Она хотела быть рядом, говорить с ним, спать с ним. С ним она испытывала неведомые доселе чувства, от его прикосновений ее трясло, словно от электрического тока. Теперь он целовал ее щеки, глаза, уши, погрузив лицо в ее волосы, шептал, что весь день думал только о ней, и ни о чем другом. Обхватив ладонями ее лицо, он заглянул ей в глаза:

— Знаешь, что ты со мной делаешь?

Она отрицательно покачала головой.

— Ты подрываешь мои устои.

Она потянулась к его рукам:

— О, мой дорогой Майк!

Вивьен было жарко. Она чувствовала тепло сильного большого тела Майка, да и ее окатывали волны любовного жара. Майк ласкал ее, добираясь до самых чувствительных мест. Дрожа всем телом, она прошептала:

— Может быть, пойдем куда-нибудь еще?

Руки его остановились, и она поняла, что он задумался.

— Я живу в одной комнате с Фрэнком Уортом. Он сегодня вернется очень поздно. Не хочешь пойти в общежитие резидентов?

Она заколебалась.

— А если нас застукают?

— Мы оба вылетим из клиники. — Он поцеловал ее. Но сейчас это меня не волнует. — Он взял Вивьен за руку: — Пошли.

Они спустились на один пролет и вышли в коридор, где встретили какого-то резидента. Тот улыбнулся, но ничего не сказал. Потом они поднялись еще по одной лестнице и оказались в другом коридоре. Впереди шла женщина в белом халате. Это была одна из преподавательниц Вивьен. Но она, к счастью, не обернулась и исчезла за одной из дверей. Потом они оказались в более узком коридоре с дверями по обе стороны. Под некоторыми виднелись полосы света, из одной комнаты доносилась музыка. Вивьен узнала прелюдию Шопена ми-минор. Месяц или два тому назад она слышала эту вещь в исполнении Берлингтонского симфонического оркестра.

— Сюда, — сказал Майк, открыл дверь и почти втащил за собой Вивьен. В комнате было темно, но Вивьен смогла различить контуры двухъярусной кровати и одного кресла. За спиной щелкнул замок и лязгнула щеколда.

Они тут же бросились друг к другу. Майк начал лихорадочно расстегивать пуговицы формы Вивьен. Она помогала. Вскоре Вивьен стояла перед Майком в одной комбинации. Он прижал ее к себе, желая продлить сладкую муку ожидания, потом медленно, нежно и многообещающе стянул с нее комбинацию через голову. У кровати она сбросила с ног туфли. В тот же миг они оказались рядом в постели, и Майк принялся торопливо снимать с нее трусики, исступленно шепча: «Вивьен, милая Вивьен».

Она едва слышала его.

— Майк, скорее, пожалуйста, скорее!

Когда он вошел в нее, Вивьен словно потеряла остатки рассудка. Она ласкала и притягивала его к себе, все ближе, ближе. А затем мир исчез, остался только заливающий их экстаз...

Потом они тихо лежали, тесно прижавшись друг к другу. Вивьен снова услышала музыку. Это опять был Шопен, на этот раз этюд ми-мажор. Она удивилась, что в таком состоянии может слушать и узнавать музыку, но вскоре поняла: эти текущие, томительные звуки как нельзя лучше выражают

чувство любовного свершения.

Майк нежно поцеловал ее в губы.

— Вивьен, радость моя, я хочу на тебе жениться.

— Майк, любимый, ты в этом уверен? — тихо спросила она.

Смелость слов удивила его самого. Майк произнес их импульсивно, но в глубине души осознавал, что это правда. Прежнее стремление к независимости, желание избегать серьезных отношений казались ему теперь мелкими, бессмысленными и пошлыми. Узы с Вивьен были желанными, нужными; ради них он был готов отказаться от всего другого. Он уже знал, что мучило его сегодня и до этого, но все это не имело никакого значения. И он весело ответил на вопрос Вивьен:

— Я абсолютно уверен, что уверен, а ты?

Она обвила руками его шею и тихо сказала:

— Я никогда и ни в чем не была так уверена.

— О! — вдруг воскликнул Майк, отодвинулся от Вивьен, приподнялся на локте и посмотрел ей в лицо: — У меня вылетело из головы. Как твоё колено?

Вивьен лукаво улыбнулась:

— Как видишь, сегодня никаких проблем.

Он снова поцеловал ее.

— Что сказала Люси Грейнджер?

— Она ничего не сказала и направила меня к доктору Беллу на снимки. Обещала вызвать через пару дней.

— Я рад, что скоро все прояснится, — сказал Майк.

— Что за глупости, милый! — удивилась Вивьен. — Какое значение может иметь какая-то маленькая шишка?

Глава 10

Бостон, Массачусетс.
7 августа
Г-ну Г.Н. Томазелли,
администратору
Клиника Трех Графств
Берлингтон, Пенсильвания

Дорогой мистер Томазелли!

За неделю у прошедшую после моей поездки в Берлингтон, я серьезно обдумал Ваше предложение занять должность патологоанатома в клинике Трех Графств.

В этом письме я подтверждаю, если, конечно, вы не изменили своего намерения, что принимаю Ваше предложение на оговоренных нами условиях.

Вы хотели бы, чтобы в случае своего согласия я как можно скорее приступил к работе. Никакие дела меня не задерживают, за исключением нескольких мелочей, и я смогу приступить к работе с 15 августа, то есть ровно через неделю.

Доктор О Доннелл упомянул о квартирах для холостяков, которые вскоре будут построены неподалеку от клиники. Если у Вас есть более подробная информация по этому вопросу, прошу Вас мне ее сообщить. Кроме того, будьте добры, зарезервируйте для меня место в гостинице начиная с 14 августа.

Что касается моей работы в клинике, то один вопрос остался не оговоренным до конца. Рассчитываю, что Вы обсудите его с доктором Пирсоном до моего приезда.

Речь идет о следующем.

Думаю, что для клиники и для меня лично было бы полезно выделение мне четко очерченной сферы ответственности, в пределах которой я бы имел полную свободу действий как в отношении повседневной работы, так и в отношении реорганизации и приобретения новой техники. Мои личные пожелания заключаются в предоставлении мне свободы действий в серологии, гематологии и биохимии, хотя, конечно, я

всегда готов помочь доктору Пирсону в патолого-анатомической работе в любой момент, когда он сочтет это нужным.

Я поднимаю этот вопрос в письме, так как надеюсь, что Вы и доктор Пирсон обсудите его до 15 августа. В любом случае выражаю свою готовность во всем сотрудничать с доктором Пирсоном и служить клинике Трех Графств в меру всех моих способностей.

Искренне Ваш,

Дэвид Коулмен, доктор медицины.

Перечитав аккуратно напечатанное письмо, Коулмен положил его в конверт. Потом снова сел за свою портативную пишущую машинку и написал похожее, но более короткое письмо доктору Джозефу Пирсону.

Через некоторое время, держа в руке оба письма, Дэвид Коулмен вышел из меблированной квартиры, которую он снимал в Бостоне, и отправился к ближайшему почтовому ящику. Сделав выбор, он все еще не был уверен в его правильности и не мог до конца понять, почему предпочел клинику Трех Графств семи лечебным учреждениям, куда его пригласили на работу в течение последних нескольких недель. Хорошего вознаграждения за труд там не будет. По уровню зарплаты клиника Трех Графств среди других лечебных учреждений, его пригласивших, находится в нижней части списка. Она не признана на международном уровне, да и вообще неизвестна. О клинике Трех Графств едва ли знают за пределами района, который она обслуживает.

Тогда почему? Боялся потеряться в крупном центре на фоне других специалистов, не хотел, чтобы его поглотила мощная, огромная машина? Едва ли. Его послужной список позволял сохранить лицо даже в таких условиях работы. Рассчитывал, что получит в Берлингтоне большую свободу в научных исследованиях, надеялся, что ему удастся заняться наукой? Но если бы это было его главной целью, то следовало бы выбрать научный центр — такой центр был в его списке. Или на выбор повлияло желание ответить на трудный вызов? Возможно. В работе отделения патологической анатомии клиники Трех Графств было полно недостатков. Для того чтобы это увидеть, Коулмену хватило двух дней пребывания в клинике по приглашению его администратора. Кроме того, работать с доктором Пирсоном будет очень и очень нелегко. Коулмен сразу

почувствовал недовольство старшего коллеги, а администратор в ответ на прямой вопрос Коулмена подтвердил, что у Пирсона репутация человека, с которым очень трудно работать.

Так, значит, его привлекли трудности, которые придется преодолевать? Или причина выбора клиники Трех Графств совсем в другом? Может быть, она в стремлении к умерщвлению плоти и усмирению гордыни? Не настиг ли его страшный призрак, преследовавший его много лет назад?

Дэвид Коулмен давно знал, что самой отчетливой чертой его характера является гордость. Это был недостаток, и Коулмен его боялся и ненавидел. Он пытался смирить свою гордыню — топтал ее, отвергал и гнал, — но она неизменно возвращалась — нерушимая и непокоренная.

Гордость проистекала из осознания собственного мощного интеллекта. В компании своих сверстников он чувствовал себя выше их на голову, и это действительно было так. С интеллектуальной точки зрения все, что он делал в жизни, только еще больше утверждало его в этом мнении.

Насколько помнил себя Дэвид Коулмен, учиться для него всегда было также просто, как дышать. В начальной и средней школе, в колледже, на медицинском факультете он парил над всеми остальными, легко получая высшие баллы и завоеывая разные награды.

Он познал плоды своей гордыни в первых классах средней школы. Как и ко всякому по-настоящему блистательному человеку, одноклассники сначала отнеслись к нему с легким неприятием. Позднее, поскольку Коулмен и не думал скрывать свое интеллектуальное превосходство, это неприятие превратилось в неприязнь, а потом в ненависть.

Он что-то чувствовал интуитивно, но не осознавал, что именно, пока директор школы — сам блестящий ученый и все понимающий человек — не отвел его в сторону. Даже теперь, много лет спустя, Дэвид Коулмен помнил его слова: «Думаю, ты уже достаточно взрослый, чтобы принять как должное то, что я тебе скажу. В этих стенах у тебя нет ни одного друга, если не считать меня».

В первый момент Коулмен не поверил, но потом почти сразу понял, что это правда.

Это было не все, что сказал ему директор. Он тогда добавил: «Ты прирожденный ученый. Ты это знаешь, и нет никаких причин скрывать от тебя этот факт. Что касается будущего, ты можешь стать тем, кем захочешь. У тебя, Коулмен, превосходный, изумительный, уникальный ум. С таким мне не приходилось сталкиваться никогда в жизни. Но должен тебя предостеречь: если ты хочешь жить в ладу с другими, тебе надо иногда выглядеть не таким умным, каков ты есть на самом деле».

Учитель верно оценил своего ученика. Коулмен запомнил его слова, переварил их, тщательно проанализировал и... стал себя презирать.

С тех пор он принялся тяжело трудиться, чтобы реабилитировать себя с помощью тщательно разработанной, почти самоубийственной программы. Начал он со спортивных игр. Дэвид Коулмен никогда не любил спорт, не занимался им и был склонен думать, что люди, посещающие матчи и неистовыми криками поддерживающие своих любимцев, ведут себя как тупые инфантильные недоросли. Но теперь он сменил тактику — зимой футбол, летом бейсбол. Вскоре он стал опытным игроком и в колледже всегда выступал за лучшие команды. А еще он посещал матчи и кричал на трибунах наравне с остальными.

Однако, играя, он всегда испытывал равнодушие к игре, а беснуясь на трибунах, чувствовал от этого внутреннюю неловкость. Именно поэтому он понимал, что всего лишь смирил гордыню, но не изгнал ее.

Не складывались его отношения и с окружающими. Прежде, сталкиваясь с людьми, которых по интеллекту считал ниже себя, он не скрывал скуку и отсутствие к ним интереса. Теперь, исполняя свой план, стал сердечно и внимательно относиться к таким людям. В результате в колледже за ним укрепилась репутация дружелюбного мудреца. Студенты, испытывавшие трудности в учебе, говорили как заклинание: «Надо пообщаться с Дэвидом Коулменом. Он все объяснит и всему научит». И он неизменно объяснял и учил.

Коулмен рассчитывал, что со временем сможет воспитать свои чувства, стать добрее и снисходительнее к менее одаренным личностям. Но это не очень-то у него получилось. Заглядывая в себя, он чувствовал, что испытывает прежнее презрение к умственной неполноценности. Он скрывал это презрение, боролся с ним железной дисциплиной и добрыми поступками, но оно не уходило.

В медицину он пошел отчасти потому, что его отец был деревенским врачом, а отчасти из-за внутренней склонности к врачебному искусству. Когда настало время выбирать специальность, Коулмен выбрал патологическую анатомию — самую незаметную специальность в медицине. Он продолжал сознательно и целенаправленно смирять свою гордыню.

Сначала ему казалось, что он все-таки добился своего. Патологическая анатомия — отрасль, располагающая к одиночеству, в ней отсутствует общение с пациентами. Но потом, по мере роста интереса и приобретения опыта, он вдруг осознал, что к нему вернулось старое презрение к тем, кто знал о тайнах, открывавшихся под мощным микроскопом, меньше, чем он.

Правда, презрение это со временем несколько ослабло, потому что в медицине он неизбежно сталкивался с умами, вполне сопоставимыми с его собственным, и решил, что может расслабиться и сбросить часть железной брони, в которую когда-то добровольно себя заковал. Он и теперь сталкивался с глупцами — в медицине они тоже были, — но постепенно эти люди стали меньше его раздражать. Иногда ему казалось, что он наконец победит своего старого заклятого врага.

Однако невозможно сразу, без затруднений, отменить программу самоограничения, которую он неукоснительно выполнял последние пятнадцать лет. Временами ему было трудно понять, что определяет суть его решений — свободный выбор или мучительное самоистязание, которому он предавался долгое время.

Поэтому на вопрос о том, почему он остановил свой выбор на клинике Трех Графств, еще не было ответа. Он действительно хотел работать в средней, второстепенной клинике, лишенной репутации и блеска? Или его выбор определило подсознательное чувство, подсказавшее, что в этой клинике его гордыня пострадает сильнее всего?

Опустив в почтовый ящик оба письма, Коулмен понимал, что ответить на эти вопросы сможет только время.

Элизабет Александер одевалась в смотровой комнате, примыкавшей к кабинету доктора Дорнбергера на седьмом этаже Берлингтонского медицинского центра. Предыдущие полчаса Чарльз Дорнбергер с присущей ему тщательностью осматривал пациентку, а закончив осмотр, вернулся к письменному столу в кабинет. Сквозь полуоткрытую дверь она услышала:

— Когда будете готовы, пройдите в мой кабинет, миссис Александер.

Застегивая пояс зеленого летнего платья, она звонко ответила:

— Одну минутку, доктор.

Сидевший за столом Дорнбергер улыбнулся. Миссис Александер нельзя было назвать красавицей в общепринятом смысле, но живость ее личности с избытком компенсировала этот недостаток. К тому же ему нравились женщины, радующиеся своей беременностью, а Элизабет Александер была именно такой. Она будет хорошей, любящей и умной матерью. Он заглянул в карточку. Элизабет двадцать три года. Раньше, когда он был молодым, Дорнбергер всегда осматривал женщин только в присутствии медсестры. Ему приходилось слышать истории о врачах, которые пренебрегали этим правилом, а потом становились объектом немыслимых обвинений со стороны некоторых неуравновешенных дам. Но теперь Дорнбергер отбросил эту предосторожность. У старости есть свои

преимущества.

— Я считаю, что вы произведете на свет нормального, здорового малыша. Не похоже, что будут какие-то осложнения.

— То же самое мне говорил доктор Кроссан. — Элизабет уже вышла из смотровой и сидела на стоявшем у стола стуле.

Дорнбергер заглянул в свои записи:

— Он был вашим врачом в Чикаго, так?

— Да.

— Он принимал ваши первые роды?

— Да. — Элизабет раскрыла сумочку, достала оттуда листок бумаги: — Здесь его адрес, доктор.

— Спасибо, я напишу ему, чтобы он прислал мне выписку из истории родов. — Дорнбергер прикрепил листок к карточке и будничным тоном спросил: — От чего умер ваш первый ребенок, миссис Александер?

— От бронхита. Ему был тогда один месяц. — Голос Элизабет не дрогнул. Год назад, услышав этот вопрос, она не сдержала слез. Но теперь, когда она носила другого ребенка, ей было легче смириться с прежней потерей. На этот раз она твердо решила, что ребенок будет жить.

— Роды протекали нормально? — спросил доктор Дорнбергер.

— Да.

Он снова углубился в карточку. Словно для того, чтобы сгладить неприятное впечатление от вопросов, он перешел к другой теме:

— Насколько я знаю, вы только что приехали в Берлингтон.

— Да, это так, — весело ответила она, потом добавила: — Мой муж работает в клинике Трех Графств.

— Да, мне говорил об этом доктор Пирсон. — Продолжая писать, он спросил: — Как ему нравится на новом месте?

Элизабет задумалась.

— Джон мало мне об этом рассказывает. Но думаю, нравится. Он очень любит свою работу. Джон технолог — в лаборатории.

Гинеколог достал из ящика блокнот бланков и сказал:

— Уж коли мы заговорили о лаборатории, придется направить вас на анализ крови. — Он принялся заполнять верхний бланк.

— Доктор, — спохватилась Элизабет, — я забыла сказать вам, что у меня резус отрицательный, а у мужа — положительный.

Дорнбергер улыбнулся:

— Настоящая жена лаборанта. Не волнуйтесь, мы очень тщательно исследуем вашу кровь. — Он вырвал из блокнота направление и протянул его Элизабет. — Анализы вам сделают в поликлиническом отделении

клиники Трех Графств.

— Спасибо, доктор. — Элизабет убрала направление в сумочку.

Дорнбергер задумался о том, как закончить беседу. Как и большинство врачей, он знал, что пациенты часто имеют совершенно превратные и неверные представления о медицинских феноменах. Эта женщина потеряла своего первого ребенка: вторая беременность для нее особенно важна. Долг Дорнбергера — не допустить, чтобы она ждала родов в постоянной тревоге.

Элизабет сказала о резус-факторе. Конечно же, она постоянно об этом думает и боится. Но врач сомневался, что Элизабет точно представляет себе, что такое резус-фактор. Он решил приободрить будущую маму.

— Миссис Александер, — сказал он, — я хочу, чтобы вы поверили в следующее: то обстоятельство, что у вас с мужем разные резусы, отнюдь не означает, что с вашим ребенком обязательно возникнут проблемы. Вы в это верите?

— Думаю, что да, доктор, — ответила Элизабет, но в ее голосе прозвучало сомнение.

— Вы знаете точно, что означают термины «резус-положительный» и «резус-отрицательный»?

— Думаю, что нет. Во всяком случае, точно я не знаю, призналась Элизабет.

Именно этого Дорнбергер и ожидал. Немного помолчав, он снова заговорил:

— Попробую объяснить это как можно проще. Наша кровь состоит из определенных веществ — их лучше называть ингредиентами.

Элизабет кивнула:

— Я поняла.

Она сосредоточилась, приготовившись усвоить то, что скажет ей доктор Дорнбергер. На мгновение она испытала ностальгическую тоску по школьным годам. В школе она всегда гордилась своей способностью схватывать суть новых вещей, умением сосредоточиться на важных проблемах. В такие минуты она умела быстро запоминать факты, полностью отвлекаясь от посторонних вещей. Эта способность сделала ее одной из лучших учениц в классе. Интересно, сохранила ли она эту способность?

Дорнбергер продолжал:

— В настоящее время медицине известно сорок девять ингредиентов крови человека. У большинства из нас таких факторов от пятнадцати до двадцати.

В мозгу Элизабет щелкнуло, и она задала вопрос:

— Почему люди рождаются с разными факторами?

— Мы их наследуем, но для нас это сейчас не важно. Важно помнить другое: некоторые факторы совместимы, а некоторые — нет.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что если эти сорок девять ингредиентов крови смешать, то некоторые из них превосходно уживутся друг с другом, а некоторые начнут драться между собой не на жизнь, а на смерть. Именно поэтому мы так внимательно проверяем групповую принадлежность крови перед ее переливанием. Мы должны быть уверены, что человек сможет принять перелитую ему кровь.

Элизабет нахмурилась и спросила:

— И все проблемы возникают из-за ингредиентов, которые воюют друг с другом? Я имею в виду проблемы, которые возникают у новорожденных.

Это была ее старая школьная привычка: твердо уяснить один пункт и только потом перейти к следующему.

— Иногда это действительно так, но не всегда. Возьмем для примера вас и вашего мужа. Вы говорили, что у него кровь резус-положительная?

— Да, совершенно верно.

— Это значит, что у него в крови есть ингредиент, который обозначают заглавной буквой «D».

Элизабет медленно кивнула. В мозгу ее запечатлелось: если нет буквы «D», то, значит, кровь резус-отрицательная. Элизабет быстро сочинила мнемоническое двустишие:

Буквы «D» нет у меня,
Резус-минус кровь моя.

Она заметила, что Дорнбергер внимательно на нее смотрит.

— Вы так интересно рассказываете, — улыбнулась она. — Раньше мне этого не объясняли.

— Хорошо, а теперь давайте поговорим о вашем ребенке. — Он указал рукой на обозначившийся животик Элизабет. — Мы пока не знаем, какой будет у младенца кровь — резус-положительная или резус-отрицательная. Другими словами, мы не знаем, будет у него буква «D» или нет.

На секунду Элизабет забыла о своей ментальной игре. С неподдельной тревогой она спросила:

— И если «D» у него будет, то его кровь вступит в конфликт с моей?

— Это возможно, — спокойно ответил Дорнбергер, — но не надо так пугаться. Слушайте меня дальше.

Элизабет снова сосредоточилась. Жаль, что она допустила минутную слабость и позволила себе отвлечься.

Дорнбергер заговорил четко и отдельно:

— Кровь ребенка надежно отделена от крови матери. Тем не менее во время беременности немного крови плода иногда попадает в систему кровообращения матери. Вам понятно?

Элизабет кивнула:

— Да.

— Очень хорошо. Если у матери отрицательный резус, а у ребенка — положительный, то это означает, что иногда наш старый друг D попадает в кровь матери, где его отнюдь не ждут с распростертыми объятиями. Это понятно?

— Да, — ответила Элизабет.

— Если это происходит, — медленно продолжил Дорнбергер, — в крови матери начинают вырабатываться вещества, которые мы называем антителами. Эти антитела борются с ингредиентом D и со временем уничтожают его.

Элизабет недоуменно посмотрела на врача:

— И в чем здесь проблема?

— Здесь и нет никакой проблемы — во всяком случае, для матери. Проблема возникает тогда, когда антитела — созданные организмом матери бойцы с ингредиентом D — преодолевают плацентарный барьер и проникают в кровь ребенка. Понимаете, хотя системы кровообращения матери и плода не сообщаются между собой, антитела могут все же пересекать границу между ними.

— Понятно, — медленно произнесла Элизабет. — Вы хотите сказать, что материнские антитела начнут воевать с кровью ребенка и уничтожать ее.

Теперь Элизабет действительно все поняла.

Дорнбергер смотрел на нее с нескрываемым восхищением. Какая умничка, подумал он. Не пропустила ни одного слова из объяснения.

— Антитела могут разрушить кровь ребенка или ее часть, если мы позволим им это сделать. Тогда возникает заболевание, которое мы называем эритробластозом плода.

— Но как его остановить, если эритробластоз начнется?

— Если он начнется, то остановить его мы не сможем. Но мы можем

его предотвратить. С помощью теста на сенсibilизацию мы обнаружим появление в крови матери антирезусных антител. Этот тест будет проведен несколько раз в течение беременности.

— Как его делают? — спросила Элизабет.

— Как вы, однако, любите задавать вопросы! — Гинеколог улыбнулся. — Я не смогу описать вам все тонкости лабораторной процедуры, ваш муж сделает это гораздо лучше, чем я.

— Но что еще можно сделать? Я имею в виду для ребенка.

— Самое важное — это сделать ребенку обменное переливание подходящей крови сразу после рождения. Обычно оно оказывается успешным.

Дорнбергер намеренно не стал рассказывать об опасности эритроblastоза, который может привести к рождению мертвого ребенка. Не стал говорить и о том, что акушеры подчас вызывают роды искусственно, за несколько недель до срока, чтобы снизить риск заболевания. В любом случае обсуждение зашло слишком далеко, и Дорнбергер решил его закончить.

— Я рассказал вам все это, миссис Александер, только потому, что вы волновались по поводу резус-фактора. Кроме того, вы интеллигентная женщина, а я всегда считал, что лучше знать всю правду, чем ее часть.

Элизабет улыбнулась. Она и сама так думала. К тому же ей было приятно, что она не утратила своей школьной способности думать и запоминать. Потом она одернула себя: что за самодовольство! Ей предстоит рожать ребенка, а не сдавать годовой экзамен.

Доктор Дорнбергер снова заговорил, теперь уже вполне серьезно, без улыбки:

— И позвольте мне сказать вам еще одну важную вещь. Во-первых, у ребенка может не быть резус-положительной крови, ни в этот раз, ни потом. В этом случае никаких проблем вообще не будет. Во-вторых, если даже кровь ребенка будет резус-положительная, не обязательно, что у вас появятся антитела. В-третьих, даже если появятся, очень велики шансы на успешное лечение и выздоровление ребенка. — Он посмотрел ей в глаза: — Что вы теперь обо всем этом думаете?

Элизабет просияла. С ней разговаривали как со взрослым человеком, и это очень ей импонировало.

— Доктор Дорнбергер, — сказала она, — вы просто чудо.

Изумленный врач взял в руку трубку и принялся ее набивать.

— Да, — согласился он. — Я и сам иногда так думаю.

— Джо, я могу с тобой поговорить?

Люси Грейнджер как раз направлялась в отделение патологической анатомии, когда в коридоре первого этажа едва не натолкнулась на массивную фигуру Пирсона. Услышав, как его окликнули, Пирсон остановился.

— У тебя какие-то проблемы, Люси? — Старик говорил своим обычным немного гнусавым и ворчливым тоном, но в нем — к великой радости Люси — не было враждебности. Люси втайне надеялась, что она застрахована от перепадов настроения Джо Пирсона.

— Да, Джо. Я хочу, чтобы ты взглянул на одну мою больную.

Пирсон принялся раскуривать непременно сигару. Внимательно посмотрев на ее красный кончик, он спросил:

— Что случилось?

— Речь идет об одной медсестре-практикантке. Девушку зовут Вивьен Лоубартон. Ей девятнадцать лет. Ты ее знаешь?

Пирсон отрицательно покачал головой, и Люси продолжила:

— Меня немного беспокоит этот случай. Я подозреваю опухоль кости и на послезавтра назначила биопсию. Ткань направят к вам, но я бы хотела, чтобы ты взглянул на девочку.

— Хорошо. Где она?

— Я госпитализировала ее для наблюдения, — ответила Люси. — Она на втором этаже. Ты не посмотришь ее прямо сейчас?

Пирсон кивнул:

— Могу, конечно.

Через вестибюль они прошли к пассажирскому лифту.

В обращении Люси к Пирсону не было ничего необычного. В таких случаях, когда лечащий врач подозревал злокачественную опухоль, последнее слово принадлежало патологоанатому — именно он ставил окончательный диагноз. В диагностике опухоли играют роль многие факторы — иногда противоречивые, — и патологоанатому приходится тщательно их взвешивать. Оценка костных опухолей была особенно трудна, и Люси знала об этом. Поэтому в таких случаях патологоанатома привлекали к обследованию с самого начала. Следовательно, он мог познакомиться с больным, обсудить с лечащим врачом симптомы, выслушать мнение рентгенолога — все это помогало установить точный диагноз.

Когда они вошли в лифт, Пирсон вздрогнул и схватился за поясницу.

Люси нажала кнопку второго этажа. Двери лифта закрылись, и она спросила:

— Тебя беспокоит спина?

— Иногда да. — Он с усилием распрямился. — Слишком много просиживаю за микроскопом.

Люси озабоченно посмотрела на старика:

— Почему бы тебе не зайти ко мне? Надо взглянуть на твою спину.

Он пыхнул сигарой и улыбнулся:

— Знаешь, Люси, я не смогу оплачивать твои счета.

Двери открылись, и они вышли в вестибюль второго этажа. Идя по коридору, она укоризненно произнесла:

— Не переживай, я не обременяю счетами коллег.

Он иронично посмотрел на нее:

— Да, в этом ты совсем не похожа на психиатров.

— Нет, не похожа, — рассмеялась она. — Я слышала, что они присылают счета даже своим сотрудникам.

— Это так, — подтвердил Пирсон. Люси редко приходилось видеть его в таком благодушном настроении. — Они говорят, что это часть лечения.

— Мы пришли, — сказала Люси, открыла дверь палаты и пропустила Джо Пирсона вперед. Потом она вошла сама и закрыла за собой дверь.

Они оказались в маленькой двухместной палате. Люси поздоровалась с женщиной, лежавшей на ближней к двери кровати, и прошла дальше. На второй кровати лежала Вивьен. Увидев вошедших врачей, она отложила в сторону журнал.

— Вивьен, это доктор Пирсон.

— Привет, Вивьен. — Пирсон словно невзначай взял протянутую ему Люси историю болезни.

— Добрый день, доктор, — вежливо ответила девушка.

Для Вивьен было большой загадкой, почему она вообще оказалась здесь. Колено, конечно, болело, но разве можно из-за такого пустяка класть человека в больницу? Правда, Вивьен не особенно возражала. Она устала от учебы и практики, от нагрузок и теперь могла отдохнуть, валяясь в постели и почитывая журналы. Только что звонил Майк. Он был очень озабочен тем, что Вивьен госпитализировали, и обещал зайти, как только освободится.

Люси задернула занавеску, разделявшую кровати, и Пирсон обратился к Вивьен:

— Покажите мне оба ваши колена.

Девушка отбросила одеяло и подняла подол ночной рубашки. Пирсон отложил историю болезни и принялся внимательно изучать колени.

Люси смотрела, как старый патологоанатом своими короткими толстыми пальцами бережно ощупывает ноги медсестры. Он, оказывается, может быть и таким, подумала она. В какой-то момент Вивьен вздрогнула.

Пирсон поднял глаза:

— Вам больно?

Вивьен кивнула.

— Доктор Грейнджер говорит, что пять месяцев тому назад вы ушибли левое колено. Так? — спросил Пирсон.

— Да, доктор. — Вивьен задумалась, стараясь быть точной. — Сначала я об этом забыла, но теперь вспомнила. Я ударилась, когда ныряла в бассейне. Ударилась об дно.

— В тот момент боль была сильной? — спросил Пирсон.

— Да, но потом она бесследно прошла, и я вспомнила о том случае только теперь.

— Все понятно, Вивьен. — Он сделал знак Люси, и она накрыла Вивьен одеялом.

— Рентген сделали? — спросил Пирсон у Люси.

— Снимки у меня с собой. — Она извлекла из папки большой конверт. — Здесь два снимка. На первом мы не увидели никакой патологии, но потом сделали более мягкий снимок, чтобы контурировались мышцы. На втором снимке видна нерегулярность строения костной ткани.

Вивьен с большим интересом прислушивалась к разговору, ведь дело касалось ее и врачи обсуждали это дело как очень важное.

Пирсон и Люси подошли к окну, и патологоанатом посмотрел снимки на свет. Когда он разглядывал второй снимок, Люси показала нужное место:

— Вот здесь, видишь?

Они принялись вместе разглядывать рентгенограмму.

— Тени страны теней, — буркнул Пирсон, хотя давать свои оценки качеству рентгенограмм считал недопустимым вторжением в епархию другого специалиста. — Что говорит рентгенолог? — поинтересовался он.

— Ральф Белл подтверждает нерегулярность строения, — ответила Люси. — Но диагноз поставить он не может и согласен, что надо делать биопсию.

Пирсон обернулся к больной:

— Вивьен, вы знаете, что такое биопсия?

— Догадываюсь, — неуверенно ответила та. — Но точно не знаю.

— Этого вы еще не проходили?

Она отрицательно покачала головой.

— Доктор Грейнджер возьмет маленький кусочек костной ткани из вашего колена, — сказал Пирсон, — оттуда, где, как нам думается, гнездится болезнь. Потом этот кусочек принесут мне и я его изучу.

— И по такому кусочку вы можете... сказать, в чем причина?

— В большинстве случаев могу. — С этими словами он направился к выходу, но вдруг остановился: — Вы много занимались спортом?

— О да, доктор. Теннис, плавание, лыжи. — Она помолчала, потом добавила: — Еще я люблю верховую езду. Я много ездила в Орегоне.

— В Орегоне? — задумчиво спросил он и снова шагнул к двери. — Ладно, Вивьен, на сегодня все.

Люси улыбнулась:

— Вивьен, я зайду к тебе позже. — Она взяла историю болезни, снимки и последовала за Пирсоном.

Когда дверь закрылась, Вивьен впервые ощутила в груди холодок страха.

Когда врачи отошли от палаты, Люси спросила:

— А ты что думаешь, Джо?

— Это может быть костная опухоль, — задумчиво ответил Пирсон.

— Злокачественная?

— Возможно.

Они вошли в лифт.

— Если она злокачественная, то придется ампутировать ей ногу.

Пирсон медленно кивнул. Лицо его вдруг сделалось очень старым.

— Да, я думаю о том же.

Глава 11

Турбовинтовой «виконт» сделал разворот и пошел на посадку. Включив тормозные двигатели и опустив закрылки, пилот направил самолет на первую полосу муниципального аэропорта Берлингтона. Наблюдая за посадкой из зала ожидания, расположенного прямо под диспетчерской вышкой, доктор Кент О’Доннелл почему-то подумал, что между авиацией и медициной очень много общего. Обе отрасли родились из научного знания, кардинально изменили образ жизни и разрушили старые представления о ней; обе стремились к неведомым горизонтам, к неясным очертаниям будущего. Была и еще одна параллель. Современная авиация не поспевает за своими же открытиями. Один знакомый авиаконструктор как-то сказал: «Если самолет просто летает, то он уже устарел».

То же самое характерно и для медицинской практики, продолжал размышлять О’Доннелл, прикрывая глаза ладонью от лучей августовского солнца. Госпитали, клиники и сами врачи не могут все время идти в ногу со временем, не могут быть все современными в полном смысле этого слова. Как бы они ни старались, что бы ни делали, экспериментальная наука и новые технологии всегда идут впереди практики, иногда опережая ее на многие годы. Сегодня человек может умереть, несмотря на то что уже изобретено и испытано новое лекарство, способное спасти ему жизнь. Требуется время для того, чтобы новые технологии, новые знания, новые препараты были признаны и внедрены в широкую клиническую практику. То же самое касается и хирургии. Какой-нибудь хирург или группа хирургов могут разработать новую, спасающую жизнь операцию. Но прежде чем она станет доступной для нуждающихся, другие хирурги должны научиться делать такую операцию. Подчас этот процесс оказывается весьма долгим. Например, операции на сердце в наши дни доступны всем, кто остро в них нуждается, но когда-то их делали лишь очень немногие хирурги и мало кто отваживался оперировать на открытом сердце.

Относительно медицинских новшеств всегда неизбежно вставал вопрос: полезны ли они, нужны ли для блага больных? Не всякая перемена означает прогресс. Не раз бывало, что медицина начинала идти ложным путем, следовать теориям, противоречащим практике, поддерживала одержимых энтузиастов, отстаивавших безумные взгляды и заражавших

ими других врачей. Иногда бывает очень трудно пройти между Сциллой новшеств и Харибдой разумной осторожности. В клинике Трех Графств с ее консерваторами и прогрессистами — при том что в обоих лагерях было множество порядочных людей — такому человеку, как О’Доннелл, было тяжело в каждый данный момент определиться, с кем быть.

Размышления О’Доннелла были прерваны подкатившим к зданию аэропорта «виконтом». О’Доннелл стал ждать, когда моторы остановятся и пассажиры начнут выходить налетное поле. Потом, увидев среди других пассажиров спускавшегося по трапу Коулмена, он сбежал вниз по лестнице и пошел к самолету, чтобы лично приветствовать нового помощника заведующего отделением патологической анатомии.

Дэвид Коулмен был удивлен, увидев в зале прилета главного хирурга — высокого, загорелого, резко выделявшегося на фоне других встречающих.

— Очень рад вас видеть, — сказал О’Доннелл, протягивая руку для пожатия. — Джо Пирсон не смог приехать, но мы решили, что кто-то из нас должен вам сказать: «Добро пожаловать в Берлингтон!»

О’Доннелл умолчал о том, что Джо Пирсон категорически отказался встречать Коулмена, администратора клиники нет в городе и он решил выкроить время, чтобы лично встретить нового патологоанатома.

Они шли по забитому народом душному залу прилетов, и О’Доннелл заметил, что Коулмен с любопытством смотрит по сторонам. Было такое впечатление, что молодой коллега пытается быстро оценить обстановку. Если это была привычка, то ее можно было только приветствовать. Естественно, О’Доннелл внимательно разглядел самого Коулмена. Несмотря на трехчасовой полет, Дэвид выглядел отменно: безупречный габардиновый костюм, тщательно расчесанные на пробор волосы, гладко выбритые щеки. Он был без головного убора и выглядел моложе тридцати одного года. Он обладал более хрупким телосложением, чем О’Доннелл, но черты его продолговатого лица с твердым подбородком были жесткими. Небольшой портфель придавал ему вид молодого ученого.

О’Доннелл подвел Коулмена к стойке выдачи багажа. Багажный контейнер был уже разгружен, и они присоединились к толпе людей, разбиравших свои чемоданы.

— Терпеть не могу эту часть воздушных путешествий, — сказал О’Доннелл.

Коулмен кивнул и вежливо улыбнулся. По-видимому, это означало: «Давайте не будем тратить наши таланты на подобные пустяки».

Холодный типаж, подумалось О’Доннеллу. Он внимательно посмотрел

в серо-стальные глаза Коулмена. Кто знает, что за ними кроется? Коулмен стоял неподвижно, довольно высокомерно оглядывая толпу суетившихся вокруг груды багажа людей. Словно по команде, к нему тотчас, не обращая внимания на остальных, подбежал носильщик.

Десять минут спустя, миновав затор у въезда на территорию аэропорта, О'Доннелл погнал свой «бьюик» к городу.

— Мы забронировали вам номер в отеле «Рузвельт». Там уютно и тихо. Кажется, наш администратор писал вам об этом.

— Да, писал, — подтвердил Коулмен, — но мне хотелось бы поскорее разобраться с жильем.

— С этим проблем не будет, — заверил его О'Доннелл и добавил: — Может быть, вам нужны два-три дня, для того чтобы устроиться?

— Не думаю, спасибо. Я приступлю к работе с завтрашнего дня.

Вежлив, но тверд, подумал О'Доннелл. Этот человек сначала все обдумывает, а потом без обиняков высказывает свое мнение. Переубедить его будет нелегко. Интересно, как уживутся в одном отделении Джо Пирсон и Дэвид Коулмен? Судя по всему, стычек не избежать. Но такие вещи непредсказуемы. Иногда даже очень разные люди со временем становятся неразлучными друзьями. В клинике он видел такие примеры.

Они въехали в город. Дэвид Коулмен с любопытством смотрел в окно, чувствуя, что начинает волноваться. Что ожидает его здесь? Нынешнее положение казалось ему необычным. Раньше он воспринимал то, что с ним происходило, как навязанную ему данность. На этот раз он сам принял решение, к тому же это было его первое место работы в штате клиники. Он мысленно усмехнулся и отругал себя: «Нечего стыдиться приземленной человечности, дружище. Но как же трудно избавляться от застарелых привычек!»

Он искоса взглянул на сидевшего за рулем О'Доннелла. Что он за человек? Коулмен слышал массу хороших отзывов о главном хирурге клиники Трех Графств. Как получилось, что О'Доннелл с его образованием и квалификацией выбрал такое захолустное место? Может быть, и у него были смешанные мотивы? Или за этим решением стояли другие причины? Может быть, ему просто здесь нравится. Наверное, есть такие люди, думал Коулмен, предпочтения которых просты и незатейливы.

О'Доннелл резко затормозил, пропуская трейлер, а потом заговорил:

— Если позволите, я скажу вам пару вещей.

— Я слушаю, — вежливо отозвался Коулмен.

— За последние несколько лет в клинике Трех Графств произошли некоторые изменения. — Чувствовалось, что О'Доннелл тщательно

подбирает слова. — Гарри Томазелли говорил мне, что вы слышали о них, так же как и о наших планах.

— Да, слышал. — Коулмен слегка улыбнулся.

О’Доннелл нажал на клаксон, и ехавшая впереди машина уступила дорогу.

— Сам факт вашей работы здесь — это уже немалое новшество, и мне кажется, что, начав работать, вы скоро захотите изменений.

Коулмен подумал об отделении патологической анатомии и о своих впечатлениях, сложившихся у него за время краткого визита.

— Да, — сказал он, — я в этом уверен.

О’Доннелл помолчал, потом снова заговорил:

— Мы по возможности проводим реорганизацию мирно. Правда, иногда мирный путь оказывается неприемлемым. Я не из тех людей, кто считает возможным ради сохранения мира поступаться принципами. — Он посмотрел на Коулмена. — Я хочу сказать это сразу, чтобы потом не было недоразумений.

Коулмен промолчал, и О’Доннелл продолжил:

— Но все же я хочу, чтобы вы продвигались вперед осмотрительно. — Он улыбнулся. — Действуйте убеждением, а «кольт» приберегите для действительно важных целей.

— Я понял, — уклончиво ответил Коулмен.

И все же он не совсем понял сказанное. Неужели его впечатления об О’Доннелле оказались ложными? Может быть, он просто миротворец, избегающий конфликтов? Похоже, что ему только что предложили не высовываться и не раскачивать лодку. Если так, то они скоро поймут, что получили не того человека. Коулмен решил, что, найдя в Берлингтоне квартиру, не станет снимать ее надолго.

О’Доннелл со своей стороны раздумывал, правильно ли он поступил, сказав все это Дэвиду Коулмену. Клинике повезло, что удалось заполучить такого специалиста, и главному хирургу совершенно не хотелось его отпугнуть — во всяком случае, с самого начала. Но О’Доннелл не мог пренебречь возможным влиянием Джо Пирсона на Юстаса Суэйна и старался не подвести Ордэна Брауна, который во что бы то ни стало хочет получить от Суэйна четверть миллиона долларов, так нужные клинике. Ради этого О’Доннелл был готов пойти на умиротворение Джо Пирсона.

Но как решить, где заканчивается политика и где начинается ответственность О’Доннелла как врача и медицинского руководителя? Этот вопрос не давал ему покоя. Наступит день, и ему придется со всей решительностью определиться с этой границей. Не заигрался ли он сейчас

с политикой? Кажется, заигрался. Если бы меньше думал о политике, то не сказал бы сейчас Коулмену того, что сказал. Власть развращает. Это факт, и от него никуда не денешься, какими бы благими ни были твои намерения. Он хотел было объяснить Коулмену ситуацию, но потом решил этого не делать. В конце концов, Коулмен — новый человек, а О’Доннеллу пока не удалось узнать, что скрывается за холодными серо-стальными глазами молодого патологоанатома.

В центре города они запетляли по знойным и пыльным улицам Берлингтона. Тротуары ослепительно блестели на солнце, черный асфальт мостовой плавился и липнул к колесам. О’Доннелл направил «бьюик» во двор отеля «Рузвельт». Портье открыл дверь машины и принялся вытаскивать с заднего сиденья вещи Коулмена.

— Хотите, я провожу вас в номер? Просто чтобы удостовериться, что все в порядке?

— Думаю, в этом нет никакой необходимости, — ответил Коулмен, выйдя из машины. Отказ был вежливым, но твердым.

О’Доннелл выглянул в окно:

— Хорошо. Ждем вас завтра утром. Удачи!

— Спасибо.

Портье захлопнул заднюю дверь, О’Доннелл выехал на улицу и влился в поток машин. Он посмотрел на часы. Два часа. Он решил сначала заглянуть в администрацию, а потом поехать в клинику.

Элизабет Александер сидела на обитой кожей кушетке в коридоре лаборатории поликлинического отделения клиники и от нечего делать разглядывала стены. Почему они выкрашены в два оттенка темно-коричневого цвета? Неужели не нашлось более ярких и светлых красок? К тому же первый этаж — самая темная часть клиники; желтый или светло-зеленый цвет мог бы оживить ее помещения.

Элизабет, сколько себя помнила, всегда любила яркие цвета. Когда была еще маленькой, сама сшила занавески для своей комнаты из зеленовато-голубой ткани, разрисованной звездами и лунами. Конечно, она сработала те занавески очень топорно, но тогда они казались ей чудесными. Для того чтобы их повесить, пришлось спуститься к отцу в его лавку на первом этаже. Отец подобрал металлический прут нужной длины, железные кронштейны, нашел шурупы и отвертку. Элизабет помнила, как он рылся в ящиках. У отца все было кучей навалено в ящиках, и ему всегда приходилось долго искать необходимую покупателю вещь.

Это было в Нью-Ричмонде, в Индиане, за два года до того, как отец

погиб в катастрофе. Или это было за три года до того? Трудно вспомнить — время летит так быстро. Но она точно помнила, что с Джоном она познакомилась за полгода до гибели отца. Это знакомство тоже было связано с цветом. Джон зашел в лавку ее отца купить красную краску. Она в это время помогала отцу и сумела отговорить Джона от красной краски и убедила купить зеленую. Или это было как-то по-другому? Как туманны ее воспоминания. Зато помнит, что влюбилась в Джона с первого взгляда. Наверное, она уговаривала его купить другую краску только для того, чтобы он подольше не уходил. С тех пор у нее не было ни одного случая засомневаться в чувствах, которые они питали друг к другу. Они сохранили эту детскую влюбленность. Через шесть лет они поженились. Несмотря на то что у них обоих не было ни гроша, несмотря на то что Джон учился в колледже, никто не стал возражать или уговаривать их подождать. Для всех родственников этот брак был естественным и неизбежным.

Многим людям мог показаться трудным первый год их совместной жизни, когда Джон учился в колледже. Но для Джона и Элизабет это было самое счастливое время в их жизни. Элизабет окончила вечерние курсы секретарей в Индианаполисе и работала стенографисткой, зарабатывая им на жизнь.

В тот год они очень серьезно обсуждали планы на будущее. Поступить ли Джону на медицинский факультет, чтобы выучиться на врача, или ограничиться специальностью технолога-лаборанта? Элизабет была за первый вариант. Хотя это означало, что Джон начнет зарабатывать только через несколько лет, она была готова все это время работать и содержать семью. Но Джона такая перспектива не устраивала. Конечно, он всегда хотел заниматься медициной, он хорошо учился в колледже, но должен же он что-то делать и для семьи! Когда Элизабет забеременела, это решило все. Не обращая больше внимания на протесты жены, Джон поступил в школу медицинских технологий, и они переехали в Чикаго.

Там у них родилась девочка, которую они называли Памелой. Четыре недели спустя ребенок умер от бронхита, и Элизабет на время показалось, что весь ее мир рухнул. Несмотря на всю свою стойкость и здравый смысл, она потеряла опору под ногами и перестала интересоваться жизнью. Джон делал все, что мог, он был добр, нежен и внимателен, но ничто не помогало.

Элизабет чувствовала, что ей надо бежать из привычной обстановки, и она уехала к матери в Нью-Ричмонд, но через неделю заскучала по Джону и вернулась в Чикаго. Она начала выздоравливать — медленно, но верно. За шесть недель до выпускных экзаменов в школе медицинских технологий Джона Элизабет поняла, что забеременела. Эта беременность помогла ей

окончательно оправиться от травмы. Элизабет снова чувствовала себя здоровой, к ней вернулась былая бодрость; она испытывала радостное волнение, думая о своем будущем ребенке.

В Берлингтоне они нашли маленькую, но уютную квартирку за вполне умеренную плату. На отложенные сбережения они купили мебель, а на ежемесячную оплату вполне хватало части зарплаты Джона. Все было прекрасно. Единственное, что выводило ее сейчас из равновесия, — это тусклый коричневый цвет больничных стен.

Дверь лаборатории открылась, и в коридор вышла женщина, сидевшая в очереди перед Элизабет. За женщиной в коридоре показалась лаборантка в белом халате и заглянула в список:

— Миссис Александер?

— Это я, — сказала Элизабет и встала.

— Входите, пожалуйста.

Вслед за лаборанткой Элизабет вошла в процедурный кабинет.

— Садитесь, миссис Александер. Я задержу вас ненадолго.

— Спасибо.

Лаборантка еще раз прочитала направление, написанное доктором Дорнбергером.

— Резус-фактор и антитела. Отлично. Положите руку сюда, пожалуйста, и зажмите кулак.

Она взяла Элизабет за запястье и смочила его раствором антисептика, потом ловко надела на плечо Элизабет резиновый жгут. С лотка девушка взяла шприц, достала из пакета стерильную иглу и соединила ее со шприцем. Выбрав подходящую вену, лаборантка быстрым резким движением ввела в нее иглу и потянула на себя поршень. Когда кровь дошла до отметки семь миллилитров, девушка извлекла иглу со шприцем из вены и прижала к месту пункции ватный тампон. Вся процедура продолжалась не больше пятнадцати секунд.

— Думаю, вы делаете это не в первый раз, — восхищенно произнесла Элизабет.

Девушка улыбнулась:

— Да, пожалуй, уже в тысячный.

Элизабет смотрела, как лаборантка приклеивает на пробирку этикетку с номером карточки и выдавливает в пробирку кровь из шприца. Поставив пробирку в штатив, она сказала:

— Вот и все, миссис Александер.

Элизабет кивнула в сторону штатива:

— И куда теперь отправят мою кровь?

— В серологическую лабораторию. Там лаборант сделает анализ. Элизабет подумала, что, наверное, этим лаборантом будет ее муж.

Сидя в комнате отдыха, Майк Седдонс не находил себе места от волнения. Если бы всего месяц назад кто-нибудь сказал ему, что он будет так переживать по поводу едва знакомой ему девушки, он счел бы этого человека сумасшедшим. Но вот уже в течение сорока восьми часов, с тех пор как он перелистал историю болезни Вивьен на посту возле ее палаты, Майк был подавлен и встревожен. Всю предыдущую ночь он пролежал без сна, думая о строчках, написанных в истории болезни четким почерком доктора Люси Грейнджер: «Вивьен Лоубартон — подозрение на остеогенную саркому — направлена на биопсию».

Когда он увидел Вивьен в первый раз — на вскрытии, она была для него всего лишь одной из хорошеньких практиканток. Даже во время второй встречи — до происшествия в парке — он воспринимал ее как объект интересного и волнующего приключения. Седдонс не обманывал себя насчет своих слов и намерений.

Не обманывая он себя и теперь. Впервые в жизни он был по-настоящему влюблен и мучился от томительного, изматывающего душу страха.

В ту ночь, когда Майк сказал Вивьен, что хочет жениться на ней, у него не было времени подумать о значении этих слов. Прежде Майк Седдонс без устали убеждал себя в том, что, пока не встанет на ноги в профессии, о женитьбе не может быть и речи. Он должен перебеситься, надежно устроиться и стать финансово независимым. Но слова были сказаны, и Седдонс почувствовал, что сказал правду. После той ночи он часто повторял их мысленно, и ни разу у него не возникло желания отступить.

А теперь это.

В отличие от Вивьен, считавшей, что маленький бугорок под коленкой — это пустяк, мелкая неприятность, которая пройдет, когда ее так или иначе полечат, Майк Седдонс отлично понимал значение фразы «подозрение на остеогенную саркому». Он понимал: подтверждение диагноза означает, что клетки страшной злокачественной опухоли могут с кровью распространиться — если уже не распространились — по всему организму. Без экстренного хирургического вмешательства в такой ситуации шансы прожить хотя бы год практически равны нулю. Хирургическое же вмешательство означало ампутацию конечности в надежде, что так удастся остановить распространение злокачественных

клеток из основного очага. Но статистика показывает, что даже после ампутации только у двадцати процентов больных наступает выздоровление, а остальные неизбежно умирают от метастазов опухоли, умирают быстро, иногда в течение нескольких месяцев.

Но это же не обязательно остеогенная саркома. Возможно, просто безобидная, доброкачественная костная опухоль. Шансов — пятьдесят на пятьдесят, все равно как при подбрасывании монеты. На лбу у Седдона выступил холодный пот, когда он подумал, что такое для них результат биопсии. Сначала он хотел пойти к Люси Грейнджер и обсудить шансы, но потом решил этого не делать. Он больше узнает, если будет держаться как сторонний наблюдатель. Если коллеги поймут, что им движет личный интерес, они перестанут быть с ним откровенными, щадя его чувства. Он не желал этого, он хотел все знать!

Общаться с Вивьен, скрывая свои мысли и свои опасения, было нелегко. Прошлым вечером, когда он сидел с ней в ее палате наедине — вторую больную выписали, и место пока было свободно, — Вивьен поддразнивала Майку, видя его грустное настроение:

— Я знаю, чего ты боишься. Не хочешь, чтобы тебя пришили, как бабочку на булавку. Хочешь, как прежде, прыгать из постели в постель.

— Вот уж никогда не прыгал из постели в постель, — ответил Майк, стараясь подладиться под ее тон. — Это очень нелегко, для этого надо много работать.

— Со мной тебе, кажется, не пришлось много работать.

— Ты — другое дело. С тобой все произошло само собой.

— Да, я знаю, — сказала она вполне серьезно, а потом снова зашебетала: — Но не думайте, доктор Майкл Седдонс, что вам удастся выпутаться из этого положения. У меня нет никакого желания отпускать вас на волю.

Он нежно обнял ее, прижал к себе и поцеловал, испытывая чувства, о которых не подозревал раньше. Она подняла голову и уткнулась носом ему в ухо. Мягкие, ароматно пахнущие волосы щекотали щеку.

— Хочу предупредить вас, уважаемый доктор: держитесь подальше от практиканток — они все такие безнравственные!

— В самом деле? — Майк ответил ей с веселостью, которую вовсе не ощущал. Он отстранился. — И почему никто не сказал мне этого раньше?

На Вивьен был тонкий голубой пеньюар, открытый спереди, а под ним — полупрозрачная нейлоновая рубашка. Теряя голову, он словно впервые увидел, как она юна и прекрасна.

Вивьен выразительно посмотрела на закрытую дверь палаты и сказала:

— У сестер сегодня вечером конференция. Я точно знаю, они мне говорили. Как минимум еще час здесь никто не появится.

Майк был потрясен. Как же он любит ее за прямоту и простую искренность чувств!

— Ты хочешь сказать: здесь и сейчас?

— Почему нет?

— Если кто-нибудь войдет, то меня выставят из клиники.

— В прошлый раз тебя это не волновало, — тихо напомнила Вивьен и нежно провела пальцем по его щеке. Он порывисто наклонился и поцеловал ее в шею. Губами он скользнул ниже и почувствовал, как убыстрилось ее дыхание. Вивьен обвила руками плечи Майка.

Как ни сильно было искушение, благоразумие взяло верх. Он обнял ее и сказал:

— Милая Вивьен, когда все это закончится, мы останемся с тобой наедине и не будем считать часов.

Это было вчера. Сегодня днем Люси Грейнджер в операционной сделает Вивьен биопсию. Седдонс посмотрел на часы. Половина третьего. Сейчас, по плану операционного блока, она начнется. Если патологоанатомы сработают быстро, то ответ будет готов к завтрашнему дню. Потеряв всякое представление о реальности, Майк исступленно прошептал:

— Господи, прошу тебя, Господи, пусть она окажется доброкачественной!

Анестезиолог кивнул:

— Мы готовы и ждем начала, Люси.

Доктор Грейнджер — в перчатках и операционном халате — подошла к изголовью операционного стола и улыбнулась Вивьен:

— Это будет недолго, и ты ничего не почувствуешь.

Вивьен попыталась улыбнуться в ответ. Но улыбка получилась отнюдь не веселой. Вероятно, это произошло от сонливости — ей сделали успокаивающий укол, а кроме того, ввели в позвоночник обезболивающее лекарство, и теперь нижняя часть тела одеревенела и ничего не чувствовала.

Люси кивнула ассистировавшему ей интерну. Тот поднял ногу Вивьен, и Люси принялась снимать материю, которой была обмотана конечность. Утром, в палате, Вивьен побрили ногу, тщательно вымыли и разукрасили йодонатом. Теперь Люси снова обработала операционное поле антисептиком и уложила над и под коленом стерильное белье.

Операционная сестра взяла в руки сложенную зеленую простыню. Люси взяла ее за свободный конец, и они развернули простыню над операционным столом и уложили так, чтобы отверстие в ней пришлось на больное колено. Верхний край простыни анестезиолог укрепил на металлической рамке над головой Вивьен. Теперь она не видела, что происходит над операционным столом.

Анестезиолог наклонился к Вивьен:

— Успокойтесь, мисс Лоубартон. Это все равно что вырвать зуб, только много комфортабельнее.

— Скальпель, — сказала Люси и протянула руку, в которую операционная сестра вложила инструмент. Брюшком остро отточенного лезвия Люси быстро сделала разрез длиной около четырех сантиметров. Из разреза немедленно потекла кровь.

— Два зажима. — Операционная сестра была наготове, и Люси сразу же ликвидировала два фонтанчика крови. — Перевяжите, пожалуйста.

Люси отстранилась и держала зажимы до тех пор, пока интерн не наложил на кровоточащие сосуды лигатуры.

— Теперь разрез надкостницы.

Люси тем же скальпелем рассекла плотную волокнистую ткань, окружающую кость.

— Приготовьте пилу.

Операционная сестра протянула Люси маятниковую пилу. Операционная санитарка сняла с операционного стола электрический шнур.

— Сейчас мы вырежем клиновидный фрагмент кости, — объяснила Люси интерну. — Обычно бывает достаточно от половины до трех четвертей дюйма. — Она посмотрела на рентгеновский снимок, прикрепленный к негатоскопу в углу операционной. — Конечно, надо взять фрагмент из опухоли, а не кусок нормальной костной ткани.

Люси включила пилу и дважды коснулась ею кости. Пила вгрызалась в кость с негромким жужжащим звуком. Люси выключила пилу и отдала ее операционной сестре.

— Мне кажется, этого достаточно. Анатомический пинцет!

Она осторожно извлекла из ткани кусочек кости и опустила его в специальный раствор, поданный операционной санитаркой. Теперь этот фрагмент вместе с описанием хирургической манипуляции отправится в отделение патологической анатомии.

— Вы нормально себя чувствуете? — спросил анестезиолог у Вивьен.

Она кивнула.

— Теперь осталось уже недолго, — сказал анестезиолог. — Биопсию уже взяли. Сейчас хирурги зашьют колено, и все.

Люси принялась за дело. Как было бы просто, подумала она, если бы все этим и закончилось! Но взятие биопсии — операция чисто диагностическая. Каким будет следующий этап, зависит от заключения Джо Пирсона, которому предстоит исследовать под микроскопом отправленный ему фрагмент.

Мысль о Джо Пирсоне напомнила ей о том, что она совсем недавно слышала от Кента О’Доннелла: сегодня в Берлингтон должен приехать новый патологоанатом. Она надеялась, что приход нового специалиста пройдет гладко — так будет лучше для всех.

Люси уважала попытки главного хирурга добиться нужных изменений, не прибегая к великим потрясениям, хотя, наблюдая за ним, понимала, что он не станет избегать конфликтов, если в том возникнет необходимость. Вот и опять она думает о Кенте. Что-то в последнее время ее мысли часто возвращаются к нему. Может быть, дело в том, что они постоянно сталкиваются на работе. Редкий день они не видятся в операционной. Интересно, подумала Люси, сколько еще пройдет времени, прежде чем главный хирург клиники опять пригласит ее поужинать? Не устроить ли ей у себя дома вечеринку для нескольких друзей, включая О’Доннелла?

Люси разрешила интерну зашить подкожные ткани.

— Шейте узловыми швами, трех будет достаточно, — сказала она и принялась внимательно наблюдать за действиями молодого хирурга. Парень шил медленно, но тщательно. Некоторые хирурги клиники редко давали ассистирующим интернам делать что-либо самостоятельно. Но Люси хорошо помнила, как сама, будучи интерном, стояла за операционным столом, надеясь, что ей позволят хотя бы завязать несколько узлов.

Это было в Монреале, где тринадцать лет назад началась ее интернатура в Центральной клинике. Потом она специализировалась в ортопедии. Люси на своем опыте убедилась, каким случайностям подчас подвержен выбор той или иной медицинской специальности. Порой выбор определяется теми клиническими случаями, с которыми сталкивается интерн. Когда она училась в Канаде на подготовительных курсах университета Макгилла, а потом на медицинском факультете университета в Торонто, ее медицинские интересы не отличались постоянством. Даже по возвращении в Монреаль она долго колебалась — проходить специализацию или стать врачом общей практики. Но случай столкнул ее с

одним старым хирургом, прозванным в клинике Старой Косточкой за пристрастие и любовь к ортопедии. Вышло так, что он стал ее руководителем и наставником.

Когда Люси познакомилась с ним, ему было около шестидесяти пяти лет. В поведении и по своим личностным качествам это был один из самых неприятных людей, с которыми Люси когда-либо приходилось встречаться. В большинстве учебных медицинских центров встречаются такие капризные примадонны, но в Старой Косточке были объединены все их наихудшие черты. В клинике он постоянно оскорблял всех — интернов, резидентов, коллег, больных, — не делая различий и одинаково бесстрастно. В операционной он без всякой видимой причины орал на сестер и ассистентов, употребляя слова из лексикона портовых кабаков и ночлежек. Если во время операции ему, не дай Бог, подавали не тот инструмент, он швырял его в виновника, при более благодушном настроении инструмент летел в стену.

При всех своих капризах и чудачествах Старая Косточка был хирургом экстра-класса. Занимался он в основном коррекцией костных дефектов у детей-инвалидов. Его успехи в этой области сделали его звездой мировой величины. Но и с детьми он ни на йоту не менял своего поведения — обращался так же грубо, не говоря уж об их родителях. Но дети почему-то его не боялись. Детский инстинкт в отношении человека, поняла тогда Люси, лучший барометр, чем оценки взрослых.

Будущее Люси определило влияние именно этого старого грубияна. Увидев, какие чудеса может творить ортопедическая хирургия, она решила, что примет в их сотворении посильное участие, осталась в трехлетней интернатуре и ассистировала Старой Косточке всякий раз, когда это было возможно. Она копировала его во всем, кроме его ужасных манер. Отношение старика к Люси было таким же, как и ко всем остальным, но в конце интернатуры Люси гордилась тем, что на нее Старая Косточка орал меньше, чем на других.

С тех пор прошло много лет, и Люси сама достигла успеха на выбранном ею поприще. Направления от других врачей Берлингтона, посылавших к Люси своих больных, сделали ее одним из самых занятых докторов клиники Трех Графств. В Монреале она побывала с тех пор только один раз — два года назад — на похоронах Старой Косточки. Люди говорили, что ни на одних похоронах врача не было столько людей. Практически все, кого когда-либо оскорбил старик, собрались в тот день в церкви, где отпевали умершего хирурга.

Она вернулась к реальности. Биопсия практически закончилась. Люси

разрешила интерну ушить кожу, и сейчас он накладывал последний шов. Люси взглянула на настенные часы. Вся процедура заняла тридцать минут. Часы показывали три пополудни.

В семь минут пятого в серологическую лабораторию виляющей походкой, весело насвистывая, вплыл шестнадцатилетний курьер клиники. Обычно он именно так входил в лабораторию, чтобы вывести из себя Баннистера, с которым находился в состоянии постоянной войны.

И действительно, старший лаборант тут же окрысился на парнишку:

— Я тебе в последний раз говорю: прекрати эти чертовы представления, когда приходишь сюда!

— Я очень рад, что этот раз — последний. — Парень был непробиваем. — По правде, твои причитания изрядно действуют мне на нервы. — Продолжая как ни в чем не бывало насвистывать, он поднял над головой лоток с пробирками из поликлинического отделения: — Куда прикажете это поставить, мистер Дракула?

Джон Александер невольно улыбнулся. Баннистера, напротив, эта выходка нисколько не позабавила.

— Ты же знаешь, куда, умник. — Он ткнул пальцем в свободное место на одном из лабораторных столов: — Ставь сюда.

— Господин капитан, слушаюсь, сэр. — Парень изысканно поставил лоток на стол и дурашливо отдал честь. Потом, вильнув задом, он запел, направившись к двери:

Как я люблю тот дом, где вирусы живут,
Где спят микробы и бактерии гуляют,
Где старый кровосос так лыс и худ
И где пробирки на столе весь день воняют!

Дверь захлопнулась, голос затих.

Александер расхохотался. Баннистер одернул молодого коллегу:

— Не смейся, ты его только раззадоришь.

Он подошел к столу и взял пробирки, заодно пробежав глазами список анализов. Посередине лаборатории он остановился:

— Эге, здесь есть анализ некой миссис Александер. Это твоя жена?

Джон положил на стол пипетку и встал.

— Вероятно, — сказал он. — Доктор Дорнбергер назначил ей анализ. — Он взял в руки список. — Да, это и в самом деле Элизабет.

— Там написано, что надо определить резус-принадлежность и антитела к резус-фактору.

— Значит, доктор Дорнбергер решил удостовериться, нет ли у Элизабет антител, ведь у нее отрицательный резус, а у меня положительный.

— Ну, в большинстве случаев с этим не бывает никаких проблем, — с чувством и по-отечески покровительственно изрек Баннистер.

— Да, я знаю, но все равно хочется быть уверенным.

— Да, вот и кровь. — Баннистер извлек из штатива пробирку, на которой значилось: «Александр, миссис Э.», и поднял ее. — Хочешь сам сделать этот анализ?

— Да, если ты не возражаешь.

Баннистер никогда не возражал, когда его избавляли от работы, которую в противном случае пришлось бы выполнять ему.

— Нет, я не против. — Он взглянул на часы. — Но сегодня уже поздно, рабочий день закончился. — Баннистер поставил пробирку на место и вручил штатив Александру. — Отложи это дело до завтра.

Александр послушно поставил пробирки в лабораторный холодильник, закрыл его дверь и задумался.

— Карл, я давно хотел поговорить с тобой об одной вещи.

Баннистер сосредоточенно убирал лабораторию. Он никогда не задерживался на работе после пяти часов.

— О чем же? — спросил он, не повернув головы.

— Я хотел поговорить о том, как мы делаем анализ на антитела к резусу.

— И что же тебя интересует?

Александр принялся лихорадочно подбирать подходящие слова. Он сразу, с самого начала, понял, что своими приобретенными в колледже знаниями может невзначай обидеть своего менее образованного коллегу, тем более такого, как Баннистер, и изо всех сил старался соблюсти корректность.

— Я заметил, что мы проводим только два анализа на присутствие антител — в физиологическом растворе и в насыщенном растворе белка.

— И что?

— Ну... — робко начал Джон. — Разве такой подход уже давно не устарел?

Баннистер закончил уборку, обошел стол и вытер руки бумажным полотенцем.

— Будь любезен, объясни почему? — резко спросил он.

Александр пропустил мимо ушей раздражение Баннистера.

— Сейчас в большинстве лабораторий используют и третий тест — непрямую пробу Кумбса — после анализа в физиологическом растворе.

— Какой тест?

— Непрямую пробу Кумбса.

— Что это такое?

— Ты что, шутишь? — Александр осознал свою ошибку, когда эти слова уже сорвались с его губ. Но он произнес их, будучи твердо уверенным, что ни один лаборант не может не знать, что такое непрямая проба Кумбса.

— Не умничай! — негодуяще прикрикнул на Джона старший лаборант.

Александр принялся поспешно исправлять ошибку:

— Прости меня, Карл, я не хотел, чтобы ты так это воспринял.

Баннистер смял полотенце и бросил его в мусорную корзину.

— Но я воспринял это именно так. — Он агрессивно наклонился вперед, лысина заблестела в свете висевшей под потолком лампы. — Слушай, парень, что я скажу тебе ради твоей же пользы. Ты только что окончил школу и пока не знаешь, что то, чему там учат, не всегда работает на практике.

— Это не просто теория, Карл. — Александр говорил серьезно, собственная оплошность теперь казалась ему не важной. — Было доказано, что некоторые антитела в крови беременных женщин невозможно обнаружить ни в физиологическом, ни в белковом растворе.

— И часто такое случается? — с самодовольной улыбкой спросил Баннистер, заранее зная ответ.

— Очень редко.

— Ну, вот видишь.

— Но третий тест все равно необходим. — Александр говорил убежденно, стараясь пробить броню невежества Баннистера. — На самом деле это очень просто. Закончив тест в физиологическом растворе, берешь ту же пробирку...

— Не читай мне лекций, — перебил его Баннистер. Сняв лабораторный халат, он потянулся к висевшему на вешалке за дверью пиджаку.

Понимая, что тратит время даром, Александр все же продолжал:

— Это почти не прибавляет работы. Я с радостью буду делать ее сам. Все, что нам нужно, — это сыворотка Кумбса. Правда, от этого анализ становится немного дороже...

Это было уже нечто знакомое. Теперь Баннистер отчетливо понимал, о чем идет речь.

— О да! — Баннистер вложил в свое восклицание всю язвительность, на какую был способен. — Это очень понравится доктору Пирсону. Конечно же, все, что дорого, то мило.

— Разве ты не понимаешь? Все другие способы ничего не доказывают. — Александер говорил напористо, не замечая, что срывается на крик. — С помощью тестов, которые мы здесь делаем, можно получить отрицательный результат, в то время как в действительности в крови матери циркулируют антитела, а ребенок находится в опасности. Так можно убить новорожденного.

— Не твоя забота тревожиться об этом, — грубо и злобно ответил Баннистер.

— Но...

— Никаких «но»! Пирсон не любит нововведений, особенно если они дорого стоят. — Баннистер посмотрел на часы, увидел, что уже без одной минуты пять, и заговорил тише и без агрессии: — Слушай, детка, мы не врачи, и ты поступишь умно, если не станешь корчить из себя доктора. Мы лаборанты, и наша обязанность — делать то, что нам велят.

— Но это не значит, что я не имею права думать, не так ли? — разозлился Александер. — Я знаю одно: анализ моей жены должен быть сделан в физиологическом растворе, в белке и с сывороткой Кумбса. Для нас этот ребенок важнее всего на свете.

Стоя в дверях, старший лаборант внимательно посмотрел на молодого коллегу. Теперь он ясно видел то, чего не замечал раньше. Этот парень — нарушитель спокойствия, смутьян. Мало того, этот смутьян имеет обыкновение ставить других в неловкое положение. Может быть, стоит дать этому пай-мальчику из колледжа возможность прямо сейчас повеситься? Баннистер произнес:

— Я сказал тебе то, что думаю. Если тебе это не понравилось, иди к Пирсону. Доложи ему, что ты недоволен правилами работы отделения.

Александер посмотрел в глаза старшего лаборанта и спокойно произнес:

— Наверное, я так и сделаю.

Баннистер презрительно скривил губы:

— Делай как знаешь. Но помни — я тебя предупредил.

Бросив взгляд на часы, Баннистер вышел, оставив Джона в лаборатории одного.

Глава 12

Доктор Дэвид Коулмен остановился у главного входа в клинику Трех Графств и окинул взглядом место, где находился. Было начало девятого, стояло теплое августовское утро, обещавшее душный жаркий день. У входа было тихо и малоллюдно. Кроме Коулмена, здесь были санитар, поливавший из шланга двор, и средних лет медсестра, вышедшая из остановившегося на противоположной стороне улицы автобуса. Коулмен подумал, что оживление здесь начнется где-то через час.

Дэвид критически осмотрел корпуса клиники и подумал, что строителей ни в коем случае нельзя было обвинить в пустой трате денег на эстетические излишества. Архитектура зданий была строго утилитарной, стены, сложенные из простого кирпича, были даже не оштукатурены. Функциональные четырехугольники — стены, двери, окна. Только у главного входа можно было заметить некоторое разнообразие — надпись на закладном камне гласила: «Заложен Его Честью мэром Хьюго Стаутингом в апреле 1918 года». Поднимаясь по ступенькам к двери, Коулмен гадал, что же представляла собой эта высокопоставленная персона.

Баннистер разбирал бумаги на столе доктора Пирсона, когда Коулмен, постучав в дверь, вошел в кабинет заведующего отделением патологической анатомии.

— С добрым утром.

Удивленный старший лаборант оторвался от своего занятия и поднял голову. Обычно визитеры не являлись в такую рань. Большинство сотрудников клиники знали, что доктор Пирсон является на работу не раньше десяти, а иногда приходит и позже.

— С добрым утром. — Ответное приветствие получилось не слишком любезным. Раннее утро было не самым лучшим временем для Баннистера. — Вы ищете доктора Пирсона?

— В каком-то смысле да. Сегодня я приступаю к работе в этом отделении. — Видя удивление на лице собеседника, он представился: — Доктор Коулмен.

Эффект можно было сравнить с эффектом шутихи, взорвавшейся под насадкой. Сверкая лысиной, Баннистер торопливо бросил бумаги на стол, обежал его и подскочил к Коулмену:

— О, простите, доктор! Я сразу не понял. Я слышал, что вы приедете,

но не думал, что так скоро.

— Доктор Пирсон ждет меня, — спокойно сказал Коулмен. — Кстати, он здесь?

Баннистер был потрясен.

— Вы пришли слишком рано. Он появится на работе не раньше чем через два часа. — И Баннистер сморщил лицо в доверительно-заговорщическую улыбку, говорившую: «Надеюсь, и вы будете приходить не раньше, когда освоитесь».

— Понятно, — сказал Коулмен.

Пока новый врач осматривался в незнакомом помещении, Баннистер вспомнил о своем упущении.

— Простите, доктор, забыл представиться: Карл Баннистер, старший лаборант. — В припадке добродушия он добавил: — Надеюсь, мы будем полезны друг другу, доктор.

В отношениях с вышестоящими Баннистер никогда не полагался на случай.

— Да, я тоже надеюсь, — ответил Коулмен, не сомневаясь, что эта перспектива совсем его не прельщает, тем не менее пожал протянутую Баннистером руку. Затем он поискал глазами, куда повесить легкий плащ — синоптики обещали грозу и проливной дождь. Баннистер был начеку.

— Позвольте, я возьму ваш плащ. — Он нашел плечики и повесил плащ на вешалку за дверью.

— Благодарю, — сказал Коулмен.

— Не стоит благодарности, доктор. Хотите, я покажу вам лабораторию?

Коулмен колебался. Возможно, стоило дожидаться доктора Пирсона. С другой стороны, не сидеть же без дела целых два часа. Может быть, за это время удастся что-нибудь сделать. В конце концов, ему же поручено руководить работой лаборатории. Так какая разница?

— Я уже видел часть лаборатории, когда был здесь несколько недель назад. Но взгляну на нее еще раз, если вы не слишком заняты.

— Мы всегда сильно заняты, доктор, но я рад уделить вам время. Для меня это будет удовольствием. — Намерения Баннистера были прозрачны как стекло. — Сюда, пожалуйста. — Баннистер открыл дверь серологической лаборатории и посторонился, чтобы дать Коулмену войти.

Джон Александер, который не видел Баннистера с момента их вчерашней стычки, поднял голову от центрифуги, в которую только что вставил пробирку с пробой крови.

— Доктор, это Джон Александер. Он работает здесь совсем

недавно. — Карл Баннистер разминался в роли гида и шутливо добавил: — У него после технологической школы еще молоко на губах не обсохло. Да, Джон?

— Ну, раз ты так говоришь. — Александер почувствовал себя неловко от такой снисходительности, но не стал грубить.

Коулмен шагнул к лаборанту, протянул руку и представился:

— Доктор Коулмен.

Они пожали друг другу руки, и Александер, не скрывая интереса, спросил:

— Вы наш новый патологоанатом, доктор?

— Именно так, — ответил Коулмен и огляделся. Как и в прошлое посещение, он сразу понял, что здесь очень многое надо менять.

— Смотрите внимательно, доктор, чтобы ничего не упустить, — с чувством произнес Баннистер.

— Спасибо, — ответил Коулмен и обратился к Александру: — С чем вы сейчас работаете?

— Определяю антитела к резус-фактору. — Он кивнул в сторону центрифуги: — Эта проба крови моей жены.

— В самом деле? — Этот лаборант понравился Коулмену больше, чем Баннистер. По крайней мере внешне. — И когда же ваша жена произведет на свет младенца?

— Через четыре месяца, доктор. — Александер уравновесил центрифугу и повернул диск таймера.

Коулмен отметил про себя сноровистость молодого человека — он работал быстро и экономно, движения были плавными и уверенными.

Александер вежливо спросил:

— Вы женаты, доктор?

— Нет... — отрицательно покачал головой Коулмен.

Александер хотел было задать еще один вопрос, но передумал.

— Вы хотите у меня что-то спросить?

Александер помолчал, но потом решился:

— Да, доктор, хочу. — «Пусть у меня будут неприятности, — подумал Джон, — но я по крайней мере открыто выскажу свои сомнения».

Вчера вечером, после спора с Баннистером, у Александера появилось искушение оставить все разговоры о новых методиках работы с кровью больных в лаборатории. Он хорошо помнил, какую взбучку получил от доктора Пирсона, когда полез к нему со своими предложениями. Кажется, с новым доктором легче иметь дело. Даже если Коулмен решит, что Александер не прав, он едва ли устроит по этому поводу сцену. И Джон

начал, словно в воду нырнул:

— Речь идет об анализах крови на антитела к резус-фактору. — Говоря это, Александер затылком чувствовал присутствие Баннистера.

Старший лаборант, старавшийся не пропустить ни одного слова, не в силах был дальше скрывать раздражение и недовольство и подошел к Джону:

— Слушай, если ты собираешься повторить вчерашнее, то лучше помолчи!

— О чем вы говорили вчера? — с любопытством спросил Коулмен.

Не ответив на вопрос, Баннистер продолжал отчитывать Александра:

— Я не желаю, чтобы ты донимал доктора Коулмена своими глупыми вопросами. Человек пришел на работу пять минут назад. Забудь, понял? — Он обернулся к Коулмену, машинально включив дежурную улыбку: — У него на чердаке завелись тараканы, доктор. Теперь, если хотите, я покажу вам нашу гистологическую лабораторию. — Баннистер взял Коулмена под руку, чтобы увести его из серологической лаборатории.

Коулмен недолго размышлял, что делать дальше.

— Минутку, — сказал он Баннистеру и сделал шаг к Александру: — Этот медицинский вопрос, он касается лаборатории?

Игнорируя хмурый взгляд Баннистера, Александер ответил:

— Да.

— Я слушаю вас.

— Вопрос возник, собственно, из-за анализа на антитела к резус-фактору. Этот анализ назначен моей жене, — сказал Александер. — У нее кровь резус-отрицательная, а у меня — резус-положительная.

Коулмен улыбнулся:

— Такое встречается у великого множества людей. Здесь нет никакой проблемы, если результат анализа оказывается отрицательным.

— В этом-то все и дело, доктор. Дело в методике анализа.

— И что же? — Коулмен был озадачен. Он не понимал, куда клонит молодой лаборант.

Александер продолжал:

— Я думаю, что мы должны делать непрямую пробу Кумбса после анализа в физиологическом растворе и в насыщенном белковом растворе.

— Конечно.

— Доктор, если можно, повторите то, что вы сказали.

— Я сказал: «Конечно». Естественно, надо делать непрямую пробу Кумбса. — Коулмен не видел смысла в этой дискуссии. Для любой серологической лаборатории это было нечто элементарное, не подлежащее

никакому обсуждению.

— Но мы не делаем непрямую пробу Кумбса! — Александер метнул торжествующий взгляд в Баннистера. — Анализы на антитела к резус-фактору мы делаем только в физиологическом растворе и в белковом растворе. Мы вообще не используем сыворотку Кумбса.

Сначала Коулмен подумал, что Александер ошибается. Этот молодой лаборант работает здесь, очевидно, совсем недавно и просто не знает некоторых вещей. Но молодой человек говорил с такой убежденностью, что Коулмен, обернувшись к Баннистеру, спросил:

— Это правда?

— Мы делаем все анализы по инструкциям доктора Пирсона. — Всем своим видом старший лаборант показывал, что считает дискуссию абсолютно неуместной.

— Может быть, доктор Пирсон не знает, что вы так делаете этот анализ?

— Нет, он знает. — На этот раз Баннистер не стал скрывать недовольства. С этими новичками одни проблемы и головная боль. Не успеют пробыть на новом месте пяти минут, как начинают создавать проблемы. Он изо всех сил старался быть вежливым с этим новым доктором, и что из этого получилось? В одном Баннистер не сомневался — доктор Пирсон очень скоро поставит этого парня на место. Баннистеру очень хотелось при этом присутствовать.

Коулмен решил не обращать внимания на тон старшего лаборанта. Нравится или нет, но ему, Коулмену, придется какое-то время работать с этим человеком. Но проблему с сывороткой надо решить немедленно.

— Боюсь, что я не совсем вас понял, — обратился он к Баннистеру. — Вы, конечно, знаете, что в некоторых случаях антитела к резус-фактору в крови беременных женщин не удается обнаружить при исследовании в физиологическом растворе и в белковом растворе. Но их можно обнаружить в реакции с сывороткой Кумбса.

— Вот об этом я и говорил, — вставил Александер.

Баннистер молчал, и Коулмен продолжил:

— Как бы то ни было, я скажу об этом доктору Пирсону. Думаю, он просто не знает об этом.

— Что мы будем делать с этим анализом и другими из того же набора? — спросил /Александер.

— Вы сделаете анализы во всех трех средах, — ответил Коулмен, — в физиологическом растворе, белковом растворе и в сыворотке Кумбса.

— У нас в лаборатории нет сыворотки Кумбса, доктор.

Теперь Александер был очень рад, что поднял этот вопрос. Кроме того, ему понравился новый патологоанатом. Может быть, он сумеет хоть что-то изменить в этом болоте. Один Бог знает, сколько вещей здесь надо менять.

— Значит, надо ее получить, — отрывисто произнес Коулмен. — Это отнюдь не дефицитный реактив.

— Мы не можем просто пойти и получить реактив, — покровительственно произнес Баннистер. — Надо сначала заполнить требование. — Он снисходительно улыбнулся. Есть все-таки вещи, которые этот торопыга не знает.

Коулмен сдержал возмущение. Скоро он выяснит отношения с этим Баннистером, но пока не время. И Коулмен вежливо, но твердо сказал:

— Дайте мне бланк. Думаю, я вполне способен его подписать. Для этого я сюда и приехал.

Некоторое время старший лаборант колебался, но затем выдвинул ящик стола, достал оттуда блокнот с бланками и вручил его Коулмену.

— Будьте любезны, карандаш.

Баннистер также неохотно протянул Коулмену карандаш и желчно произнес:

— Обычно доктор Пирсон сам заказывает реактивы и оборудование.

Коулмен написал требование и подписал бланк.

— Я надеюсь, моей ответственности и власти хватит на то, чтобы написать требование на кроличью сыворотку стоимостью пятнадцать долларов, — сказал он, холодно улыбаясь. — Возьмите.

Когда Коулмен возвращал Баннистеру карандаш и блокнот, в лаборатории зазвонил телефон.

Звонок позволил Баннистеру повернуться спиной к новому патологоанатому. Лицо старшего лаборанта пылало от гнева и растерянности. Он пересек помещение, подошел к висевшему на стене телефону и снял трубку. Послушав, он что-то коротко ответил, а потом буркнул, обращаясь к Коулмену:

— Мне надо в поликлинику.

— Можете идти, — ледяным тоном ответил Коулмен.

Этот инцидент разозлил его больше, чем он ожидал.

Что здесь за дисциплина, если старший лаборант позволяет себе такую наглость? Неадекватная методика анализа — это очень серьезно. Но положение приходится исправлять, преодолевая такое упорное сопротивление. Если здесь это в порядке вещей, то, значит, дела в лаборатории обстоят еще хуже, чем он представлял себе после первого посещения.

После ухода Баннистера Коулмен принялся внимательно осматривать лабораторию. То, что оборудование изношено, а некоторые приборы неисправны, он уже знал, но теперь Коулмен заметил, насколько запущенной была сама лаборатория. Столы и скамьи беспорядочно завалены приборами и реактивами. На столах грязная лабораторная посуда, валяются пожелтевшие листы бумаги. На одном из столов Коулмен заметил плесень.

С противоположного конца помещения Александер наблюдал за осмотром, испытывая страшную неловкость.

— Лаборатория всегда так содержится? — поинтересовался Коулмен.

— К сожалению, здесь не очень опрятно... — Александеру было стыдно, что новый человек видит этот ужасный беспорядок. Но он не мог сказать, что уже предлагал реорганизовать работу и привести все в порядок. Баннистер с чувством объяснил ему, что в лаборатории все останется как есть.

— Я бы выразился сильнее. — Коулмен провел пальцем по полке, посмотрел на черную от пыли подушечку пальца и почувствовал тошнотворное отвращение. Все здесь надо срочно менять, подумал он, но уже ясно, что кавалерийским наскоком ничего не добьешься. Некоторое время необходимо подождать. Он должен быть осмотрительным и осторожным в обращении с персоналом. Есть границы, которые нельзя переступать, начиная реорганизацию. Поспешать придется медленно. Конечно, ему будет трудно обуздать природное нетерпение, когда прямо под носом творится такое безобразие, но он справится.

Последние несколько минут Александер особенно внимательно присматривался к новому патологоанатому. Уже в тот момент, когда он вместе с Баннистером вошел в лабораторию, его лицо показалось Джону смутно знакомым. Врач был молод, ненамного старше Александера. Но дело было не только в этом.

— Доктор, простите, ради Бога, но мне кажется, что мы с вами где-то встречались, — сказал Александер.

— Возможно, — ответил Коулмен с наигранной небрежностью. Из того, что он поддержал молодого лаборанта в конфликте, отнюдь не следовала его готовность к дружеским беседам. Потом Коулмен решил, что такой краткий ответ прозвучал не вполне вежливо, и добавил: — Я был интерном в Бельвью, а потом специализировался в госпитале Уолтера Рида и в Массачусетской генеральной клинике.

— Нет, — покачал головой Александер. — Это было раньше. Вы когда-нибудь бывали в Индиане, в Нью-Ричмонде?

— Да, — удивленно ответил Коулмен. — Я там родился.

Джон Александер просиял:

— Конечно же, я должен был вспомнить это имя. Ваш отец — доктор Байрон Коулмен?

— Откуда вы это знаете? — Коулмен был поражен. Уже давно никто, кроме него, не упоминал имени его отца.

— Я тоже из Нью-Ричмонда, — сказал Александер, — как и моя жена.

— В самом деле? — спросил Коулмен. — Мы с вами были знакомы?

— Нет, но я помню, что пару раз вас видел. — Джон Александер не вращался в ричмондском обществе, в которое был вхож докторский сын.

В это время звякнул таймер, центрифуга остановилась, и Александер, вытащив из нее пробирки, снова заговорил:

— Мой отец выращивал овощи, и мы жили в нескольких милях от города. Но вы, наверное, помните мою жену. У ее отца была скобяная лавка. Мою жену звали тогда Элизабет Джонсон.

— Кажется, припоминаю, — задумчиво произнес Коулмен. Память его всколыхнулась. — Кажется, с ней что-то случилось... Она попала в аварию, верно?

— Да, верно, — сказал Джон Александер. — Ее отец погиб на железнодорожном переезде при столкновении его машины с поездом. Элизабет тогда сидела рядом с ним.

— Я слышал об этом. — Мысленно Коулмен вернулся на много лет назад — в кабинет сельского врача, который лечил своих пациентов до тех пор, пока сам не перестал дышать. — Я в это время учился в колледже, но отец мне рассказывал.

— Элизабет едва не умерла, но ей сделали переливание крови, и она выжила. Кажется, тогда я впервые в жизни оказался в клинике. Я практически жил там целую неделю... — Александер явно радовался, что нашел земляка, и не мог остановиться. — Доктор, если у вас выдастся свободный вечер, то моя жена будет счастлива познакомиться с вами. Мы живем в маленькой квартирке... — И тут он умолк, осознав наконец неприятную истину: хотя они оба приехали из Нью-Ричмонда, в социальном плане между ними была пропасть.

Понимал это и Коулмен. В мозгу щелкнул неслышный сигнал: «Будь осторожен, берегись дружбы с подчиненными — даже с такими; это не снобизм, это вопрос поддержания дисциплины и здравого смысла». Но вслух он сказал другое:

— Поначалу мне придется много работать. Давайте пока отложим мой визит и посмотрим, как сложатся обстоятельства.

Произнося эти слова, Коулмен сразу ощутил их пустоту и фальшь. «Я мог бы обойтись с ним и помягче, — подумал он и мысленно добавил: — Я не изменился, увы, несколько не изменился».

В какой-то момент Гарри Томазелли испытал страстное желание, чтобы миссис Строган вернулась к себе на кухню и не высовывала оттуда носа. Но потом он одернул себя. Эта старшая диетсестра была подлинной жемчужиной клиники и не заслуживала ничего, кроме похвалы. Миссис Строган была кладом, и администратор прекрасно это сознавал.

И все же иногда ему хотелось, чтобы Хильда Строган думала о клинике как о едином целом, как о комплексе. По большей же части во время бесед с диетсестрой складывалось впечатление, что главная часть клиники — это кухня, а все остальное — всего лишь ее второстепенные филиалы. С другой стороны, такое отношение к своему делу характерно для людей, которые относятся к нему всерьез. Хороший руководитель подразделения всегда зубами дерется за то, что считает правильным. Миссис Строган была бойцом и спорщиком до последнего кубического дюйма своего большого тела.

В данный момент оно целиком заполняло собой кресло в кабинете администратора. Спор был жаркий.

— Понимаете ли вы, мистер Т., насколько все это серьезно? — Миссис Строган всегда употребляла первую букву фамилии при обращении ко всем знакомым людям. Своего собственного мужа она называла «мистером С.».

— Думаю, что понимаю, — ответил Томазелли.

— Посудомоечные машины, которыми я сейчас располагаю, безнадежно устарели уже пять лет назад. Каждый год с тех пор мне твердят одно и то же: «На следующий год вы получите новые машины». И где эти мои машины? Теперь вопрос откладывается еще на двенадцать месяцев. Так дело не пойдет, мистер Т., так дело не пойдет.

Миссис Строган, когда говорила об оборудовании, которым распоряжалась, всегда употребляла местоимение «мое». Томазелли не возражал. Но он возражал против привычки миссис Строган считать несущественными все остальные проблемы клиники и приготовился пройти тот же путь, который они прошли всего недели две тому назад.

— Никто не спорит, миссис Строган, что посудомоечные машины надо со временем заменить. Я понимаю ваши проблемы с кухней, но речь идет о больших, дорогостоящих машинах. Если вы помните, речь шла без малого об одиннадцати тысячах долларов, и это не считая сантехнических работ по ремонту горячего водоснабжения.

Миссис Строган подалась вперед, сдвинув своей мощной грудью

папки, лежавшие на столе.

— Чем больше вы будете тянуть, тем выше поднимутся цены.

— К сожалению, да, мне это известно не хуже, чем вам. — Томазелли каждый день сталкивался с проблемой удорожания оборудования, которое приходилось закупать для клиники. — Дело в том, миссис Строган, что клиника сейчас особенно стеснена в средствах из-за предстоящего капитального строительства. Что касается приоритетов, то, конечно, мы будем закупать медицинское оборудование в первую очередь, а не кухонное.

— Какой прок от медицинского оборудования, если больные будут есть из грязных тарелок?

— Миссис Строган, — твердо возразил Томазелли, — положение не так уж безнадежно, и мы оба это прекрасно знаем.

— До безнадежного осталось совсем немного. — Главная диетсестра еще больше подалась вперед, еще дальше сдвинула папки грудью. Гарри Томазелли едва не попросил ее убрать груди со стола.

Диетсестра не унималась:

— Уже несколько раз пропущенные через мои машины тарелки выходили из них грязными. Мы пытаемся контролировать ситуацию изо всех сил, однако при такой текучке это просто невозможно.

— Да, — согласился Томазелли, — это я могу понять.

— Я боюсь инфекции, мистер Т. Среди сотрудников клиники гуляет кишечная инфекция. Естественно, когда человек заболевает, он сразу начинает говорить о плохом качестве пищи. И я нисколько не удивлюсь, если окажется, что так оно и есть.

— Нам нужны доказательства, что дела обстоят именно так. — Терпение администратора начало истощаться. Миссис Строган отвлекла его от массы неотложных дел. На вторую половину дня было назначено заседание совета, и к нему следовало подготовиться. Надеясь закончить беседу, он спросил: — Когда отделение патологической анатомии в последний раз исследовало смывы с посудомоечных машин?

Миссис Строган задумалась.

— Я могу уточнить, но думаю, месяцев шесть тому назад.

— Надо, чтобы исследование повторили. Тогда мы будем точно знать положение вещей.

— Очень хорошо, мистер Т. — Миссис Строган смирилась с тем, что сегодня ничего больше не добьется. — Мне поговорить с доктором Пирсоном?

— Нет, это я сделаю сам. — Администратор черкнул что-то в своем

блокноте и подумал, что по крайней мере спасет Пирсона от подобной сцены.

— Спасибо вам, мистер Т.

Главная диетсестра встала с кресла. Томазелли дождался, когда она выйдет, и отодвинул папки на место.

* * *

Победав в столовой, Дэвид Коулмен возвращался в отделение патологической анатомии. Идя по коридорам и спускаясь по лестнице в подвал, он размышлял о своем не слишком длительном знакомстве с доктором Джозефом Пирсоном. Впечатление, вынесенное Коулменом, было пока неудовлетворительным и неопределенным.

Пирсон проявил некоторую сердечность — не сразу, правда, а немного погодя. Увидев ожидавшего его Коулмена, он сказал:

— Так, значит, вы не шутили, когда сказали, что приступите к работе с сегодняшнего утра.

— Не было никакого смысла ждать, — ответил Коулмен на эту первую реплику шефа и вежливо добавил: — Я осмотрел лаборатории. Надеюсь, вы не станете меня за это упрекать.

— Это ваше право, — ворчливо сказал Пирсон, как будто речь шла о неприятности, с которой он вынужден смириться, но, осознав свою бестактность, сказал: — Полагаю, для начала мне следовало бы с вами поздороваться.

Когда они обменялись рукопожатиями, старик сказал:

— В первую очередь мне надо закончить вот эту работу. — С этими словами он указал на грудку срезов, журналов и записок, беспорядочно наваленную на столе. — После этого мы определим круг ваших обязанностей.

Коулмен сел и принялся, для того чтобы не сидеть просто так, читать какой-то медицинский журнал. Пирсон тем временем стал просматривать бумаги. Потом пришла девушка-курьер и принесла отпечатанные протоколы. Потом Коулмен вместе с Пирсоном отправился на обсуждение макропрепаратов в кабинет, примыкавший к прозекторской. Сидя рядом с Пирсоном за столом, у противоположной стороны которого устроились два резидента — Макнил и Седдонс, — Коулмен и сам почувствовал себя резидентом-первогодком. Пирсон вел разбор сам, оставив Коулмену роль пассивного зрителя. Мало того, старик не объявил сотрудникам о том, что

Дэвид Коулмен займет должность заместителя заведующего отделом патологической анатомии.

Позже Пирсон и Коулмен вместе пообедали в столовой, и там Джо представил его нескольким сотрудникам клиники. Потом Пирсон ушел, сославшись на неотложные дела, и вот теперь Коулмен один возвращается в отделение, обдумывая проблему, с которой ему так неожиданно пришлось столкнуться.

Конечно, он ожидал какого-либо сопротивления со стороны доктора Пирсона. По доходившим до него отрывочным сведениям Коулмен знал, что старик не хотел назначения второго патологоанатома. Но такого неприятия не ожидал.

Коулмен рассчитывал, что к его приезду для него будет готов кабинет и перечень функциональных обязанностей. Конечно, он не ждал, что сразу будет наделен широкими полномочиями и самостоятельностью, и даже не стал бы возражать, если бы старик какое-то время проверял его работу. Он и сам проявил бы большую осторожность, взяв на работу нового человека. Но то, что происходило, выходило за рамки его понимания. Несмотря на его просьбу в письме, никто и не подумал о том, какие обязанности поручить новому патологоанатому. Наверное, идея руководства заключалась в том, чтобы он сидел без дела, ожидая, когда Джо Пирсон, освободившись от бумажной рутины и прочих обязанностей, даст ему какое-то задание. Если это так, то планы на будущее придется менять, и, видимо, очень скоро.

Дэвид Коулмен давно знал недостатки своего характера, но он отлично сознавал и свои достоинства. К последним относились его послужной список и способности врача и патологоанатома. Несмотря на молодость, его квалификация и опыт были выше, чем у многих старших по возрасту практикующих патологоанатомов. У него нет оснований благоговеть перед Джозефом Пирсоном. Он готов уважать его седины, но не намерен позволять обращаться с собой как с неопытным новичком.

Имелась у Коулмена еще одна сильная черта. Это была решимость заниматься медициной бескомпромиссно, чисто, честно и даже точно, насколько точность вообще возможна во врачебном искусстве. К тем, кто делал меньше — а их за несколько лет работы он успел повидать немало, — Дэвид Коулмен не испытывал ничего, кроме гнева и отвращения. И эта решимость перевешивала все остальные его установки относительно характера руководства и терпимости к чужому мнению.

Если бы спросили, откуда у него возникла эта черта, Коулмен затруднился бы с ответом. Определенно он был не сентиментален и в

медицину пошел отнюдь не для того, чтобы облагодетельствовать человечество. Наверное, какую-то роль в выборе сыграло влияние отца, но Коулмен подозревал, что это влияние было не очень большим. Отец, как понимал теперь Коулмен, был средним, заурядным врачом, интересы которого не выходили за рамки практической медицины. Правда, они с отцом различались и характерами. Старший Коулмен был теплым, открытым человеком, имел множество друзей; его сын был холодным, скрытным, часто высокомерным. Отец шутил с больными и делал для них все, что было в его силах, но делал как бы невзначай. Сын — до того как патологическая анатомия разлучила его с больными — никогда с ними не шутил, но при этом тщательно, точно и умело помогал больным больше, чем многие другие врачи, рвавшиеся ради пациентов из кожи вон. Но несмотря на то что он стал патологоанатомом и его связь с больными изменилась, отношение к ним и к жизни осталось прежним.

Иногда, в минуты честного самоанализа, Коулмен признавался себе в том, что подход к делу был бы у него таким же, даже если бы он занимался не медициной, а чем-нибудь другим. В принципе, считал он, эта черта соединяла в себе стремление к точности, нетерпимость к ошибкам и неудачам и убеждение в том, что своему делу надо отдавать все свои силы, знания, умения и способности. В общем-то его отношение к делу, с одной стороны, и его отношение к жизни и к людям, с другой, противоречили друг другу. И это прекрасно сформулировал один однокашник Коулмена, предложивший как-то раз такой тост: «Выпьем за Дэвида Коулмена — парня с асептическим сердцем».

Коулмен вошел в коридор, ведущий к отделению патологической анатомии, и вернулся к действительности. Инстинкт подсказывал ему, что конфликт с руководителем отделения уже маячит на горизонте.

В кабинете он увидел Джо Пирсона, склонившегося над микроскопом. На столе лежал набор стекол. Старик поднял голову:

— Посмотрите эти препараты и скажите, что вы думаете по этому поводу.

Он встал из-за стола, уступив коллеге место за микроскопом.

— Какова клиническая картина и анамнез?

Коулмен закрепил клипсой стекло на предметном столике и настроил окуляры.

— Это больная Люси Грейнджер. Люси — хирург, вы с ней скоро познакомитесь. — Пирсон заглянул в записи: — Больная — девушка девятнадцати лет, Вивьен Лоубартон, одна из наших медсестер-практиканток. Под левым коленом у нее недавно возникла твердая

припухлость, сопровождающаяся повторяющимися приступами боли. На рентгенограмме в этом месте выявлена нерегулярность строения костной ткани. Препараты приготовлены из материала биопсии.

Всего в наборе было восемь препаратов, и Коулмен внимательно изучил их. Он сразу понял, почему Пирсон интересуется его мнением. Это был трудный случай, требовавший ювелирного подхода. Закончив, Коулмен сказал:

— Мое мнение — опухоль доброкачественная.

— А я думаю, что она злокачественная, — спокойно возразил Пирсон. — Это остеогенная саркома.

Не говоря ни слова, Коулмен снова заложил под микроскоп первый препарат. Он смотрел его терпеливо, спокойно, тщательно, а потом так же просмотрел остальные семь препаратов. При первом рассмотрении он принял во внимание возможность остеогенной саркомы и теперь снова искал ее признаки. Изучая вид окрашенных в прозрачные синие и розовые цвета клеток, которые могут так много сказать опытному патологоанатому, он оценивал и отбрасывал все «за» и «против». На всех препаратах была заметна высокая активность остеобластов — клеток, продуцирующих костную ткань. Среди остеобластов — островки хрящевой ткани. Надо подумать и о травме. Привела ли травма к перелому? Не является ли новообразованная кость результатом регенерации, попытки организма самостоятельно исцелиться? Если так, то разрастание, несомненно, доброкачественное. Нет ли здесь признаков остеомиелита? При микроскопическом исследовании его легко спутать со смертельно опасной остеогенной саркомой. Но нет, в препарате не имеется полиморфно-ядерных лейкоцитов, которые должны присутствовать в пространствах костного мозга между костными балками. Кроме того, нет прорастания сосудов. Значит, надо еще раз присмотреться к остеобластам, к новообразованной кости. Вечная проблема, с которой постоянно приходится сталкиваться патологоанатомам: является ли деление клеток заполняющим дефекты тканей организма или это следствие неоплазмы, то есть злокачественной опухоли? Так доброкачественное или злокачественное это новообразование? Как легко ошибиться! Остается только одно: взвесить все признаки и вывести самое правдоподобное суждение.

— Боюсь, что не смогу с вами согласиться, — вежливо сказал он Пирсону. — Мое мнение — эта ткань доброкачественная.

Старый патологоанатом, задумавшись, молчал, всем своим видом возражая против вывода своего младшего коллеги. Потом он заговорил:

— Вы все-таки должны согласиться, что здесь есть место сомнениям. Возможны оба варианта.

— Да, возможны.

Коулмен понимал, что в таких ситуациях всегда есть место сомнениям. Патологическая анатомия — не точная наука, в ней нет математических формул, с помощью которых можно подтвердить свою правоту. Все, что можно сделать, — это вывести обоснованное заключение, разумную оценку. Это было своего рода научное гадание. Коулмен понимал колебания и сомнения Пирсона — на старике лежала ответственность за окончательное решение. Но такие решения были частью повседневной работы патологоанатома. Этой ответственности надо смотреть в лицо и принимать ее на себя. Он наконец произнес:

— Если вы правы и это остеогенная саркома, то это неизбежная ампутация.

— Я знаю! — Это было сказано с горячностью, но без злобы. Коулмен почувствовал, что, при всех своих причудах, Пирсон был слишком опытным патологоанатомом, чтобы отрицать возможность честной разницы во взглядах на патологию. Помимо этого оба знали, какими шатками бывают подчас предпосылки клинического диагноза.

Пирсон нервно прошелся по кабинету. Обернувшись, он воскликнул:

— Черт бы побрал эти пограничные случаи! Как я их ненавижу! Приходится принимать решение, но ты все время чувствуешь, что можешь ошибиться.

— Разве это не касается массы другой патологии? — спокойно произнес Коулмен.

— Но кто, кроме нас, это знает? Вот в чем все дело! — Реакция была сильной, почти страстной. Видимо, молодой патологоанатом задел больное место Пирсона. — Публика не знает — это совершенно очевидно! Профаны видят патологоанатомов в кино и по телевизору. Для них патологоанатом — ученый в белом халате. Он подходит к микроскопу, небрежно в него смотрит и изрекает: «доброкачественная» или «злокачественная». Люди думают, что стоит посмотреть туда, — он ткнул пальцем в сторону микроскопа, — как можно увидеть что-то вроде кубика, который точно встает на приготовленное для него место, завершая картину. Они не подозревают, что очень часто мы бываем страшно далеки от уверенности в своей правоте.

Коулмен, который сам часто размышлял на эту тему, подумал, что эта вспышка помогла старику выплеснуть напряжение, копившееся в его душе годами. Ведь понять его мог только коллега, другой патологоанатом. И он

решил поддержать Пирсона.

— Но разве в большинстве случаев мы не оказываемся правы? — мягко спросил он.

— Оказываемся. — Пирсон сделал несколько шагов к Коулмену. — Но что сказать о тех случаях, когда мы не правы? Как быть вот с этим случаем? Если я скажу, что опухоль злокачественная, то Люси Грейнджер ампутирует девочке ногу, потому что у нее не будет иного выбора. А если я ошибусь, то ногу отрежут напрасно. Окажется опухоль все же злокачественной, а девочке не сделают ампутацию, то она умрет самое большее через два года. — Он помолчал, потом с горечью добавил: — Может, она все равно умрет. Ампутация не всегда спасает таких больных.

Это была та грань личности Пирсона, о которой Коулмен не подозревал, — нравственная вовлеченность в непростой клинический случай. В этом не было ничего плохого. В патологической анатомии полезно иногда напоминать себе, что зачастую ты имеешь дело не с кусочками тканей, а с человеческими жизнями, которые ты можешь спасти или искалечить своим решением. Тот, кто твердо это помнил, всегда держался настороже и не позволял чувствам затмевать способность к научно обоснованным суждениям. Коулмен, хотя и был намного моложе Пирсона, уже успел на собственном опыте не раз испытать мучительные сомнения, которые старший коллега выражал теперь с такой горячностью. Пытаясь помочь старику, он сказал:

— Если опухоль злокачественная, то мы не можем терять времени.

— Знаю, — отозвался Пирсон и снова погрузился в глубокую задумчивость.

— Я бы предложил сравнить препараты с прошлыми случаями, — сказал Коулмен, — случаями со сходными клиническими симптомами.

Старик отрицательно покачал головой:

— Это займет слишком много времени.

Стараясь сохранить корректность, Коулмен продолжал настаивать на своем:

— Но если мы посмотрим архив образцов...

— У нас нет такого архива. — Это было сказано так тихо, что в первый момент Коулмену показалось, что он ослышался. Потом, словно предвосхищая недоверчивость собеседника, Пирсон продолжил: — Я давно хотел его создать, но так и не собрался. Руки не дошли.

Не веря своим ушам, Коулмен выдохнул:

— Значит, мы не можем просмотреть стекла с предыдущими случаями?

— Нам придется искать их целую неделю. — Пирсон даже не пытался скрыть смущение. — Таких случаев было очень мало, а времени у нас уже нет.

Ничто из сказанного Пирсоном не могло бы шокировать Коулмена сильнее, чем это признание. Для него самого, для всех патологоанатомов, которых он учил и с которыми ему приходилось работать, архив препаратов был самым полезным, самым нужным профессиональным инструментом. Это была точка опоры, дополнение к собственным знаниям любого, даже самого опытного патологоанатома, поисковая система, с помощью которой можно было обрести уверенность и найти основание для окончательного решения в случае сомнений.

У архива препаратов была и другая грань. Архив был показателем того, что патологоанатомическая служба работает эффективно — собирает текущий материал, накапливает знания на будущее. Завтрашний пациент клиники мог получить неоценимую пользу от того, что врачи узнали вчера и сегодня. Поэтому при открытии новых лечебных учреждений создание гистологического архива являлось первейшей задачей патологоанатомической службы. В старых лечебных центрах гистологические архивы были разных типов: некоторые — простые и прямолинейные; некоторые — сложные и тщательно разработанные, снабженные научными выкладками и статистическими данными, выведенными на основании повседневной работы. Но, простые или сложные, эти архивы имели одно общее свойство: с их помощью можно было сравнить представленный на исследование случай с прошлыми случаями. Отсутствие гистологического архива в клинике Трех Графств можно было охарактеризовать только одним словом: «преступление».

До этого момента, несмотря на бросавшиеся в глаза недостатки организации отделения патологической анатомии, Коулмен пытался воздерживаться от оценки личных качеств доктора Джозефа Пирсона. Старик долгое время руководил отделением в одиночку, и ему трудно было справляться с огромным объемом работы. Этот прессинг мог быть причиной использования неадекватных методик и процедур, и вина Пирсона, хотя и непростительная, была объяснима. К тому же возможно, что Пирсон силен в каких-то других вещах.

По мнению Дэвида Коулмена, способность к хорошему администрированию должна идти рука об руку со способностью к медицинской практике. Но все же медицина, в данном случае патологическая анатомия, намного важнее администрирования. Он видел много мест — повапленных гробов, сиявших хромированной сталью и

щеголявших безупречной бумажной отчетностью, — где администрирование было на главном, а медицина жалко прозябала на вторых ролях. Коулмен надеялся, что здесь все наоборот: администрирование хромает, зато на высоте патологическая анатомия. Но теперь он не мог больше быть снисходительным. Доктор Джозеф Пирсон был некомпетентным волокитчиком.

Попытавшись скрыть презрение, Коулмен спросил:

— Что вы решили?

— Я могу сделать кое-что.

Пирсон вернулся к своему столу, поднял телефонную трубку и нажал кнопку селектора. После недолгого молчания он сказал:

— Пусть Баннистер зайдет ко мне.

Он положил трубку на рычаг и обратился к Коулмену:

— В этой области есть два признанных специалиста: Чоллингхэм в Бостоне и Эрнхарт в Нью-Йорке.

Коулмен кивнул:

— Да, я слышал об их работах.

В кабинет вошел Баннистер. Он мельком взглянул на Коулмена, но потом устремил все свое внимание на Пирсона:

— Вы меня звали?

— Возьми эти стекла. — Пирсон закрыл коробку и пододвинул ее старшему лаборанту. — Приготовь к вечеру два набора и отправь их авиапочтой для спецдоставки с пометкой «Срочно». Один набор — доктору Чоллингхэму в Бостон, другой — доктору Эрнхарту в Нью-Йорк. Отпечатай обычные сопроводительные письма, вложи в конверты копии истории болезни и приложи просьбу к обоим — телеграфировать результат как можно скорее.

— Хорошо. — Взяв коробку со стеклами, Баннистер вышел.

«По крайней мере, — подумал Коулмен, — эту часть работы старик выполнил очень эффективно. Заручиться мнением двух выдающихся экспертов — неплохая идея, независимо от того, есть у нас гистологический архив или нет».

— Ответ мы получим через два или три дня, — сказал Пирсон. — Завтра я поговорю с Люси Грейнджер, но не стану вдаваться в подробности. Скажу, что у нас есть небольшие сомнения и мы ждем, — он метнул в Коулмена острый взгляд, — подтверждения со стороны.

Глава 13

Вивьен охватило странное оцепенение. Нет, нет! Речь идет не о ней. Доктор Грейнджер говорит о ком-то другом. Все ясно! Перепутали истории болезни. Такое иногда происходит в клиниках. Доктор Грейнджер очень занята, она просто перепутала Вивьен с другой больной. Наверное, все это надо сказать не ей, а кому-то другому...

Она стряхнула оцепенение, постаралась сосредоточиться. Нет, это не ошибка. Теперь она поняла это по напряженным лицам доктора Грейнджер и Майка Седдона. Они серьезно смотрели на нее, сидя по обе стороны кровати, на которой, опираясь на подушки, полулежала Вивьен.

Она повернулась к Люси Грейнджер:

— Когда будет точно известно?

— Доктор Пирсон сообщит нам свое решение завтра или послезавтра.

— А пока он не знает?..

— Сейчас нет, Вивьен. Пока не знает. Во всяком случае, он не уверен.

— О, Майк! — Вивьен протянула к нему руку.

Он нежно взял ее в свою.

— Простите... но... я сейчас расплачусь, — глотая слезы, сказала Вивьен.

Седдонс обнял девушку, а Люси встала.

— Я зайду позже. Ты посидишь с ней? — обратилась она к Майку.

— Да.

— Попробуй успокоить ее тем, что пока это только предположение.

Просто я хотела подготовить Вивьен, предупредить — на всякий случай.

Он кивнул, пряди буйных рыжих волос медленно скользнули на лоб.

— Я понял.

Выходя в коридор, Люси подумала: «Ты все понимаешь».

Вчера днем, после звонка Джо Пирсона, Люси долго не могла решить, что делать: сказать Вивьен о возможном исходе или дожидаться окончательного заключения. С одной стороны, если она выждет и опухоль окажется доброкачественной, то Вивьен никогда не узнает, какая страшная тень пронеслась над ее головой. Но с другой стороны, если через два дня будет выдано заключение о злокачественной опухоли, то девушке будет показана экстренная ампутация. Сможет ли она в этом случае подготовить Вивьен, не будет ли психологический шок невыносимым для молоденькой девушки, уверенной в том, что у нее нет ничего серьезного? Потрясение

будет ужасным. Вивьен понадобятся дни, чтобы подготовиться к мысли о необходимости ампутации, а это время терять нельзя.

Было и еще одно обстоятельство, которое учла Люси. Тот факт, что Джо Пирсон обратился к другим специалистам, говорил о том, что дело очень серьезно. Была бы опухоль однозначно доброкачественной, Пирсон сказал бы об этом сразу. Но он этого не сказал, и хотя был довольно сдержан во время телефонного разговора, Люси поняла, что вероятность злокачественной опухоли очень велика.

Взвесив все это, Люси решила не откладывая обрисовать Вивьен сложившуюся ситуацию. Если у нее все-таки окажется доброкачественная опухоль, то она, конечно, преодолеет страх, и это лучше, чем страшный психологический шок, к которому она окажется неготовой.

Положение облегчилось появлением доктора Седдонса. Вчера вечером резидент пришел к ней и сказал, что они с Вивьен хотят пожениться. Он признался, что поначалу хотел остаться в тени, но теперь передумал. И это было как нельзя кстати. Теперь Вивьен не одна — есть человек, готовый морально поддержать и успокоить ее.

Несомненно, девушке сейчас очень нужны и поддержка, и спокойствие. Люси сообщила ей о своих подозрениях относительно остеогенной саркомы насколько могла осторожно и мягко. Но на самом деле она понимала, что невозможно никакими словами и ухищрениями смягчить такой страшный удар. Люси вспомнила еще одно. Надо оповестить родителей Вивьен, рассказать им правду о состоянии их дочери. Она опустила глаза на титульный лист истории болезни, где был написан адрес. Сама Вивьен согласна, чтобы о ее болезни сообщили родителям. Теперь Люси предстояла трудная миссия — сказать страшную правду по междугородному телефону.

Она живо представила себе, как пойдет разговор. Вивьен была еще несовершеннолетней. По законам штата в таком случае требовалось согласие родителей на ампутацию. Если родители прилетят к дочери, то письменное согласие будет оформлено здесь. Если же нет, то перед Люси встанет трудная задача убедить родителей прислать согласие телеграммой, которой Люси, в случае необходимости, сможет оправдаться.

Она посмотрела на часы. Завтра утром у нее прием в городском медицинском центре. Наверное, родителям Вивьен стоит позвонить сейчас, пока она в клинике. Люси спустилась на второй этаж и пошла в крохотный кабинет, который делила с Гилом Бартлетом. Кабинет был настолько мал, что там практически невозможно находиться вдвоем. Но сейчас он был занят всерьез — там сидели Гил Бартлет и Кент О'Доннелл.

— Извини, Люси, я сейчас выйду. Эта каморка явно не предназначена для троих, — сказал О’Доннелл.

— Можешь остаться. — Она протиснулась между двумя мужчинами и села за столик. — Мне надо позвонить, а потом я побегу.

— Лучше останься. — Борода Бартлета задвигалась вверх и вниз. — Сегодня мы с Кентом в ударе — обсуждаем будущее хирургии.

— Некоторые с удовольствием скажут вам, что у нее нет никакого будущего, — ответила Люси в тон Бартлету. Она выдвинула ящик стола и принялась искать карточки больных, которых ей предстояло принять в городе. — Говорят, что хирургия отмирает и через несколько лет хирурги будут такой же экзотикой, как дронты^[2] и ведьмы.

Бартлет был большой охотник до подобных разговоров, они доставляли ему истинное наслаждение.

— Но кто, спрашиваю я вас, будет заниматься истекающими кровью телами? — выдал он свою реплику.

— Никаких ран не будет. — Люси нашла нужные карточки и открыла папку. — Диагнозы будут ставить заранее. Против ошибок природы медицина будет использовать ее же силу. Наше душевное здоровье будет противопоставлено органическим заболеваниям. Психиатры вылечат рак, а подагрой займутся специалисты по прикладной психологии. — Она застегнула папку и, смеясь, добавила: — Это цитата.

— С нетерпением жду, когда это случится, — с улыбкой сказал О’Доннелл. Как всегда, близость Люси доставляла ему громадное удовольствие. Глупо и даже смешно, что он не дал их отношениям стать более интимными. Чего он, собственно, боится? Наверное, надо провести с ней еще один вечер, и пусть будет что будет. Но сейчас — в присутствии Бартлета — было не время и не место назначать свидание.

— Сомневаюсь, что мы доживем до того счастливого дня, — возразила Люси. В это время на столе тихо зазвонил телефон. Люси подняла трубку, ответила, а потом передала ее Гилу Бартлету: — Это тебя.

— Да? — сказал Бартлет.

— Доктор Бартлет? — С другого конца провода слышался громкий женский голос.

— Я слушаю.

— Это мисс Роусон из отделения «Скорой помощи». У меня сообщение от доктора Клиффорда.

Клиффорд был старшим резидентом хирургического отделения.

— Что случилось?

— Он хочет, чтобы вы пришли и подготовились. Произошло ДТП на

железнодорожном переезде. К нам привезли несколько раненых, у одного — проникающая травма грудной клетки. Доктор Клиффорд хочет, чтобы вы помогли ему.

— Скажите, что я сейчас приду. — Бартлет положил трубку. — Извините, Люси, договорим в следующий раз. — Он пошел к двери, но, открыв ее, остановился: — На прощание скажу вам одну вещь: едва ли мы в скором будущем окажемся без работы. Пока люди изобретают все более мощные автомобили, хирургу всегда найдется место под солнцем.

Он вышел, и О’Доннелл, дружески кивнув Люси, последовал за ним. Люси, оставшись одна, помедлила, потом подняла телефонную трубку. Дождавшись ответа оператора, она сказала:

— Мне нужно позвонить по междугородному телефону в Салем, штат Орегон. — И она прочитала адрес на истории болезни.

Привычно уворачиваясь от встречных каталок, О’Доннелл быстро шел к своему кабинету. Дел было много и у него. Через полчаса он должен быть в операционной; потом состоится заседание медицинского исполнительного совета, а после этого предстоит принять нескольких амбулаторных больных в городе. Занят он будет до самого вечера.

Сегодняшняя мимолетная встреча с Люси Грейнджер, короткий разговор, ее близкое присутствие снова заставили его задуматься — о ней и о себе. И опять всплыли прежние сомнения — их интересы были так близки, что исключали длительные любовные отношения.

Интересно, почему в последнее время он все чаще думает о Люси и вообще о женщинах? Наверное, потому, что начало пятого десятка — очень беспокойное время в жизни мужчины. Он мысленно улыбнулся, вспомнив, что в его жизни редко случались периоды, когда он был лишен женского общества. Связи с женщинами у него были всегда, и возникали они очень естественно. Другое дело, что теперь промежутки между такими связями стали больше. Кроме того, его нынешнее положение обязывало его быть более целомудренным, нежели в молодости.

Мысли его переключились на Дениз Кванц. После того как она — на том вечере в доме Юстаса Суэйна — дала ему свой номер телефона, О’Доннелл подтвердил свое участие в Нью-Йоркском хирургическом конгрессе. Конгресс начнется на следующей неделе, и если он хочет увидеться с Дениз, то договариваться о встрече надо уже сейчас.

Он вошел в кабинет и посмотрел на часы. До первой операции оставалось еще двадцать минут. Если хочешь что-то сделать, то делай сразу, не откладывая. И он поднял телефонную трубку.

О’Доннелл слышал, как оператор диктовал Нью-Йоркскому информационному центру номер телефона, потом послышались гудки и щелчок.

— Квартира миссис Кванц, — ответила женщина.

— Это междугородный звонок миссис Дениз Кванц, — сказал берлингтонский оператор.

— В настоящий момент миссис Кванц нет дома.

— Вы не можете сказать, как до нее дозвониться? — Оператор неукоснительно соблюдал телефонный ритуал.

— Миссис Кванц находится в Берлингтоне, штат Пенсильвания. Дать вам ее номер?

— Да, пожалуйста.

— Номер: Хантер 6-5735.

— Спасибо, Нью-Йорк. — Раздался щелчок, потом послышался голос оператора: — Вы записали номер, абонент?

— Да, спасибо, — ответил О’Доннелл и положил трубку.

Другой рукой он уже листал берлингтонский телефонный справочник. Наконец он добрался до строчки: «Суэйн, Юстас Р.». Как он и ожидал, в справочнике значился тот же номер, какой он только что услышал.

Подняв трубку, он набрал номер.

Ответил мужчина:

— Дом мистера Юстаса Суэйна.

— Я бы хотел поговорить с миссис Кванц.

— Одну минуту.

После короткой паузы О’Доннелл услышал:

— Миссис Кванц у телефона.

О’Доннелл успел забыть, как притягивал его этот необыкновенный голос. В нем была удивительная хрипотца, придававшая очарование самым простым словам.

— Не знаю, помните ли вы меня, — сказал он. — Это Кент О’Доннелл.

— Конечно, помню! Доктор О’Доннелл, как приятно вас слышать!

Он вдруг отчетливо представил себе, как она сидит у телефона, как спадают на плечи ее темные волосы.

— Я только что звонил вам в Нью-Йорк, но там мне дали этот номер.

— Я прилетела в Берлингтон вчера вечером, — объяснила Дениз Кванц. — У отца обострение бронхита, так что я побуду с ним один или два дня.

— Надеюсь, ничего серьезного? — вежливо осведомился О’Доннелл.

— Конечно, нет, — рассмеялась Дениз. — У моего отца здоровье как у

мула, и такое же упрямство.

«В это я охотно верю», — подумал О'Доннелл.

— Я собирался попросить вас пообедать со мной в Нью-Йорке. Буду там на следующей неделе, — сказал он вслух.

— Можете попросить меня об этом и сейчас. — Ответ был быстрым и решительным. — К тому времени я вернусь домой.

— Вероятно, у меня было какое-то предчувствие, — импульсивно произнес О'Доннелл. — А у вас не найдется свободного вечера и в Берлингтоне?

Подумав, она ответила:

— Единственный свободный вечер сегодня.

О'Доннелл быстро прикинул. Прием в городе продлится до семи часов, так что если ничего не случится, то...

Дениз Кванц прервала ход его мыслей:

— О, я совсем забыла. Сегодня у нас ужинает доктор Пирсон. Думаю, мне придется побыть с ними. — Помолчав, она добавила: — Если не возражаете, можете присоединиться к нам.

Кент мысленно расхохотался. То-то удивится доктор Пирсон, увидев его на ужине у Юстаса Суэйна.

— Спасибо, но мне кажется, что в таком случае нашу встречу лучше немного отложить.

— О Господи... — В голосе Дениз прозвучало разочарование, но потом она снова повеселела. — Мы можем встретиться и после ужина, если вы не против. Отец и доктор Пирсон после ужина всегда играют в шахматы, и я буду им совершенно не нужна.

Неожиданно для самого себя О'Доннелл пришел в полный восторг.

— Замечательно. Когда вы освободитесь?

— Думаю, в половине десятого.

— Мне заехать за вами?

— Наверное, мы сэкономим время, если встретимся в городе. Скажите мне где.

Он задумался, потом сказал:

— В ресторане «Ридженси».

— Отлично. Значит, в половине десятого. До встречи.

О'Доннелл положил трубку, испытывая сладкое, томительное предчувствие. Потом посмотрел на настенные часы. Надо спешить, иначе опоздает в операционную.

Юстас Суэйн и Джозеф Пирсон играли в шахматы уже сорок минут. Два старика сидели за низким шахматным столиком из розового дерева в той же библиотеке, где три недели назад имел место словесный турнир между О'Доннеллом и Суэйном. Горели только два светильника: абажур над столиком и лампа в стиле рококо в холле.

Лица мужчин оставались в тени и освещались только на мгновение, когда кто-нибудь из них наклонялся вперед, чтобы сделать очередной ход.

Сейчас оба сидели неподвижно. В комнате стояла тишина, покрывшая, словно мантией, буковые кресла в стиле Людовика XV, в которых сидели оба старика. Суэйн, откинувшись на спинку и поигрывая рубинового хрусталя стаканом с бренди, оценивал игру.

Предыдущий ход сделал Джо Пирсон. Он продвинул на одну клетку вперед выточенную из слоновой кости фигуру ферзя.

Поставив стакан, Суэйн переставил на две клетки вперед пешку на правом фланге.

— Я слышал, в клинике происходят какие-то перемены, — сказал он, нарушив тишину скрипучим грубым голосом.

Пирсон внимательно смотрел на доску и передвинул на одну клетку пешку на левом фланге, блокируя наступление соперника. После этого он буркнул:

— Да, происходят.

Снова повисло молчание. Было такое впечатление, что время остановилось. Потом старый магнат заворочался в кресле.

— Тебе нравятся эти изменения? — Он подался вперед, переместил слона на две клетки по диагонали вправо и насмешливо взгляделся в темноту, в лицо соперника. Взгляд говорил: «Ну и что ты теперь будешь делать?»

На этот раз Пирсон ответил до того, как сделал ответный ход.

— Не совсем. — Он неподвижно сидел в тени, обдумывая гамбит противника и оценивая альтернативы. Потом медленно передвинул ладью на одну клетку вправо, освободив себе путь к атаке.

Суэйн размышлял. Минуты шли — одна, две, три. Наконец он взялся за ладью и поставил ее на ту же линию — принял вызов Пирсона. Потом произнес:

— Кстати, на будущее. У тебя есть право вето, если ты захочешь им воспользоваться.

— О! И в чем это вето заключается? — Вопрос был задан Пирсоном медленно и непринужденно, но сопровождался скорым действием: патологоанатом взялся за коня на королевском фланге, перенес его через фигуры и поставил в центр доски.

Внимательно глядя на доску и оценивая свои неплохие шансы, Юстас проговорил:

— Я сказал Ордэну Брауну и вашему главному хирургу, что хочу внести четверть миллиона долларов в строительный фонд клиники. — С этими словами он сделал ответный ход, поставив своего коня рядом с угрожающим конем противника.

На этот раз молчание затянулось. В конце концов Пирсон взялся за слона и, проведя его через всю доску, снял пешку соперника.

— Шах, — спокойно сказал он и добавил: — Это большая сумма.

— Я поставил им условие. — Суэйн, защищаясь, передвинул короля на одну клетку вправо. — Я даю деньги только в том случае, если ты останешься руководить отделением столько, сколько сочтешь нужным.

Пирсон не стал спешить с очередным ходом. Он задумался, глядя в темное пространство над головой соперника.

— Я очень тронут, — сказал он наконец и снова принялся смотреть на доску. Затем поднял коня и объявил шах загнанному в угол королю.

Суэйн внимательно следил за действиями соперника. Но прежде чем сделать ход, он взял графин с бренди, налил себе и Пирсону, потом поставил графин на место.

— Этот мир принадлежит молодым, — сказал он, — и я полагаю, что так было всегда. Но иногда у стариков есть власть... и умение ею пользоваться.

Глаза его блеснули, он наклонился вперед и пешкой снял с доски докучливого белого коня.

Пирсон задумчиво почесал подбородок и взялся за ферзя — передвинул его на шесть клеток вперед и снял черную королевскую пешку.

— Ты говоришь — Браун, О’Доннелл... Они знают об этом?

— Я сказал им об этом прямо. — Суэйн слоном снял белого слона, стоявшего перед белым конем на королевском фланге.

Пирсон внезапно рассмеялся. Было непонятно, к чему относится этот смех — к игре или к разговору о клинике. Он быстро наклонился к доске и поставил своего ферзя рядом с черным королем.

— Мат!

Потерпев неожиданное поражение, Юстас Суэйн восхищенно смотрел на соперника.

— Джо, — сказал он, — я никогда не сомневался в том, что ты добрый и порядочный человек.

Музыка стихла, и пары разошлись с танцевальной площадки небольшого, но элитного вечернего клуба, одного из немногих подобных заведений Берлингтона.

— Скажите, о чем вы думали? — спросила Дениз Кванц, улыбнувшись О’Доннеллу, сидевшему теперь напротив нее за небольшим, покрытым черной скатертью столиком.

— Честно говоря, мне хотелось бы повторить танец.

Она медленно подняла стакан с виски «Олд фэшнд».

— Я хочу выпить за продолжение мыслей в таком духе.

— За это выпью и я. — Он допил виски с содовой и, жестом подозвав официанта, попросил повторить заказ.

Снова зазвучала музыка.

— Потанцуем?

— С удовольствием. — Она встала, и он последовал за ней к тускло освещенной танцевальной площадке зала. О’Доннелл никогда не блистал в танцах: медицина оставляла слишком мало свободного времени для танцев. Но Дениз Кванц восполняла этот пробел, плавно подлаживаясь под его движения. Все те минуты, что они провели на площадке, он чувствовал ее тело — гибкое, стройное, послушно двигавшееся в такт музыке и движениям партнера. Он с наслаждением вдыхал аромат ее духов, который так взволновал его во время их первой встречи.

Оркестр из пяти человек ненавязчиво играл тихую, как нельзя больше подходящую для интимной обстановки мелодию известной песни «Ты принадлежишь мне».

На какое-то мгновение у него возникло ощущение жизни взаимы, подвешенности в пустоте, забвения, отчуждения от медицины, клиники Трех Графств и от всего, чем он жил изо дня в день. Потом темп музыки стал быстрее, и О’Доннелл мысленно посмеялся над своей сентиментальностью.

— И часто вы появляетесь здесь — я имею в виду в Берлингтоне? — спросил он во время танца.

— Не очень, — ответила она. — Скорее, даже редко, только для того, чтобы навестить отца. Если честно, мне не нравится этот город. Надеюсь, я не оскорбила ваших патриотических чувств?

— Нет, — сказал он. — На этот счет у меня нет строгих правил. Но разве вы родились не здесь? Дениз... — добавил он, — если вы позволите

так себя называть.

— Позволю, давай отбросим условности. — Она посмотрела ему в глаза, лицо ее осветилось улыбкой. — Да, я родилась здесь и окончила школу. Жила дома, с родителями. Тогда мама еще была жива.

— Но почему теперь Нью-Йорк?

— В душе я принадлежу этому городу, чувствую, что он мне родной по духу. Кроме того, там жил мой муж. Впрочем, он и теперь там живет. — Она впервые упомянула своего мужа. Сделала это легко и, видимо, без всякой задней мысли. — После того как мы разошлись, я поняла, что мне не хочется оттуда уезжать. В мире нет другого такого города, как Нью-Йорк.

— Да, — сказал О’Доннелл, — я с вами согласен. — Но думал он о том, как красива эта женщина. В ней было внутреннее спокойствие, не было жеманства, наигранности — она обладала многими чертами, которые редко увидишь у более молодых женщин. В то же время она была необыкновенно женственна. О’Доннелла неудержимо влекло к ней, к ее телу, которое послушно двигалось в его руках, то и дело прижимаясь к нему. Дойдя до размышлений о ее чувственности, О’Доннелл заставил себя думать о другом. Чрезмерное сближение было сейчас преждевременным. Чтобы переключить внимание, он обратил внимание на ее платье. Оно было ярко-алого цвета, оставляло открытыми плечи и было сшито из богатого сверкающего шелка. Платье плотно облегалo фигуру и расширялось только ниже бедер. Оно придавало Дениз вид одновременно драматичный, возвышенный и невероятно дорогой.

Уже второй раз за сегодняшний вечер он подумал, что Дениз, несомненно, очень богатая женщина. Они подъехали к «Ридженси» почти одновременно. О’Доннелл припарковал машину и подошел к входу в вечерний клуб, когда к нему подъехал сверкающий «кадиллак». Одетый в форму шофер торопливо обошел машину и открыл дверь перед Дениз. Она поздоровалась с О’Доннеллом, потом повернулась к шоферу:

— Спасибо, Том. Думаю, тебе не стоит сюда возвращаться. Надеюсь, доктор О’Доннелл сам отвезет меня домой.

— Благодарю вас, мадам, — церемонно ответил шофер, потом обернулся к О’Доннеллу: — Доброй ночи, сэр. — С этими словами он сел в машину и уехал.

Конечно, если бы О’Доннелл задумался об этом раньше, то сразу бы понял, что Дениз, как дочь Юстаса Суэйна, очевидно, является его наследницей. Это осознание не сильно его опечалило: его собственного дохода хватало на вполне комфортабельную жизнь, и не только. Однако у

О’Доннелла не было опыта общения с по-настоящему богатыми женщинами. Он снова невольно принялся сравнивать Дениз и Люси.

Оркестр закончил номер в меру бурным крещендо. Дениз и О’Доннелл похлопали оркестрантам, и он, взяв даму под руку, повел ее к столику. Словно из-под земли рядом с ними вырос официант. Он выдвинул и придержал стулья, а затем принес заказанную О’Доннеллом выпивку.

Пригубив новую порцию виски, Дениз сказала:

— Обо мне мы уже поговорили, теперь расскажи о себе.

Он добавил содовой в свое виски. О’Доннелл любил сильно разбавленный алкоголь. Это была давняя привычка, которую ненавидят официанты.

— Боюсь, это не слишком интересно. Обычная рутина.

— Я очень благодарный слушатель, Кент.

Говорила только половина разума Дениз. Вторая половина думала. Это мужчина, мужчина до мозга костей! Глазами она скользнула по его мощной фигуре, широким плечам, выразительному грубоватому лицу. Поцелует ли он ее сегодня, и к чему это приведет впоследствии? Она решила, что отношения с доктором Кентом О’Доннеллом сулят много интересного.

Он принялся рассказывать ей о клинике Трех Графств, о своей работе, о своих планах и надеждах. Дениз ненавязчиво задавала ему вопросы о его прошлом, о случаях из жизни, о людях, которых он знал. Слушая его ответы, она не переставала восхищаться тем, что он говорил и как он говорил.

Они опять потанцевали, потом официант принес выпивку; они снова танцевали, а официант снова приносил напитки. Это повторилось несколько раз. Дениз рассказала о своем браке. Она вышла замуж восемнадцать лет назад и прожила с мужем десять лет. Муж — корпоративный юрист и имеет большую практику в Нью-Йорке. У них двое детей — двойняшки — Алекс и Филиппа. Дети отданы на попечение Дениз. Через несколько недель детям исполнится по семнадцать лет.

— Мой муж — сугубо рациональное существо, — сказала она. — Мы с ним просто несовместимы и потратили массу времени на то, чтобы это понять.

— Ты видишься с ним?

— Да, и очень часто, на вечерах в городе. Мы с ним иногда даже вместе обедаем. Джеффри в некотором смысле просто прелесть. Уверена, он тебе понравится.

Разговор их постепенно становился все более непринужденным. Не ожидая заказа, официант поставил перед ними новую порцию выпивки.

О’Доннелл спросил о разводе — нет ли к нему каких-то препятствий?

— В общем-то нет, — искренне ответила Дениз. — Джеффри не против со мной развестись, но настаивает на том, чтобы именно я представила суду основания. В штате Нью-Йорк таким основанием может быть только супружеская неверность. Так что пока я не занимаюсь разводом.

— Твой муж не хочет еще раз жениться?

На лице Дениз отразилось неподдельное удивление.

— Джеффри? Не думаю. — Дениз повертела в руках бокал. — Джеффри считает, что постель — самое подходящее место для чтения законодательных актов, — сказала она это тихим, почти интимным тоном.

О’Доннелл понял, что это был намек на причину распада семьи.

Рядом снова появился официант:

— Извините, сэр, бар закрывается через пять минут. Вы желаете сделать заказ?

О’Доннелл удивленно взглянул на часы. Был почти час. Три с половиной часа пролетели совершенно незаметно. Он вопросительно посмотрел на Дениз, но она отрицательно покачала головой.

— Нет, спасибо, — сказал О’Доннелл официанту и расплатился по чеку. Покончив с выпивкой, они собрались уходить. Официант приветливо пожелал им доброй ночи — чаевые были просто королевские. О’Доннелл умел ценить комфорт и хорошее отношение.

В фойе он остановился, чтобы подождать Дениз, а привратник в это время отправился на парковку за машиной. Когда она вышла, О’Доннелл взял ее за руку:

— Как все же досадно, что приходится уходить! Все-таки надо было заказать еще одну порцию на прощание. — Он колебался, но потом решил попытать счастья: — Мы можем заглянуть ко мне. У меня хороший бар, и это по дороге.

На мгновение О’Доннелл засомневался: не перешел ли он грань дозволенного? Ему даже показалось, что лицо Дениз стало холодным и отчужденным. Потом это облачко прошло.

— Почему нет? — просто сказала она.

На улице их уже ждал «бьюик» с открытой дверью и работающим двигателем. По городу О’Доннелл ехал медленнее, чем обычно, понимая, что изрядно выпил. Ночь была теплая, и оконные стекла автомобиля были опущены. Дениз сидела рядом с ним, и О’Доннелл снова улавливал аромат ее духов. У входа в гостиницу О’Доннелл остановил машину. Они вошли в холл гостиницы и направились к лифту.

В номере О'Доннелл, смешав напитки, подал Дениз «Олд фэшнд». Она встала у открытого окна гостиной и стала смотреть на светившиеся внизу огни Берлингтона. Река, протекавшая через город, темной лентой лежала между ярко освещенными берегами.

Он подошел к Дениз, встал рядом и сказал:

— Я давно не смешивал «Олд фэшнд». Надеюсь, он получился не очень сладким.

Она пригубила напиток.

— Коктейль такой, каким он должен быть, как и все, Кент, что ты делаешь, — сказала она тихо, с легкой интимной хрипотцой.

Их глаза встретились, и О'Доннелл, протянув руку, взял у Дениз ее стакан. Когда он поставил его на стол, она — просто и естественно — прильнула к нему. Их губы встретились.

В этот момент оглушительно и неожиданно зазвенел телефон, настойчиво и непрерывно.

Дениз мягко освободилась из объятий О'Доннелла:

— Дорогой, думаю, тебе надо взять трубку.

Она нежно коснулась губами его лба.

Подойдя к телефону, он обернулся и увидел, что Дениз берет сумочку, шарф и перчатки. Очевидно, вечер закончился. Он раздраженно снял трубку с рычага. Раздражение сразу улеглось. Звонили из клиники. На проводе был дежурный интерн. У одного из больных О'Доннелла резко ухудшилось состояние. Задав пару коротких вопросов, он распорядился:

— Очень хорошо. Я сейчас буду. Закажите кровь и приготовьтесь к переливанию.

Он повесил трубку, потом снова ее снял и, позвонив ночному портье, попросил вызвать такси для Дениз.

Глава 14

Как правило, доктор Джозеф Пирсон ложился спать рано. Правда, в те вечера, когда он играл в шахматы с Юстасом Суэйном, ложиться приходилось много позднее. От недосыпания Пирсон уставал и на следующее утро являлся на работу в состоянии повышенной раздражительности. Вот и теперь он находился отнюдь не в лучшем расположении духа.

Просматривая требования на расходные материалы для лаборатории — он терпеть не мог эту работу, особенно в такие моменты, — он, злобно фыркнув, отложил в сторону одно из требований. Подписав несколько других, он споткнулся еще на одном и вытащил его из пачки. На этот раз он не только фыркнул, но и состроил недовольную гримасу. Это был опасный признак — Джо Пирсон был готов вот-вот взорваться.

И он взорвался, когда обнаружил третье сомнительное требование. Пирсон швырнул на стол ручку, схватил грудку бумаг и, не складывая их, бросился к двери. Как буря, ворвался он в серологическую лабораторию и отыскал глазами Баннистера, который в углу делал анализ кала.

— Брось все и иди сюда! — Пирсон швырнул на стол требования. Несколько листков упали на пол, и Джон Александер нагнулся, чтобы их поднять. Он испытал невероятное облегчение от того, что Баннистер, а не он стал объектом начальственного гнева.

— Что случилось? — спросил Баннистер, подходя к шефу. Он так привык к этим вспышкам, что они подчас действовали на него успокаивающе.

— Я сейчас скажу тебе, что случилось! Все дело в этих требованиях. — Пирсон как будто немного успокоился, теперь его гнев уже не пылал, а медленно тлел. — Ты, кажется, вообразил, что мы работаем в клинике Мэйо^[3].

— Но ведь нам нужны расходные материалы и реактивы, разве нет?

Пирсон пропустил вопрос мимо ушей.

— Иногда мне кажется, что ты их ешь. И разве я не говорил тебе, что необычные требования надо сопровождать объяснениями, для чего нам это нужно?

— Я забыл, — смиренно ответил Баннистер.

— Тебе придется вспомнить. — Пирсон взял верхнее требование. — Зачем нам понадобился оксид кальция? Мы им никогда не пользуемся.

Баннистер злорадно улыбнулся:

— Вы же сами попросили меня его заказать. Для вашего сада.

Старший лаборант упомянул факт, о котором они оба знали, но который редко обсуждали. Пирсон был заметной фигурой в обществе любителей роз и употреблял некоторые лабораторные реактивы на улучшение плодородности почвы своего сада.

Пирсон смутился:

— Ах да... Ладно, это требование можно отправить.

Он отложил этот листок и взял в руку следующий.

— А это что? Зачем нам вдруг потребовалась сыворотка Кумбса? Кто ее заказал?

— Доктор Коулмен, — с готовностью ответил Баннистер — наконец-то он наступил, этот долгожданный для него момент.

У стоявшего рядом с Баннистером Джона Александера появилось недоброе предчувствие.

— Когда? — резко спросил Пирсон.

— Вчера. Доктор Коулмен сам подписал требование. — Помолчав, Баннистер ехидно добавил: — Причем там, где обычно ставите свою подпись вы.

Пирсон посмотрел на заполненный бланк. Оказывается, он не заметил, что требование уже подписано.

— Зачем она ему понадобилась? Ты не знаешь? — обратился Пирсон к Баннистеру.

Старший лаборант успокоился. Он запустил шестеренки своего мщения и теперь мог наслаждаться ролью зрителя.

— Что же ты молчишь? Рассказывай, — обратился он к Джону Александеру.

Слегка волнуясь, лаборант объяснил:

— Она нужна для анализа крови на антитела к резус-фактору, доктор Пирсон. Анализ необходимо сделать моей жене по назначению доктора Дорнбергера.

— Но зачем нужна сыворотка Кумбса?

— Для непрямой пробы Кумбса, доктор.

— Скажи, пожалуйста, твоя жена — она что, какая-то особенная? — В голосе Пирсона слышалась неприкрытая насмешка. — Чем тебе не нравятся анализы в физиологическом растворе и в растворе белка? Анализы, которыми мы пользуемся для обследования остальных беременных?

Александр нервно проглотил слюну и промолчал.

— Я жду ответа, — настаивал Пирсон.

— Хорошо, сэр. — Александер поколебался, потом выпалил: — Я предложил доктору Коулмену, чтобы после анализов в растворах хлорида натрия и белка мы делали анализ с сывороткой Кумбса, и доктор Коулмен согласился, потому что это более надежный...

— Ты предложил доктору Коулмену? Я не ослышался, а?

Тон Пирсона не оставлял сомнений относительно того, что должно было последовать дальше, и здесь Александер допустил свой очередной промах.

— Не ослышались, сэр. Мы решили, что, поскольку в некоторых случаях антитела к резусу невозможно обнаружить в физиологическом растворе и в растворе белка, нужно выполнить еще один анализ...

— Довольно! — Слово было произнесено резко, зло, жестко. Доктор Пирсон изо всех сил грохнул кулаком по стопке требований.

В лаборатории наступила зловещая тишина.

Тяжело дыша, доктор Пирсон собрался с силами и мрачно сказал:

— Самая главная твоя беда в том, что ты слишком преувеличиваешь значение всей той чуши, какой нахватался во время учебы.

Говоря это, Пирсон выплеснул наружу всю свою горечь и обиду — обиду на тех, кто моложе, на тех, кто пытается лишить его прежней власти и авторитета — абсолютного и непререкаемого, — каковым он до сих пор беспредельно пользовался. В другое время и в другом настроении он, вероятно, проявил бы большую терпимость. Но сейчас, кипя гневом, решил раз и навсегда поставить на место этого зарвавшегося лаборанта.

— Слушай меня внимательно и запоминай! Я уже говорил тебе это и не намерен повторять впредь. — Это были слова воплощенного авторитета, руководителя отдела, у которого тяжелая рука и который беспощаден. Теперь он ясно давал понять, что отныне не будет никаких предупреждений — будет наказание. Приблизив свое лицо к лицу Александра, Пирсон прорычал: — Отделением руковожу я, и если у тебя или у кого бы то ни было возникают вопросы, то вы должны задавать их мне. Ты понял?

— Да, сэр.

В этот момент Александер хотел только одного: чтобы все это скорее закончилось. Он уже решил для себя, что это было его последнее предложение. Если с ним так расплачиваются за то, что он умеет думать, то теперь он будет тупо исполнять свою работу, а мысли держать при себе. Пусть другие волнуются и несут за это ответственность.

Но Пирсон еще не закончил.

— Прекрати эту возню за моей спиной, — продолжал греметь он, — и

не пользуйся тем, что доктор Коулмен здесь новый человек.

Александр вспыхнул:

— Я не пользовался...

— А я говорю, что пользовался! И я приказываю тебе это прекратить! — Старик уже кричал, лицо его судорожно дергалось, глаза сверкали.

Александр молчал, подавленно опустив голову.

Умолкнув, Пирсон несколько секунд угрюмо смотрел на молодого человека. Удовлетворившись произведенным эффектом, он снова заговорил:

— Я скажу тебе еще кое-что. — На этот раз его тон если не был сердечным, то по крайней мере не был таким грубым. — Что касается данного анализа, то тестирование в физиологическом растворе и белке даст нам всю необходимую информацию. И хочу еще раз напомнить тебе, что я знаю, что говорю. Ты понял?

— Да, — бесцветным голосом ответил Александр.

— Отлично. Теперь я скажу тебе, что я сделаю. — Тон Пирсона смягчился еще больше. — Так как ты сильно волнуешься по поводу этого анализа, я сделаю его сам. Здесь и сейчас. Где проба крови?

— В холодильнике, — ответил Баннистер.

— Дай ее мне.

Идя к холодильнику, Баннистер думал, что сцена получилась не совсем такой, как ему хотелось бы. Конечно, этого соплыка Александра следовало осадить, но старик, пожалуй, переборщил с ним. Лучше бы Пирсон так отделал нового патологоанатома. Но может быть, он сделает и это. Баннистер достал из холодильника пробирку, на которой был приклеен ярлычок: «Александр, миссис Э.» и отнес ее Пирсону.

Пирсон взял центрифугированную пробу, в которой осталась одна только сыворотка, и в этот момент Баннистер заметил, что требование, вызвавшее такую бурю, валяется на полу. Старший лаборант наклонился и подобрал злополучный листок.

— Что с ним делать? — спросил он у Пирсона.

Старый патологоанатом тем временем взял из штатива две чистые пробирки и набрал в каждую по аликвоте сыворотки. Не оглянувшись на Баннистера, он раздраженно спросил:

— С чем?

— С требованием на сыворотку Кумбса.

— Она нам не нужна, порви требование. — Пирсон внимательно прочитал этикетку на флаконе с резус-положительными эритроцитами.

Этим реагентом пользовались при тестировании резус-отрицательной крови.

Баннистер заколебался. Как ни хотелось ему досадить Коулмену, он все же понимал, что существует определенная формальная этика.

— Надо сказать об этом доктору Коулмену, — нерешительно произнес Баннистер. — Хотите, чтобы я это сделал?

Пирсон никак не мог открыть флакон.

— Нет, я сам скажу ему об этом, — нетерпеливо сказал он.

Баннистер понял одно: если возникнут неприятности, то не он понесет за них ответственность. Он порвал требование и бросил клочки бумаги в мусорную корзину.

Роджер Макнил, резидент-патологоанатом, в очередной раз убедился в том, что сколько лет он ни проработает в прозекторской, никогда не сможет привыкнуть к детским трупам. Макнил только что произвел вскрытие четырехлетнего ребенка, и теперь его невыносимо разверстое тельце лежало перед ним на прозекторском столе. Это зрелище заставляло Макнила страдать. Он знал, что будет плохо спать ночью и видеть погибшего ребенка во сне, что не скоро забудет, как нелепа, бессмысленна и ужасна была эта смерть.

Подняв голову, он заметил, что на него внимательно смотрит Майк Седдонс. Перехватив взгляд Макнила, хирург сказал:

— Несчастный мальчишка! — И горько добавил: — Как глупо могут погибать люди!

— Полиция еще здесь? — спросил Макнил.

— Да, и другие тоже, — ответил Седдонс.

— Позови сюда Пирсона.

— Хорошо.

Телефон находился в комнатке, примыкавшей к прозекторской, и Седдонс пошел туда.

Макнил мысленно отругал себя за трусость и нежелание брать на себя ответственность, но доложить об этом случае старику надо было обязательно. Пусть Пирсон решает, кому выходить к полицейским и родственникам.

Седдонс вернулся в прозекторскую.

— Пирсон в серологии и сейчас придет.

Они ждали молча. Наконец за дверью послышались знакомые шаркающие шаги, и старый патологоанатом вошел в прозекторскую. Он стал рассматривать труп, а Макнил докладывал подробности

происшествия. Час или два тому назад ребенка возле его дома сбила машина. Мальчик умер в машине «скорой помощи» по дороге в клинику. Полицейский следователь приказал произвести вскрытие. Макнил рассказал Пирсону, что было обнаружено на вскрытии.

— Ты хочешь сказать, что это все? — спросил старик.

— Это все, что послужило причиной смерти, — ответил Макнил. — Больше я ничего не нашел.

Пирсон хорошо знал Макнила и был уверен, что резидент провел вскрытие безошибочно.

— Так, значит, они просто стояли рядом и смотрели...

— Скорее всего они просто не понимали, что происходит, — вставил Майк Седдонс.

Пирсон согласно кивнул. Седдонсу очень хотелось знать, о чем думал в тот момент старик.

— Сколько лет было ребенку?

— Четыре, — ответил Макнил. — Такой красивый малыш.

Все посмотрели на стол с неподвижно лежавшим на нем маленьким тельцем. Глаза были закрыты, светлые спутанные волосы были уже на месте — Макнил натянул скальп на место после того, как удалил мозг. Пирсон печально покачал головой и направился к двери.

— Я сам выйду к ним и все скажу, — сказал он, обернувшись.

В приемной клиники сидели три человека. Они дружно подняли головы, когда Пирсон вышел к ним. Один из ожидавших был патрульный полицейский в форме. Рядом с ним сидел высокий мужчина с покрасневшими от слез глазами. Третьим был маленький, похожий на мышку человек с задиристо торчавшими усами, одиноко сидевший в дальнем углу.

Пирсон представился.

— Моя фамилия Стивенс, пятый округ, — сказал полицейский и достал из кармана блокнот и карандаш.

— Вы были на месте происшествия? — спросил у него Пирсон.

— Я прибыл сразу же после того, как все случилось. — Он показал сначала на высокого мужчину, а потом на похожего на мышку: — Это отец мальчика, а тот джентльмен — водитель машины.

Водитель обратился к Пирсону:

— Он неожиданно выбежал прямо под колеса. Он выскочил из-за дома. Я не лихач, у меня тоже есть дети. Я ехал медленно и почти остановился, когда...

— А я говорю, что вы лжец, — сдавленным от гнева и горя голосом

произнес отец погибшего ребенка. — Вы его убили и пойдете за это в тюрьму.

— Одну минуту, — спокойно сказал Пирсон. Наступила тишина. Все трое напряженно ждали, что скажет старый доктор. Пирсон посмотрел на патрульного: — Для следователя мы представим полный отчет, а пока я могу сообщить вам лишь предварительные данные. — Он сделал паузу и медленно произнес: — Вскрытие показало, что причиной смерти послужило не столкновение с автомобилем.

Патрульный недоуменно посмотрел на Пирсона:

— Но я был там! Говорю вам...

— Мне бы очень хотелось сказать что-нибудь другое, — сказал Пирсон, — но боюсь, что не смогу. — Он обратился к отцу: — От столкновения с машиной ваш сын упал на дорогу, ударился и получил легкое сотрясение мозга, от которого потерял сознание. Кроме того, у него оказался небольшой перелом носовой перегородки, очень небольшой, но, к несчастью, он вызвал продолжительное кровотечение. — Пирсон повернулся к полицейскому: — Полагаю, что мальчик лежал на спине на том же месте, где упал?

— Да, сэр, это так, — ответил патрульный. — Мы не хотели трогать его до приезда «скорой помощи».

— Как долго вы ждали?

— Около десяти минут.

Пирсон медленно кивнул:

— Этого времени было больше чем достаточно. Хватило бы и пяти минут. Причиной смерти стало кровотечение. Кровь из носа текла ребенку в дыхательные пути. Он не мог дышать и умер от удушья.

Лицо отца исказилось от ужаса. Он не верил своим ушам.

— Вы хотите сказать, что если бы мы перевернули его на живот...

Пирсон порывисто поднял руки:

— Я хотел сказать то, что сказал. Может быть, надо было как-то по-другому. Но я могу сказать только правду: ваш сын получил легкую травму.

— Значит, удар автомобиля?.. — произнес полицейский.

— Нельзя сказать с полной определенностью, но, на мой взгляд, удар был скользящий и сравнительно слабый. — Пирсон кивнул в сторону маленького человека, который теперь стоял рядом: — Думаю, этот человек говорит правду, утверждая, что машина ехала медленно.

— Боже мой! — воскликнул отец. Это был даже не крик, а отчаянный, мучительный вой. Он зарыдал, прижав ладони к лицу. Маленький человечек обнял несчастного отца за плечи и усадил на кушетку. Глаза его

блестели от выступивших слез.

Патрульный побледнел.

— Доктор, я же был там все время, — проговорил он. — Я мог бы перевернуть мальчика. Но я не знал.

— Не надо винить себя.

Но полицейский не услышал этих слов и продолжал, словно в горячке:

— Я окончил курсы оказания первой помощи, получил свидетельство. Нас все время учили: не двигать пострадавших, все, что угодно, но только не двигать их.

— Я знаю, — сказал Пирсон и ласково взял патрульного за руку. — К несчастью, в любом правиле есть исключения. Одно из них — это когда кровь течет из носа в рот.

Доктор Дэвид Коулмен шел на обед по коридору первого этажа, когда навстречу ему из приемной вышел Пирсон. Сначала Коулмену показалось, что старый патологоанатом заболел. Он выглядел рассеянным и, казалось, плохо ориентировался в окружающей обстановке. Увидев Коулмена, он шагнул ему навстречу. Молодой врач остановился.

— Ах да... доктор Коулмен, я ведь хотел вам что-то сказать... — начал Пирсон.

Коулмен видел, что патологоанатому по какой-то причине трудно собраться с мыслями. Пирсон протянул руку, взялся за лацкан халата Коулмена, и тот заметил, как подрагивает рука старика. Коулмен осторожно освободил халат.

— Что вы хотели мне сказать, доктор Пирсон?

— Это касается лаборатории. — Пирсон тряхнул головой: — Нет, не помню... я скажу вам позже. — Он уже собрался идти дальше, когда в голову ему пришла другая мысль. — Думаю, вам надо взять на себя прозекторскую. Начните завтра, последите за резидентами и сотрудниками, чтобы они работали как следует.

— Очень хорошо, буду рад этим заняться. — У Коулмена были идеи относительно организации вскрытий, и теперь представлялась возможность воплотить их в жизнь. Он вдруг подумал, что надо воспользоваться случаем и поговорить также и на другие темы. — Могу ли я поговорить с вами о лабораториях?

— Лабораториях? — Казалось, мысли старика продолжали блуждать где-то далеко.

— Помните, в письме я предлагал, чтобы вы отдали под мое руководство часть лабораторий? — Было странно обсуждать этот вопрос

здесь и сейчас, но Коулмен чувствовал, что возможность его решить может представиться не скоро.

— Да, да, припоминаю что-то в этом роде. — Пирсон смотрел вслед группе из трех человек, шедших по коридору к выходу. Полицейский и маленький человечек с двух сторон поддерживали высокого мужчину.

— Я бы хотел начать с серологической лаборатории, — сказал Коулмен. — Мне хотелось бы верифицировать некоторые лабораторные процедуры. Верифицировать по стандарту.

— Что вы имеете в виду?..

Коулмена всегда раздражала необходимость объяснять что-то по несколько раз.

— Я хотел бы проверить и привести к стандарту некоторые аналитические процедуры в серологической лаборатории.

— Да, да... конечно, — с отсутствующим видом сказал Пирсон. Он продолжал смотреть в сторону выхода.

Элизабет Александер чувствовала себя великолепно. Собираясь на обед в столовую клиники Трех Графств, она вдруг поняла, что прекрасно себя чувствует уже несколько дней, но сегодня ей было особенно хорошо. Ребенок в ее чреве был жив и активно двигался. Даже сейчас она чувствовала его шевеление. Она только что побывала в универмаге, где в толчее женщин победоносно приобрела несколько кусков яркой ткани на занавески для их с Джоном квартиры. Самую лучшую ткань она купила для маленькой спальни, где будет жить их ребенок.

Элизабет и Джон впервые вместе обедали в столовой клиники. Пользование ею было негласной привилегией членов семей сотрудников, но Джон узнал об этом лишь несколько дней назад. Отстояв в очереди, Элизабет выбрала салат, суп, жареную баранину с картошкой и капустой, пирог с сыром и стакан молока. Джон шутливо поддел жену:

— Ты уверена, что тебе хватит?

Элизабет подцепила палочку сельдерея и впилась в нее зубами.

— Наш ребеночек просит кушать.

Джон улыбнулся. Всего несколько минут назад, по пути в столовую, он чувствовал себя совершенно уничтоженным и подавленным. Он никак не мог забыть выволочку, которую задал ему доктор Пирсон. Заразительная жизнерадостность Элизабет заставила его забыть все неприятности, во всяком случае на время. В конечном счете, подумал он, теперь у него не будет никаких неприятностей в лаборатории — он станет умнее и начнет обдумывать каждый свой шаг. Доктор Пирсон лично сделал анализ на

антитела — в физиологическом и белковом растворе, — и оба результата оказались отрицательными. «Пока нет никаких оснований тревожиться за анализ крови твоей жены», — сказал он. Под конец Пирсон даже подобрел — по крайней мере в сравнении с той вспышкой, которую он себе позволил.

Надо крепко усвоить и еще кое-что. Патологоанатом — доктор Пирсон, а не он — Джон Александер. Скорее всего доктор Пирсон прав в том, что Джон придает слишком большое значение вещам, которым его научили в колледже медицинских технологий. Разве мало примеров того, что колледжи и училища впихивают в учащихся массу теорий, которые потом не находят никакого применения?

Сколько предметов изучаются в средней школе и колледже, предметов, которые забываются тотчас после выпускных экзаменов. Может быть, он слишком серьезно отнесся к теории о необходимости третьего анализа, а доктор Пирсон, с его огромным опытом, прав, что посчитал его лишним?

Как там выразился доктор Пирсон, когда утром делал анализ? «Если мы будем менять лабораторные методы всякий раз, когда появляется что-то новое, то нашим перестройкам не будет конца. В медицине новые идеи появляются каждый день. Но мы, в клинике, должны быть уверены, что эти идеи проверены временем и их стоит применять на практике. Мы отвечаем за человеческие жизни и не можем полагаться на случай».

Джон, правда, удивился, каким образом третий анализ может повредить здоровью и жизни больного, но теперь все равно решил, что доктор Пирсон в отношении новых идей в принципе прав. Из прочитанного Джон вынес твердое убеждение, что идей действительно много и отнюдь не все из них хороши. Конечно, доктор Коулмен очень хорошо объяснил необходимость третьего анализа, но он намного моложе доктора Пирсона и опыта у него меньше.

— Твой суп остынет, — прервала Элизабет мысли Джона. — О чем это ты так глубоко задумался?

— Да так, ни о чем, моя прелесть. — Так как Элизабет обладала сверхъестественной способностью выведывать его мысли, он решил выбросить свои размышления из головы и поговорить о другом. — Я давно хотел тебя спросить, — сказал он. — Как у тебя с весом?

— Все в порядке, — бодро ответила Элизабет. — Доктор Дорнбергер говорит, что я должна много есть.

Она покончила с супом и яростно атаковала жареную баранину.

Александер поднял голову и увидел, что к их столу приближается

доктор Коулмен — новый патологоанатом шел к столам, за которыми обычно обедали врачи. Повинуясь неясному импульсу, Джон Александер встал:

— Доктор Коулмен!

Дэвид Коулмен обернулся:

— Да?

— Доктор, мне бы хотелось познакомить вас с моей женой. — Когда Коулмен подошел, он добавил: — Элизабет, дорогая, это доктор Коулмен.

— Здравствуйте, миссис Александер, — сказал Коулмен и остановился у стола, держа поднос с обедом.

Джон Александер выдвинул стул:

— Может быть, вы присоединитесь к нам, доктор?

Мгновение Дэвид Коулмен колебался, но потом решил, что отказаться было бы невежливо.

— Хорошо, — согласился он, поставил на стол поднос со спартанской едой — маленькой порцией фруктового салата и стаканом молока — и сел.

С неловкой шутливостью Александер сказал:

— Помнишь, дорогая, я говорил тебе, что доктор, как и мы, из Нью-Ричмонда?

— Конечно, — ответила Элизабет и обратилась к Коулмену: — Добрый день, доктор Коулмен. Я очень хорошо вас помню. Вы ведь иногда заходили в магазин моего отца.

— Верно, заходил. — Теперь он отчетливо вспомнил Элизабет, длинноногую услужливую веселую девчонку, которая носилась по допотопной лавке, умудряясь находить, казалось бы, безнадежно потерянные в невероятном беспорядке товары. Она почти не изменилась с тех пор. — Кажется, однажды я купил у вас бельевую веревку.

— Кажется, я это помню, — радостно подтвердила Элизабет. — Как наша веревка?

Коулмен задумался.

— Теперь, когда вы о ней спросили, я вспомнил: она порвалась.

Элизабет рассмеялась:

— Если вы принесете ее обратно, мама ее заменит. После смерти отца она по-прежнему занимается лавкой. Беспорядка там стало еще больше.

Юмор Элизабет был заразителен. Коулмен улыбнулся:

— Если я правильно помню, у вас тогда были две косички.

— Да, — с готовностью ответила она. — А на зубах — скобки, но я давно из них выросла.

Коулмен поймал себя на мысли о том, что ему положительно нравится

эта девушка. Он был рад ее видеть. Она позволила ему заглянуть в безоблачное детство, проведенное в чудесном краю — в Индиане, вспомнить летние месяцы, свободные от школы, поездки с отцом на его старом разбитом «шевроле». Откинувшись на спинку стула, он задумчиво произнес:

— Я очень давно не был в Нью-Ричмонде. Отец умер, мать переехала на Западное побережье. Теперь там меня никто не ждет. — Он отвлекся от воспоминаний. — Скажите, — обратился он к Элизабет, — каково это, быть женой человека от медицины?

Джон Александер ответил раньше, чем Элизабет:

— Я не человек от медицины, я просто техник-лаборант.

Только произнеся эти слова, он понял, почему их сказал. Причина в том, что произошло сегодня утром. Несколько минут назад, когда Коулмен сел за их стол, Джон хотел рассказать новому патологоанатому об инциденте в лаборатории, но теперь решил этого не делать. У него и так случилась масса неприятностей из-за откровенных разговоров с доктором Коулменом, и он решил не искушать судьбу.

— Вы слишком низко цените профессию технолога-лаборанта, — сказал Коулмен, — она очень важна.

— Он очень высоко ценит свою профессию, — сказала Элизабет. — Но иногда он признается, что хотел бы стать врачом.

Коулмен повернулся к Александеру:

— Правда?

Александер пожалел, что Элизабет его выдала, и неохотно ответил:

— Когда-то у меня была такая идея.

Коулмен подцепил вилкой немного фруктового салата.

— Почему же вы не поступили на медицинский факультет?

— Причина самая банальная — нехватка денег. У меня их не было, поэтому надо было начать их зарабатывать.

Коулмен проглотил салат и сказал:

— Тем не менее вы могли это сделать. Сколько вам лет?

За мужа ответила Элизабет:

— Через два месяца Джону будет двадцать три.

— Какой он глубокий старик! — Все рассмеялись, и Коулмен добавил: — У вас еще есть время.

— Я знаю, — сказал Александер медленно, словно понимая, что все его аргументы звучат неубедительно. — Беда в том, что моя учеба будет означать большие финансовые трудности для нашей семьи, когда мы только встаем на ноги. Кроме того, ребенок... — Он не закончил фразу.

Коулмен взял со стола стакан молока, сделал большой глоток и сказал:

— На медицинском факультете много студентов, имеющих детей и финансовые проблемы.

— Я говорю ему то же самое! — порывисто воскликнула Элизабет и подалась вперед. — Я очень рада, что не одна так думаю.

Коулмен вытер губы салфеткой, положил ее на стол и посмотрел в лицо Александру. Кажется, его первое впечатление от встречи с этим молодым лаборантом оказалось верным. Парень интеллигентный и добросовестный; кроме того, он интересуется своей работой. Это было ясно с первого взгляда.

— Знаете, что я думаю, Джон? — сказал Коулмен. — Я думаю, что если вы действительно хотите быть врачом, но не поступите на медицинский факультет, хотя имеете такую возможность, то потом будете жалеть об этом всю жизнь.

Александр опустил глаза, машинально вертя в руках нож и вилку.

— Ведь правда же, что у нас не хватает патологоанатомов? — спросила Элизабет.

— О да! — с жаром подтвердил Коулмен. — В патологической анатомии специалистов не хватает больше, чем в какой-либо другой отрасли медицины.

— Почему?

— Патологоанатомы нужны, чтобы двигать медицину вперед, а кроме того, заполнять бреши.

— Как это заполнять бреши? — живо среагировала Элизабет.

Коулмен вдруг подумал, что с этими молодыми людьми он чувствует себя свободно и непринужденно. Эти двое были как глоток свежего воздуха. Они казались ему невероятно молодыми, тем более в сравнении с доктором Пирсоном. Он уже был готов высказать вслух идеи, которые обычно держал при себе. На вопрос Элизабет он ответил:

— Медицина — это, если допустимо такое сравнение, война. И, как на войне, медики иногда совершают удивительные прорывы. Когда это случается, врачи бросаются туда, где наметился успех. В тылах знаний остаются бреши, которые надо заполнять.

— Заполнять их — это задача только патологоанатомов? — опять задала вопрос Элизабет.

— Это задача любой отрасли медицины, но в патологической анатомии для этого иногда больше возможностей. — Коулмен задумался, потом продолжил: — Есть и еще одно. Медицинские исследования в их совокупности напоминают постройку стены. Кто-то закладывает в нее

первый камень знания, кто-то — второй, и она постепенно растет. Наконец кто-нибудь укладывает последний, завершающий камень — и стена готова. — Он улыбнулся: — Немногим дано совершить в медицине впечатляющий подвиг, не всякий может стать Флемингом^[4] или Солком^[5]. Самое большее, что обычно доступно патологоанатому, — внести скромный вклад в медицинское знание — в своей области и в свое время. Но он должен это сделать.

Джон Александер слушал Коулмена не менее заинтересованно, чем Элизабет.

— Вы будете заниматься в клинике наукой? — с искренним любопытством спросил он.

— Надеюсь, что да.

— И чем?

Коулмен заколебался. Прежде он никогда ни с кем об этом не говорил. Хотя сегодня он и без того сказал очень много; какая разница, если скажет еще что-то.

— Меня интересуют липомы, доброкачественные опухоли жировой ткани. Мы о них очень мало знаем, — оживился Коулмен. Заговорив о своем любимом предмете, он отбросил привычную холодность и сдержанность. — Бывают случаи, когда люди умирают голодной смертью, но при этом в их организме прекрасно живут опухоли. Я надеюсь... — Посмотрев на Элизабет, он внезапно замолчал и спросил: — Миссис Александер, что с вами?

Элизабет, с трудом хватая ртом воздух, судорожно прижала ладони к лицу. Потом она опустила руки и тряхнула головой, словно стремясь избавиться от какого-то наваждения.

— Элизабет, что случилось? — Александер вскочил со стула и кинулся к жене.

— Все... все хорошо. — Элизабет жестом отправила мужа на место. Она закрыла, потом снова открыла глаза. — Мне просто на какой-то миг стало больно. Сначала появилась боль, потом — головокружение. Но сейчас все прошло.

Она сделала глоток воды. Да, теперь и в самом деле все прошло. Да, боль была сильной, она вонзилась в тело тысячами раскаленных игл туда, где шевелился в ее чреве ребенок, а потом в голове возникла странная легкость и зал столовой закружился вокруг Элизабет.

— Это случалось с вами раньше? — спросил Коулмен.

Элизабет отрицательно покачала головой:

— Нет.

— Ты уверена, дорогая? — встревоженно спросил Джон.

Элизабет взяла мужа за руку:

— Перестань волноваться. Для родов слишком рано.

— Все равно, — посерьезнев, сказал Коулмен. — Я предлагаю вам позвонить доктору и рассказать ему, что произошло. Может быть, он захочет вас осмотреть.

— Я позвоню. — Она бросила на Коулмена теплый взгляд. — Обещаю.

В тот момент Элизабет действительно решила позвонить врачу. Но потом, выйдя из клиники, ей показалось глупостью беспокоить доктора Дорнбергера из-за единичного приступа боли, которая пришла и ушла очень быстро. Если это повторится, она, конечно, позвонит, но не сейчас. Элизабет решила подождать.

Глава 15

— Вы что-нибудь узнали?

Сидевшая в кресле-каталке Вивьен умоляюще посмотрела на вошедшую в палату Люси Грейнджер. Прошло четыре дня после биопсии и три дня после того, как Пирсон отправил стекла в Нью-Йорк и Бостон.

Люси покачала головой.

— Я скажу тебе, Вивьен, сразу, как только узнаю.

— Когда, когда же вы будете знать это точно?

— Может быть, уже сегодня, — буднично ответила Люси. Ей не хотелось показывать Вивьен, что и она встревожена долгим ожиданием. Вчера вечером она разговаривала с Джо Пирсоном; он сказал, что если к полудню не получит ответов по телеграфу, то сам позвонит консультантам и поторопит их. Ожидание было тягостным для всех, в том числе и для родителей Вивьен — они вчера прилетели в Берлингтон из Орегоны.

Люси сняла повязку с колена девушки. Заживление раны шло нормально. Снова перевязав ее, Люси сказала:

— Я понимаю, что тебе трудно ждать, но ты постарайся думать о чем-нибудь другом.

Девушка грустно улыбнулась:

— Это нелегко.

Люси, уже стоявшая в дверях, сказала:

— Тебе поможет один гость. Сегодня у тебя ранний посетитель. — Она открыла дверь и сделала приглашающий жест рукой.

В проеме возникла фигура Майка Седдонса в белой хирургической форме.

— Я вырвался на целых десять минут. Они твои. — Он подошел к Вивьен и поцеловал ее. Она зажмурила глаза и тесно прижалась к Майку. Он нежно провел ладонью по волосам Вивьен и ласково прошептал ей на ухо: — Наверное, это очень тяжело — просто сидеть и ждать?

— О, Майк, если бы я только знала, что меня ждет! Думаю, я бы так не переживала. Это так мучительно — неизвестность.

Он отстранился и посмотрел ей в глаза.

— Вивьен, дорогая моя Вивьен, как бы мне хотелось хоть что-то для тебя сделать!

— Ты и так много для меня сделал. — Вивьен уже улыбалась. — Хотя бы тем, что ты есть и что ты здесь. Я не знаю, что бы делала без... — Она

замолчала, потому что Майк протянул руку и прижал палец к ее губам.

— Не говори так! Я должен был появиться, так было predetermined космическими силами. — Он широко улыбнулся. Он один знал, какая гнетущая пустота прячется за этой его улыбкой. Как и Люси Грейнджер, он прекрасно понимал, почему так долго нет ответа из отделения патологической анатомии.

На этот раз Майку удалось по-настоящему рассмешить Вивьен.

— Ерунда! Если бы я тогда не пришла на вскрытие и если бы тебе на глаза попалась другая студентка...

— Ох, ох! — тряхнул он головой. — Это тебе так кажется. А на самом деле с тех пор, как наши далекие предки, почесывая подмышки, спрыгнули с деревьев, наши с тобой гены стремились друг к другу сквозь пыльные пески времени, жизни и судьбы. — Он говорил первое, что приходило ему в голову, и только для того, чтобы что-то говорить, но это действовало!

— Майк, какую великолепную чушь ты несешь! Как я тебя люблю!

— Очень хорошо тебя понимаю. — Он слегка коснулся губами ее губ. — Думаю, что твоей маме я тоже понравился.

Вивьен слегка отстранилась.

— Вот видишь, как много ты для меня делаешь! Мне сразу надо было тебя спросить. После того как вы вчера ушли, все было нормально?

— А как же иначе? Я поехал с ними в отель. Мы сели за стол и немного поговорили. Мама была немногословна, но папа очень внимательно ко мне присматривался и, наверное, думал: «Что это за тип собрался жениться на моей прекрасной дочери?»

— Я сегодня расскажу ему, что ты за тип, — пригрозила Вивьен.

— И что ты скажешь?

— Ну, не знаю. — Она протянула руки, взяла Майка за уши и принялась разглядывать, поворачивая его голову то вправо, то влево. — Возможно, я скажу: «У него самые прекрасные в мире нечесанные рыжие волосы, очень приятные и мягкие на ощупь». — Она зарылась пальцами в его буйную шевелюру.

— Да, это здорово мне поможет. Какая свадьба без рыжих волос! Что еще?

— Я скажу: «Конечно, он далеко не красавец, но у него золотое сердце и он станет блестящим хирургом».

Седдонс притворно нахмурился:

— Нельзя ли добавить: «уникальным и блистательным»?

— Я скажу, если...

— Если что?

— Если ты меня поцелуешь.

Люси остановилась у двери главного хирурга клиники, легонько постучалась и вошла.

Оторвавшись от сводок, Кент О’Доннелл поднял голову и сказал:

— Сядь, дай отдохнуть своим старым изношенным костям.

— Теперь, когда ты это сказал, я почувствовала, что они и правда изношены. — Она упала в глубокое кожаное кресло напротив стола О’Доннелла.

— Сегодня утром ко мне приходил мистер Лоубартон, — сказал он Люси.

О’Доннелл вышел из-за стола, сел рядом с Люси в другое кресло и достал из кармана золотой портсигар.

— Сигарету?

— Спасибо. — Люси взяла сигарету, прикурила от зажигалки, которой щелкнул О’Доннелл, и глубоко затянулась успокаивающим дымом. — Родители Вивьен приехали вчера вечером. Естественно, они растеряны. Кроме того, они меня не знают. Наверное, поэтому мистер Лоубартон решил поговорить с тобой.

— Все хорошо, — заверил ее О’Доннелл. — Я сказал ему, что его дочь попала к самому лучшему врачу клиники, к врачу, в котором я уверен на все сто процентов. Должен сказать, что это его ободрило и немного успокоило.

— Спасибо. — Люси была очень благодарна О’Доннеллу за эти слова. Главный хирург улыбнулся:

— Не надо меня благодарить, это честный и беспристрастный отзыв. — Помолчав, он спросил: — Что с девочкой, Люси?

Люси коротко пересказала О’Доннеллу историю болезни Вивьен, назвала предварительный диагноз и упомянула о биопсии.

О’Доннелл поинтересовался:

— Никаких проблем с патанатомией? Джо Пирсон все сделал вовремя?

Люси сказала о задержке и ее причинах. О’Доннелл задумался, потом произнес:

— Наверное, он поступил разумно. Не думаю, что у нас есть повод для недовольства. Но ты все же поторопи Джо. Это надо решить сегодня.

Люси взглянула на часы.

— Я встречаюсь с Джо после обеда. К этому времени он надеется получить окончательный ответ.

О’Доннелл поморщился:

— Такой же окончательный, как и все в этой жизни. — Он задумался. — Бедное дитя. Сколько ей лет?

— Девятнадцать. — Люси всмотрелась в лицо О’Доннелла. Она уже давно знала: в Кенте очень много достоинств, но он словно бы не знает о них, предпочитая видеть их в других. Именно это сделало такими теплыми и значимыми те слова, которые он сказал ей несколько минут назад. Внезапно, как гром среди ясного неба, Люси поразила открывшаяся ей истина: она так давно любит этого человека, а не признавалась себе в этой любви из страха, что ничего не получится, из страха страдания. На мгновение она испугалась: вдруг лицо выдало ее?

— Мне надо идти, Люси, — извинился О’Доннелл. — У меня еще масса дел.

Сердце Люси отчаянно билось, пока она шла к двери. На пороге О’Доннелл обнял ее за плечи — это был дружеский жест, который мог себе позволить любой давно знакомый коллега, — но у Люси перехватило дыхание.

— Если будут трудности, Люси, дай знать, — сказал О’Доннелл. — Если не возражаешь, то сегодня я навещу твою пациентку.

Собравшись с мыслями, Люси ответила:

— Уверена, она будет рада — так же как и я.

Выйдя из кабинета, Люси прислонилась к стене и закрыла глаза, чтобы привести в порядок мысли и чувства.

Переживания, связанные с ожиданием диагноза Вивьен, изменили Седдонса. Раньше он был веселым и открытым по натуре человеком, душой веселой и шумной компании резидентов, любимцем персонала клиники. Теперь он избегал компаний, настроение его было подавленным, он со страхом ждал приговора патологоанатомов, понимая, чем это может обернуться для Вивьен.

Приехали родители Вивьен. Когда, познакомившись, они все вместе навестили Вивьен в палате, разговор, как и следовало ожидать, не получился: все, даже Вивьен, вели себя напряженно, обменивались формальными дежурными фразами. Седдонсу показалось, что встреча Лоубартонов с будущим зятем не произвела на них никакого впечатления. Видимо, они не могли думать ни о ком и ни о чем, кроме дочери.

Правда, в отеле Генри Лоубартон, чья массивная фигура едва умещалась в вычурном гостиничном кресле, поинтересовался планами Майка на будущее, но сделал он это, по мнению Седдонса, больше из вежливости. Майк, не вдаваясь в подробности, рассказал, что после

окончания резидентуры в клинике Трех Графств намерен работать хирургом в Филадельфии. Лоубартон вежливо кивнула и больше ни о чем не спрашивали.

Против брака родители Вивьен возражать не стали.

— Вивьен всегда знала, чего она хочет, — сказал Генри Лоубартон. — Так было, когда она захотела стать медсестрой. Мы сильно сомневались в правильности выбора, но она приняла окончательное решение. Нам просто нечего было ей возразить.

Майк Седдонс спросил, не считают ли родители Вивьен, что она слишком молода для брака. В ответ Анджела Лоубартон улыбнулась.

— Здесь мы едва ли имеем право возражать, — сказала она. — Видите ли, я вышла замуж в семнадцать лет. Для этого мне пришлось сбежать из дома. — Она улыбнулась мужу: — У нас не было ни копейки, но мы выстояли.

Седдонс тоже улыбнулся:

— В этом мы будем на вас похожи, по крайней мере до того, как я начну работать хирургом.

Это было вчера вечером. Сегодня утром, после визита к Вивьен, Седдонс почему-то испытывал радостное облегчение. Может быть, он слишком долго пребывал в подавленном состоянии и его природная жизнерадостность просто нашла выход. Как бы то ни было, сегодня Майк был уверен, что все кончится хорошо. Настроение это не покинуло его, когда он пришел в отделение, где должен был помочь Роджеру Макнилу вскрыть пожилую женщину, умершую этой ночью в клинике. Он принялся рассказывать Роджеру анекдоты, которых знал великое множество. Именно благодаря анекдотам за Седдонсом прочно укрепилась репутация шутника.

Рассказывая очередной из них, он вдруг приумолк и спросил:

— У тебя не найдется сигареты?

Резидент-патологоанатом кивком указал на свой карман. Руки его в этот момент были заняты сердцем, которое он только что извлек из грудной клетки.

Седдонс подошел к Макнилу, достал из его кармана пачку, вытащил сигарету и закурил. Вернувшись на место, он продолжил:

— Так вот, она и говорит сотруднику похоронного бюро: «Спасибо вам за все. Наверняка это было очень трудно». Но он ответил: «Да что вы, на самом деле у нас не было никаких трудностей, мы просто поменяли им головы».

Макнил громко расхохотался. Анекдот как нельзя более соответствовал мрачной обстановке прозекторской. Он продолжал

смеяться, когда дверь открылась и в прозекторскую вошел Дэвид Коулмен.

— Доктор Седдонс, будьте любезны, затушите сигарету. — Негромкий голос Коулмена отчетливо прозвучал в наступившей тишине.

Майк оглянулся и приветливо сказал:

— Доброе утро, доктор Коулмен. Простите, но я не сразу вас заметил.

— Сигарету, доктор Седдонс, — ледяным тоном повторил Коулмен, сверля Майка своими серо-стальными глазами.

Не вполне понимая, чем вызвано недовольство старшего коллеги, Майк засуетился:

— Да... да. — Он вынул сигарету изо рта и положил ее на край стола для вскрытий.

— Не сюда! — резко произнес Коулмен.

Седдонс пересек прозекторскую и затушил сигарету в пепельнице.

— Доктор Макнил!

— Слушаю, доктор Коулмен, — безмятежно отозвался второй резидент.

— Прикройте, пожалуйста, лицо умершей.

Испытывая внутреннее неудобство и прекрасно понимая, о чем сейчас думает Коулмен, Макнил потянулся за полотенцем. Это было уже использованное полотенце с пятнами запекшейся крови.

Коулмен с прежним спокойствием сказал:

— Возьмите, пожалуйста, чистое полотенце. То же самое сделайте с гениталиями.

Макнил посмотрел на Седдонса, и тот подал ему два чистых полотенца. Одно из них Макнил аккуратно положил налицо, вторым прикрыл гениталии умершей.

Оба резидента стояли и во все глаза смотрели на Коулмена. Оба явно испытывали немалое смущение. Оба понимали, что последует дальше.

— Джентльмены, думаю, мне стоит вам кое о чем напомнить. — Дэвид Коулмен по-прежнему сохранял полное спокойствие. Войдя в прозекторскую, он ни разу не повысил голос. Но за его ледяным хладнокровием были власть и авторитет. Четко и отдельно Коулмен произнес: — Проводя вскрытие, мы делаем это с разрешения семьи умершего. Без такого разрешения не может быть никакого вскрытия. Я полагаю, что это вам ясно.

— Совершенно ясно, — сказал Седдонс. Макнил молча кивнул.

— Очень хорошо. — Коулмен посмотрел сначала на стол для вскрытий, потом на обоих резидентов. — Наша цель — установление верного диагноза и усовершенствование медицинских знаний. Семья

усопшего, в свою очередь, отдает нам его тело, надеясь, что мы будем обращаться с ним бережно, с подобающим уважением и достоинством.

Он сделал паузу. В прозекторской стояла мертвая тишина. Седдонс и Макнил пристыженно молчали.

— Именно так мы и будем обращаться с умершими, джентльмены. — И Коулмен еще раз повторил: — Бережно, с уважением и достоинством. — Помолчав, он продолжил: — Во время всех вскрытий лица и гениталии умерших будут прикрыты. Курить в прозекторской я запрещаю. Что же касается вашего поведения и юмора, то это я оставляю на ваше личное усмотрение.

При этих словах Седдонс покраснел как рак.

Коулмен по очереди посмотрел на каждого из них:

— Благодарю вас, джентльмены. Можете продолжать работу. — Он коротко кивнул и вышел.

Несколько секунд после его ухода Седдонс и Макнил молчали. Потом Седдонс тихо заметил:

— Кажется, нас очень вежливо размазали по стенке.

— И кажется, задело. Ты не находишь? — грустно ответил Макнил.

Как только они смогут это себе позволить, решила Элизабет Александер, она купит пылесос. Старая механическая щетка для ковров, которой она до сих пор пользовалась, собирает пыль только сверху. Она провела взад и вперед щеткой по ковру и критически оценила результат. Не очень хорошо, но пока сойдет. Надо будет вечером поговорить с Джоном. Пылесос не так уж дорог, и дополнительный ежемесячный платеж погоды не сделает. Беда в другом — им нужен не только пылесос, но и многое другое. Просто пылесос надо купить в первую очередь.

В каком-то смысле, подумала Элизабет, Джон прав. Легко говорить о жертвах и согласии обходиться без удобств ради того, чтобы Джон мог учиться на медицинском факультете. Но когда сталкиваешься с реальностью, приходится признать — очень трудно смириться с падением доходов, если уже успел привыкнуть к какому-то определенному образу жизни. Взять, например, зарплату Джона в клинике. Конечно, они не стали богачами, однако жизнь их стала удобной — они теперь могут доставить себе те радости, которые всего несколько месяцев назад были для них недоступны. Смогут ли они теперь от них отказаться? Элизабет подумала, что смогут, но это будет тяжело. Поступление на медицинский факультет будет означать еще четыре года лишений, а ведь потом будут еще и интернатура, и резидентура, если Джон решит стать узким специалистом.

Стоит ли овчинка выделки? Может быть, им лучше наслаждаться тем, что у них есть, довольствоваться достигнутым положением — пусть даже скромным — и жить, просто жить, здесь и сейчас?

Это же здравое рассуждение, разве нет? Но полной уверенности у Элизабет не было. Может быть, все же стоит уговорить Джона поступить учиться? Доктор Коулмен считает, что стоит. Ведь он сказал Джону: «Если вы действительно хотите стать врачом, но не поступите на медицинский факультет, хотя имеете такую возможность, то потом будете жалеть об этом всю жизнь». В тот момент слова эти произвели большое впечатление на Элизабет и, как ей показалось, на Джона тоже. Теперь же замечание доктора Коулмена показалось ей еще более важным. Она нахмурилась. Надо будет обсудить это сегодня вечером. Если она убедится в том, что Джону это действительно надо, то она уговорит его принять нужное решение. Уже не в первый раз у Элизабет сложился в голове собственный план относительно того, что касалось их обоих.

Элизабет отставила в сторону щетку и прошла по квартире, смахивая с мебели пыль. Отбросив на время серьезные мысли, она продолжала убираться, вполголоса напевая. Стояло чудесное утро. Теплое августовское солнце освещало небольшую, но уютную гостиную сквозь новые занавески, которые Элизабет сшила, а вчера повесила на окна. Элизабет остановилась у стола, чтобы поправить букет цветов, стоявший в вазе. Она выдернула из букета два увядших цветка и уже собралась идти в маленькую кухню, когда вдруг ощутила сильную резкую боль. Она наступила внезапно, без предвестников. Внутри словно вспыхнул огонь. Боль была сильнее, чем вчера в кафетерии. Задержав дыхание и прикусив губу, чтобы не закричать, Элизабет опустилась на стул. Боль на мгновение отпустила, а потом возобновилась с новой силой. Приступы боли продолжались со зловещей цикличностью, и до Элизабет наконец дошел их смысл.

— О нет, нет! — невольно крикнула она.

Несмотря на плотную завесу боли, она поняла, что действовать надо быстро. Номер клиники был записан в блокноте, лежавшем у телефона. В промежутках между приступами Элизабет добралась до телефона. Она набрала номер и, когда ей ответили, задыхаясь, вымолвила:

— Доктора Дорнбергера... Это срочно. — В трубке повисла тишина, и Элизабет снова заговорила: — Это... миссис Александер. У меня... начались роды.

Дэвид Коулмен постучал в дверь кабинета доктора Пирсона и вошел.

Старый патологоанатом сидел за столом, рядом с ним стоял Карл Баннистер. На лице старшего лаборанта застыло угрюмое, сосредоточенное выражение. Он поднял глаза, увидел Коулмена и тут же отвел взгляд.

— Вы хотели меня видеть? — Коулмен занимался приготовлением замороженных срезов в хирургическом отделении, когда его вызвали по громкой селекторной связи.

— Да, хотел. — Голос Пирсона прозвучал холодно и отчужденно. — Доктор Коулмен, на вас пожаловался один из сотрудников отделения, Карл Баннистер.

— Вот как? — Коулмен удивленно вскинул брови.

Баннистер продолжал смотреть прямо перед собой.

— Как я понимаю, сегодня между вами произошла небольшая стычка, — сказал Пирсон.

— Я бы не стал это так называть, — пренебрежительно ответил Коулмен.

— А как бы вы это назвали? — Старик не скрывал своей желчности.

— Честно говоря, я не собирался занимать этим пустяком ваше внимание, — спокойно заговорил Коулмен, — но поскольку это сделал мистер Баннистер, то придется рассказать все с самого начала.

— Да, если это не очень вас затруднит.

Пропустив мимо ушей сарказм, Коулмен продолжил:

— Вчера днем я сказал обоим лаборантам, что буду периодически проверять качество их работы. Сегодня рано утром я произвел такую проверку. — Коулмен посмотрел на Баннистера: — Я перехватил один анализ, взятый у некоего больного до того, как пробу доставили в лабораторию. Пробу я разделил на две части и вписал в журнал одну из частей под вымышленным именем, как анализ другого больного. Позже, проверяя результаты, я увидел, что мистер Баннистер выдал по этим пробам абсолютно разные данные, хотя ясно, что они должны быть одинаковыми. — Помолчав, он добавил: — Если хотите, мы можем заглянуть в лабораторный журнал.

Пирсон отрицательно покачал головой. Он встал и на пол-оборота отвернулся от Коулмена. Было заметно, что он напряженно о чем-то думает. Коулмену стало любопытно, что произойдет дальше. Он понимал, что его позиция в данном случае неуязвима. То, что он сделал, было рутинной практикой в лабораториях всех хороших клиник. Добросовестные лаборанты не протестовали против таких проверок, считая их частью повседневной работы. Более того, он предупредил Баннистера и Александра о таких проверках.

Пирсон резко обернулся к Баннистеру:

— Что ты на это скажешь?

— Я не люблю, когда за мной шпионят, — зло ответил он. — Я никогда так не работал и не собираюсь так работать и впредь.

— А я говорю тебе, что ты глупец! — сорвался на крик Пирсон. — Ты просто дурак, раз делаешь такие глупые ошибки, и ты еще больший дурак, потому что явился жаловаться мне после того, как тебя поймали за руку. — Он замолчал, тяжело дыша и плотно сжав губы. Коулмен понимал, что отчасти гнев старика вызван подавленностью, ведь он был вынужден поддержать действия более молодого коллеги, несмотря на всю свою неприязнь к нему. Встав перед Баннистером, Пирсон снова зарычал: — Чего ты ждал? Что я похлопаю тебя по спине и дам медаль?

Баннистер сморщил лицо. Ответа у него не было.

Мрачно посмотрев на старшего лаборанта, Пирсон собрался было сказать что-то еще, но потом передумал. Резко отвернувшись от него, он крикнул:

— Убирайся вон!

Не сказав ни слова, Баннистер с каменным лицом вышел из кабинета и тихо прикрыл за собой дверь.

Теперь Пирсон повернулся к Коулмену и неприязненно посмотрел ему в глаза:

— И какого черта вы хотели этим доказать?

По глазам старика Коулмен видел, что тот кипит гневом. Он понял, что взбучка, которую тот задал Баннистеру, была лишь разведкой боем. Твердо решив не терять спокойствия, Коулмен мягко ответил:

— Что я, по-вашему, хотел доказать, доктор Пирсон?

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду! По какому праву вы учиняете в лаборатории проверки без моего ведома?

— В любой момент, когда мне покажется необходимым, я буду проверять работу лаборантов, — холодно ответил Коулмен.

Пирсон ударил кулаком по столу:

— Это я буду проверять работу лаборантов. И я буду делать это, когда сочту нужным!

— Но проверка сделана по вашему указанию. Я говорил вам вчера, что намереваюсь проверить работу серологической лаборатории, и вы согласились.

— Я этого не помню, — подозрительно посмотрел Пирсон на Коулмена.

— Уверяю вас, этот разговор имел место. Не в моих правилах

заниматься измышлениями. — Дэвид Коулмен чувствовал, что его самого охватывает гнев. С трудом сдерживая презрительный тон, он добавил: — Правда, в тот момент вы думали о чем-то другом.

Кажется, он сумел осадить Пирсона, хотя бы отчасти. Старик проворчал:

— Если вы это утверждаете, то я вам верю. Но вы в последний раз сделали это от своего имени. Ясно?

Коулмен понял, что наступил решительный момент как для него самого, так и для Пирсона, и ледяным тоном осведомился:

— Не будете ли вы так любезны еще раз перечислить мои обязанности в отделении?

— Вы будете делать то, что я вам скажу.

— Боюсь, что меня это не удовлетворит.

— Вот как! Не удовлетворит? — Пирсон стоял перед Коулменом, угрожающе вскинув голову. — Меня, кстати говоря, тоже кое-что не удовлетворяет.

— Что, например? — Коулмен не имел ни малейшего желания уступить. Если старик хочет конфликта, он его получит. Лучше сразу же выяснить отношения и поставить точку над i.

— Например, я слышал, что вы завели новые порядки в прозекторской, — сказал Пирсон.

— Вы сами поручили мне руководство вскрытиями.

— Я поручил вам последить за вскрытиями, а не устанавливать надуманные правила, например не курить. Это относится и ко мне?

— Думаю, что это вы решите сами, доктор Пирсон.

— Думаю, я решу сам, и не только это! — Спокойствие Коулмена бесило Пирсона. — Теперь слушайте меня, и слушайте внимательно. Возможно, вы, мистер, обладаете фантастической квалификацией, но вам еще многому надо учиться, и, кроме того, пока еще я руководитель отделения, а не вы. Более того, я собираюсь быть им долго. Поэтому пришло время решать. Если вам не нравится мой стиль руководства, то вы знаете, что в таких случаях надо делать.

Прежде чем Коулмен успел ответить, раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Пирсон.

С любопытством посмотрев на обоих мужчин, в кабинет вошла девушка-секретарь. Коулмен понял, что голос Пирсона был хорошо слышен в коридоре.

— Извините, доктор Пирсон, на ваше имя только что пришли две телеграммы. — Девушка протянула ему два темно-желтых конверта.

Пирсон взял их.

Когда девушка вышла, Коулмен хотел было ответить, но Пирсон жестом остановил его. Вскрывая первый конверт, он сказал:

— Это ответы насчет девочки, пациентки Люси Грейнджер. — Тон старика разительно переменялся. — Как долго они шли.

Дэвид Коулмен почувствовал острый интерес. Мысленно он согласился с Пирсоном: спор можно отложить, дело важнее.

Когда Пирсон начал вытаскивать первую телеграмму, на его столе зазвонил телефон. Издав раздраженный возглас, патологоанатом взял трубку:

— Слушаю.

— Доктор Пирсон? Говорят из акушерского отделения, — послышалось из трубки. — Вам звонит доктор Дорнбергер. Одну минуту.

Наступила пауза, потом в трубке раздался голос Дорнбергера:

— Джо, что происходит с твоими людьми? — Не дожидаясь ответа, он продолжил: — Жена твоего лаборанта, миссис Александер, рожает. Роды преждевременные, ребенок будет недоношенным. Она едет сюда в машине «скорой помощи», а у меня нет заключения об антителах к резусу. Пришли его мне, и поскорее!

— Сейчас, Чарли. — Бросив трубку на рычаг, Пирсон потянулся к стопке анализов, лежавших на подносе с надписью «На подпись», и взглядом показал Коулмену на телеграфные конверты: — Возьмите их. Посмотрите, что написано.

Пирсон принялся рыться в бланках. Не найдя в спешке нужный анализ, он начал перебирать их заново и наконец нашел то, что искал. Подняв телефонную трубку, отрывисто произнес:

— Пришлите ко мне Баннистера. — Положив трубку, он подписал анализ.

— Вы меня звали? — Тон Баннистера и выражение его лица говорили о том, что он еще не забыл полученный нагоняй.

— Естественно, звал! — Пирсон протянул ему подписанный анализ: — Быстро отнеси это доктору Дорнбергеру. Он в акушерском. Беда с женой Джона Александера — у нее преждевременные роды.

Выражение лица Баннистера стремительно переменялось.

— Парень знает? Он внизу, в...

Пирсон торопливо перебил его:

— Да иди же, наконец!

Баннистер, взяв листок с анализом, поспешно вышел.

Дэвид Коулмен смутно воспринимал то, что происходило в

кабинете, — его ум не схватывал подробностей. Он был поглощен зловещим смыслом полученных телеграмм, которые он, снова и снова перечитывая, держал в руках.

Пирсон наконец повернулся к нему.

— Потеряет девочка ногу или нет? — спросил старик. — Они дали определенный ответ?

«Вот где начинается и заканчивается патологическая анатомия, — думал в это время Коулмен. — В этой пограничной зоне мы убеждаемся в том, как мало мы на самом деле знаем, что за нею мрак, бушующее море непознанного». И он тихо ответил:

— Они оба дали вполне определенные ответы. Доктор Чоллингхэм из Бостона пишет: «Опухоль определенно злокачественная». Доктор Эрнхарт из Нью-Йорка утверждает: «Опухоль определенно доброкачественная. Нет никаких признаков малигнизации».

В кабинете повисла тягостная тишина. Потом Пирсон медленно произнес:

— Это два самых знающих человека в стране. Один голосует «за», другой — «против». — Он посмотрел на Коулмена. Теперь в его голосе не было неприязни — одна лишь ирония. — Ну что ж, мой молодой друг-патологоанатом. Люси Грейнджер сегодня ждет нашего ответа. Она получит ответ, и этот диагноз будет окончательным. — Криво усмехнувшись, он добавил: — Вам нравится роль Господа Бога?

Глава 16

Патрульный полицейский, дежуривший на перекрестке улиц Мейн и Либерти, услышал дальний вой сирены «скорой помощи» и машинально, повинаясь отработанной годами привычке, принялся освобождать перекресток. Когда вой сирены приблизился и стали видны проблесковые маячки, полицейский, раздув щеки, дважды подул в свисток, останавливая движение на обеих улицах. Потом он вышел на середину перекрестка и знаком велел машине «скорой помощи» ехать на красный свет.

Элизабет Александер смутно понимала, что ее везут через забитый автомобилями деловой центр города. Она чувствовала, что едут они очень быстро. Временами, между приступами острой боли, она видела впереди спину водителя, быстро крутившего руль то влево, то вправо. Он старался вписаться в любой просвет на дороге, чтобы не терять ни секунды. Потом снова накатывала боль, и Элизабет вскрикивала, думая только о том, что надо держаться.

— Держите меня за руки! Хватайтесь за что хотите. — Над ней склонился парамедик^[6]. У него была куцая бородка, и Элизабет показалось, что это пришел ее отец, чтобы поддержать и успокоить свою дочь. Но ведь отец давно умер. Разве он не погиб на железнодорожном переезде под колесами поезда? Или это неправда и он остался жив и теперь пришел к ней, в машину «скорой помощи», которая скоро доставит их туда, где им обоим помогут? Потом в голове ее прояснилось, и она поняла, что это не отец, а какой-то незнакомец, на запястьях которого ее ногти оставили красные отметины.

Она осторожно коснулась царапин, прежде чем снова нахлынула боль; это было единственное, чем она могла выразить свою признательность. Но парамедик только покачал головой:

— Не тревожьтесь, держитесь изо всех сил. Мы скоро приедем. Наш старина Джо — лучший водитель в городе.

Потом последовал новый приступ боли, тяжелее первых. Элизабет показалось, что у нее ломаются кости, перед глазами заплесало пламя, ослепляя ее своими красными, желтыми, пурпурными языками. Ее ногти еще глубже вонзились в руки парамедика.

— Чувствуешь, что ребенок идет? — спросил он, наклонившись к Элизабет.

Она нашла в себе силы судорожно выдохнуть:

— Да. Кажется, да.

— Понятно. — Он мягко высвободил руки. — Подержись пока вот за это. — Он протянул Элизабет скрученное жгутом полотенце, снял с нее одеяло и принялся расстегивать на ней одежду. Работая, он тихо приговаривал: — Мы все сделаем как надо, если начнется. Не впервой. Мне приходилось принимать роды в машине. Я ведь уже дед, знаю, как это бывает.

Последние его слова потонули в крике Элизабет. Боль возникла в пояснице, затопила все тело, лишила разума — это была нарастающая, неизбежная мука, страшная и беспощадная.

— Пожалуйста! — Она снова вцепилась в запястья парамедика, и он не стал возражать. Обернувшись, парамедик крикнул водителю:

— Как наши дела, Джо?

— Только что проехали еще один перекресток. — Большие руки водителя вывернули руль вправо. — Там тоже был коп, сэкономил нам добрую минуту. — Водитель на мгновение обернулся: — Ты еще не крестный отец?

— Пока нет, Джо, но, кажется, скоро буду.

Снова движение руля и резкий поворот вправо.

— Мы уже подъезжаем, старик. Удержи дитя еще минуту.

В мозгу Элизабет застряла одна мысль: «Мой ребенок! Он рождается слишком рано! Он умрет! О Боже, не дай ему умереть! Не теперь! За что второй раз?!»

Доктор Дорнбергер вымыл руки и надел операционный халат. Выйдя в холл, отделявший предродовую от родового зала, он осмотрелся. Увидев его через стеклянную стену своего кабинета, к нему вышла старшая сестра отделения миссис Йео и показала доктору картонный планшет, к которому был приколот лист бумаги:

— Это результат анализа на антитела вашей больной, доктор Дорнбергер. Его только что принесли из отделения патологической анатомии. — Сестра держала планшет так, чтобы врач мог читать, не касаясь его руками.

— Как вы вовремя! — раздраженно прорычал Дорнбергер, что было для него нехарактерно. Глядя на листок, пришпиленный к картону, он уже более мирно сказал: — Результат отрицательный. Хотя с этим проблем не будет. Все остальное готово?

— Да, доктор. — Миссис Йео улыбнулась. Она была терпеливой женщиной и понимала, что каждый мужчина, включая ее мужа, имеет

право иногда поворчать.

— Где кувез?

— Уже здесь.

Дорнбергер оглянулся. Медсестра открыла дверь, санитарка ввезла в холл кувез и вопросительно взглянула на миссис Йео.

— Во второй бокс.

Санитарка кивнула и повезла кувез во второй бокс.

Тут же в холл заглянула девушка-секретарь, вышедшая из сестринской.

— Простите, миссис Йео.

— Что случилось?

— Только что позвонили. — Девушка обратилась к Дорнбергеру: — Привезли вашу больную, доктор. Ее поднимают к вам. Говорят, что роды уже начались.

Впереди каталки, на которую переложили Элизабет в приемном отделении клиники, шел молоденький интерн. Он шел твердым, неторопливым шагом, расчищая путь в запруженном народом коридоре первого этажа.

— «Скорая»... пропустите «скорую»...

Слова эти произносились спокойно, машинально, но оказывали магическое действие. Люди расступались, прижимались к стенам, чтобы пропустить маленькую процессию — интерна, пациентку на каталке и сестру, которая ее толкала. В конце коридора лифтер, увидев их, начал освобождать лифт.

— Дождитесь следующего раза. Везут скоропомощную больную.

Люди безропотно вышли. Сестра вкатила каталку в кабину. Механизм клиники работал безотказно и без напряжения.

Это спокойствие передалось и Элизабет. Несмотря на то что боль не отпускала ее и матка продолжала ритмично сокращаться, Элизабет теперь лучше переносила схватки. Прикусив нижнюю губу и судорожно вцепившись в край прикрывавшей ее простыни, она могла сдерживать крик. Правда, Элизабет поняла: это заключительный период родов. Она стала непроизвольно тужиться и почувствовала, что ребенок начинает выходить.

Двери лифта закрылись, сестра наклонилась вперед и взяла Элизабет за руку:

— Потерпите еще минуту.

Двери лифта открылись, и Элизабет увидела ожидавшего ее доктора Дорнбергера в операционном халате.

Словно надеясь, что он что-то не так понял, доктор Пирсон стал сам читать телеграммы. Прочитав, одну за другой положил их на стол.

— Доброкачественная! Злокачественная! И в обеих ни тени сомнения. Мы остались с тем, с чего начали.

— Не совсем, — возразил доктор Коулмен. — Мы потеряли почти три дня.

— Знаю, знаю! — Джо Пирсон ударил массивным кулаком свою ладонь. Вся его фигура источала неуверенность. — Если это злокачественная опухоль, ногу надо ампутировать немедленно, иначе мы опоздаем. — Он обернулся к Коулмену и посмотрел ему в глаза. — Но девочке девятнадцать лет. Если бы ей было пятьдесят, я написал бы «опухоль злокачественная» не моргнув глазом. Но девятнадцать! Лишиться ноги, хотя, быть может, в этом нет никакой необходимости.

Невзирая на свою неприязнь к Пирсону, невзирая на собственную убежденность в том, что опухоль доброкачественная, Коулмен почувствовал растущую симпатию к Пирсону. В данном случае на старике лежал груз тяжкой ответственности. Понятно, почему он так встревожен. Прийти к окончательному решению было чрезвычайно трудно.

— Такое решение требует большого мужества, — осторожно сказал Коулмен.

Пирсон вспыхнул, словно Коулмен поднес к нему горящую спичку:

— Не надо кормить меня школьными штампами! Я занимаюсь этим уже тридцать лет! — Сверкая глазами, он посмотрел на Коулмена с прежней неприязнью.

На столе зазвонил телефон.

— Да, слушаю. — Первые слова Пирсон произнес резким тоном, но затем черты его лица смягчились. — Хорошо, Люси. Думаю, тебе надо зайти ко мне. Я жду в кабинете. — Положив трубку, он встал и устался в середину стола. Потом, не поднимая головы, сказал: — Люси Грейнджер идет сюда. Если хотите, можете остаться.

Как будто не слыша обращенных к нему слов, Коулмен задумчиво произнес:

— Знаете, есть еще один способ, который, вероятно, поможет нам принять верное решение.

— Какой способ? — Пирсон резко поднял голову.

— Я имею в виду рентгеновские снимки. — Коулмен говорил медленно, вслед своим мыслям. — Они были сделаны две недели назад. Если это злокачественная опухоль, то она за это время, наверное, увеличилась и рентген это покажет.

Не говоря ни слова, Пирсон снял трубку и набрал номер.

— Соедините меня с доктором Беллом из рентгеновского отделения. — Ожидая ответа, старик странно посмотрел на Коулмена. Потом, прикрыв микрофон трубки, он ворчливо, но с видимым восхищением сказал: — Могу сказать вам одно: вы все время думаете.

Джон Александер затушил очередную сигарету в пепельнице, установленной в помещении, которое остряки клиники окрестили парилкой для будущих отцов. Александер встал с кожаного кресла, в котором просидел уже полтора часа, напряженно глядя на каждого, кто входил в помещение из коридора. Однако каждый раз новости предназначались другим, и теперь, спустя девяносто минут, из пяти мужчин в комнате осталось только двое.

Подойдя к большому окну, выходившему на двор клиники, Джон принялся смотреть на здания промышленного центра Берлингтона. Он вдруг увидел, что улицы и крыши блестят от влаги. За то время, что он сидит здесь, на улице прошел дождь, а он этого даже не заметил. Район, окружающий клинику, выглядел в такую погоду отвратительно — запущенно, грязно и печально. По обоим берегам реки тянулись к фабричным и заводским корпусам с их дымящими трубами ряды некрасивых домов и хозяйственных построек. На улице, куда выходил фасад клиники, Джон заметил стайку выбежавших из переулка детей, ловко огибающих лужи, оставленные дождем на разбитом тротуаре. Один из мальчишек резко остановился и подставил ножку девочке четырех или пяти лет. Разбрызгивая грязную воду, она с разбега упала в большую лужу. Девочка, плача, встала и принялась вытирать с лица грязь и выжимать промокшую одежду. Остальные дети остановились, окружили девочку и, приплясывая, начали кричать ей что-то обидное.

— Детки! — раздался рядом недовольный голос.

Джон только теперь заметил, что второй мужчина тоже встал и подошел к окну. Это был высокий, худой, как карандаш, человек, одетый в грязную вельветовую куртку, из-под которой выглядывал засаленный комбинезон. От него пахло машинным маслом и пивом. Впалые щеки придавали лицу мужчины изможденный вид. К тому же ему стоило бы побриться. Он был лет на двадцать старше Джона.

— Детки! Все они одинаковые! — Мужчина отвернулся от окна и, достав из карманов курительную бумагу и кисет, начал сворачивать самокрутку. Пристально взглянув на Джона, он спросил: — Это твой первый?

— Нет, второй. Наш первый ребенок умер.

— Мы тоже потеряли одного — между четвертым и пятым. — Мужчина снова стал рыться в карманах. — Огонька не найдется?

Джон достал зажигалку и протянул ее собеседнику.

— Так, значит, это ваш шестой ребенок?

— Нет, восьмой. — Тощий человек прикурив самкрутку. — Иногда мне кажется, что это перебор. — Он резко спросил: — А вы хотите вашего?

— Вы имеете в виду ребенка?

— Нуда.

— Конечно, — удивленно ответил Джон.

— А мы после первого больше не хотели. Я считаю, что и одного-то много.

— Почему же у вас их восемь? — непроизвольно спросил Александер. Высокий худой человек оказывал на него какое-то гипнотическое воздействие.

— Это лучше спросить у моей жены — у нее уголь в трусах. Дай ей пару пива, потискай во время танца — и она тут же хочет, прямо на месте. Нет бы потерпеть до дома. — Мужчина выдохнул клуб дыма и вздохнул: — Сдается мне, что все наши дети зачаты в самых странных и неподходящих местах. Однажды мы были в универмаге и занялись этим в кладовке — среди швабр и тряпок. После этого родился наш четвертый. В универмаге, между прочим, мы ничего так и не купили.

Джон едва не расхохотался, но потом вспомнил, зачем он здесь, и сразу погрузился.

— Надеюсь, у вас все будет в порядке, — сказал он вслух.

— У нас с этим всегда все в порядке, — мрачно заметил мужчина, — в этом-то и беда. — Он вернулся на свое место и развернул газету.

Оставшись один, Джон опять стал смотреть в окно. Прошел уже час и сорок пять минут, как он здесь. Наверное, ждать осталось уже не долго. Жаль, что он не увиделся с Элизабет до того, как ее увезли в родовой зал, но все случилось так быстро. Когда Баннистер сказал ему про Элизабет, он был на кухне по поручению доктора Пирсона — брал смывы с тарелок после посудомоечных машин, чтобы проверить, соответствуют ли эти машины гигиеническим стандартам. Он сразу же побежал в приемное отделение, но жену уже увезли в акушерское. Джон пришел сюда и стал ждать.

Дверь открылась, и на пороге появился доктор Дорнбергер. По его лицу Джон попытался понять, хорошие или плохие новости его ждут. Но лицо врача было совершенно бесстрастным.

— Это вы Джон Александер? — спросил Дорнбергер.

— Да, сэр. — Он видел этого гинеколога несколько раз, но говорил с ним впервые.

— С вашей женой все в порядке, — сказал врач, не тратя время на предисловие.

Джон мгновенно испытал чувство невероятного облегчения.

— А с ребенком? — спросил он.

— У вас родился мальчик, — спокойно ответил доктор Дорнбергер. — Вы сами знаете — он родился раньше срока, и я должен сказать — он очень слаб.

— Он будет жить? — Только задав этот вопрос, Джон понял, сколь много зависит от ответа.

Дорнбергер достал из кармана трубку и принялся ее набивать. Покончив с этим, он неторопливо произнес:

— Скажем, что шансы хуже, чем если бы он родился в срок.

Джон подавленно кивнул.

Дорнбергер не спеша убрал кисет и тем же ровным тоном, но с сочувствием объяснил:

— Ребенок родился на тридцать второй неделе — на восемь недель раньше положенного срока. Он не готов к самостоятельной жизни. Никто не готов, если рождается так рано.

— Да, я понимаю. — Джон едва сознавал, что он говорил. Все его мысли были об Элизабет и о ребенке, который так много для них значил.

Доктор Дорнбергер достал спички и раскурил трубку. Затянувшись, он добавил:

— При рождении ребенок весил тысячу шестьсот граммов. Для сравнения скажу, что в наше время ребенок считается недоношенным, если его вес при рождении меньше двух с половиной килограммов.

— Понятно.

— Ребенок, естественно, лежит в кувезе. Конечно же, мы делаем все, что в наших силах.

Джон посмотрел гинекологу в глаза:

— Значит, надежда есть?

— Надежда есть всегда, сынок, — негромко ответил Дорнбергер. — Даже когда у нас нет ничего, надежда остается.

Помолчав, Джон спросил:

— Я могу сейчас увидеться с женой?

— Да, — сказал Дорнбергер. — Я пойду с тобой на пост.

Когда они выходили, Джон оглянулся. Высокий худой человек с

любопытством смотрел ему вслед.

Вивьен не вполне понимала, что происходит. Только что пришла постовая сестра и сказала, что сейчас Вивьен повезут на рентген. С помощью практикантки сестра переложила Вивьен на каталку и повезла по коридорам, по которым Вивьен не так давно ходила сама. Теперь же она ехала по коридорам как во сне; эта поездка прекрасно соответствовала нереальности того, что с ней в последнее время происходило. Она вдруг перестала испытывать страх перед тем, что с ней будет. Предстоящее неизбежно, и ничего уже нельзя изменить. Наверное, подумала она, это депрессия, крушение надежд и иллюзий. Ведь сегодня ей будет вынесен приговор, которого она так боялась. Приговор, который превратит ее в калеку, лишит свободы передвижения, одним махом отнимет у нее многое из того, что до сих пор было естественной частью ее жизни. От последней мысли безразличие прошло, и в душу снова начал вползать страх. Как ей хотелось, чтобы Майк был рядом с ней!

У входа в рентгеновское отделение ждала Люси Грейнджер.

— Мы решили сделать еще один рентгеновский снимок, Вивьен, — сказала она. — Это займет совсем немного времени. — Она повернулась к стоявшему рядом с ней мужчине в белом халате: — Это доктор Белл.

— Привет, Вивьен. — Он улыбнулся ей, глядя сквозь толстые стекла очков в роговой оправе, а потом обратился к сестре: — Будьте добры историю болезни.

Пока врач быстро листал историю, Вивьен повернула голову, чтобы увидеть, куда ее привезли. Они находились в маленькой приемной, в углу которой располагалась стеклянная кабинка сестринского поста. У противоположной стены сидели другие больные — двое мужчин на креслах-каталках, одетые в больничные пижамы, а также женщина и мужчина в уличной одежде. У мужчины рука была в гипсе. Эти двое пришли сюда или из отделения «Скорой помощи», или из поликлиники, подумала Вивьен. Мужчина в гипсе явно нервничал и чувствовал себя не в своей тарелке. Здоровой рукой он судорожно сжимал листок с отпечатанным текстом. Было такое впечатление, что это пропуск, который позволит ему покинуть это страшное место.

Белл закончил читать историю болезни, вернул ее сестре, а потом обратился к Люси:

— Мне звонил Джо Пирсон. Вы хотите сделать повторные снимки колена, чтобы увидеть, не появились ли там новые изменения?

— Да, — кивнула Люси и тихо, чтобы не услышала Вивьен, добавила:

— Это идея Джо: посмотреть, есть ли рост.

— Замечательная идея. — Белл подошел к посту и написал назначение снимка. Потом он спросил у сидевшей на посту девушки: — Кто из рентгенлаборантов у нас свободен?

Девушка заглянула в список:

— Джейн и мистер Фербен.

— Думаю, мы попросим Фербена сделать эти снимки. Найдите его, пожалуйста.

Вернувшись к каталке, Белл объяснил Люси:

— Фербен — один из наших лучших рентгенлаборантов, а нам ведь нужны очень хорошие снимки. — Затем он улыбнулся Вивьен: — Доктор Пирсон попросил меня лично заняться вашим случаем, и я, как видите, это делаю. А теперь прошу в кабинет.

С помощью Белла сестра ввезла каталку в большой кабинет, большую часть которого занимал рентгеновский стол, стоявший под аппаратом, подвешенным к потолку с помощью вращающегося подвижного цилиндра. В примыкающей к кабинету комнатке, отгороженной толстым стеклом, Вивьен рассмотрела панель управления рентгеновским аппаратом. Следом за ними в кабинет стремительно вошел невысокий моложавый человек с короткой стрижкой. Движения его были быстрыми и очень точными, словно он стремился делать все скоро, но с минимальной тратой сил. Взглянув на Вивьен, он обернулся к рентгенологу:

— Слушаю вас, доктор Белл.

— Карл, я хочу, чтобы ты занялся этой больной. Кстати, ты знаком с доктором Грейнджер? — Он повернулся к Люси: — Это Карл Фербен.

— Кажется, мы не знакомы. — Люси протянула руку рентгенлаборанту.

— Здравствуйте, доктор.

— А это наша пациентка, Вивьен Лоубартон, — пояснил доктор Белл и еще раз улыбнулся девушке. — Она практикантка, поэтому мы с ней так носимся, — шутливо добавил он.

— Привет, Вивьен. — Приветствие Фербена было таким же стремительным, как и все его действия. Он перевел стол из вертикального положения в горизонтальное, бодро приговаривая: — Нашим избранным клиентам мы предлагаем на выбор «Виста-Вижн» или «Синема-Скоп». Образцы выдержаны в роскошных черных и серых тонах. — Он взглянул на назначение, которое положил перед ним доктор Белл: — Левое колено? Что-нибудь особенное, доктор?

— Нам нужны качественные снимки в передней, задней, боковой и

косой проекциях и обзорный снимок коленного сустава. — Белл подумал и добавил: — Пять или шесть снимков, и повторить на правом колене.

— Формат четырнадцать на семнадцать, чтобы захватить передние отделы берцовых костей?

Белл кивнул.

— Это хорошая идея, — повернулся он к Люси. — Если это остеомиелит, то мы увидим реакцию надкостницы берцовых костей.

— Отлично, доктор. Все будет готово минут через тридцать. — Это был вежливый намек на то, что Фербену не нужны свидетели, и рентгенолог не стал возражать.

— Мы попьем кофе и вернемся. — Белл улыбнулся в сторону Вивьен: — Вы в хороших руках.

С этими словами он вслед за Люси вышел из кабинета.

— Великолепно, а теперь — за работу.

Рентгенлаборант кивнул медсестре, и они вдвоем переместили Вивьен с каталки на стол. После относительно мягкой каталки эбонитовый стол показался ей жестким и негостеприимным.

— Не очень удобно, да? — Фербен бережно подвинул Вивьен в нужное ему положение и уложил левое колено. Она сморщилась, но Фербен поспешил ее успокоить: — Вы привыкнете. Я сплю на этом столе во время ночных дежурств, когда мало больных. — Он сделал знак медсестре, и она ушла за стеклянную перегородку.

Вивьен внимательно смотрела, как рентгенлаборант привычно готовится к серии снимков. Он быстрым движением достал со стеллажа кассету с пленкой и ловко вставил ее в прорезь под столом. Потом, нажимая кнопку на пульте, свисавшем с потолка на толстом электрическом шнуре, начал перемещать тяжелую рентгеновскую трубку в горизонтальном и вертикальном направлениях до тех пор, пока она не оказалась прямо над коленом. Стрелка указателя высоты расположения трубки остановилась на сорока дюймах.

В противоположность всем другим помещениям клиники, это было каким-то неземным и чуждым. Сверкающие черные и хромированные механизмы казались Вивьен медленно передвигающимися чудовищами, издававшими тихое утробное рычание. Это помещение и механизмы, по представлениям Вивьен, совсем не подходили к медицине. То, что реальная, поистине детективная медицинская работа производится с помощью этих зловещих, тяжеловесных устройств, пугало Вивьен. Что бы они ни нашли, это будет обнаружено без человеческой теплоты и радости, без грусти и сожалений. Хорош для больного результат или плох — им все

равно. На мгновение висевшая над ней трубка показалась Вивьен оком безжалостного, бесстрастного судьи. Каков будет его вердикт? Ждет ли ее надежда, помилование, или это будет суровый приговор без права апелляции? Ей снова захотелось увидеть Майка. Она позвонит ему тотчас, как только ее привезут в палату.

Рентгенлаборант закончил все приготовления.

— Думаю, этого достаточно. — Он еще раз оглядел стол и аппарат. — Я скажу, когда вам надо будет лежать не шевелясь. У нас, между прочим, если говорят: «Вы ничего не почувствуете», то так оно на самом деле и будет.

Он отошел за толстый, в полтора дюйма, стеклянный экран, защищающий персонал от радиации. Краем глаза Вивьен видела, как он возится с какими-то переключателями.

Стоя за панелью управления, Фербен размышлял. Красивая девочка. Интересно, что с ней? Наверное, что-то серьезное, иначе Белл не проявлял бы к ней такого интереса. Обычно шеф не общался с больными, а просто смотрел поданные ему снимки. Фербен еще раз проверил установленные на пульте параметры. Случайностей здесь быть не должно. Параметры в порядке: восемьдесят четыре киловольта, ток двести миллиампер, выдержка пятнадцать сотых секунды. Он включил вращающийся анод трубки, выкрикнул привычную команду «Не двигаться!» и нажал на вторую кнопку. Теперь все, что увидел всевидящий глаз трубки, запечатлено на пленке. Но оценивать ее будут другие люди.

В кабинете заведующего рентгенологическим отделением, затемненном венецианскими жалюзи, ждали снимков доктор Белл и Люси Грейнджер. Через несколько минут они смогут сравнить их со снимками, сделанными две недели назад. Лаборант уже поместил пленку в проявочную машину, которая тихо гудела, как газовая печь. Наконец снимки стали один за другим выпадать из прорези машины.

Белл брал их по одному и укреплял на негатоскопе, подсвечиваемом флюоресцентными лампами. На втором негатоскопе, расположенном над первым, уже висели старые рентгенограммы.

— Как снимки? — В тоне рентгенлаборанта прозвучала нескрываемая гордость.

— Очень хороши, — машинально ответил Белл. Он был всецело поглощен изучением рентгенограмм и сравнением картины со старыми снимками. Ход своих мыслей Белл подкреплял движениями карандаша, кончиком которого он показывал важные места на снимках, чтобы их

видела и Люси.

Они просмотрели все рентгенограммы.

— Ты видишь какую-нибудь разницу? Я — нет, — сказала Люси.

— Здесь есть небольшой периостит. — Рентгенолог ткнул карандашом в две точки на старом и новом снимках. — Но вероятно, это результат биопсии. В остальном никаких изменений не вижу. — Белл снял очки и потер правый глаз. — Прости, Люси, но я вынужден вернуть мяч патологоанатомам. Ты сама скажешь об этом доктору Пирсону? — спросил Белл почти извиняющимся тоном.

— Сама, — ответила Люси. — Я пойду к Джо прямо отсюда.

Глава 17

Постовая медсестра миссис Уилдинг отбросила со лба седую прядь, которая вечно выбивалась из-под накрахмаленной шапочки, и быстро пошла по коридору акушерского отделения, ведя за собой Джона Александера. Когда они подошли к пятой двери, медсестра остановилась, заглянула внутрь и бодро сказала:

— Миссис Александер, к вам посетитель.

С этими словами она подтолкнула Джона в маленькую двухместную палату.

— Джонни, дорогой! — Элизабет протянула к нему руки и вскрикнула, так как движение отдалось болью. Джон торопливо подошел к жене и нежно ее поцеловал. Она задержала его в своих объятиях. Он ощущал тепло ее тела, слышал, как хрустит под его рукой накрахмаленная больничная ночная рубашка. От Элизабет пахло потом и эфиром. Это напомнило Александеру о том, что она пережила нечто такое, что он не мог разделить с ней; как будто он далеко и надолго уезжал, а теперь вернулся и чувствует легкое отчуждение. На мгновение они почувствовали себя неловко, словно после долгой разлуки, когда приходится заново привыкать друг к другу. Элизабет мягко отстранилась:

— Я, наверное, ужасно выгляжу.

— Ты прекрасно выглядишь, — возразил Джон.

— Я не смогла ничего с собой взять, было некогда. — Она опустила глаза и посмотрела на бесформенную клиническую одежду: — Я забыла даже ночную рубашку и губную помаду.

— Я понимаю, — сочувственно произнес он.

— Я составлю список, и ты мне все принесешь.

Сестра Уилдинг между тем задернула занавеску, разделявшую две койки маленькой палаты.

— Вот так. Теперь вы, можно сказать, остались наедине. — Она взяла стакан с тумбочки Элизабет и налила в него воду из кувшина. — Я скоро вернусь, мистер Александер, и отведу вас посмотреть на ребенка.

— Спасибо. — Оба благодарно улыбнулись, и миссис Уилдинг вышла из палаты.

Когда дверь закрылась, Элизабет опять повернула к Джону свое напряженное лицо. В ее глазах без труда читалось сильное волнение.

— Джонни, дорогой, я хочу все знать. Какие шансы у нашего малыша?

— Ну, милая... — замялся он.

Элизабет потянулась вперед и коснулась руки мужа:

— Джонни, я хочу знать правду. Сестры мне ничего не скажут. Я должна услышать все от тебя. — Голос Элизабет предательски дрожал.

Джон чувствовал, что жена вот-вот расплчется, и, тщательно подбирая слова, тихо ответил:

— Может случиться всякое. Я видел доктора Дорнбергера. Он сказал, шансы есть. Ребенок может выжить... — Джон замолчал, не закончив фразы.

Элизабет, глядя в потолок, едва слышным шепотом спросила:

— Значит, надежды мало, да?

Джон мучительно думал, какой эффект произведут слова, которые он собирался произнести. Возможно, если ребенку суждено умереть, то им обоим лучше посмотреть правде в глаза и он не должен поддерживать в Элизабет надежды, которые могут вскоре рухнуть.

— Он очень маленький, — нежно сказал Джон. — Он родился на два месяца раньше срока. Если вдруг какая-нибудь инфекция, даже самая незначительная... Он очень слабенький.

— Спасибо. — Элизабет была совершенно спокойна. Она не смотрела на мужа, но продолжала крепко держать его за руку. По щекам ее текли слезы, и Джон почувствовал, что и его глаза увлажнились.

Стараясь не выдать волнения, он сказал:

— Элизабет, дорогая, что бы ни случилось... мы еще молоды, у нас все впереди.

— Я знаю, — тихо произнесла она, и он снова обнял ее. Элизабет заплакала. Прижавшись к ней, Джон слышал, как она шепчет сквозь рыдания: — Но... двое детей... вот так... — Она подняла голову и в отчаянии воскликнула: — Это нечестно!

По лицу Джона тоже текли слезы. Он прошептал:

— Трудно сказать, что будет... Но у тебя есть я, а у меня — ты. — Он еще минуту держал ее в объятиях, пока она тихо плакала.

Потом Элизабет шевельнулась и пробормотала:

— Дай мне платок.

Он достал из кармана свой носовой платок и подал жене.

— Все, я успокоилась. — Она вытерла глаза. — Это просто... иногда...

— Если тебе это помогает, милая, — нежно сказал Джон, — плачь. Каждый раз, когда тебе захочется.

Она слабо улыбнулась и вернула мужу платок.

— Все у меня получается не так. — Она помолчала и сказала окрепшим голосом: — Знаешь, Джонни, пока я лежала тут, я думала.

— О чем?

— Я хочу, чтобы ты стал врачом.

— Но, милая, сейчас не до этого, — ласково возразил он.

— Нет, — остановила она Джона. Голос ее звучал тихо, но в тоне слышалась непреклонная решимость. — Я всегда хотела, чтобы ты был врачом, и доктор Коулмен тоже говорит, что ты должен им стать.

— Ты представляешь себе, сколько это стоит?

— Да, представляю, но я могу работать.

— С ребенком на руках? — тихо спросил он.

Помолчав, Элизабет произнесла:

— Может, у нас не будет ребенка.

Дверь палаты бесшумно открылась, и вошла сестра Уилдинг. Увидев заплаканную Элизабет, она отвела глаза в сторону и сказала:

— Если хотите, мистер Александер, я сейчас отведу вас к ребенку.

Оставив Джона на сестринском посту, доктор Дорнбергер направился в детское отделение.

Детское отделение находилось в конце длинного светлого коридора, выкрашенного в веселые пастельные тона. Оно располагалось в той части здания, которую перестроили два года назад, сделав помещения более просторными и светлыми. Подойдя к двери, Дорнбергер услышал крики детей. Все кричали по-разному — от грубого басовитого плача до едва слышного фальцета, и Дорнбергер подумал: «Они заняты важным делом». По старой привычке он остановился у толстой стеклянной стены, огораживавшей отделение с трех сторон, и скользнул взглядом по ровным рядам кроваток.

Эти новорожденные — победители. Они выиграли схватку за существование, взяли первый и самый высокий барьер в их жизни. Через несколько дней они выйдут из стен клиники в ожидающий их мир. Там их ждут дом, школа, соперничество, борьба за славу и обладание собственностью. Для них будут конструировать все более мощные и красивые автомобили; самолеты, в которые они сядут, будут летать все быстрее и дальше: каждому их капризу будут потакать разнообразные товары. Некоторые из них столкнутся с неизвестностью — одни неудачно, другие смело, третьи с восторгом. Кто-то вкусит сладость успеха, кто-то — горечь поражения. Кто-то преодолеет ранние невзгоды, кто-то спасует перед жизнью. Но все они, достигнув телесной зрелости, повинуются

древнему инстинкту, начнут совокупляться и со временем производить потомство. Некоторые из его представителей появятся на свет в этих же стенах.

В противоположном конце холла располагалось еще одно, меньшее отделение. В нем тихо лежали в кувезах те, кто стартовал не слишком удачно. Это было отделение недоношенных. Их существование было под большим вопросом, свою первую схватку с жизнью они пока не выиграли. И доктор Дорнбергер направился в первую очередь к ним. Последним он осмотрел самого маленького пациента — этот крошечный фрагмент человечества. С сомнением, поджав губы, он покачал головой и написал назначения.

Когда Дорнбергер уже вышел из отделения, в другую его дверь вошли сестра Уилдинг и Джон Александер.

Как и все, кто входил в отделение недоношенных, они надели стерильные халаты и маски, несмотря на то что от помещения с кувезами, снабженного кондиционерами и увлажнителями воздуха, их отделяла стеклянная стена. Остановившись, миссис Уилдинг легонько постучала по стеклу. Молодая медсестра подняла голову и подошла, с любопытством глядя на них поверх маски.

— Ребенок Александер! — громко и четко сказала сестра Уилдинг, чтобы ее услышали, и жестом указала на Джона. Девушка кивнула и сделала знак, приглашая идти вдоль стеклянной стены. Они прошли мимо нескольких кувезов и остановились. Сестра развернула один из них так, чтобы отец мог увидеть ребенка.

— Боже мой, и это все? — непроизвольно вырвалось у Александера.

— Да, он невелик, — сказала сестра Уилдинг.

Джон недоверчиво уставился в кувез:

— Я никогда в жизни не видел... таких маленьких.

Он продолжал молча смотреть. Неужели это человек — эта крошечная, сморщенная, похожая на обезьянку фигурка?

Ребенок лежал совершенно неподвижно, и только едва заметные ритмичные движения грудной клетки говорили о том, что он дышит. Даже в кувезе, сконструированном для недоношенных детей, это малюсенькое тельце казалось заброшенным и потерянным. Было вообще непонятно, как в нем может теплиться жизнь.

К ним подошла молодая медсестра.

— Сколько весит ребенок? — спросила сестра Уилдинг.

— Тысячу шестьсот граммов. — Медсестра посмотрела на Джона: — Вы понимаете, мистер Александер, что здесь происходит? Понимаете, как

выхаживают вашего ребенка?

В ответ он отрицательно покачал головой. Он был не в силах даже на мгновение оторвать взгляд от этого маленького комочка.

— Некоторые люди хотят знать, — по-деловому сказала молодая сестра.

— Если вам не трудно, — попросил Джон, — расскажите и мне, пожалуйста.

Сестра указала рукой на кувез:

— Внутри поддерживается температура тридцать шесть и шесть десятых градуса. К воздуху добавляется кислород. Его содержание в кувезе около сорока процентов. Кислород облегчает ребенку дыхание. У него очень маленькие легкие. Они пока еще недоразвиты.

— Да, я понимаю. — Он по-прежнему смотрел на ритмично поднимающуюся грудь сына. Пока продолжается это движение, ребенок живет, маленькое сердечко бьется и нить жизни еще не оборвалась.

Сестра между тем продолжала говорить:

— Ваш ребенок очень слаб и не может сосать, поэтому мы кормим его через зонд. Видите эту тонкую трубку? Она показала Джону трубочку, которая спускалась сверху в ротик ребенка. — Зонд введен в желудок. Каждые полтора часа мы вливаем в зонд глюкозу с водой.

Джон поколебался, но потом спросил:

— Вы много видели таких случаев?

— Да. — Медсестра многозначительно кивнула, словно предвидя следующий вопрос. Джон заметил, что она маленькая, хорошенькая, рыжеволосая, судя по выбившемуся из-под шапочки завитку, и удивительно молодая — не больше двадцати. Но выглядела она весьма компетентной и знающей.

— Как вы думаете, он выживет? — Он снова взглянул на ребенка сквозь толстое стекло.

— Трудно сказать заранее, — наморщила лоб сестра. Чувствовалось, что она старается отвечать честно, но так, чтобы не уничтожить надежду и не внушить ее. — Одни дети выживают, другие — нет. Иногда кажется, что у некоторых детей есть воля к жизни. Они борются за нее.

— А этот борется? — спросил Джон.

— Об этом пока рано судить, — уклончиво ответила сестра. Все-таки восемь недель — это много. — Она помолчала, потом добавила: — Это будет тяжелая борьба.

Он опять стал смотреть на крошечную фигурку. Только теперь ему в голову пришла простая мысль: «Это же мой сын, часть моей жизни». Он

ощутил в себе необъятную любовь к этому живому кусочку плоти, к своему младенцу, который в одиночку борется за жизнь в этом теплом стеклянном кубике. У Джона возникло абсурдное желание крикнуть сквозь стекло: «Ты не один, сынок. Я пришел к тебе на помощь. Вот мои руки, они укрепят тебя. Вот мои легкие, я буду дышать ими за тебя. Только не сдавайся, сынок, не сдавайся. У тебя все впереди, мы так много сможем сделать вместе — если только ты будешь жить! Слушай меня и держись! Это я, твой отец, и я люблю тебя!»

Он почувствовал, как сестра Уилдинг взяла его за руку.

— Нам пора уходить, — мягко сказала она.

Джон кивнул. Говорить он был не в силах. Потом он еще раз оглянулся назад и пошел следом за миссис Уилдинг.

Люси Грейнджер постучалась и вошла в кабинет Джо Пирсона. Старик сидел за столом. Дэвид Коулмен, перелистывающий какую-то папку в дальнем углу кабинета, поднял голову.

— Я принесла новые снимки Вивьен Лоубартон, — сказала она.

— И что они показали? — с живым интересом отозвался Пирсон. Он отодвинул бумаги в сторону и встал.

— Практически ничего.

Люси подошла к висевшему на стене негатоскопу. Мужчины последовали за ней. Коулмен щелкнул выключателем, и через пару секунд, мигая, вспыхнули люминесцентные лампы прибора.

Люси и оба патологоанатома принялись рассматривать и сравнивать рентгенограммы. Как и доктор Белл, Люси показала область реактивного воспаления надкостницы после биопсии.

— Других изменений нет, — сказала она.

Пирсон задумчиво почесал пальцами подбородок и посмотрел на Коулмена:

— Кажется, ваша идея не сработала.

— Возможно, — неопределенно ответил Коулмен. «Интересно, — подумал он, — что же станем теперь делать?»

— Но попробовать все же стоило. — У Пирсона была привычка признавать чужие заслуги ворчливым тоном, но в данном случае Коулмену показалось, что старик просто тянет время, преодолевая свою нерешительность.

Теперь Пирсон обернулся к Люси.

— Итак, рентгенологи предпочли выйти из игры, — произнес он с язвительной усмешкой.

— Думаю, что можно выразиться и так, — спокойно ответила Грейнджер.

— Предоставив мне, патологоанатому, сказать последнее слово?

— Да, Джо, — ответила Люси и застыла в ожидании.

Наступившее молчание продлилось добрых десять секунд, прежде чем Пирсон уверенно произнес:

— Мой диагноз: у твоей больной злокачественная опухоль — остеогенная саркома.

Люси посмотрела ему в глаза:

— Ты говоришь это с полной определенностью?

— С полной определенностью. — В тоне патологоанатома не было ни сомнений, ни колебаний. Он продолжил: — Я был уверен в этом с самого начала, а это, — он кивнул в сторону рентгенограмм, — только укрепило мою уверенность.

— Хорошо. — Люси кивком подтвердила свое согласие. Она тут же принялась обдумывать свои следующие действия.

— Когда ты будешь ее оперировать? — буднично спросил Пирсон.

— Думаю, что завтра утром.

Люси собрала рентгенограммы и пошла к двери. Глядя на Коулмена, она сказала:

— Пойду сообщать Вивьен эту новость. — И нахмурилась: — Как это тяжело!

Когда дверь за Люси закрылась, Пирсон повернулся к Коулмену.

— Кто-то должен был принять это решение, — начал он с необычным дружелюбием. — Я не стал спрашивать ваше мнение, потому что не мог допустить разговоров о сомнениях. В этом случае Люси могла бы сказать о них девочке и ее родителям, а они наверняка решили бы повременить с операцией. И их нельзя было бы в этом винить, ибо такова природа человека. — Он помолчал, потом добавил: — Думаю, мне не надо говорить вам, что означает такая задержка при остеогенной саркоме.

Коулмен кивнул. Он не стал оспаривать право Пирсона принимать решения. Как сказал старик, кто-то должен был сделать это и взять на себя единоличную ответственность. Но все равно осталось неясным, нужна в действительности ампутация или нет. Вскрытие ампутированной конечности, конечно, покажет, есть ли злокачественная опухоль, только обнаружение ошибки не принесет больной никакой пользы. Хирургия знает множество способов ампутации конечностей, но пока нет ни одного способа пришить ногу обратно.

Дневной самолет из Берлингтона совершил посадку в аэропорту Ла-Гуардия в начале пятого. О’Доннелл взял такси и поехал в Манхэттен. Откинувшись на спинку сиденья, он впервые за последние несколько дней по-настоящему расслабился. Он всегда старался расслабиться в нью-йоркских такси. Уличное движение в этом городе и манера езды его водителей когда-то неизменно приводили О’Доннелла в состояние нервного напряжения, но потом он решил, что единственный правильный подход к этому — здоровый фатализм. Ты заранее смиряешься с тем, что произойдет катастрофа, а если она не происходит, спокойно поздравляешь себя с невероятной удачей.

Другой причиной желания расслабиться была громадная нагрузка, давившая его всю последнюю неделю как в операционной, так и в администрации. Чтобы выкроить четыре дня на поездку в Нью-Йорк, ему пришлось отдать массу дополнительных распоряжений и выполнить несколько внеплановых операций, а два дня назад провести внеочередное собрание персонала клиники, на котором он, вооружившись полученными от Томазелли сведениями и расчетами, рассказал врачам о размерах пожертвований, которые надо будет внести в фонд строительства и расширения клиники. Как он и ожидал, эти предложения поначалу были встречены недовольным ропотом.

Однако как ни старался О’Доннелл отвлечься от окружающей его нью-йоркской действительности, он все же видел и царившую вокруг суету, и зубчатую линию манхэттенского горизонта, и тусклое зеленое ограждение моста Квинсборо, и остров Велфэр с солидными и мрачными зданиями городских клиник, находившийся среди серого пролива Ист-Ривер. О’Доннелл подумал, что с каждым новым приездом Нью-Йорк кажется ему все более безобразным, а беспорядок и грязь в нем — все более нестерпимыми. Но вот что удивительно. Спустя короткое время все эти вещи становятся привычными и даже приятными. Город притягивал приезжих, с его недостатками мирились, как мирятся с поношенной одеждой доброго старого друга. О’Доннелл усмехнулся и мысленно отругал себя за немедицинское мышление. Из-за такого отношения никто не следит за чистотой воздуха, уборкой и вывозом мусора. Сентиментальность, решил он, всегда на стороне противников прогресса.

Такси съехало с моста и по Шестидесятой улице доехало до Мэдисон-авеню, проскочило квартал и свернуло на Пятьдесят девятую. На Седьмой авеню у Центрального парка они перестроились влево и через четыре квартала остановились возле отеля «Парк Шератон».

О’Доннелл зарегистрировался, поднялся в номер, принял душ и

переоделся. Потом он достал из сумки программу хирургического конгресса — удобного предложения для поездки в Нью-Йорк. Из всей программы его интересовали три доклада — два об операциях на открытом сердце, а третий о протезировании артерий. Первый доклад запланирован на завтра, на одиннадцать утра, так что у него масса свободного времени. О’Доннелл посмотрел на часы, было около семи. До встречи с Дениз оставалось больше часа. Лифтом он спустился на первый этаж и заглянул в «Пирамиду».

Было время коктейлей, и зал наполнялся публикой, собиравшейся на званые ужины и в театры. Люди в большинстве своем были приезжими. Метрдотель провел О’Доннелла к столику, и, пока они шли через зал, Кент заметил, что на него с интересом смотрит сидевшая в одиночестве привлекательная женщина. О’Доннелл был избалован женским вниманием, и в прошлом это имело бы продолжение. Но сегодня О’Доннелл мысленно сказал незнакомке: «Прости, но у меня другие планы на сегодняшний вечер». Он заказал виски с содовой и, когда официант принес выпивку, принялся медленно смаковать напиток, предаваясь праздным мыслям.

Такие моменты были большой редкостью в Берлингтоне. Тем и хороша возможность уехать хотя бы на время; такие отлучки обостряли чувство перспективы, давали возможность осознать, что многие вещи, казавшиеся дома чрезвычайно важными, — сущие пустяки.

Он огляделся. Зал был уже забит, официанты сновали между столами, разнося напитки, которые без усталости смешивали три бармена. Несколько компаний, покончив с коктейлями, вышли из бара. Интересно, подумал О’Доннелл, эти люди — мужчина и девушка, сидевшие за соседним столиком, и четверо приятелей, только что покинувшие заведение, — слышали когда-нибудь о клинике Трех Графств, а если слышали, интересовало ли их то, что там делается? Сам-то он с недавних пор чувствовал, что дела клиники становятся для него воздухом, без которого он не может дышать. Не болезнь ли это? Хорошо ли это для его профессионализма? О’Доннелл никогда не доверял увлеченным и самоотверженным людям — со временем они становятся одержимыми, а это подрывает способность к здравым суждениям. Не становится ли таким одержимым он сам?

Взять пример с Джо Пирсоном. В какой-то момент он, как главный хирург, пришел к твердому убеждению, что клинике нужен второй патологоанатом. Но не слишком ли он был пристрастен к старику, не преувеличивал ли допущенные им организационные недостатки — в каком отделении их нет? — не раздувал ли их значение? Ведь он даже хотел

предложить Пирсону уйти. Не было ли поспешное суждение о старом враче симптомом нарушенной способности к здравому мышлению? После всего этого Юстас Суэйн отчетливо дал понять, что пожертвует на клинику четверть миллиона долларов только в том случае, если Пирсон будет по-прежнему руководить отделением патологической анатомии. Сейчас О’Доннелл чувствовал, что Суэйн поступил более здраво, чем он сам поступал в отношении Пирсона. При любом раскладе старый патологоанатом может еще очень многое сделать для клиники. Нельзя же, в конце концов, сбрасывать со счетов накопленный за несколько десятилетий опыт.

Да, подумал О’Доннелл, умственные способности действительно улучшаются, когда уезжаешь из Берлингтона, даже если для спокойных размышлений не найти лучшего места, чем коктейль-бар.

У столика остановился официант:

— Закажете еще, сэр?

О’Доннелл покачал головой:

— Нет, спасибо.

Расплатившись, оставив чаевые и расписавшись под счетом, О’Доннелл встал.

В половине восьмого он вышел из отеля. Времени было достаточно, и он прошел пешком по Пятдесят пятой улице до Пятой авеню. Там остановил такси и поехал на окраину Нью-Йорка по адресу, который дала ему Дениз.

Водитель остановил машину на Восемьдесят шестой, возле серого каменного дома. О’Доннелл расплатился с шофером и вошел в подъезд.

В холле подъезда с ним уважительно поздоровался одетый в форму консьерж. Он спросил его имя, сверился со списком посетителей и сказал:

— Миссис Кванц оставила записку, в которой просит вас подняться наверх, сэр. — Он жестом указал на лифт.

Лифтер, одетый в такую же форму, что и консьерж, объяснил:

— Это пентхаус, двадцатый этаж. Я сейчас сообщу миссис Кванц, что вы уже в лифте.

Двери лифта бесшумно открылись на двадцатом этаже, и О’Доннелл ступил в устланный толстым ковром обширный холл. На одной из стен, занимая ее почти целиком, висел гобелен с изображением охотничьей сцены. С противоположной стороны открылись двойные двери резного дуба, и из них вышел слуга.

— Добрый вечер, сэр. Миссис Кванц попросила меня провести вас в гостиную. Она сейчас к вам выйдет.

Вслед за слугой О'Доннелл прошел через второй холл и оказался в гостиной, которая была больше, чем все его жилье в Берлингтоне. Гостиная была выдержана в бежевых, коричневых и коралловых тонах. С обеих сторон диванов стояли красно-коричневые столики. Их глубокий, насыщенный темный цвет очень удачно контрастировал со светлыми бежевыми стенами. Гостиная открывалась на выложенную плитам террасу, освещенную последними лучами заходящего солнца.

— Не хотите что-нибудь выпить, сэр? — спросил слуга.

— Нет, спасибо, — ответил О'Доннелл. — Я подожду миссис Кванц.

— Тебе не придется ждать, — послышалось из холла. Это была Дениз. Она шла к О'Доннеллу, протягивая к нему руки. — Кент, дорогой, как я рада тебя видеть!

Мгновение он смотрел на нее, потом медленно произнес:

— Я тоже. — И искренне добавил: — До этого момента я даже не представлял насколько.

Дениз улыбнулась, приподнялась на цыпочки и легонько коснулась губами его щеки. О'Доннелл испытал неудержимое желание обнять ее, но сдержался.

Сейчас она была еще прекраснее, чем во время их предыдущей встречи в Берлингтоне. От лучистой улыбки у него кружилась голова и перехватывало дыхание. На Дениз было короткое, расклешенное внизу, открытое вечернее платье из черного шелка, украшенное иссиня-черными кружевами, оттенявшими белизну гладкой кожи. На поясе была красная роза.

Она отпустила одну его руку, а за вторую повела на террасу. Слуга шел впереди, неся серебряный поднос со стаканами и шейкером. Поставив поднос, он бесшумно вышел.

— Мартини уже смешан. — Дениз вопросительно посмотрела на О'Доннелла: — Или ты хочешь что-нибудь другое?

— Я очень люблю мартини.

Дениз налила напиток в стаканы. Подавая один из них О'Доннеллу, она тепло ему улыбнулась:

— Приветствую вас в Нью-Йорке от лица комитета одного.

О'Доннелл пригубил коктейль. Он был холодным и сухим.

— Передайте мою благодарность комитету, — шутливо сказал он.

На мгновение их взгляды встретились. Потом Дениз взяла гостя за руку и повела к балюстраде, которой заканчивалась терраса.

— Как чувствует себя твой отец? — спросил О'Доннелл.

— Спасибо, хорошо. Он, конечно, твердолобый и упрямый

консерватор, но здоровье у него отменное. Иногда мне кажется, что он переживет всех нас. — Помолчав, она сказала: — Я очень его люблю.

Они дошли до балюстрады и остановились. На город опустились сумерки, теплые мягкие сумерки позднего лета. Нью-Йорк зажигал огни. Внизу двигался неудержимый плотный поток машин, мерцавших фарами. Из ровного гула автомобилей резко выделялся вой автобусных дизелей. Слышались нетерпеливые гудки клаксонов. Впереди угадывался Центральный парк, отчетливо виднелись только дорожки, обозначенные фонарями. За парком улицы Уэст-Сайда стекали к Гудзону. Точечные огоньки судов связывали Нью-Йорк с берегами Нью-Джерси. Дальше, на самой окраине, виднелся мост Джорджа Вашингтона с высокими пролетами, ярко освещенными прожекторами — цепью ярких белых бусинок. По многорядному мосту двигался поток автомобилей, свет их фар сливался в светящиеся полосы, стремившиеся прочь от города. Люди едут домой, подумал О'Доннелл.

— Красивый вид, правда? — тихо сказала Дениз. — За этими огнями могут скрываться самые отвратительные вещи, но все равно восхищаешься красотой. Мне очень нравится вид Нью-Йорка, особенно по вечерам.

— Ты никогда не думала о том, чтобы вернуться? — спросил О'Доннелл. — Я имею в виду Берлингтон.

— Вернуться, чтобы жить?

— Да.

— Никто и никогда не может вернуться, — неторопливо ответила Дениз. — Это одна из немногих вещей, которые я твердо усвоила. Я не имею в виду именно Берлингтон, это касается и всего остального — времени, людей, мест. Ты можешь вернуться в какое-нибудь место, возобновить прерванное знакомство, но оно уже не будет прежним, так как за прошедшее время люди стали чужими. Мы не можем принадлежать прошлому, потому что ни один человек не стоит на месте, он постоянно меняется. — Она помолчала. — Мое место теперь здесь. Не думаю, что я когда-нибудь покину Нью-Йорк. Наверное, звучит очень нереалистично.

— Нисколько, — сказал он. — Ты говоришь очень мудрые вещи.

Она положила руку ему на плечо:

— Давай выпьем еще по коктейлю, а потом можешь угостить меня ужином.

Они отправились в «Мезонетт», небольшой, но очень уютный ночной клуб на Пятой авеню.

Когда они, потанцевав, вернулись за стол, Дениз спросила:

— Ты надолго в Нью-Йорк?

— Через три дня мне надо вернуться в Берлингтон, — ответил он.

Она наклонила голову:

— Отчего так скоро?

— Я же работаю, — улыбнулся О’Доннелл. — Мои пациенты надеются снова меня увидеть, да и в администрации клиники очень много дел.

— Думаю, мне будет тебя не хватать, — сказала Дениз.

Мгновение он раздумывал, потом повернулся к ней всем телом:

— Ты знаешь, что я ни разу не был женат?

— Да. — Она серьезно кивнула.

— Мне сорок два года, — сказал он, — к этому возрасту, если человек живет один, вырабатываются привычки и складывается образ жизни, который ему самому трудно изменить, а другому человеку так же трудно принять. — Он помолчал. — Я пытаюсь объяснить, почему со мной, возможно, будет трудно ужиться.

Дениз положила ладонь на руку О’Доннелла:

— Кент, дорогой, могу я спросить одну вещь? — Она едва заметно улыбнулась. — Это следует понимать как предложение руки и сердца?

О’Доннелл рассмеялся. Его охватило бесшабашное, веселое мальчишество.

— Теперь, когда ты это сказала, думаю, что следует понимать именно так.

Дениз ответила не сразу. Когда она наконец заговорила, О’Доннелл почувствовал, что она пытается выиграть время.

— Я польщена, но не слишком ли ты торопишься? Мы ведь едва знакомы.

— Я люблю тебя, Дениз, — просто сказал он.

Она испытующе посмотрела на него.

— Я тоже смогла бы тебя полюбить, — призналась она, потом добавила, медленно подбирая слова: — Сейчас все мое существо хочет сказать «да» и вцепиться в тебя обеими руками, мой дорогой. Но внутренний голос нашептывает мне: «Будь осторожна». Когда ошибешься хотя бы раз, становишься осмотрительной, чтобы не наступить на те же грабли.

— Да, — сказал он, — я хорошо тебя понимаю.

— Никогда не разделяла популярную идею о том, что можно избавиться от партнера и быстренько забыть о нем, как о выпитой желудочной таблетке. Это одна из причин того, что я до сих пор не оформила развод.

— Это будет трудно?

— На самом деле нет. Я могу развестись в Неваде или в каком-нибудь подобном месте. Но есть еще одно обстоятельство: ты живешь в Берлингтоне, а я — в Нью-Йорке.

— Ты говорила серьезно о невозможности возвращения в Берлингтон? — осторожно спросил он.

Она подумала, прежде чем ответить.

— Да, серьезно. Я никогда не смогу жить там. Не стоит притворяться, Кент. Я слишком хорошо себя знаю.

Официант принес кофе и разлил его по чашкам.

— Мне так хочется побыть с тобой наедине, — признался О'Доннелл.

— Почему бы нам не уйти? — тихо предложила Дениз.

О'Доннелл попросил счет, расплатился и помог Дениз одеться. Швейцар вызвал такси, и О'Доннелл назвал шоферу адрес Дениз.

Когда они уселись на заднем сиденье, Дениз сказала:

— Мой вопрос может показаться тебе эгоистичным, но ты никогда не думал о практике в Нью-Йорке?

— Да. Как раз об этом я сейчас и думаю.

Он продолжал думать об этом, когда они поднимались в лифте на двадцатый этаж. «Почему бы не переехать в Нью-Йорк? — спрашивал он себя. Здесь превосходные клиники, Нью-Йорк — город медиков. Устроиться будет нетрудно. Сравнительно легко будет начать и частную практику. У меня отличный послужной список, в Нью-Йорке есть друзья, которые дадут необходимые рекомендации. Что удерживает меня в Берлингтоне? Неужели я должен прожить там всю жизнь? Не настало ли время поменять обстановку? Незаменимых людей нет, и я не женат на клинике Трех Графств. По некоторым вещам я стану скучать, мне будет не хватать строительства и созидания, людей, с которыми я сработался. Да, я многого достиг в Берлингтоне, никто не посмеет этого отрицать, но Нью-Йорк — это Дениз. Разве она не стоит всего этого?»

На двадцатом этаже Дениз сама открыла дверь квартиры ключом. Слуги в холле не было.

Они одновременно, не сговариваясь, пошли на террасу.

— Кент, не хочешь выпить? — спросила Дениз.

— Может быть, потом? — сказал он и потянулся к ней. Она приникла к нему, и губы их встретились. О'Доннелл обнял ее, ощутив, какое податливое у нее тело. Но вскоре она мягко отстранилась:

— Кент, мне надо о многом подумать. — В ее тоне сквозила озабоченность.

— И что же это за вещи? — недоверчиво спросил он.

— Ты очень многого обо мне не знаешь, — ответила Дениз. — Во-первых, я страшная собственница. Тебе это известно?

— Не сказал бы, что меня это сильно пугает, — ответил он.

— Если мы поженимся, ты будешь нужен мне весь, весь целиком. Я ничего не смогу с собой поделывать. Я не смогу делить тебя ни с кем, даже с клиникой.

Он рассмеялся:

— Думается, что мы сможем найти компромисс. Другие же его находят.

Она повернулась к нему спиной.

— Когда ты так говоришь, я тебе почти верю. — Она помолчала. — Скоро ты снова приедешь в Нью-Йорк?

— Да.

— Как скоро?

— Как только ты меня позовешь, — ответил он.

Она не раздумывая подошла к нему, и они снова поцеловались. Но тут в гостиной раздался звук открывающейся двери и загорелся свет. Дениз отстранилась от О'Доннелла, а еще через мгновение на террасе появилась маленькая фигурка в ночной пижаме.

— Мне показалось, что здесь кто-то разговаривает.

— Я думала, ты уже давно спишь, — сказала Дениз. — Познакомься, это мистер О'Доннелл. — Потом она обратилась к О'Доннеллу: — Это моя дочь Филиппа. — И с чувством добавила: — Половина моих невозможных двойняшек.

Девочка посмотрела на О'Доннелла с нескрываемым любопытством.

— Привет, — сказала она. — Я много слышала о вас.

О'Доннелл вспомнил, как Дениз говорила, что ее детям по семнадцать лет. Девочка не выглядела на свой возраст, она еще не сформировалась, но двигалась с неподражаемой грацией, а осанкой очень напоминала мать.

— Привет, Филиппа. Прости, что мы тебя потревожили.

— Я не спала, читала. — Девочка посмотрела на книгу, которую держала в руке: — Это Геррик. Вы его читали?

— Едва ли, — ответил О'Доннелл. — На медицинском факультете остается мало времени на поэзию, а потом у меня так и не дошли до нее руки.

Филиппа раскрыла книгу:

— Я нашла здесь одно место. Оно написано словно для тебя, мама.

Она начала читать, с чувством выговаривая слова, модулируя

интонации, но при этом без всякого напряжения:

Нет, право, лучше ранних лет:
Жар крови, сердца младость.
С годами меркнет жизни цвет,
И время гасит радость.
Так торопись, пока юна,
В объятия супруга:
Навек пройдет твоя весна,
Придут тоска и вьюга.

— Я уловила твою мысль, — улыбнулась Дениз и повернулась к О'Доннеллу:

— Могу сказать тебе, Кент, что дети все время уговаривают меня снова выйти замуж.

— Мы просто думаем, что так для тебя будет лучше, — вставила Филиппа и закрыла книгу.

— Они говорят, что делают это из сугубо практических соображений, — продолжала Дениз. — На самом деле они оба возмутительно сентиментальны. — Она посмотрела на дочь: — Филиппа, что, если я выйду замуж за доктора О'Доннелла?

— Он сделал тебе предложение? — В Филиппе живо проснулся интерес. Не дожидаясь ответа, она воскликнула: — Конечно же, выходи!

— Это зависит от многих вещей, моя дорогая, — сказала Дениз. — Остается суший пустяк — оформить развод.

— Ах это! Папа очень неразумно относится к этому вопросу. Но зачем вам ждать? — Она посмотрела на О'Доннелла: — Почему бы не начать жить вместе? Тогда все доказательства будут налицо и маме не придется ехать в это ужасное Рено.

— Бывают моменты, когда я начинаю сомневаться в полезности прогрессивного образования. Надеюсь, это все? — Она подошла к Филиппе: — Доброй ночи, дорогая.

— О, мама! — сказала девочка. — Иногда ты бываешь такой допотопной.

— Доброй ночи, дорогая, — твердо повторила Дениз.

Филиппа обратилась к О'Доннеллу:

— Кажется, мне придется уйти.

— Мне было очень приятно познакомиться с тобой, Филиппа, —

сказал он.

Девочка подошла к нему:

— Если вы станете моим отчимом, то я, наверное, могу вас поцеловать.

— Думаю, что в любом случае стоит попробовать.

Он наклонился к Филиппе, она поцеловала его в губы, отступила на шаг и озорно улыбнулась:

— Вы очень интересный человек. — И обратилась к матери: — Мама, не вздумай его упустить.

— Филиппа! — В голосе Дениз зазвенела сталь.

Девочка засмеялась и поцеловала мать. Махнув на прощание рукой, она взяла книгу со стола и вышла.

О'Доннелл, опершись спиной о стену террасы, заразительно хохотал. В этот момент холостяцкая жизнь в Берлингтоне казалась ему пустой и скучной, а перспектива совместной жизни с Дениз в Нью-Йорке становилась привлекательнее с каждой секундой.

Глава 18

Операция началась ровно в восемь тридцать утра. С первого дня работы в клинике Трех Графств Кент О’Доннелл настоял на неукоснительной пунктуальности в операционной, и хирурги подчинились этому требованию.

Операция была несложной, и Люси не ждала никаких неприятных сюрпризов. Она планировала ампутировать конечность высоко, на границе верхней и средней трети бедра. Сначала она думала выполнить экзартикуляцию бедра, сочтя, что это будет лучшей профилактикой возможного распространения опухоли, но потом отказалась от этой мысли. Отделение конечности на уровне сустава создаст невероятные трудности при дальнейшем протезировании. Поэтому Люси пошла на компромисс, решив сделать высокую ампутацию, но сохранить часть бедренной кости.

Люси рассчитала также, как она выкроит лоскуты тканей, чтобы наилучшим образом сформировать культю под протез. Она сделала это вчера вечером, прикинув в уме, где будет делать разрезы, когда пришла в палату к Вивьен якобы для обычного осмотра.

Это происходило уже после того, как Люси сообщила Вивьен страшную новость — это был печальный и напряженный разговор, во время которого девушка сначала сосредоточенно, с сухими глазами слушала хирурга, но потом не выдержала и, рыдая, прильнула к Люси, осознав, что последняя надежда окончательно рухнула. Люси, годами опыта приученная трезво и беспристрастно относиться к подобным вещам, была необычно тронута этим проявлением глубокого горя.

Беседы с родителями, а потом с пришедшим к ней Майком Седдонсом были не столь душераздирающими, но тоже дались Люси с большим трудом. Она давно поняла, что никогда не сможет полностью отделаться от чувства сострадания, и даже призналась себе, что ее внешняя отчужденность — это всего лишь поза, хотя и необходимая. Однако здесь, в операционной, отчужденность не была позой; во время операции, чтобы не навредить, хирург должен отключить все личные чувства и с холодной головой выполнять необходимые манипуляции.

Анестезиолог, стоявший у изголовья операционного стола, разрешил делать разрез. Интерн, ассистировавший Люси, поднял ногу так, чтобы от конечности оттекла венозная кровь. Люси надела на верхнюю часть бедра пневматическую манжету, но пока не стала ее раздувать.

Не дожидаясь команды, операционная сестра протянула Люси ножницы, которыми та срезала бинты, покрывавшие выбритую и обработанную гексахлорофеном конечность. Бинты упали на пол. Операционная санитарка подобрала их и бросила в мусорный бак.

Люси посмотрела на часы. Интерн держал ногу почти вертикально уже пять минут. Кожа конечности заметно побледнела. Интерн сменил руку, и Люси спросила:

— Устал держать?

Интерн улыбнулся под маской:

— Не хотел бы я держать ногу час.

Анестезиолог подошел к пневматической манжете и вопросительно взглянул на Люси.

Она кивнула:

— Начинайте.

Анестезиолог принялся накачивать воздух в манжету, чтобы остановить кровообращение в конечности. Когда он закончил, интерн опустил ногу на операционный стол. Вместе с операционной сестрой ассистент покрыл Вивьен стерильной зеленой простыней. Теперь было видно только операционное поле, на котором предстояло работать хирургам. Люси закончила последние приготовления, наметив зеленкой контуры будущих разрезов.

Сегодня в операционной были и учащиеся — двое студентов-медиков из университета, и Люси жестом попросила их подойти ближе к столу. Операционная сестра подала Люси нож, и та провела его кончиком по линии разреза. Делая это, она одновременно заговорила со студентами:

— Как вы видите, я сначала намечаю царапинами линии, по которым буду выкраивать необходимые лоскуты тканей. То есть я создаю нужные мне ориентиры. — Люси сделала первый разрез, обнажив расположенную непосредственно под кожей фасцию — тонкую оболочку из соединительной ткани. — Очень важно, чтобы передний лоскут был длиннее заднего. Тогда линия шва пройдет ближе к задней поверхности бедра и послеоперационный рубец будет располагаться не на культе. Если мы этого не сделаем, а наложим шов посередине, то больной будет испытывать сильную боль при опоре на культю.

Теперь ткани были вскрыты на довольно большую глубину, и границы лоскутов обозначились кровью, выступившей из разрезов. Лоскуты выглядели как полы рубашки — одна пола длинная, другая — короткая. Потом их края будут аккуратно подогнаны и сшиты.

Взяв скальпель, Люси принялась короткими быстрыми движениями

отделять лоскуты от красной массы подлежащих тканей.

— Крючок!

Операционная сестра подала инструмент, и Люси, захватив свободно лежавший лоскут, оттянула его кверху и зафиксировала. Она жестом предложила интерну держать крючок, а сама принялась рассекать верхние слои четырехглавой мышцы бедра.

— Сейчас мы обнажим артерии. Вот они. Сначала займемся бедренной артерией.

Когда Люси выделила сосуд, студенты подошли ближе, чтобы лучше видеть рану. Люси снова заговорила, поясняя свои действия:

— Мы попытаемся выделить сосуд как можно выше, потом оттянем его книзу и перевяжем. Оттянем мы его для того, чтобы артерия потом сократилась и оказалась выше культи. — Игла, поданная сестрой, стремительно заплясала в руках Люси. Она дважды перевязала артерию, чтобы с гарантией избежать возможного смертельного кровотечения. Затем Люси взяла ножницы и пересекла артерию, питающую нижнюю конечность. Был сделан первый необратимый шаг к ампутации.

То же самое Люси быстро сделала с другими артериями и венами.

Рассекая мышцы, Люси наконец обнажила идущий вниз толстый нервный ствол. Тело Вивьен дернулось, когда затянута в перчатку рука Люси прошла по нерву. Все посмотрели на анестезиолога, но тот ободряюще сказал:

— С больной все в порядке. — С этими словами он коснулся рукой щеки Вивьен. Лицо девушки было бледным, но дышала она глубоко и ровно. Невидящие глаза были широко открыты и наполнены подсознательно пролитыми слезами.

— С нервом мы сделаем то же самое, что делали с артериями и венами. Мы оттянем его книзу, перевяжем и пересечем. Потом он сократится и уйдет вверх. — Люси говорила почти машинально, за словами следовали действия. Сказывалась многолетняя привычка к преподаванию. Она продолжила: — Среди хирургов до сих пор идет оживленная дискуссия относительно того, как обрабатывать концы пересеченных во время ампутации нервов. Цель — предотвратить возникновение болей в культе. — Она ловко перевязала нерв и кивнула интерну, который ножницами срезал свободные концы ниток. — Было предложено несколько методов — алкоголизация, электроприжигание. Мы сегодня воспользуемся самым простым и наиболее широко применяющимся методом.

Люси взглянула на часы. Девять пятнадцать. Прошло сорок пять минут с начала операции. Она посмотрела на анестезиолога:

— Все нормально?

Анестезиолог кивнул:

— Все идет как нельзя лучше, Люси. Она по-настоящему здоровая девочка. Ты, случайно, не перепутала больных? — игриво спросил он.

— Нет, не перепутала.

Люси не любила подобных шуток в операционной, хотя и знала хирургов, которые острили во время операции — от разреза до наложения швов. Возможно, этими остротами хирурги прикрывали свои чувства. Как бы то ни было, она решила сменить тему. Начав рассекать мышцы задней части бедра, она спросила анестезиолога:

— Как твоя семья? — Люси замолчала, устанавливая на место второй крючок, чтобы зафиксировать задний лоскут.

— Все прекрасно. На следующей неделе переезжаем в новый дом.

— Правда? И где он находится? — Она обратилась к интерну: — Немного повыше, пожалуйста. Старайся держать его так, чтобы он мне не мешал.

— В Сомерсет-Хайтсе. Это новый квартал на севере.

Почти все мышцы задней части бедра были пересечены.

— Да, я о нем слышала, — сказала анестезиологу Люси. — Думаю, твоя жена довольна.

Теперь на дне глубокой разверстой красной раны была видна кость.

— Она на седьмом небе, — ответил анестезиолог. — Покупает коврики, занавески и прочие штучки. Есть только одна проблема.

Люси начала руками отделять от бедренной кости мягкие ткани.

— Вы видите, что я освобождаю кость как можно выше по протяжению. Тогда мы сможем отпилить ее высоко и прикрыть мышечной тканью, — объяснила она студентам.

Интерн с трудом удерживал лоскуты двумя крючками. Люси помогла ему, переставив инструменты.

— В следующий раз я захвачу с собой третью руку, — проворчал он.

— Пилу, пожалуйста! — попросила Люси.

Операционная сестра была уже наготове и вложила рукоятку пилы в ее протянутую ладонь.

— Какая же это проблема? — спросила Люси у анестезиолога.

Расположив пилу как можно выше, Люси начала перепиливать кость короткими ровными движениями. Раздался скрежещущий звук зубьев, вгрызающихся в кость.

— За все это приходится платить, — ответил анестезиолог.

Люси пошутила:

— Придется нам планировать больше операций, чтобы занять тебя работой.

Она пропилила кость до половины. Ткань оказалась очень твердой, но это естественно — молодые кости крепкие. Внезапно ее поразила одна мысль: «Здесь, в операционной, происходит трагедия, а мы непринужденно болтаем и даже шутим. Через пару секунд нога будет окончательно отделена от туловища, и молоденькая девушка, почти ребенок, никогда больше не сможет бегать, танцевать, плавать, ездить верхом. Она не сможет радостно отдаваться любимому человеку. Со временем она, конечно, научится делать многое — самостоятельно или с помощью механических приспособлений, но ничто не станет прежним, не будет больше беззаботности, свободы и радости, переполняющих юное тело. В этом суть трагедии: она случилась слишком рано.

Люси остановилась — она почувствовала, что кость почти отпилена. И вдруг раздался тихий хруст, за которым последовал сильный треск. Кость не выдержала тяжести конечности и сломалась, а нога упала на стол. Впервые повысив голос, Люси крикнула:

— Держите ее, скорее!

Но было уже поздно. Интерн попытался перехватить ногу, но не смог, и она, соскользнув с операционного стола, грохнулась на пол.

— Оставь ее на месте! — крикнула Люси интерну, который машинально наклонился за конечностью, забыв о том, что он стерилен. Интерн смущенно выпрямился.

В операционную вошла операционная санитарка, подняла ногу с пола и упаковала ее в марлю и плотную бумагу.

— Подними культю от стола, — сказала Люси интерну, и он, встав с ней рядом, приподнял обрубок ноги.

Операционная сестра подала Люси напильник, и она, ощутив острые отломки, принялась их обтачивать. Обращаясь к студентам, она сказала:

— Нельзя оставлять острых торчащих концов кости — впоследствии они разрастутся и будут причинять пациенту сильную боль. — Потом, не поднимая головы, обратилась к анестезиологу: — Как у нас со временем!

— Прошло семьдесят минут, — ответил он.

Люси вернула напильник операционной сестре.

— Все в порядке, теперь будем ушивать рану.

Завершение операции было уже близко, и Люси с вождением подумала о чашке кофе, которая ждет ее в ординаторской хирургического отделения.

Майк Седдонс в буквальном смысле слова потел все то время, пока шла операция. Вместе с Лоубартонами — родители Вивьен остались в Берлингтоне и собирались провести с дочерью послеоперационный период — он находился в небольшой комнатке, в которой родственники больных ждали, когда к ним выйдет оперировавший хирург. Рано утром, до того как клиника начала просыпаться, Майк встретил чету Лоубартонов у главного входа и провел их в палату Вивьен. Говорить было, собственно, не о чем. К тому же Вивьен была очень сонлива после успокаивающей инъекции и едва ли сознавала, кто к ней пришел. Через несколько минут ее на каталке увезли в операционную.

Здесь, в неудобной, скудно обставленной комнате с неудобными стульями и небрежно лакированными столами, они были втроем. Все молчали. Высокий, массивный Генри Лоубартон стоял у окна и безучастно смотрел на улицу. У него были редкие, седые, со стальным оттенком, волосы, жесткое, морщинистое, обветренное за годы ежедневного пребывания на открытом воздухе лицо. Майк Седдонс уже знал, что сделает отец Вивьен дальше. Сейчас он отойдет от окна и вернется к стулу. Потом, посидев, снова встанет и подойдет к окну. Это продолжалось уже около часа. Седдонс страшно нервничал и желал только одного — чтобы Лоубартон перестал действовать как заведенный. Пусть бы начал быстрее ходить или изменил интервалы между перемещениями.

Напротив, мать Вивьен пребывала в неподвижности. Она выбрала самый неудобный стул с прямой спинкой — видимо, из привычки к самодисциплине — и застыла на нем с неестественно выпрямленной спиной. Анджела Лоубартон сидела, устремив взгляд в бесконечность и сложив руки на коленях. Сегодня она была бледнее, чем обычно, но высокие скулы по-прежнему говорили о врожденном чувстве собственного достоинства и самообладания.

С момента их первой встречи Майк с интересом присматривался к миссис Лоубартон. Она более скуп по сравнению с мужем выражала свои эмоции и опасения относительно Вивьен, но теперь Седдонс понимал, что она испытывает не меньшее горе, чем Генри. Седдонс догадывался: несмотря на внешнюю мужественность мистера Лоубартона, мать Вивьен обладает более сильным характером, и именно она была скалой, на которую все время их брака опирался ее муж.

А как сложатся в будущем его отношения с Вивьен? Кто из них в итоге окажется более решительным и упорным? Он понимал, что в мире не существует двух одинаковых людей, все они разнятся по силе характера, по склонности к лидерству и даже по способности любить. Понимал он также,

что разница полов не имеет к этому никакого отношения — женщины часто превосходят мужчин и умом, и характером, а внешняя мужественность нередко прикрывает внутреннюю слабость.

Неужели и Вивьен сильнее его, превосходит мужеством и характером? Этот вопрос встал вчера, и Седдонс до сих пор не мог найти на него ответ. Он пришел к Вивьен, когда она уже знала об ампутации. Но Вивьен не плакала, она улыбалась!

— Заходи, Майк, дорогой, — сказала она, — и не будь таким мрачным. Доктор Грейнджер заглядывала ко мне, я уже поплакала — теперь со слезами покончено, по крайней мере до утра.

От этих слов любовь к ней вспыхнула с новой силой, он обнял Вивьен и страстно ее поцеловал. Она запустила пальцы в его шевелюру и принялась ерошить мягкие рыжие волосы. Откинув голову, она посмотрела Седдонсу в глаза.

— Майк, у меня на всю жизнь останется только одна нога, — сказала она. — Я уже не буду прежней девочкой, с какой ты познакомился и какой ты знаешь меня теперь. Если ты захочешь от меня уйти, я пойму тебя.

— Не говори так! — с чувством воскликнул он.

— Почему? — спросила она. — Ты боишься об этом говорить?

— Нет! — решительно и громко запротестовал Майк, в глубине души понимая, что лжет. Сам он боялся и одновременно чувствовал, что Вивьен уже не испытывает страха.

Теперь, глядя на мать Вивьен, Седдонс видел в ней отражение дочери; или, скорее, наоборот — Вивьен была отражением матери. В обеих чувствовалась мощная внутренняя сила. Сможет ли он оказаться на той же высоте? Впервые за последнее время им овладело сомнение, вызывавшее страшную неловкость и смущение.

Мистер Лоубартон прервал свое хождение. Он остановился на полпути между окном и стулом.

— Майкл, — сказал он, — уже прошло полтора часа. Долго еще продлится операция?

Мать Вивьен тоже подняла глаза на Майка. Он отрицательно покачал головой:

— Не думаю. Доктор Грейнджер сказала, что сразу выйдет к нам. — Он помолчал, потом добавил: — Скоро мы все узнаем.

Глава 19

Просунув руки в походящие на корабельные иллюминаторы отверстия в стенках кувеза, доктор Дорнбергер тщательно обследовал сына Джона Александра. С момента рождения прошло трое с половиной суток, что само по себе уже обнадеживало. Правда, за это время у младенца появились новые симптомы, которые сильно беспокоили Дорнбергера.

Закончив осмотр, доктор отошел от кувеза и задумался. Он снова и снова перебирал в уме возможные причины ухудшения состояния ребенка, опираясь на годы опыта и сравнивая данный случай с виденными им раньше. Опыт и интуиция подсказывали — прогноз исключительно плох.

— Знаете, — обратился к медсестре Дорнбергер, — до сих пор я считал, что он справится.

Молодая дежурная сестра отделения недоношенных та самая, которую три дня назад видел Джон Александр, — сказала:

— Дыхание было стабильным всего час назад, а потом стало слабее, и я позвонила вам.

Практикантка, стоявшая по другую сторону кувеза, внимательно прислушивалась к разговору, то и дело переводя взгляд с Дорнбергера на медсестру.

— Да, дышит он неважно, — медленно произнес Дорнбергер. Он принялся рассуждать вслух, чтобы ничего не упустить: — Желтуха больше, чем должна быть, появились отеки стоп. Напомните мне анализ крови.

Дежурная сестра заглянула в папку:

— Эритроцитов четыре и девять десятых миллиона, эритробластов — семь на сто лейкоцитов.

Наступило молчание. Две медсестры смотрели на продолжавшего размышлять Дорнбергера. Анемия, пожалуй, слишком велика, подумал он, хотя это может быть и крайним вариантом нормы. И высказал вслух мнение:

— Знаете, если бы не отсутствие антител, я бы сказал, что у ребенка эритробластоз.

Дежурная сестра удивленно вскинула брови.

— Но антител нет, доктор, — возразила она, но быстро осеклась.

— Я знаю, и поэтому эритробластоза не может быть. — Он посмотрел на папку в руках медсестры. — Все равно, дайте мне еще раз посмотреть лабораторное заключение об антителах в крови матери.

Сестра перебрала листки в папке и достала заключение, которое было подписано Пирсоном после стычки с Коулменом. Дорнбергер внимательно прочитал его, вздохнул и сказал:

— Ну что ж, вывод вполне однозначный. В крови матери антител нет.

Он должен быть однозначным, подумал врач, но гнетущее ощущение не уходило. Вдруг заключение неверное? Хотя это невозможно, отделение Пирсона никогда не допустило бы такой ошибки. Все равно после обхода надо будет поговорить с Джо.

Дежурной медсестре Дорнбергер сказал:

— В данный момент мы пока ничего не можем сделать. Позвоните, если будут еще какие-то изменения.

— Хорошо, доктор.

Когда Дорнбергер ушел, практикантка спросила:

— Что такое эритро... — Она споткнулась на трудном слове.

— Эритробластоз — это заболевание крови новорожденного. Оно иногда возникает, когда у матери кровь резус-отрицательная, а у отца — резус-положительная. — Молодая рыжеволосая медсестра говорила медленно, но, как всегда, уверенно. Практикантки любили дежурить с ней. У нее была репутация одной из лучших сестер отделения, хотя она всего лишь год назад с отличием окончила школу сестер. Зная это, практикантка не смогла сдержать любопытства.

— Я думала, что в таких случаях новорожденным меняют кровь.

— Ты имеешь в виду обменное переливание крови? — Да.

— Это делают не всегда, — терпеливо продолжила дежурная сестра. — Это зависит от наличия антител к резус-фактору в крови матери. Если они есть, то обычно ребенок рождается с эритробластозом и ему сразу же после рождения делают обменное переливание крови. Если же антител нет, то переливание не нужно. — Медсестра замолчала, а потом задумчиво добавила: — Но при таких симптомах все это очень странно.

После спора по поводу проверок работы лаборатории Джозеф Пирсон перестал вмешиваться в действия Дэвида Коулмена. Тот не мог понять, что означает это молчание. Либо он достиг своей цели и теперь волен распоряжаться серологической лабораторией, либо старик решил возобновить атаку позднее. Тем не менее Коулмен стал регулярно наведываться в лабораторию и контролировать ее работу. В результате он пришел к выводу о необходимости изменения некоторых методик, и теперь они выполнялись по-новому в течение последних двух дней.

Между Коулменом и Карлом Баннистером, старшим лаборантом,

установились отношения, которые можно было назвать вооруженным перемирием. Напротив, Джон Александер от души радовался вниманию Коулмена к лаборатории и даже предложил несколько усовершенствований, которые врач одобрил.

Александер вернулся в лабораторию на следующий день после того, как его жену доставили в клинику, несмотря на то что Пирсон, как всегда пряча доброту под ворчанием, предложил ему взять краткосрочный отпуск. Коулмен слышал ответ Александера: «Огромное спасибо, доктор, но если я не буду работать, то начну слишком много думать, а это все равно ничему не поможет». Пирсон кивнул и сказал, что Александер волен поступать как пожелает, но в любое время может отлучиться из лаборатории, чтобы навестить жену и ребенка.

Дэвид Коулмен открыл дверь и вошел в лабораторию. Джон Александер, сидя за микроскопом, смотрел на стоявшую лицом к нему женщину в белом халате и с необъятной грудью. Коулмен смутно припомнил, что уже несколько раз видел ее в клинике.

Когда он вошел, Александер говорил женщине:

— Думаю, вам стоит спросить доктора Пирсона или доктора Коулмена. Я подготовлю рапорт, который подам им.

— Какой рапорт? — поинтересовался Коулмен.

Александер и женщина в белом халате одновременно посмотрели в его сторону. Женщина заговорила первая:

— О, доктор! — Она окинула его внимательным взглядом. — Это вы доктор Коулмен?

— Совершенно верно.

— Меня зовут Хильда Строган. — Она протянула Коулмену руку: — Главная диетсестра.

— Здравствуйте. — Пожимая руку миссис Строган, Коулмен как зачарованный смотрел на груди главной диетсестры, которые, колыхаясь и переваливаясь, словно два кита, двигались в такт ее движениям. Отбросив от себя эту чепуху, он спросил: — Какие у вас проблемы, и чем мы можем вам помочь?

По опыту Коулмен знал, что диетологи и патологоанатомы, как правило, сотрудничают в вопросах соблюдения пищевой гигиены.

— В последние несколько недель в клинике участились случаи кишечного гриппа, — сказала диетсестра. — Главным образом среди медперсонала.

Коулмен рассмеялся:

— Назовите мне клинику, где бы эта проблема время от времени не

возникала.

— Я знаю. — Миссис Строган дала понять, что ей не нравится такая несерьезность, и заговорила снова: — Если причина в пище — а именно так чаще всего и бывает, — то я хочу ее выяснить. Тогда мы сможем ее устранить, чтобы такое не происходило впредь.

В женщине чувствовалась серьезность, достойная уважения.

Коулмен вежливо спросил:

— У вас есть какие-то идеи на этот счет?

— У меня есть вполне определенная идея. Все дело, как я подозреваю, в посудомоечных машинах, доктор К.

Коулмена поразила такая форма обращения. Оправившись от изумления, он спросил:

— Почему вы так думаете?

Краем глаза он заметил, что в лабораторию вошел Баннистер. Теперь оба лаборанта с интересом слушали разговор.

— У меня неисправна система подачи горячей воды, — сказала диетсестра.

Манера этой женщины выражаться вызывала улыбку, но Коулмен сумел ее подавить.

— Вы кому-нибудь говорили об этом?

— Конечно, говорила, доктор К. — Очевидно, это был больной для миссис Строган вопрос, и она с чувством продолжала: — Несколько раз я говорила об этом администратору, мистеру Томазелли. Мой последний разговор с ним привел к тому, что мистер Т. попросил доктора Пирсона проверить посудомоечные машины.

— Я понял, — сказал Коулмен и повернулся к Джону Александру: — Вы делали анализы?

— Да, доктор.

— Что вы обнаружили?

— Температура воды недостаточно высока. — Александр вынул из папки несколько листов. — Я взял три пробы в разное время суток. Температура колебалась от сорока трех до пятидесяти пяти градусов.

— Вот видите! — Диетсестра с чувством вскинула руки.

— Да, да, — сказал Коулмен, — температура действительно низковата.

— Это не все, доктор. — Джон Александр отложил папку и взял со стола стекло с препаратом. — Боюсь, что мы обнаружили фекальные газообразующие бактерии. На тарелках, после того как они прошли через посудомоечные машины.

— Дайте посмотреть. — Коулмен взял стекло и подошел к микроскопу.

Настроив окуляры, он сразу увидел характерные червеобразные силуэты бактерий. Коулмен выпрямился.

— Что это? Что это значит? — спросила миссис Строган.

— В препарате обнаружены газообразующие бактерии, — задумчиво сказал Коулмен. — Обычно горячая вода их уничтожает, но, как видим, они невредимыми проходят через ваши посудомоечные машины.

— Это серьезно?

Коулмен задумался, прежде чем ответить.

— И да и нет. Возможно, именно эти бактерии являются причиной кишечного гриппа, как вы его называете, но сами по себе они не слишком опасны. Серьезным это станет только в том случае, если нам удастся выявить в клинике носителей болезни.

— Носителей болезни?

Коулмен объяснил:

— Носителем болезни мы называем человека, в организме которого живут болезнетворные бактерии. Сам человек этого не чувствует. Никаких симптомов у него нет. Это обычный, здоровый человек, но он может заразить других. Такие случаи встречаются чаще, чем мы думаем.

— Да, я поняла, о чем вы говорите, — задумчиво произнесла миссис Строган.

Коулмен обернулся к лаборантам.

— Надеюсь, мы регулярно обследуем работников кухни? — спросил он.

— О да, — важно ответил Баннистер. — Доктор Пирсон очень трепетно к этому относится.

— Мы вовремя делаем обследования?

— Да, — сказал старший лаборант, потом подумал и добавил: — Правда, некоторое время мы их не делали.

— Когда были взяты последние анализы? — спросил Коулмен.

— Минутку, я посмотрю журнал. — Баннистер встал и пошел к стеллажам в противоположном конце лаборатории.

Коулмен мысленно оценивал ситуацию. Если посудомоечные машины неисправны — а судя по всему, так оно и было, — то надо что-то срочно с ними делать; здесь не может быть никаких сомнений. С другой стороны, если работники кухни регулярно сдают анализы, то нет никаких поводов для тревоги. Но и бездействовать тоже нельзя. Он обратился к Джону Александру:

— Как можно скорее подайте рапорт доктору Пирсону.

— Хорошо, доктор.

В это время Баннистер открыл нужный журнал.

— Последний раз мы брали анализы двадцать четвертого февраля, — объявил он.

— В феврале? — изумленно спросил Коулмен.

— Именно так.

— Прошло уже почти полгода! — Он снова повернулся к диетсестре: — У вас большая текучесть кадров на кухне?

— К несчастью, да, — горестно покачала головой миссис Строган. — С февраля мы приняли на работу много новых людей, доктор К.

Коулмен снова обратился к Баннистеру:

— Вы уверены в этой дате?

— Это последняя, — самоуверенно ответил Баннистер. Он получал громадное удовольствие от того, что мог хоть чем-нибудь досадить этому всезнайке. — Посмотрите сами, если хотите.

Пропустив мимо ушей это предложение, Коулмен спросил:

— Что насчет обследования новых работников? Тех, которых взяли на работу после двадцать четвертого февраля?

— Здесь больше ничего нет, — пожал плечами Баннистер. — Мы можем обследовать новых сотрудников только в том случае, если департамент здравоохранения присылает нам пробы для исследования. — В тоне старшего лаборанта было полное безразличие, если не презрение.

Коулмен почувствовал, что в нем закипает гнев. Овладев собой, он обратился к диетсестре:

— Думаю, что вам следует обратить на это дело самое пристальное внимание. — Теперь ему было ясно, что в каком-то месте системы есть серьезный сбой.

Кажется, миссис Строган была того же мнения.

— Я обраду, и не откладывая. Спасибо, доктор К. — Покачивая невероятным бюстом, она вышла из лаборатории.

После ее ухода наступила тишина. Коулмен видел, что Баннистер забеспокоился. Их взгляды встретились, и Коулмен ледяным тоном спросил:

— Вам никогда не приходило в голову поинтересоваться, почему нет назначений на обследование новых работников кухни?

— Ну... — Баннистер заволновался. Вся его самоуверенность мгновенно улетучилась. — Я бы поинтересовался — рано или поздно.

Коулмен неприязненно посмотрел на старшего лаборанта:

— Мне кажется, что слишком поздно, особенно если учесть, что это потребовало бы от вас способности думать. — В дверях он обернулся: — Я

буду у доктора Пирсона.

Кровь схлынула с лица Баннистера. Старший лаборант стоял, как зачарованный глядя на дверь, через которую только что вышел Коулмен. Губы Баннистера дрогнули, и он с горечью произнес:

— Он все знает. Как по книге. Каждую мелочь.

Сейчас Баннистер являл собой воплощение поражения и упадка. Знакомый ему мир — мир, который он считал непоколебимым, — рушился на глазах. Возникал новый порядок, и в этом порядке ему, Баннистеру, уже не было места. Он потерпел поражение, выпал из насиженного гнезда. Он жалкий неудачник, время которого прошло.

Джозеф Пирсон поднял голову, когда в его кабинет вошел доктор Коулмен.

— Джон Александер нашел газообразующие бактерии на чистых тарелках, прошедших через посудомоечные машины, — объявил Коулмен без предисловий.

Пирсон не выказал ни малейшего удивления.

— Все дело в системе подачи горячей воды, — мрачно сказал он.

— Я знаю. — Дэвид Коулмен не сумел удержаться от сарказма: — Кто-нибудь пытался хоть что-нибудь с этим сделать?

Старик насмешливо посмотрел на молодого коллегу, а потом с поразительным спокойствием произнес:

— Вы полагаете, что здесь, в нашей клинике, все без исключения делается из рук вон плохо?

— Если вам это интересно, то да, я так полагаю. — Губы Коулмена плотно сжались. Он подумал, как долго они еще смогут вместе работать в такой обстановке.

Пирсон рывком выдвинул нижний ящик стола и принялся копаться в папках и бумагах. Роясь в ящике, он говорил зло и одновременно печально:

— Вы молоды, зелены и полны высокомерия. Вы пришли сюда одновременно с новой администрацией, когда с деньгами стало свободнее, чем раньше. Поэтому вы думаете, что здесь все плохо, потому что до вас никто не хотел ничего менять. Никто даже не пытался!

Он нашел то, что искал, и швырнул на стол пухлую папку.

— Я этого не говорил, — сказал Коулмен, почему-то стараясь оправдаться.

Пирсон пододвинул ему папку:

— Это переписка относительно системы горячего водоснабжения кухни. Если вы возьмете на себя труд ее прочитать, то увидите, что я

годами требовал установки новой системы. — Пирсон повысил голос и с вызовом сказал: — Так читайте же!

Открыв папку, Коулмен просмотрел верхний лист, потом другой, затем перебрал все бумажки. Он сразу понял, что сильно заблуждался. В записках содержались уничтожающие отзывы Пирсона о санитарно-гигиеническом состоянии кухни, составленные в таких выражениях, на которые сам Коулмен никогда бы не решился. Судя по всему, переписка продолжалась несколько лет.

— Ну? — произнес Пирсон, внимательно глядя на Коулмена.

Коулмен ответил не колеблясь:

— Прошу меня простить. Я просто обязан извиниться перед вами, во всяком случае, по этому поводу.

— Ничего страшного. — Пирсон раздраженно махнул рукой, потом помолчал и продолжил: — Вы хотели сказать мне еще что-то?

— Занявшись посудомоечными машинами, я обнаружил, что бактериологическое обследование сотрудников кухни не проводилось в течение шести месяцев.

— И почему? — Вопрос щелкнул, как выстрел.

— Очевидно, из департамента здравоохранения не поступило ни одной пробы. Сейчас этим занимается главная диетсестра.

— И вы думаете, что мы этим совершенно не интересовались? Никто из отделения патологической анатомии не спрашивал, почему к нам не приходят материалы для анализов?

— Никто не спрашивал.

— Идиот Баннистер! Это действительно серьезно! — Пирсон был по-настоящему озабочен, забыв свою вражду с Коулменом.

— Я счел, что вам необходимо это знать, — добавил Коулмен.

Пирсон уже поднял телефонную трубку и поднес ее к уху.

— Свяжите меня с администратором.

Последовавший разговор был коротким и деловым.

Закончив его, Пирсон положил трубку на рычаг и встал.

— Томазелли идет сюда. Давайте встретим его в лаборатории.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы во второй раз изложить уже известную Коулмену историю администратору Томазелли. Джон Александер записал резюме, а Пирсон посмотрел препараты. Когда он оторвался от микроскопа, в лабораторию вошла главная диетсестра. Администратор повернулся к ней:

— Что вы узнали?

— Невероятно, но это правда. — Миссис Строган недоуменно покачала головой и обратилась к Пирсону: — В начале года департамент здравоохранения взял на работу новую сотрудницу, и никто не сказал ей о бактериологических анализах сотрудников кухни. Именно поэтому никто не присылал нам материалов для анализов.

— Значит, анализы не делались. Сколько времени?

— Приблизительно шесть с половиной месяцев.

Коулмен заметил: Карл Баннистер нарочито держится подальше, делая вид, что поглощен работой, хотя было видно — он внимательно следит за происходящим.

— Что вы предлагаете? — спросил администратор у Пирсона.

— Сначала надо обследовать всех новых сотрудников — чем скорее, тем лучше. — Старик на этот раз говорил отрывисто, коротко и ясно. — После этого надо провести повторное обследование остальных, то есть сделать анализ кала, рентгенографию грудной клетки и выполнить врачебный осмотр. Обследование должно охватить всех работников кухни и всех, кто так или иначе соприкасается с пищевыми продуктами.

— Вы займетесь этим, миссис Строган? — спросил Томазелли. — Свяжитесь с департаментом здравоохранения, они отработают все детали.

— Хорошо, мистер Т. Я сейчас же этим займусь.

Главная диетсестра выплыла из лаборатории.

— Что-нибудь еще? — Томазелли снова обратился к Пирсону.

— Нужна новая система подачи горячей воды в посудомоечные машины. Сами машины надо отремонтировать или заменить новыми. — Пирсон начал заметно горячиться. — Я говорил об этом много лет.

— Знаю, — сказал Томазелли. — Я унаследовал от предшественника архив, и машины стоят у нас в плане. Беда в том, что у нас слишком большие расходы на капитальное строительство. Кстати, сколько это приблизительно может стоить?

— Откуда я знаю? Я же не водопроводчик, — возмущенно огрызнулся Пирсон.

— Я немного разбираюсь в этом, может быть, смогу чем-нибудь помочь.

Все повернули головы на тихий голос, произнесший эти слова. Это был доктор Дорнбергер, державший в руке неизменную трубку. Никто не заметил, как он вошел в лабораторию. Увидев Гарри Томазелли, он спросил:

— Я не помешал?

— Нет, все в порядке, — неприветливо отозвался Пирсон.

Дорнбергер почувствовал пристальный взгляд Джона Александера, повернулся к нему и сказал:

— Я только что смотрел твоего ребенка, сынок. Боюсь, что дела его не так хороши, как хотелось бы.

— Есть ли надежда, доктор? — тихо спросил Александер. Остальные тоже повернулись к нему. Лица присутствующих смягчились. Баннистер отложил пипетку и подошел ближе.

— Думаю, что надежды мало, — медленно выдавил из себя Дорнбергер. Наступила тишина, и гинеколог, словно что-то вспомнив, обернулся к Пирсону: — Я полагаю, Джо, что нет никаких сомнений в правильности заключения об антителах к резус-фактору в крови миссис Александер?

— Сомнений?

— Я хочу сказать, что оно, вероятно, ошибочное.

Пирсон покачал головой:

— Здесь не может быть никаких сомнений, Чарли. Я сам делал этот анализ, и делал очень тщательно. — Он с любопытством добавил: — Почему ты спрашиваешь?

— Просто хочу удостовериться. — Дорнбергер затянулся и выпустил клуб дыма. — Сегодня утром я заподозрил, что у ребенка эритробластоз. Хотя пока это лишь предположение.

— И весьма маловероятное, — энергично возразил Пирсон.

— Я так и подумал, — сказал Дорнбергер.

В наступившей тишине все посмотрели на Александера.

Дэвид Коулмен почувствовал, что ему надо что-то сказать — успокоить молодого человека, переключить его внимание. Почти не задумываясь, он обратился к Дорнбергеру:

— Сомнения относительно результатов такого анализа могли быть раньше, когда применяли только методы с физиологическим раствором и раствором белка. В этих случаях антитела к резус-фактору иногда не обнаруживаются. Сейчас, однако, есть непрямая проба Кумбса, и она абсолютно надежна и достоверна. — Коулмен вдруг осознал, что это нововведение появилось в лаборатории только после его прихода. А он ведь не собирался вредить Пирсону, копать под него. В этот момент он искренне надеялся, что старик просто ничего не заметит. Они и так уже много раз ссорились, и нет нужды умножать вражду.

— Но, доктор Коулмен... — Александер хотел что-то сказать, но замолчал с открытым ртом. В его глазах застыла тревога.

— Да? Что такое? — Коулмен был озадачен — он не сказал ничего

такого, что могло бы возбудить такую тревогу.

— Мы не делали непрямую пробу Кумбса.

Несмотря на все сочувствие к Александру, Коулмен ощутил раздражение. Из-за Пирсона он не хотел дальше развивать эту тему, но теперь выбора у него не оставалось.

— Да нет же, вы ее делали, — быстро сказал он. — Я же помню, что подписал требование на сыворотку Кумбса.

Александр смотрел на Коулмена, в глазах молодого лаборанта была уже не тревога, а отчаяние.

— Доктор Пирсон сказал, что это не обязательно, и анализ был сделан в физиологическом растворе и в растворе белка.

Коулмену понадобилось несколько секунд, чтобы осознать то, что он услышал. Он вдруг заметил, что за разыгрывающейся сценой с любопытством наблюдает Гарри Томазелли. Как насторожился доктор Дорнбергер.

Пирсон явно испытывал неловкость. Эта неловкость проскользнула в его тоне, когда он обратился к Коулмену:

— Я собирался вам об этом сказать, но запамятовал.

Но Коулмен уже все понял. Правда, прежде чем продолжить, он решил уяснить для себя один факт.

— Если я все правильно понял, — спросил он Александра, — то, здесь, в этой лаборатории, вообще никогда не делали и не делают непрямую пробу Кумбса?

Александр кивнул, и в разговор резко вмешался доктор Дорнбергер:

— Минутку! Позвольте мне поставить вопрос прямо. Вы хотите сказать, что у матери — миссис Александр — все-таки могут присутствовать в крови антитела к резус-фактору?

— Конечно, могут, — повысив голос и не думая о последствиях, ответил Коулмен. — Анализы в физиологическом растворе и в растворе белка хороши в большинстве случаев, но не во всех. Тот, кто хотя бы немного знаком с современной гематологией, обязан это знать. — Он искоса взглянул на Пирсона, который безучастно следил за происходящим, и обратился к Дорнбергеру: — Именно поэтому я заказал сыворотку для не прямой пробы Кумбса.

Администратор тоже попытался выяснить для себя суть сказанного и обратился к Коулмену:

— Я хочу спросить об анализе. Если вы его назначили, то почему он не был сделан?

Коулмен посмотрел на Баннистера. Его глаза сверкали сталью, когда

он спросил:

— Что с требованием, которое я подписал? С требованием на сыворотку Кумбса?

Лаборант угрюмо молчал.

— Ну?

Баннистер едва слышно промямлил:

— Я его порвал.

Дорнбергер не мог поверить своим ушам.

— Вы порвали документ, подписанный врачом, и ничего ему об этом не сказали?

Коулмен был беспощаден:

— По чьему указанию вы это сделали?

Баннистер опустил глаза и неохотно произнес:

— По указанию доктора Пирсона.

Теперь Дорнбергер думал недолго.

— Это означает, что у ребенка скорее всего эритробластоз. На это указывают все симптомы, — сказал он Коулмену.

— Значит, вы будете делать обменное переливание крови?

— Если оно необходимо, то его надо было делать сразу после рождения, — с горечью ответил Дорнбергер. — Но это шанс, несмотря на промедление. — Он посмотрел на молодого патологоанатома так, словно мог доверять только ему одному: — Но я хочу подтверждения, у ребенка может не хватить сил на переливание крови.

— В данном случае нужно исследовать кровь ребенка прямой пробой Кумбса. — Ответ Коулмена был быстрым и уверенным.

Теперь разговор шел только между Дорнбергером и Коулменом. Пирсон стоял неподвижно, казалось, у него кружится голова от стремительного развертывания событий.

Коулмен резко обратился к Баннистеру:

— В лаборатории есть сыворотка Кумбса?

Старший лаборант попытался сглотнуть несуществующую слюну.

— Нет.

Это уже относилось к компетенции администратора.

— Где мы можем ее взять? — коротко спросил Гарри Томазелли.

— У нас нет времени, — ответил Коулмен. — Придется сделать анализ в другом месте — там, где есть реактивы.

— Значит, в университете, их лаборатория мощнее нашей. — Гарри Томазелли направился к телефону и поднял трубку: — Свяжите меня с университетской клиникой. — Он поднял голову и обратился к

присутствующим: — Кто там заведует патологической анатомией?

— Доктор Франц, — ответил Дорнбергер.

— Попросите к телефону доктора Франца, — сказал Томазелли. — Кто будет с ним говорить?

— Я, — ответил Коулмен и взял трубку. — Доктор Франц? Это доктор Коулмен, патологоанатом из клиники Трех Графств. Не сможете ли вы экстренно сделать для нас пробу Кумбса? — Наступила пауза, Коулмен внимательно выслушал собеседника, потом сказал: — Да, мы немедленно пришлем пробу. Спасибо, доктор, до свидания. — Он положил трубку и посмотрел на присутствующих: — Нам нужна проба крови, немедленно.

— Я помогу вам, доктор. — Это был Баннистер. Он стоял перед Коулменом, держа в руке лоток с инструментами.

Коулмен хотел было резко отказать, но увидел в глазах старшего лаборанта такую мольбу, что заколебался и согласился:

— Очень хорошо. Идемте со мной.

Когда они выходили, администратор крикнул им вслед:

— Я вызову полицейскую машину. Они быстрее доставят пробу.

— Прошу вас! Я тоже хочу поехать, — попросил Джон Александер.

— Хорошо. — Администратор поднес к уху трубку. — Соедините меня с городской полицией, — отрывисто произнес он и обратился к Александеру: — Идите за ними, а потом спускайтесь к входу отделения «Скорой помощи». Машина будет ждать там.

— Слушаю, сэр. — Александер выбежал из лаборатории.

— Это администратор клиники Трех Графств, — начал говорить в трубку Томазелли. — Нам нужна полицейская машина, чтобы экстренно доставить в университетскую клинику пробу крови... Да, наши люди будут ждать вас у входа в отделение «Скорой помощи»... Да, правильно. — Он положил трубку и сказал: — Пойду прослежу, чтобы все было в порядке.

В лаборатории остались только Пирсон и Дорнбергер.

Мысли и чувства старого гинеколога кипели. Конечно, за многие годы медицинской практики у Чарльза Дорнбергера умирали больные. Иногда эти смерти, казалось, были предопределены самой судьбой. Но он всегда дрался за жизнь своих больных, дрался до конца и никогда не сдавался. Во всех случаях — удачных и неудачных — он мог честно признаться себе, что никогда не ронял врачебной чести, всегда работал на пределе своих возможностей и никогда не полагался на случай. Никогда больные Чарльза Дорнбергера не умирали от недосмотра или халатности.

Не умирали — до сегодняшнего дня.

Теперь, на закате карьеры, ему придется пожинать горькие плоды

чужой некомпетентности. Еще горше было осознавать, что эту некомпетентность проявил его друг.

— Джо, я хочу кое-что тебе сказать, — произнес он.

Пирсон опустился на стул, лицо его покрывала мертвенная бледность, глаза блуждали. Он медленно поднял голову.

— Это был недоношенный ребенок, Джо, но это не помешало бы нам сделать обменное переливание крови сразу после рождения. — Дорнбергер помолчал, а когда снова заговорил, в его голосе зазвучали все обуревавшие его эмоции. — Джо, мы долгое время были друзьями, иногда я заступался за тебя, помогал тебе отразить направленные против тебя удары. Но если этот ребенок умрет, то — помоги мне Бог! — я вызову тебя на медицинский совет и размажу по стенке.

Глава 20

— Господи, да чем они там заняты? Почему не звонят?

Доктор Джозеф Пирсон нервно выбивал по столу барабанную дробь. Прошел уже час с четвертью с тех пор, как у ребенка взяли кровь и отвезли в университетскую клинику. Старый патологоанатом и доктор Дэвид Коулмен были в кабинете одни.

— Я еще раз звонил доктору Францу, — сказал Коулмен. — Он позвонит, как только они получат результат.

Пирсон вяло кивнул.

— Где Александер? — спросил он.

— Полицейские привезли его обратно, и он ушел к жене. — Коулмен помолчал, потом предложил: — Может быть, пока мы ждем, стоит позвонить в департамент и узнать, начали ли они заниматься обследованием работников кухни?

Пирсон отрицательно покачал головой.

— Нет, потом, когда все это закончится. Сейчас я не могу думать ни о чем другом, — нервно сказал он.

В первый раз с утра, с тех пор как в лаборатории развернулась вся эта драма, Дэвид Коулмен подумал о Пирсоне и его чувствах. Старик перестал возражать против новой пробы на антитела к резус-фактору, и это означало, что он признал правоту и компетентность своего более молодого коллеги. Коулмен подумал: «Должно быть, ему очень горько», — и впервые что-то похожее на сочувствие шевельнулось в его душе.

Пирсон перестал выбивать свою нескончаемую дробь и стукнул кулаком по столу:

— Черт их подери, ну почему они не звонят?

— Есть новости из патанатомии? — спросил Чарльз Дорнбергер у дежурной медсестры. Он вымыл руки и ждал в маленькой, примыкавшей к отделению акушерства операционной.

Девушка отрицательно покачала головой:

— Нет, доктор.

— Когда мы сможем начать?

Сестра наполнила горячей водой две грелки и, завернув их в одеяльца, положила на крошечный операционный стол.

— Через пару минут.

В операционную вошел интерн и спросил:

— Вы хотите начать обменное переливание крови, не дожидаясь результата пробы Кумбса?

— Да, — ответил Дорнбергер. — Мы и так уже потеряли массу времени. У ребенка нарастает анемия, а это показание к переливанию крови даже в отсутствие анализов.

— Доктор, пуповина была обрезана очень коротко. Я просто решила вам об этом напомнить, — сказала дежурная медсестра.

— Спасибо, я помню, — отозвался Дорнбергер и обратился к интерну: — Когда мы заранее знаем, что новорожденному потребуется обменное переливание крови, то оставляем длинный отрезок пуповины, чтобы было удобно переливать кровь через пупочную вену. К сожалению, в данном случае мы не планировали переливания и коротко обрезали пуповину.

— Как же быть? — спросил интерн.

— Придется под местной анестезией сделать надрез над пупочной веной. — Дорнбергер обернулся к сестре: — Кровь подогрета?

— Да.

— Очень важно, чтобы кровь была подогрета до температуры тела новорожденного, — объяснил Дорнбергер интерну, — в противном случае у ребенка может развиваться шок.

Сам Дорнбергер понимал, что говорит все это не только для того, чтобы объяснить ситуацию интерну, но и для того, чтобы уверить себя в правильности решения. Разговор отвлекал его от тяжелых мыслей. После сцены в отделении и патологической анатомии он испытывал внутреннюю тревогу и чувство вины. Его не успокаивало то, что с формальной точки зрения ему не в чем было себя упрекнуть. Но в опасности находился его больной, больной, который мог умереть от непростительной медицинской халатности. Отвечать за это все равно должен он, доктор Чарльз Дорнбергер.

Усилием воли Дорнбергер остановил поток мыслей и вдруг почувствовал себя плохо — в голове появилась тупая пульсирующая боль, операционная начала вращаться, появилась дурнота. Он закрыл глаза, потом снова их открыл. Теперь все было в порядке, головокружение исчезло, мышление снова стало ясным. Однако, посмотрев на свои руки, он увидел, что они мелко дрожат. Попытался остановить дрожь, но не смог.

В операционную ввезли кувез с маленьким Александером. В этот момент интерн спросил:

— Доктор Дорнбергер, как вы себя чувствуете?

Он уже был готов ответить «хорошо», понимая, что если это скажет, то

проведет манипуляцию до конца, сделает все возможное для спасения ребенка и этим успокоит свою совесть, сохранит цельность своей личности. Но в этот момент Дорнбергер вспомнил все, что говорил и думал в последние годы о стариках, цепляющихся за власть и свое положение. Вспомнил, как обещал себе, что без колебаний уступит дорогу другим, когда ослабеет, не станет браться за дело, с которым уже не способен справиться. Он снова посмотрел на свои трясущиеся руки.

— Плохо, — ответил он. — Я чувствую себя очень неважно. — И, сознавая, что голос выдает захлестнувшие его эмоции, попросил: — Кто-нибудь, позвоните доктору О’Доннеллу. Скажите, что я не в состоянии работать. Пусть он придет и сам проведет переливание крови.

Умом и сердцем Чарльз Дорнбергер именно в этот миг понял, что навсегда прощается со своей медицинской практикой.

* * *

На столе зазвонил телефон, и Пирсон тут же сорвал трубку с рычага.

— Да? — Последовала короткая пауза. — Это доктор Пирсон. — Несколько секунд он молча слушал, потом сказал: — Очень хорошо. Спасибо.

Держа в руке трубку, он нажал и отпустил рычаг, дождался ответа телефонистки и сказал:

— Соедините меня с доктором Дорнбергером. Это доктор Пирсон.

Голос в трубке что-то коротко ответил, и Пирсон продолжил:

— Тогда передайте ему сообщение. Скажите ему, что звонили из университетской клиники. Проба Кумбса показала наличие антител в крови новорожденного Александера. У ребенка эритробластоз.

Пирсон положил трубку. Подняв голову, он поймал устремленный на него внимательный взгляд Дэвида Коулмена.

Доктор Кент О’Доннелл шел по коридору первого этажа, направляясь в отделение неврологии. Надо было договориться о консультации и обсудить причины частичного паралича у одного из его собственных больных.

Это был первый рабочий день О’Доннелла после возвращения из Нью-Йорка. В Берлингтон он прилетел накануне вечером. Настроение было приподнятым, поездка взбодрила и освежила его. Каждому врачу, убеждал себя О’Доннелл, время от времени необходима смена обстановки. Подчас

ежедневный контакт со страданиями и болезнями сильно угнетает, и врач, сам того не замечая, впадает в депрессию. Новые впечатления вселяют оптимизм и расширяют кругозор. После встречи с Дениз он снова и снова возвращался к мысли о том, что пора перестать тянуть лямку в клинике Трех Графств и навсегда уехать из Берлингтона. Аргументы в пользу отъезда становились все более и более убедительными. Конечно, О'Доннелл понимал, что желание это вызвано чувством к Дениз, что до последней встречи с ней он даже не помышлял об отъезде из Берлингтона. Но все же О'Доннелла терзал мучительный вопрос: верно ли он поступит, если пожертвует своим врачебным выбором в пользу личного счастья? Какой-то внутренний голос временами начинал его уговаривать: он же не собирается бросать медицину, он будет, как и сейчас, не жалея сил, оперировать больных, но в другом месте. Ведь без любви, которую он наконец обрел, он зачахнет и вся жизнь покажется ему бесполезной и бессмысленной. Любя женщину, он станет лучше — более целеустремленным, более самоотверженным, — и все потому, что жизнь его станет цельной. Мысли о Дениз вызывали у него волнение и сладостное предчувствие.

— Доктор О'Доннелл, доктор О'Доннелл!

Его имя, громко произнесенное по системе оповещения, вернуло О'Доннелла к реальности. Он остановился и поискал глазами ближайший телефон, с которого можно было связаться с коммутатором. В нескольких ярдах он увидел стеклянный отсек бухгалтерии, вошел туда и поднял трубку. Телефонистка зачитала ему сообщение Дорнбергера. Реакция О'Доннелла была мгновенной: он направился клифту и поднялся на четвертый этаж, в акушерское отделение.

Пока О'Доннелл мыл руки, Дорнбергер, стоя рядом, доложил о том, что произошло и почему он вызвал на помощь главного хирурга. Сжато, точно и без эмоций Дорнбергер рассказал и о том, что произошло в лаборатории и почему это произошло. О'Доннелл прервал гинеколога только дважды, задав уточняющие вопросы. Выражение лица главного хирурга, по мере того как он слушал Дорнбергера, становилось все мрачнее.

От приподнятого настроения не осталось и следа. То, что он услышал, было ужасно: халатность и невежество, за которые он, О'Доннелл, несет личную ответственность, грозили убить больного. Его охватила страшная горечь. Он мог бы давно уволить Джо Пирсона, для этого была масса поводов. Но нет! Он тянул и откладывал решение, играл в политические игры и убеждал себя в том, что поступает разумно, хотя на деле все это

время предавал и продавал свое врачебное призвание. Он взял стерильное полотенце, высушил руки и сунул их в подставленные медсестрой резиновые перчатки.

— Все ясно, — сказал он Дорнбергеру. — Идемте.

Войдя в маленькую операционную, О’Доннелл осмотрелся. Все было готово. Главный хирург был хорошо знаком с техникой обменного переливания крови, так как сам, совместно с заведующими детским и акушерско-гинекологическим отделениями, вводил эту методику, основываясь на опыте других клиник. Дорнбергер знал это, вызывая его на помощь.

Крошечное тельце недоношенного новорожденного извлекли из кувеза и положили на согретый операционный стол. Дежурная медсестра и интерн зафиксировали ребенка пеленками, которыми обернули ручки и ножки младенца. Свободные концы скрутили в жгуты и прикрепили к простыням булавками. Ребенок, заметил О’Доннелл, лежал неподвижно и очень вяло реагировал на прикосновения. Такое поведение младенца не вселяло оптимизма.

Сестра развернула стерильную простыню и прикрыла ребенка, оставив открытыми только голову и пупок. Пуповина только начала заживать в месте пересечения. Местный анестетик уже ввели. Сестра подала О’Доннеллу зажим, и он, взяв им стерильную салфетку, принялся обрабатывать операционное поле. Интерн приготовил историю болезни и карандаш.

— Вы будете вести запись?

— Да, сэр.

О’Доннелл мысленно отметил прозвучавшее в ответе уважение и в другой ситуации скорее всего улыбнулся бы. Интерны и резиденты — это веселое братство клиники — были народом независимым, острым на язык и мгновенно подмечавшим все промахи старших коллег. Обращение «сэр» из уст интерна звучало высшей похвалой.

Тем временем в операционную неслышно вошли две медсестры-практикантки. Следуя инструкциям, О’Доннелл начал вслух пояснять свои действия:

— Обменное переливание крови, как вам, наверное, известно, — О’Доннелл посмотрел в сторону девушек, — по сути, промывание организма. Сначала мы удаляем из сосудистого русла ребенка небольшое количество крови, а затем вводим ему эквивалентное количество донорской крови. Далее мы повторяем эту процедуру до тех пор, пока не удалим большую часть нездоровой крови.

Дежурная сестра перевернула флакон с кровью и укрепила его на стойке у стола. В кабинете переливания уже проверили совместимость крови больного и крови донора.

— При этом, — продолжал О’Доннелл, — мы должны быть уверены в том, что миллилитр в миллилитр восполняем донорской кровью кровь, извлеченную из вены младенца. Для этого мы и ведем протокол переливания. — Он кивнул в сторону интерна с историей болезни.

— Температура тела тридцать пять и пять, — громко объявила медсестра.

— Скальпель! — О’Доннелл протянул руку за инструментом.

Он аккуратно отсек высохшую часть пуповины и обнажил влажную живую ткань. Отложив скальпель, он негромко сказал:

— Гемостаз.

Интерн, наклонившись вперед, внимательно следил за действиями О’Доннелла.

— Мы выделили пупочную вену, — объяснял О’Доннелл. — Сейчас я ее вскрою и удалю сгусток.

Он протянул руку, и сестра вложила ему в ладонь зажим. Сгусток был таким крохотным, что трудно было разглядеть, но О’Доннелл аккуратно его удалил. «Выживет ли ребенок?» — подумал О’Доннелл. Как правило, обменное переливание помогало, и новорожденные хорошо его переносили. Однако в данном случае переливание было запоздалым, и шансы на выживание резко уменьшились. Он посмотрел на личико ребенка. Обычно у недоношенных детей оно бывает уродливым, но у этого ребенка лицо оказалось даже красивым. Четко очерченная линия нижней челюсти, сильные скулы.

Медсестра держала в руке пластиковый катетер с прикрепленной к нему иглой. Через этот катетер они будут извлекать кровь ребенка и переливать ему кровь донора. О’Доннелл взял у сестры катетер и точным, нежным, аккуратным движением ввел иглу в пупочную вену.

— Давайте измерим венозное давление, — сказал он.

О’Доннелл поднял катетер вертикально, и медсестра линейкой измерила столбик крови в нем.

— Шестьдесят миллиметров водяного столба, — объявила она. Интерн записал данные.

Второй пластиковый катетер был соединен с флаконом с кровью, а конец третьего был опущен в один из двух металлических лотков. О’Доннелл присоединил все три трубки к трехходовому крану на канюле шприца и повернул кран на девяносто градусов.

— Теперь мы начнем забирать кровь, — объяснил он и потянул на себя поршень шприца.

Наступил критический момент обменного переливания крови. Если она не потечет в шприц, то катетер придется извлечь и начать процедуру сначала. О’Доннелл почувствовал, как напрягся стоявший за его спиной Дорнбергер.

Кровь, заполнив катетер, начала свободно поступать в шприц.

— Вы видите, что я очень медленно и осторожно насасываю кровь шприцем. Мы будем забирать кровь очень малыми порциями ввиду недоношенности и низкого веса ребенка. У доношенного ребенка я бы забирал за один раз двадцать миллилитров крови, но сейчас буду брать только по десять, чтобы избежать резких колебаний венозного давления.

Интерн записал: «Извлечено 10 мл крови».

О’Доннелл повернул кран и нажал на поршень. Кровь потекла в лоток. Снова повернув кран, главный хирург набрал в шприц десять миллилитров донорской крови, а затем медленно ввел ее в пупочную вену.

Интерн сделал следующую запись: «Введено 10 мл донорской крови».

О’Доннелл выполнял процедуру медленно и тщательно. На каждое извлечение и введение крови уходило ровно пять минут. Ему хотелось бы работать быстрее, случай был действительно неотложный, но он понимал, что спешка грозила смертельной опасностью. Этот крошечный организм и так не мог сопротивляться, а шок немедленно привел бы его к смерти.

Прошло двадцать пять минут после начала процедуры. Ребенок зашевелился и закричал.

Это был ломкий прерывистый крик — слабый и хрупкий протест, который закончился, едва начавшись. Но это был признак жизни, и в глазах всех, кто находился в операционной, затеплились улыбки. Люди ощутили надежду.

О’Доннелл не стал делать поспешных выводов, однако обернулся к Дорнбергеру:

— Кажется, он чертовски на нас разозлился. Это хороший знак.

Дорнбергер оживился. Он заглянул в записи интерна, потом вспомнил, что не он распоряжается процедурой, но все же сказал:

— Может быть, добавить глюконат кальция?

— Да. — О’Доннелл отсоединил шприц от трехходового крана и вставил в катетер канюлю поданного сестрой десятикубового шприца с раствором глюконата кальция. Введя один миллилитр, О’Доннелл отсоединил второй шприц и заменил его первым, который медсестра тем временем промыла над вторым лотком.

Напряжение в операционной явно спало, и О’Доннелл сразу это заметил. Его самого не оставляла надежда, что ребенок выкарабкается. За время своей практики он видел разные, казалось бы, невероятные случаи. Он давно усвоил, что в медицине нет ничего невозможного и что судьба, невзирая ни на какие обстоятельства, может совершенно неожиданно оказаться на твоей стороне.

— Хорошо, — сказал он, — продолжим.

Он извлек десять миллилитров крови и заменил ее. Потом еще десять миллилитров. Потом еще.

На пятидесятой минуте процедуры медсестра сказала:

— Температура тела падает, доктор. Тридцать четыре и шесть.

— Венозное давление? — быстро спросил О’Доннелл.

Давление оказалось очень низким — всего тридцать пять миллиметров.

— Ребенок плохо дышит, — заметил интерн, — кожные покровы побледнели.

— Посчитайте пульс, — приказал ему О’Доннелл. — Кислород. — Это было сказано медсестре.

Она взяла резиновую маску и наложила ее на личико младенца. Послышалось шипение кислорода.

— Пульс очень редкий, — доложил интерн.

— Температура упала до тридцати четырех градусов, — сказала медсестра.

Интерн приложил фонендоскоп к груди ребенка, послушал, поднял голову:

— Очень слабые дыхательные шумы. — Потом добавил: — Он перестал дышать.

О’Доннелл взял фонендоскоп и послушал сам. Сердечные тоны выслушивались, но были очень глухими. Он отрывисто приказал:

— Миллилитр корамина.

Когда интерн отвернулся к столику с инструментами и шприцами, О’Доннелл сорвал простыню с ребенка и начал делать искусственное дыхание. В это время к столу подошел интерн со шприцем в руке.

— Внутрисердечно, — сказал О’Доннелл. — Это наш последний шанс.

Дэвид Коулмен, сидевший в кабинете заведующего отделением патологической анатомии, ощущал растущее беспокойство. Он остался вместе с Пирсоном после того, как из университета по телефону им сообщили результат пробы Кумбса. Они занялись оформлением накопившихся заключений для хирургического отделения, но работа подвигалась медленно. Мысли обоих были заняты совершенно другим. С начала обменного переливания крови прошел почти час, но никто пока не звонил.

Пятнадцать минут назад Коулмен встал и неуверенно сказал:

— Я, пожалуй, пойду посмотрю, что делается в лаборатории.

Старик поднял голову. В его глазах застыла почти собачья мольба.

— Может быть, вы останетесь?

Удивленный Коулмен ответил:

— Хорошо, если вы так хотите.

Они снова принялись убивать время.

Дэвиду Коулмену ожидание тоже давалось с большим трудом. Только теперь Коулмен понял, как глубоко задело его происходящее. То, что он оказался прав, а Пирсон ошибся в отношении пробы Кумбса, не приносило Коулмену никакого удовлетворения. Единственное, чего он сейчас жаждал всей душой, — это спасения ребенка Александер. До сих пор ни одна вещь на свете не трогала его так сильно. Правда, он вспомнил, что Джон Александер понравился ему с первого дня пребывания в клинике Трех Графств; потом, когда он познакомился с его женой и узнал, что все они родом из одного маленького городка, у Коулмена возникло чувство родства, невысказанное, но реальное.

Время тянулось нестерпимо медленно, каждая следующая минута казалась длиннее предыдущей. Коулмен решил поразмышлять над какой-нибудь проблемой и занять ум; это всегда помогало в минуты, когда нечего было делать и приходилось чего-то ждать. Он решил сосредоточиться на некоторых сторонах данного случая.

Итак, во-первых. Тот факт, что проба Кумбса показала наличие антител к резус-фактору в крови ребенка, говорит о том, что его мать sensibilizirovana к его резусу, то есть антитела крови с резус-положительным фактором ее крови с резус-отрицательным фактором когда-то выработались. Интересно, как это могло произойти?

Конечно, sensibilizatsiya матери, Элизабет Александер, могла произойти во время первой беременности. Но sensibilizatsiya и эритробластоз чаще возникают во время второй беременности. Значит, первый ребенок не должен был пострадать. Однако он все же умер. От

чего? Ах да, от бронхита.

Во-вторых. Сенсибилизация матери могла произойти, если ей когда-либо перелили резус-положительную кровь. Коулмен задумался. В голове внезапно возникла мучительная потребность что-то вспомнить, ощущение того, что он близок к разгадке. Нахмурившись, он сосредоточился. И вдруг словно разрозненные куски картины встали на место, а расплывчатое изображение прыгнуло в фокус. Он вспомнил: Элизабет делали переливания крови! Катастрофа в Нью-Ричмонде! Железнодорожный переезд, на котором погиб отец Элизабет, а она сама была тяжело ранена, но выжила.

Коулмен еще раз сосредоточился. И он вспомнил, вспомнил слова Джона Александера: «Элизабет едва не умерла, но ей сделали переливания крови, и она выжила.

Кажется, тогда я впервые в жизни оказался в клинике. Я практически жил там целую неделю».

Да, это объясняет появление у ребенка Александров эритроblastоза. О существовании резус-фактора узнали только в сороковые годы. После этого прошло около десяти лет, прежде чем клиники и врачи внедрили определение резус-фактора в практику. В то время было великое множество лечебных учреждений, где кровь продолжали переливать, не выявляя совместимость донорской крови с кровью реципиента по резус-фактору. Вероятно, одним из таких мест был и Нью-Ричмонд. Время совпадает. Происшествие на железнодорожном переезде случилось в 1949 году. Коулмен хорошо помнил рассказ отца о той катастрофе.

Его отец! Коулмена поразила неожиданная мысль: это его собственный отец — доктор Байрон Коулмен — назначил переливания крови Элизабет. Так как переливаний было несколько, то доноров тоже было несколько, и неизбежно, что хотя бы у кого-то из них кровь была резус-положительной. Именно тогда произошла сенсибилизация; теперь Коулмен был в этом уверен. В то время это не отразилось на самочувствии Элизабет, но в ее крови начали циркулировать антитела — незаметные, тихие антитела, внезапно проснувшаяся ярость которых обрушилась сначала на первого ребенка и погубила его, а затем на второго.

Конечно, отца нельзя ни в чем винить. Он действовал из лучших побуждений, следуя принятым стандартам. Правда, резус-фактор уже был известен, и в некоторых местах кровь на совместимость по резус-фактору проверяли. Но можно ли было ждать от занятого по горло местного врача, что он будет шагать в ногу со временем? Наверное, можно. Некоторые местные практики и тогда знали о групповой принадлежности крови,

быстро усваивали новые стандарты оказания помощи. Скорее всего, рассуждал Коулмен, это были молодые люди. Когда Элизабет пострадала в катастрофе на переезде, его отец был уже не молод. Он очень много работал и не имел времени на чтение медицинской литературы. Однако достаточное ли это оправдание? Выходит, для него, Дэвида Коулмена, тоже существует двойной стандарт и он применяет более мягкий набор правил, когда дело касается близких людей, тем более давно умершего отца? Личное чувство оказалось выше его твердых, давно взлелеянных убеждений. Эта открытость опечалило его, вселило в него сомнения, лишило абсолютной уверенности. Уверенности в чем бы то ни было вообще.

Пирсон поднял голову и взглянул на Коулмена.

— Сколько времени уже прошло? — спросил он.

Коулмен посмотрел на часы:

— Больше часа.

— Я им позвоню. — Пирсон порывисто схватился за телефонную трубку, но потом заколебался и отнял руку. — Нет, — сказал он, — лучше не буду звонить.

Время нестерпимо долго тянулось и для Джона Александера. Час назад он вернулся в лабораторию из палаты Элизабет и попытался заняться работой, но сосредоточиться не смог и оставил попытки, чтобы не наделать ошибок. Посидев некоторое время, он снова взял в руку пробирку, но подошедший Баннистер отобрал ее у Александера и, посмотрев в лист назначений, сказал:

— Я сам это сделаю.

Александер вяло запротестовал, но Баннистер не желал слушать никаких возражений.

— Парень, оставь это мне. Почему бы тебе не подняться наверх, к жене?

— Спасибо, но я лучше останусь здесь. Доктор Коулмен сказал, что как только ему позвонят, он придет и все мне скажет. — Александер, в который уже раз, посмотрел на настенные часы и произнес сдавленным голосом: — Теперь, думаю, осталось недолго ждать.

— Да, — подтвердил Баннистер и отвел взгляд. — Я тоже так думаю.

Элизабет Александер была в палате одна. Она лежала с открытыми глазами, откинувшись на подушки, когда вошла сестра Уилдинг.

— Какие новости? — спросила Элизабет.

Пожилая седая Уилдинг в ответ покачала головой.

— Как только узнаю, сразу скажу. — Она поставила на тумбочку принесенный ею стакан апельсинового сока и предложила: — Я могу побыть с тобой немного, если хочешь.

— Да, пожалуйста. — Элизабет слабо улыбнулась, а медсестра пододвинула к кровати стул и села. У нее страшно устали ноги, и ей хотелось немного отдохнуть. В последнее время ноги стали сильно болеть, и она понимала, что скоро ей придется уйти с работы. Во всяком случае, морально она уже была к этому готова.

Но Уилдинг очень хотелось что-нибудь сделать для этой приятной молодой пары. Молодые люди понравились ей с самого начала. Эти двое — муж и жена — представлялись ей почти детьми. Когда она ухаживала за этой девочкой, ей казалось, что она ухаживает за собственной дочерью. Уилдинг всегда хотелось иметь дочь, но судьба распорядилась иначе. Ну не глупость ли проявлять такую сентиментальность на склоне лет — это с ее-то сестринским опытом?

— О чем ты думала, когда я вошла в палату? — спросила она у Элизабет.

— Я думала о детях, как горошинки рассыпавшихся по зеленому лугу, детях, играющих на солнышке, — мечтательно произнесла Элизабет. — Так бывало у нас летом в Индиане, когда я была совсем маленькой. Даже тогда я думала о том, что у меня будут дети и я буду сидеть и смотреть, как они резвятся в траве под ярким солнцем.

— С детьми происходят странные вещи, — сказала Уилдинг. — Часто все оказывается совсем не так, как мечтают родители. У меня есть сын, ты знаешь. Теперь он взрослый мужчина.

— Нет, я не знаю, — сказала Элизабет.

— Пойми меня правильно, — продолжала Уилдинг. — Он отличный человек, морской офицер. Больше месяца назад он женился. Я получила письмо, в котором он сообщил о своей свадьбе.

Элизабет стало интересно: каково это — родить сына, а потом получить письмо о его свадьбе?

— Я всегда чувствовала, что мы плохо понимаем друг друга, — говорила между тем Уилдинг. — Думаю, это моя вина. Развод, сплошная беспросветная работа. Я не смогла дать ему ощущение дома.

— Но вы же видите с ним иногда? — спросила Элизабет. — Я надеюсь, что скоро у вас будут внуки.

— Я много о них мечтала, — сказала Уилдинг. — Представляла, как это хорошо — иметь внуков. Жить поблизости от сына, ходить нянчить детишек и все такое прочее.

— Но почему бы вам не осуществить это в будущем? — спросила Элизабет.

Уилдинг грустно покачала головой:

— Думаю, что когда я приеду, то встречу с ними как с незнакомцами. Да и не получится у меня часто их навещать или поселиться поблизости. Сын служит на Гавайях, они с женой уехали туда на прошлой неделе. — Она помолчала, потом добавила, изо всех сил стараясь оправдать сына: — Он собирался приехать с женой, но в последний момент что-то случилось, и они не смогли.

Сестра Уилдинг встала и направилась к выходу. В дверях она обернулась и сказала:

— Пейте ваш сок, миссис Александер. Как только что-то узнаю, я приду.

О’Доннелл вспотел, и медсестра марлевым тампоном промокнула ему лоб. Прошло пять минут с тех пор, как он начал искусственное дыхание, но ребенок в его руках не реагировал ни на какие усилия. Большие пальцы О’Доннелла упирались в грудную клетку младенца, остальными пальцами он обхватил его спину. Ребенок был так мал, что руки перекрывали друг друга. Шипел кислород. О’Доннелл работал очень осторожно, понимая, какие у него в руках крошечные и нежные косточки. Он нежно сжимал и разжимал грудь новорожденного, чтобы помочь маленьким усталым легким вдохнуть живительный газ. Ему так хотелось, чтобы ребенок жил. Если он умрет, это будет означать, что клиника Трех Графств постыдно не справилась со своей основной и главной задачей — помогать больным и слабым. Этот младенец не получил надлежащей помощи, с ним обошлись плохо. Халатность победила добросовестность. И теперь О’Доннелл пытался достучаться до маленького человека, беспомощно лежащего у него в руках, сквозь кончики пальцев внушить свое страстное желание его слабеющему сердечку. «Мы были так тебе нужны, но мы подвели и обманули тебя. Мы были самоуверенны и небрежны. Но позволь нам все же помочь тебе. Иногда мы это умеем, мы не всегда бываем беспомощными. Не суди нас так строго. В этом мире много невежества и безумия, предрассудков и слепоты — мы уже показали их тебе. Но есть и многое другое — теплое, настоящее, доброе, — ради чего стоит жить. Дыши! Давай сделаем это вместе. Это так просто и так важно». Пальцы О’Доннелла ритмично двигались — вверх-вниз, вверх-вниз...

Прошло еще пять минут, интерн приложил фонендоскоп к грудной клетке и стал слушать. Потом он выпрямился, поднял голову и посмотрел

О’Доннеллу в глаза. О’Доннелл разжал руки, понимая, что все усилия бесполезны.

— Он умер... — тихо сказал он, обернувшись к Дорнбергеру.

Их взгляды встретились, и они поняли, что испытывают одни и те же чувства.

О’Доннелла охватила раскаленная добела ярость. Он порывисто снял маску и шапочку, сорвал с рук перчатки, швырнул их на пол и сказал Дорнбергеру:

— Идемте. — Потом он обернулся к интерну и хрипло произнес: — Если меня будут спрашивать, скажите, я у доктора Пирсона.

Глава 21

В кабинете резко и громко зазвонил телефон. Пирсон машинально протянул руку к трубке, но затем, побледнев и изменившись в лице, отдернул ее.

— Ответьте, — попросил он Коулмена.

Пока Коулмен шел к аппарату, раздался второй, нетерпеливый, требовательный звонок.

— Доктор Коулмен слушает. — Некоторое время он молчал, потом сказал «Спасибо» и положил трубку. — Ребенок только что умер, — обернулся он к Пирсону.

Тот опустил глаза. Съежившийся, уменьшившийся в размерах Пирсон неподвижно сидел в кресле. Его лицо мгновенно постарело. Он был разбит и уничтожен.

— Я пойду в лабораторию, надо поговорить с Джоном, — тихо сказал Коулмен.

Ответа не последовало. Коулмен вышел из кабинета, но старик продолжал сидеть за столом, уставив взгляд в пустоту и погружившись в известные только ему одному мысли.

Когда Дэвид Коулмен вошел в лабораторию, Карла Баннистера там не было. Джон Александер неподвижно сидел на стуле у лабораторного стола. Когда Коулмен почти неслышно подошел к нему, Александер некоторое время сидел молча, потом спросил не оборачиваясь:

— Все... кончилось?

Не отвечая, Коулмен положил на плечо Джона руку.

— Он умер, да? — едва слышно проговорил Александер.

— Да, Джон, — мягко ответил Коулмен, — он умер. Мне очень жаль.

Александер медленно обернулся. Лицо его мучительно дергалось, по щекам струились слезы.

— Почему, доктор Коулмен, почему?

С трудом подыскивая слова, Коулмен попытался ответить:

— Ваш ребенок родился недоношенным и очень слабым, Джон. Шансы выжить у него были бы невелики, даже если бы не было... всего остального.

Глядя Коулмену прямо в глаза, Александер сказал:

— Он мог выжить.

Это был момент истины, от которой Коулмен не имел права уклониться.

— Да, — согласился он. — Ребенок мог выжить.

Джон Александер встал и, приблизившись к Коулмену, посмотрел ему прямо в глаза.

— Как это могло случиться в клинике... при врачах?

— Джон, — ответил Коулмен, — сейчас у меня нет для тебя ответа... Я не могу пока ничего ответить и себе.

Александер оцепенело кивнул, потом достал из кармана платок, вытер лицо и спокойно произнес:

— Спасибо, что пришли и все мне сказали. Я пойду к жене.

О’Доннелл и Дорнбергер шли молча. Пока они лавировали в толчее коридора, пока спускались по лестнице, не воспользовавшись медленным, как черепаха, лифтом, О’Доннелл горько корил себя за бездействие в отношении Джо Пирсона и отделения патологической анатомии. Господи, думал он, ведь было столько угрожающих сигналов: его предупреждали Руфус и Рейбенс, да и он своими глазами видел, что Пирсон перестал справляться с растущей нагрузкой, перестал соответствовать своей должности. Но нет! Он, Кент О’Доннелл — член Королевской коллегии хирургов, член Американской коллегии хирургов, доктор медицины, шеф хирургии и председатель медицинского совета, слишком возомнил о себе. Шапки долой перед великим человеком! Стоило бы ему встряхнуться, дать подобающую оценку этим сигналам и проявить жесткость, какой требовала его должность, он выбрал бы иной путь. Но он убедит себя, что все это временные и преодолимые неприятности, хотя ум и опыт подсказывали обратное. Он увлекся тонкой политикой и ужинами с Ордэном Брауном, вилял хвостом перед Юстасом Суэйном, надеясь, что в благодарность за его бездействие, за оставление статус-кво и потакание амбициям его друга Джо Пирсона старый магнат раскошелится и выделит деньги для строительства нового, фантастически оборудованного здания клиники. О’Доннелл грезил царством, в котором станет королем. Да, конечно, сегодня клиника получит деньги, но получит ли она их завтра? А самое главное — одну цену за них уже заплатили. Это крошечное тельце мертвого ребенка в операционной четвертого этажа. Когда они остановились у двери кабинета доктора Пирсона, гнев О’Доннелла уже прошел, уступив место печали.

Пирсон сидел в том же положении, в каком его оставил Коулмен. Старик поднял голову, но не сделал даже попытки встать.

Первым заговорил Дорнбергер. Он говорил спокойно, без вражды, словно хотел и сегодня помочь старому другу.

— Ребенок умер, Джо. Ты, наверное, уже слышал.

— Да, я слышал, — медленно ответил Пирсон.

— Я все рассказал доктору О’Доннеллу, — ломким голосом объявил Дорнбергер. — Мне очень жаль, Джо, но ничего больше я для тебя сделать не могу.

Пирсон беспомощно развел руками. От былой его агрессивности не осталось и следа.

— Все правильно, — сказал он без всякого выражения.

Невольно подражая Дорнбергеру, О’Доннелл спросил:

— Вы ничего не хотите мне сказать, Джо?

Пирсон в ответ лишь молча покачал головой.

— Джо, если бы это был единственный случай... — О’Доннелл пытался подыскать щадящие слова, понимая, что для данной ситуации их не существует. — Мы все ошибаемся... Я мог бы... — Но это было совсем не то, что он намеревался сказать. О’Доннелл взял себя в руки и заговорил более твердо: — Если бы я представил медицинскому совету все случаи, то получился бы длинный список. Думаю, Джо, мне не надо говорить вам, какова была бы его реакция. Будет лучше и для вас, и для всех нас, если завтра к десяти часам утра на столе администратора будет лежать ваше заявление об увольнении.

Пирсон посмотрел на О’Доннелла:

— Вы получите его завтра к десяти часам.

В кабинете повисла неловкая пауза.

О’Доннелл направился было к двери, но потом остановился.

— Джо, мне очень жаль, но, надеюсь, вы понимаете, что у меня нет иного выбора.

— Да, — едва слышно прошептал Пирсон.

— Конечно, вы получите достойную пенсию. Это будет честно после тридцати двух лет работы. — О’Доннелл, говоря это, прекрасно осознавал пустоту произносимых им слов.

Впервые за эти несколько минут у Пирсона изменилось выражение лица. Он презрительно усмехнулся и сказал:

— Спасибо.

«Тридцать два года! — подумал О’Доннелл. — Боже мой! Какая большая часть жизни! И такой конец!» Ему захотелось как-то разрядить обстановку, найти нужные слова и вспомнить все хорошее, что сделал для клиники Джо Пирсон. Но пока он их мучительно искал, в дверь кабинета

постучали и вошел Гарри Томазелли.

Было видно, что администратор очень спешит, он даже не дождался, когда ему ответят на стук. Первым делом он посмотрел на Пирсона, потом заметил О'Доннелла и Дорнбергера.

— Кент, — сказал он, — я очень рад, что ты здесь.

Прежде чем О'Доннелл успел ответить, Томазелли обратился к Пирсону:

— Джо, вы можете прямо сейчас прийти в мой кабинет? Через час состоится экстренное совещание, но я хотел бы сначала поговорить с вами.

— Экстренное совещание? По какому поводу? — отрывисто спросил О'Доннелл.

Томазелли повернулся к главному хирургу. Лицо его было напряженным и озабоченным.

— В клинике обнаружен брюшной тиф. Доктор Чендлер доложил о двух случаях. Еще у двух больных эту болезнь подозревают. Нам грозит эпидемия, и мы должны немедленно выявить источник инфекции.

Джон открыл дверь и вошел в палату. Элизабет подняла голову от подушки и посмотрела на мужа. Он тихо прикрыл дверь и несколько секунд, опершись на нее спиной, стоял молча.

Она тоже молчала, говорили только их глаза — в них отражалось горе, немая мольба и огромная любовь.

Элизабет протянула к нему руки, и Джон бросился в объятия жены.

— Джонни! Джонни, дорогой! — Это было все, что она сумела вымолвить, прежде чем тихо, почти беззвучно расплакаться.

Обняв жену, он некоторое время сидел неподвижно, потом достал из кармана носовой платок, которым недавно осушил свои слезы, отстранился и вытер Элизабет глаза.

Сделав это, он прервал молчание:

— Элизабет, милая, я хочу сделать одну вещь.

— Что бы это ни было, я скажу тебе «да», — ответила она.

— Ты всегда этого хотела, — сказал он, — а теперь того же хочу и я. Завтра я начну оформлять документы и попытаюсь поступить на медицинский факультет.

Майк Седдонс встал со стула и принялся мерить шагами маленькую палату.

— Это же смешно, — с жаром заговорил он. — Это никому не нужна бессмыслица. Я не стану этого делать.

— Ради меня, дорогой, пожалуйста! — Вивьен повернулась на бок, чтобы видеть Майка.

— Но это совсем не ради тебя, Вивьен. Это глупая, нелепая идея, которую ты нашла в каком-нибудь второсортном сентиментальном романе.

— Майк, дорогой, я так люблю, когда ты сердишься. Это очень идет к твоим чудесным рыжим волосам. — Она улыбнулась ему так, будто отвлеклась от случившейся с нею беды. — Обещай мне одну вещь.

— Что? — Он все еще злился, и ответ получился коротким.

— Обещай мне, что когда мы поженимся, ты будешь иногда на меня злиться — злиться по-настоящему. Мы будем ругаться, драться, а потом счастливо мириться. Представляешь, какое это будет удовольствие?

— Это такое же глупое желание, как и первое, — возмущенно произнес он. — И вообще, что проку говорить о женитьбе, если ты не хочешь меня видеть?

— Только неделю, Майк, дорогой мой. Только одну неделю, и все.

— Нет!

— Послушай меня, дорогой! — Она решительно настаивала на своем. — Пожалуйста, подойди и сядь рядом. И выслушай меня, прошу тебя.

Он поколебался, потом вернулся на стоявший у кровати стул.

Вивьен протянула Майку руку, и он нежно взял ее за пальцы. Гнев его мгновенно улетучился. Осталось лишь чувство смутно грызущего сомнения.

Шел четвертый день после операции, послеоперационный период протекал гладко. Культия заживала быстро; конечно, оставалась боль и саднение в ране, но муки первых двух дней были позади. Вчера доктор Грейнджер с согласия Вивьен отменила инъекции, помогавшие притупить боль. Вивьен расстраивала только одна, совершенно неожиданная и непредвиденная вещь: пятка ампутированной ноги, пятка, которой уже не существовало, временами страшно чесалась, доставляя Вивьен невыносимое страдание. Самым мучительным было то, что она не могла почесать зудящее место. Когда Вивьен впервые ощутила зуд, ее вдруг охватила безумная надежда, что ей не сделали ампутацию, что нога осталась на месте, и она попыталась почесать пятку ступней другой ноги. Но потом доктор Грейнджер объяснила, что такие ощущения бывают у большинства больных с ампутированными конечностями. Тем не менее это ощущение было настолько неестественным и неприятным, что Вивьен изо всех сил надеялась, что этот зуд скоро пройдет.

Кроме того, девушка постепенно оправлялась и от психической

травмы. С того дня накануне операции, когда Вивьен с мужеством, сильно впечатлившим Майка Седдонса, приняла неизбежность, оно не изменило ей и продолжало поддерживать ее дух. Бывали, конечно, моменты отчаяния. Оно охватывало Вивьен, когда она оставалась одна, иногда будило ночью, она просыпалась в зловещей, темной больничной палате и тихо плакала. Но в остальное время она отгоняла от себя мрачные мысли, а врожденная внутренняя сила позволяла ей держаться выше своего несчастья.

Люси Грейнджер за это была очень благодарна своей пациентке. Ее мужество облегчало процесс выздоровления. Правда, Люси знала, что настоящие испытания чувств и духа Вивьен еще впереди. Эти испытания начнутся, когда уляжется первое потрясение, когда до Вивьен постепенно дойдет истинное значение происшедшего, когда последствия ампутации станут ощутимыми в повседневной жизни. Через полгода, может быть, через год Вивьен пройдет через бездну и черноту настоящего отчаяния, чтобы затем окончательно смириться с потерей и начать нормально жить со своим увечьем. Но это будет потом, а пока краткосрочный прогноз представлялся лечащему врачу вполне благоприятным.

Люси знала также — и об этом знала и Вивьен, — что остеогенная саркома, диагноз которой поставил доктор Пирсон, могла уже метастазировать далеко за пределы нижней конечности и разрастись в любом месте организма. В таком случае врачи клиники Трех Графств, да и вообще вся современная медицина, едва ли смогут предложить Вивьен что-нибудь, кроме паллиативного, временно облегчающего страдания лечения. Есть метастазы или нет, время покажет, а пока самым разумным было считать, что у Вивьен впереди вся жизнь и к этой жизни надо активно готовиться уже сейчас.

Начало выздоровления Вивьен отразилось и на ее внешности. Впервые после операции она нарядилась, лицо ее порозовело. Накануне приходила ее мать и помогла дочери сделать прическу, и в той же ночной рубашке, которая в первый раз вызвала своей соблазнительностью такое негодование Майка, Вивьен выглядела во всем блеске своей свежей, прекрасной юности.

Когда Майк взял ее за руку, Вивьен сказала:

— Разве ты не понимаешь, дорогой, что я хочу быть уверенной?

— Уверенной в чем? — На щеках Майка проступил румянец.

— Уверенной в том, что ты и в самом деле меня любишь, — ровным голосом произнесла она.

— Конечно же, я тебя люблю, — горячо сказал он. — Разве я не

говорю тебе об этом каждую встречу? Разве я не говорил тебе после того, как все это случилось, что хочу нашей свадьбы? Даже твои родители одобряют наше решение. Они верят мне, почему же ты не веришь?

— Я тебя люблю, Майк, и благодарна тебе за все. Но что бы теперь ни происходило между нами, я не верю, что все будет по-прежнему... — Голос ее дрогнул. — Во всяком случае, для меня.

— Но почему?..

Она умоляюще посмотрела на него:

— Майк, пожалуйста, выслушай меня, ты же обещал.

— Говори, — нетерпеливо сказал он.

— Что бы ты ни говорил, Майк, я уже не та девочка, какой была, когда мы познакомились. И я никогда не смогу быть прежней. — Она говорила тихо, но с глубоким чувством. — Вот почему я должна быть уверена, что ты любишь меня такой, какой я стала теперь, а не такой, какой я была раньше. Если мы поженимся, то для меня всегда будет невыносима мысль о том, что ты женился на мне из жалости. Не перебивай меня, дай договорить. Я знаю, ты искренне думаешь, что это не так, и, возможно, действительно не так, я от души на это надеюсь. Но, Майк, ты добр и великодушен. Вдруг ты хочешь жениться на мне из жалости, но не можешь признаться в этом даже самому себе?

— Ты хочешь сказать, что я не понимаю собственных желаний и не разбираюсь в собственных чувствах? — огрызнулся он.

— Откуда мы оба можем это знать? — тихо и ласково ответила она.

— Я знаю, что чувствую. — Майк приблизил свое лицо к лицу Вивьен. — Я люблю тебя целиком и по частям, любил вчера, люблю сегодня и буду любить завтра. И хочу жениться на тебе без всяких проволочек.

— Тогда сделай для меня эту малость, сделай из любви ко мне. Удались от меня. Несмотря на то что ты бываешь в клинике каждый день, не приходи ко мне неделю — полные семь дней. — Вивьен спокойно посмотрела на него: — За это время подумай обо всем. Подумай, какой будет наша совместная жизнь, каково будет тебе жить с инвалидом. Подумай о вещах, которые мы не сможем с тобой разделить, в которых не сможем участвовать вместе. О детях, о том, как повлияет на них моя инвалидность. Подумай, Майк, подумай обо всем. Когда через семь дней ты придешь ко мне и скажешь, что по-прежнему уверен в своих чувствах, я не стану с тобой спорить, я тебе поверю. Это же всего семь дней, дорогой, семь дней из всей долгой жизни. Это не так уж много.

— Черт возьми, — сказал он, — какая же ты упрямая!

— Знаю, — улыбнулась она. — Так ты сделаешь это?
— Я согласен только на четыре дня, не больше.
Вивьен покачала головой:
— Шесть дней, не меньше.
— Пусть будет пять, — сказал он, — и по рукам.
Она колебалась, и Майк добавил:
— Это мое последнее слово.
Вивьен рассмеялась — впервые за последнее время.
— Хорошо, пять дней, начиная с этого момента.
— Да, черт возьми, с этого момента! — воскликнул Майк. — Ну, может быть, с этого момента плюс десять минут. Мне надо сделать кое-какие запасы. Пять дней для такого горячего парня, как я, — это слишком долго.

Он пододвинул стул ближе к кровати и потянулся к Вивьен. Они слились в долгом поцелуе, то страстном, то нежном.

Вивьен вдруг поморщилась и отстранилась от Майка. Она тяжело вздохнула и заворочалась в постели.

— Что с тобой? — встревоженно спросил он.

— Ничего особенного. — Вивьен виновато посмотрела на него, потом спросила: — Майк, куда они дели мою ампутированную ногу?

От изумления он несколько мгновений молчал, потом ответил:

— Думаю, что она в патанатомии, в холодильнике.

Вивьен снова вздохнула.

— Майк, дорогой, — взмолилась она, — спустись туда и почешу мою пятку.

Конференц-зал был забит до отказа. Новость об экстренном совещании облетела клинику с быстротой лесного пожара, о собрании известили всех врачей, даже тех, кто не состоял в штате. Им разослали уведомления в кабинеты и на квартиры. Люди, кроме того, живо обсуждали промах Джо Пирсона и его неминуемое увольнение.

Гомон голосов сразу стих, как только в дверях показались Джо Пирсон, Гарри Томазелли и Дэвид Коулмен.

Кент О’Доннелл уже сидел во главе длинного стола. Оглядывая присутствующих, он видел массу знакомых лиц. Гил Бартлет, забавно шевеля бородой, болтал с Роджером Хилтоном, молодым хирургом, пришедшим в клинику Трех Графств два месяца назад. Джон Макьюэн, отоларинголог, что-то живо обсуждал с Динь-Доном и тучным терапевтом Льюисом Тойнби. Билл Руфус, в блестящем зеленом галстуке в желтую

крапинку, усаживался во втором ряду. Сидя за столом, перебирал бумаги доктор Харви Чендлер, главный терапевт. Были здесь и младшие врачи, среди них О’Доннелл заметил Макнила, резидента-патологоанатома. Рядом с администратором сидела специально приглашенная на собрание главная диетсестра миссис Строган. Сидящий неподалеку Эрни Рейбенс с интересом разглядывал ее огромные колышущиеся груди. Не было только знакомой фигуры доктора Дорнбергера — он уже уведомил администрацию о своем немедленном увольнении.

О’Доннелл взглянул на дверь как раз в тот момент, когда в зал входила Люси Грейнджер. Взгляды их встретились, и Люси едва заметно улыбнулась главному хирургу. Люси напомнила ему о принятом решении, о желании изменить будущее, о переменах в личной жизни, которыми он займется, как только уляжется вся эта суeta. Потом О’Доннелл вдруг понял, что с самого утра ни разу не вспомнил о Дениз. Работа вытеснила из головы мысли о ней, и О’Доннелл почувствовал, что так будет и завтра, и послезавтра — всегда, ибо в клинике постоянно случается что-нибудь чрезвычайное. Интересно, как сама Дениз воспримет такое положение, захочет ли она занимать в его жизни второе, после медицины, место? Поймет ли она его так, как поняла бы Люси? Эта мысль смутила О’Доннелла, даже мысленное сравнение показалось ему проявлением неверности. Нет, надо думать о насущных вещах. Пора открывать совещание.

О’Доннелл призвал присутствующих к тишине, дождался, пока улегся шум, а те, кто стоял, сели на свои места. Потом главный хирург негромко заговорил:

— Леди и джентльмены, каждый из нас знает, что эпидемии в клиниках, госпиталях, больницах — явление отнюдь не уникальное и случаются чаще, чем думает общество. Думаю, не погрешу против истины, сказав, что эпидемические вспышки — это фактор риска нашего бытия. Если учесть, сколько болезней мы лечим в этих стенах, то остается только удивляться, что эпидемии не возникают чаще. — Присутствующие внимательно слушали главного хирурга. Он выдержал паузу и продолжил: — Не хочу преуменьшать опасности, но хочу, чтобы вы полностью осознали ее меру. Думаю, доктор Чендлер будет настолько любезен, что дальше возьмет бразды правления в свои руки.

О’Доннелл сел, и со своего места поднялся главный терапевт.

— Для начала подведем предварительный итог. — Харви Чендлер взял со стола свои записи и театрально обвел взглядом присутствующих.

Харви просто упивается этими трюками, подумалось О’Доннеллу.

Правда, при этом он неизменно пользуется вниманием любой аудитории.

Терапевт продолжил:

— Картина к настоящему моменту такова — у нас двое заболевших брюшным тифом и четверо с подозрением на это заболевание. Все — сотрудники клиники, и мы можем считать большим везением, что не заболел ни один пациент. Пока! Судя по числу заболевших, мне — как, несомненно, и вам — ясно, что среди сотрудников клиники есть носитель инфекции. Могу, кроме того, сказать, что я потрясен следующим фактом: обследование работников кухни не проводилось в течение шести месяцев...

При упоминании об обследовании работников кухни О’Доннелл ударил по столу молотком и прервал выступление главного терапевта со всей доступной ему вежливостью:

— Простите, доктор.

— Да? — Своим тоном Чендлер дал понять, что не одобряет такое вмешательство в его тронную речь.

О’Доннелл спокойно продолжил:

— Мы обсудим это позднее, Харви. Может быть, сейчас вы коротко коснетесь клинических аспектов?

О’Доннелл почувствовал недовольство главного терапевта. Харви Чендлер по должности занимал в иерархии клиники такое же высокое место, как и О’Доннелл, и ему не нравилось такое отношение к своей персоне. Доктор Чендлер любил говорить длинно и витиевато. Все знали, что он никогда не ограничится одним словом там, где можно употребить два или три.

— Ну, если вы так настаиваете, то... — проворчал Чендлер.

— Благодарю вас, — учтиво, но твердо сказал О’Доннелл.

Чендлер бросил в сторону председательствующего взгляд, в котором ясно читалось: «Мы с вами обсудим это позже, без свидетелей». Затем, после умышленно затянутой паузы, продолжил:

— Для тех из вас, кто не знаком с брюшным тифом — а я понимаю, что такие люди здесь присутствуют, ибо в наши дни болезнь эта встречается весьма редко, — я коротко коснусь его основных ранних симптомов. К таким симптомам относятся: повышение температуры тела, озноб и урежение пульса. В крови отмечается снижение числа лейкоцитов, а на коже высыпают характерные розовые пятна. Больной жалуется на тупую головную боль, снижение аппетита и общее недомогание. Некоторые больные отмечают сонливость днем и бессонницу по ночам. Характерным проявлением можно считать также сопутствующий бронхит,

он часто встречается при брюшном тифе. Часто отмечаются носовые кровотечения. Кроме того, у больных можно пропальпировать мягкую, увеличенную селезенку.

Главный терапевт сел.

— Есть вопросы? — спросил О’Доннелл.

— Насколько я понимаю, сотрудникам клиники будут делать прививки от брюшного тифа? — спросила Люси Грейнджер.

— Да, — ответил Чендлер, — это предусмотрено для всех сотрудников и для больных, чье состояние позволяет делать прививку.

— Что будет с оборудованием и порядком работы на кухне? — На этот раз вопрос задал Билл Руфус.

— Если не возражаете, мы и это обсудим чуть позднее, — сказал О’Доннелл. — Есть ли вопросы медицинского характера? — Он оглядел зал, поднятых рук не было. — Хорошо. Тогда послушаем патологоанатомов, — спокойно произнес главный хирург. — Прошу вас, доктор Пирсон.

До этого момента в помещении стоял тихий шум — скрипели стулья, кто-то в задних рядах тихо переговаривался, кто-то шуршал бумагами. Но теперь в зале воцарилась полная тишина, все взгляды обратились к старому патологоанатому, сидевшему в середине длинного стола. С самого начала совещания он не произнес ни слова и неподвижно сидел, глядя прямо перед собой. Он не курил сигару, и присутствующие восприняли это как отступление от привычного правила. Пирсон не пошевелился и после того, как было произнесено его имя.

О’Доннелл ждал. Он хотел было повторить сказанное, но в этот момент Пирсон зашевелился. Отодвинув стул, старый патологоанатом встал.

Он медленно обвел взглядом присутствующих. Потом повернулся к председательствующему и посмотрел О’Доннеллу в глаза. Помолчав, доктор Пирсон заговорил:

— Эта эпидемия не должна была начаться. Она бы и не началась, если бы отделение патологической анатомии было готово к нарушению гигиенических требований. Отделение патологической анатомии и я лично отвечаю за то, что этот недосмотр все же имел место.

В конференц-зале по-прежнему было тихо. На глазах у присутствующих творилась история. В этом зале Джозеф Пирсон не один раз упрекал других в ошибках и неспособности к верным суждениям. Теперь он выступал в двойной роли — обвинителя и обвиняемого.

О’Доннелл хотел было перебить Пирсона, но передумал.

Пирсон снова оглядел конференц-зал и медленно продолжил:

— Определив, кто виноват, мы теперь должны сделать все возможное, чтобы предотвратить дальнейшее распространение заболевания. — Он посмотрел на Гарри Томазелли: — Администратор, заведующие отделениями и я разработали определенные процедуры, выполнение которых необходимо начать немедленно. Я расскажу вам, что это за процедуры.

Пирсон выдержал паузу, и когда заговорил снова, голос его стал тверже. О’Доннеллу показалось даже, что за эти несколько секунд старик сбросил с себя часть прожитых лет и в нем проступил его прежний облик целеустремленного, серьезного, компетентного молодого врача.

Исчез граничивший с презрением язвительный юмор, так хорошо знакомый всем присутствующим. Вместо них были авторитет, знание и искренность человека, говорящего с равными.

— Самая главная проблема, — продолжал Пирсон, — выявить источник инфекции. Так как работников кухни не проверяли на носительство в течение шести месяцев, есть все основания предполагать, что источником заражения служит пища. Следовательно, мы должны обследовать всех работников кухни до того, как они начнут готовить ужин. — Он извлек из кармана потертого вязаного жилета часы и положил их на стол. — Сейчас пятнадцать минут третьего. В нашем распоряжении два часа сорок пять минут. За это время все сотрудники клиники, имеющие прямое или косвенное отношение к приготовлению и раздаче пищи, должны пройти обследование. Смотровые кабинеты оборудованы в поликлиническом отделении. Я знаю, что об этом оповестили всех терапевтов и младших врачей. — Он обвел взглядом зал, и люди закивали. — Очень хорошо. Как только мы закончим, — он повернулся в сторону Дэвида Коулмена, — доктор Коулмен покажет каждому его рабочее место.

Махнув рукой в сторону главной диетсестры, Пирсон сказал:

— Миссис Строган известит всех подлежащих осмотру и обследованию людей, и они пройдут в поликлиническое отделение группами по двенадцать человек. За отпущенное нам время мы должны обследовать девяносто пять человек. Те, кто будет проводить осмотр, должны помнить, что носитель брюшнотифозной инфекции — а мы уверены, что имеем дело с носителем, — может не заявлять никаких жалоб, у него могут отсутствовать клинические проявления, о которых говорил доктор Чендлер. Поэтому следует обращать самое пристальное внимание на признаки нарушения личной гигиены. Каждый заподозренный в

носителем будет на время проведения окончательного обследования отстранен от работы.

Пирсон сделал паузу, глядя на лежащую перед ним папку, и продолжил:

— Конечно, мы понимаем, что внешний осмотр не дает полной и исчерпывающей картины. Но может быть, нам повезет и мы сразу найдем носителя. Если же не посчастливится, то, после того как будет закончен медицинский осмотр, большая часть работы ляжет на лабораторию. Всем проходящим осмотр надо сказать, что для окончания обследования необходим анализ кала. Пробы кала должны быть в лаборатории клиники самое позднее к завтрашнему утру. — Он едва заметно улыбнулся: — Запор не является оправданием для отказа. Мы, конечно, будем благодарны тем, кто принесет кал на анализ уже сегодня. Конечно, для анализа всех поступивших материалов нам потребуется два или три дня.

Какой-то голос — О’Доннеллу показалось, что он принадлежит Гилу Бартлету, — тихо произнес: «Девяносто пять человек. Какая куча дерьма!» По залу прокатился смех.

Пирсон обернулся на голос.

— Да, это многовато, — сказал он, — но мы сделаем все, что в наших силах. — С этими словами он сел.

Люси подняла руку. О’Доннелл кивком разрешил ей говорить.

— Если сегодня носителя инфекции не удастся обнаружить, будет ли работать кухня?

— Пока будет, — ответил О’Доннелл.

Администратор добавил:

— Мы сейчас стараемся найти внешних поставщиков готовой еды на случай, если это окажется необходимым. Однако я сомневаюсь, что в городе есть поставщики продовольствия, способные справиться с подобной задачей.

— Что мы будем делать с приемным отделением и как быть с поступающими больными? — спросил Билл Руфус.

— Простите, я должен был сказать об этом с самого начала, — ответил О’Доннелл. — Пока мы прекратили прием новых больных. Приемное отделение уже поставлено об этом в известность. Но мы, конечно, надеемся, что отделение патологической анатомии сумеет быстро выявить носителя и клиника снова начнет принимать больных. Есть еще вопросы?

Вопросов больше не было. Скользнув взглядом вдоль стола, О’Доннелл спросил:

— Доктор Коулмен, вы хотите что-нибудь добавить?

Коулмен отрицательно покачал головой:

— Нет.

О’Доннелл закрыл лежащую перед ним папку.

— Очень хорошо, леди и джентльмены. Предлагаю приступить к работе.

Когда задвигались стулья и загудели разговоры, О’Доннелл спросил Пирсона:

— Джо, я могу поговорить с вами?

Они отошли к окну, отделившись от потока выходивших из зала людей. О’Доннелл негромко, чтобы его не слышали, сказал:

— Джо, естественно, вы останетесь заведующим отделением до тех пор, пока мы не справимся со вспышкой инфекции. Но все, что касается остального, остается в силе.

Пирсон медленно кивнул.

— Да, — сказал он, — это я уже понял и сам.

Глава 22

Как полководец, инспектирующий армию перед битвой, доктор Джозеф Пирсон осматривал лабораторию. Кроме него, здесь были Дэвид Коулмен, Роджер Макнил, Карл Баннистер и Джон Александер.

Пока Пирсон, Коулмен и Макнил были на совещании, лаборанты подготовили лабораторию к срочной работе.

Закончив осмотр, Пирсон обратился к подчиненным.

— Наша задача, — объявил он, — поистине детективная. Из девяноста пяти человек — работников кухни — нам предстоит выявить одного носителя, распространяющего по клинике бациллы брюшного тифа. Очень важно работать быстро. Чем дольше будем искать, тем реальнее возникновение эпидемии. Кал на анализ начнет поступать уже сегодня, но основную массу исследований придется сделать завтра.

Пирсон остановил взгляд на Макниле.

— Ваша задача на ближайшие дни — освободить лабораторию от второстепенных задач. Просмотрите все заявки на анализы и решите, какие из них надо сделать в первую очередь, а какие можно на пару дней отложить. Срочные анализы будет делать Карл Баннистер, но не загружайте его сверх необходимости, так как все остальное время он будет делать анализы кала. — Макнил согласно кивнул, и Пирсон добавил: — Вы, кроме того, займетесь патолого-анатомическими заключениями для хирургического отделения. Обрабатывайте только те материалы, которые сочтете срочными, остальные отложите на будущее. Если у вас возникнут диагностические затруднения, обращайтесь к доктору Коулмену или ко мне.

— Я все понял и сейчас начну заниматься хирургическими препаратами. — Макнил вышел.

Остальным Пирсон сказал:

— Мы будем использовать отдельную чашку Петри на каждую культуру кала. Я не хочу рисковать и высевать в чашку по несколько культур. Они могут наложиться друг на друга, и тогда нам придется все переделывать. — Он посмотрел на Александра: — Достаточно ли у нас среды Макконки для выращивания сотни культур?

Джон Александер всего лишь полчаса назад вернулся от жены — бледный, с покрасневшими глазами. Но на вопрос он ответил сразу и по существу.

— Нет, — сказал он, — среды нам хватит не больше чем на пару дюжин культур. Обычно этого хватает на несколько дней.

Сказав это, Джон на мгновение задумался. Он дал ответ, повинуясь привычке и профессиональному навыку. Теперь он попытался разобраться, каковы его чувства лично к доктору Пирсону. Джон вдруг понял, что не может определить их однозначно. Он должен ненавидеть этого старика, по халатности которого потерял сына, и, наверное, со временем эта ненависть появится, но пока Александер не чувствовал ничего, кроме тупой душевной боли и глубокой печали. Как хорошо, что на них свалилось так много работы! Погрузившись в нее с головой, он сможет отвлечься от горя.

— Я понял, — сказал Пирсон. — Тогда отправляйтесь в цех и проследите, чтобы там подготовили достаточное количество культуральной среды. Мы должны получить чашки уже сегодня.

— Хорошо, — ответил Александер и тоже покинул лабораторию.

Теперь Пирсон принялся рассуждать вслух:

— У нас будет девяносто пять культур, ну, скажем, сто. Допустим, пятьдесят процентов будут лактозопозитивными, значит, оставшиеся пятьдесят нам надо будет исследовать более детально. Да, думаю, не больше. — Он посмотрел на Коулмена, словно ища подтверждения.

— Я согласен с вами.

— Хорошо. Кроме того, нам понадобится по десять пробирок на одну культуру. Пятьдесят культур, десять пробирок на каждую. Пятьсот пробирок. — Обернувшись к Баннистеру, Пирсон спросил: — Сколько у нас пробирок — стерилизованных и готовых к применению?

Баннистер задумался.

— Где-то около двух сотен.

— Вы уверены? — Пирсон испытующе посмотрел на старшего лаборанта.

Баннистер покраснел, потом признался:

— Сто пятьдесят.

— Закажите еще триста пятьдесят. Позвоните в отдел снабжения и попросите их прислать пробирки сегодня же и без проволочек. Скажите, что все нужные бумаги мы оформим позже. Покончив с заказом, приготовьте их наборы по десять штук — девять пробирок для сахаров и одна для культур, образующих индол. Проверьте также, каковы наши запасы сахаров. Вам понадобятся глюкоза, лактоза, фруктоза, сахароза, мальтоза, маннитол, ксилоза, арабиноза, рамноза. — Выпалив все эти названия без запинки, Пирсон едва заметно улыбнулся и сказал Баннистеру: — Список сахаров и реагентов для выявления

брюшнотифозных сальмонелл вы найдете на шестьдесят шестой странице руководства по лабораторному делу. Ну, все. Идите работать.

Баннистер торопливо направился к телефону.

Обернувшись к Коулмену, Пирсон спросил:

— Я ничего не забыл?

Коулмен отрицательно покачал головой. Хватка старика, быстрота мышления и внимание к деталям удивили его, заставили почувствовать к нему невольное уважение.

— Нет, — сказал он, — мне нечего добавить.

Пирсон внимательно посмотрел на молодого коллегу и предложил:

— В таком случае пойдемте выпьем кофе. Другой возможности в ближайшие несколько дней у нас, наверное, не будет.

После ухода Майка Седдонса до Вивьен вдруг дошло, какая пустота ожидает ее, пока он будет отсутствовать, какими долгими покажутся ей дни без него. Однако она нисколько не сомневалась в своей правоте. Короткая разлука позволит им обоим привыкнуть к создавшемуся положению и подумать о будущем. Самой Вивьен не надо было ни о чем думать — она была уверена в своих чувствах. А вот перед Майком она решила поставить дымовую завесу. Зачем? Она вдруг поняла, что потребовала от Майка доказательств его любви, в то время как свою любовь считала бесспорной.

Но она вовсе не хотела никаких доказательств. Вивьен овладело смятение. Вдруг Майк решил, что она не доверяет ему, не верит в его преданность и отказывается принять его любовь. Нет, кажется, он понял ее правильно. А вдруг все-таки подумает, что она, Вивьен, отвергла его чувство? Ей захотелось послать ему письмо, объяснить свои истинные намерения, написать, что уверена в его любви. Но уверена ли она в ней — теперь? Иногда бывает так трудно мыслить трезво. Сначала делаешь то, что считаешь правильным, а потом начинаешь думать, не поймут ли тебя превратно, не припишут ли твоим действиям смысл, о котором ты сама не имела ни малейшего понятия. Как можно быть уверенной в том, что делаешь самый правильный шаг? В этом не может быть никакой уверенности... ни в чем... и никогда.

Раздался короткий стук в дверь, и в палату вошла миссис Лоубартон. Вивьен сразу забыла, что ей полных девятнадцать лет, что она уже взрослый человек, способный принимать решения. Она раскинула руки и всем телом подалась ей навстречу.

— Мама, — воскликнула она, — я совсем запуталась!

Врачебный осмотр работников кухни проходил быстро. В одном из предназначенных для этого кабинетов поликлинического отделения доктор Харви Чендлер заканчивал осмотр повара.

— Все в порядке, — сказал он, — можете одеваться.

Поначалу главный терапевт сомневался: надо ли ему, в его должности, самому участвовать в осмотрах? Но потом решил, что надо. В каком-то смысле он поступает как командир, которому его моральный долг велит идти в атаку впереди своих солдат.

Доктора Чендлера возмущало, что первые роли в борьбе с угрозой эпидемии достались О’Доннеллу и Пирсону. Конечно, О’Доннелл председатель медицинского совета и обязан заниматься организационными проблемами клиники, но Кент хирург, а брюшным тифом должны все-таки заниматься терапевты.

Главный терапевт клиники чувствовал, что в разрешении возникшего кризиса его оттеснили назад, лишили возможности принимать ответственные решения. Доктор Чендлер вполне серьезно считал себя избранным, но случаи доказать это наделе выпадали почему-то чрезвычайно редко. И вот такой случай представился — и что же? Его бесцеремонно отодвинули в сторону, на второстепенную роль, хорошо хоть не в массовку. Он, однако, был вынужден признать, что предпринятые О’Доннеллом и Пирсоном меры оказались вполне адекватными и имели одну цель — как можно скорее ликвидировать катастрофическую вспышку брюшного тифа. Слегка нахмурившись, он обратился к уже одевшемуся повару:

— Помните о необходимости тщательного соблюдения гигиенических норм. На кухне должна быть абсолютная чистота.

— Да, доктор.

Едва повар успел закрыть за собой дверь, как в кабинет вошел О’Доннелл.

— Привет, — сказал он. — Как дела?

Первым побуждением Чендлера было выплеснуть в ответе свою обиду. Однако в следующее мгновение он решил, что ему, собственно, не от чего расстраиваться. Если не считать слишком демонстративной — по мнению Чендлера — демократичности О’Доннелла, то он, пожалуй, самый подходящий для должности председателя медицинского совета человек, во всяком случае, он на голову выше своего предшественника. И вместо обиды Чендлер вложил в ответ максимум дружелюбия:

— Я уже потерял им счет. Мы осматриваем их довольно быстро, но результатов пока нет.

— Что с тифозными больными? — спросил О’Доннелл. — Как чувствуют себя четверо с подозрением на тиф?

— Теперь у нас четверо заболевших, — ответил Чендлер. — Из списка больных с подозрением на тиф можете вычеркнуть двоих.

— Их состояние не опасно?

— Нет, не думаю, — ответил Чендлер. — Слава Богу, теперь есть антибиотики. Лет пятнадцать назад у нас было бы куда больше проблем с этими пациентами.

— Да, вы правы. — О’Доннелл не стал расспрашивать, надежна ли изоляция больных. При всей помпезности доктора Чендлера в медицинских вопросах на него всегда можно было положиться.

— Двое больных — медсестры, — сообщил Чендлер. — Одна из психиатрического, а вторая из урологического отделения. Двое других — мужчины, рабочий генераторной подстанции и клерк из канцелярии.

— Все из разных подразделений клиники, — задумчиво произнес О’Доннелл.

— Именно! Ни одного общего знаменателя, если не считать клинической пищи. Все четверо регулярно обедали в столовой. Нет никаких сомнений: мы на верном пути.

— Все, не буду вас отвлекать, — сказал О’Доннелл, — в коридоре ждут своей очереди еще два человека. У некоторых врачей скопилось больше, и мы перераспределяем больных по другим кабинетам.

— Очень хорошо, — отозвался Чендлер. — Я намерен работать до тех пор, пока не наступит полная ясность, не важно, сколько времени это займет. — Он подобрался и выпрямился, расправив плечи. В его собственных словах ему почудилось что-то героическое.

— Не буду вам мешать, — улыбнулся О’Доннелл.

Немного задетый такой прозаической реакцией, Чендлер чопорно попросил:

— Вас не затруднит сказать медсестре, чтобы она пригласила ко мне следующего больного?

— Нисколько.

О’Доннелл вышел, и через мгновение в кабинет вошла девушка — работница кухни. В руке у нее была только что заведенная история болезни.

— Дайте мне карту, — сказал он. — Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, — поблагодарила девушка.

— Для начала займемся вашим анамнезом — вы расскажете все, что помните, о себе и своей семье. Начнем с ваших родителей.

Слушая ответы на свои тщательно продуманные вопросы, Чендлер быстро записывал их в историю болезни. Каждая запись в истории болезни, вышедшая из-под пера Чендлера, являла собой образец врачебного искусства, достойный включения в учебники внутренних болезней. Доктор Харви Чендлер стал главным терапевтом клиники Трех Графств не в последнюю очередь потому, что был чрезвычайно добросовестным клиницистом.

Покинув занятое хорошо организованной работой поликлиническое отделение, О'Доннелл позволил себе, впервые за сегодняшний день, отвлечься и оценить происшедшие с утра события.

Они сменяли друг друга, как картинки в калейдоскопе. Инцидент с неверным диагнозом и смертью ребенка. Потом отставка Пирсона и увольнение Дорнбергера по собственному желанию. Затем ошеломляющее открытие, что в клинике более шести месяцев не соблюдались элементарные гигиенические нормы и теперь в нем вспышка брюшного тифа, грозящая перерасти в полномасштабную эпидемию.

Все эти беды свалились на голову администрации одновременно. Почему? Как такое могло случиться? Не симптом ли это скрытно протекавшей до поры тотальной болезни, поразившей всю клинику до основания? Ждать ли следующих неприятностей? Не грозит ли клинике полный развал и паралич? Не виноваты ли все они — руководители — в попустительстве и мягкотелости? Не был ли каждый из них зачинщиком такого попустительства?

«Мы все были так уверены в том, что нынешнее управление клиникой лучше, чем предыдущее. Мы верили в творчество и прогресс, строили храм исцеления, в котором будет хорошо преподавать и лечить. Но не провалили ли мы все дело тем, что глупо и самонадеянно устремили взор к туманным вершинам и не обращали внимания на земные предостережения грядущих бед. Так что же мы построили? Действительно ли храм исцеления? Или, ослепленные безумием, мы соорудили могилу — пропитанную антисептиками гробницу?»

Поглощенный обжигавшими сознание мыслями, О'Доннелл шел к своему кабинету машинально, не замечая окружающих. Так же машинально он открыл его дверь и вошел внутрь.

Сев за стол, О'Доннелл продолжал размышлять. «Больные идут к нам с надеждой и верой, но достойны ли мы этой веры? Компенсируют ли наши успехи наши неудачи и промахи? Сможем ли мы со временем самоотверженностью загладить наши ошибки?»

Потом в голову пришли более приземленные мысли: «Начиная с сегодняшнего дня мы будем многое менять. Надо латать обнажившиеся бреши, надо искать другие слабые места — в самих себе, в организации работы клиники. И больше самокритики, больше самоанализа. Сегодняшние драмы должны стать скорбным крестом, сигналом к обновлению.

Работа предстоит огромная. Начать следует с отделения патологической анатомии, где начались все эти бедствия. Потом еще несколько отделений, где все надо менять буквально в пожарном порядке. Да и остальное требует реорганизации. Весной начнется строительство новых корпусов. Значит, две программы придется выполнять одновременно».

В это время на столе резко зазвонил телефон.

— Доктор О'Доннелл, вас междугородняя.

Это была Дениз. В голосе ее по-прежнему звучала ласковая хрипотца, которая так привлекала его. После обмена приветствиями она сказала:

— Кент, дорогой, я хочу, чтобы в следующие выходные ты приехал в Нью-Йорк. На вечер пятницы я пригласила несколько человек и хочу тебя им представить.

О'Доннелл колебался всего одно мгновение, потом сказал:

— Мне очень жаль, Дениз, но я не смогу приехать.

— Но ты должен приехать. — В голосе Дениз прозвучала упрямая настойчивость. — Я уже разослала приглашения и не могу их отменить.

— Боюсь, ты неправильно меня поняла. — Он принялся неуклюже подыскивать верные слова: — У нас случилась эпидемия, и я не смогу отлучиться до тех пор, пока она не закончится. Есть еще несколько неотложных дел, которыми мне необходимо заняться.

— Но, дорогой, ты же обещал мне, что приедешь в Нью-Йорк по первому моему зову. — В тоне Дениз теперь улавливалось явное раздражение.

Если бы Дениз была рядом! Тогда он смог бы все ей объяснить, и она бы его поняла. Но не обманывает ли он себя?

— К сожалению, я не мог предвидеть всего, что произошло.

— Но ты же главный хирург клиники, ты руководитель. Неужели нет людей, которым можно на пару дней поручить свои обязанности? — Дениз по-прежнему не желала ничего понимать.

— Боюсь, что таких людей нет, — спокойно ответил он.

На противоположном конце провода повисло молчание. Потом Дениз напомнила:

— Я предупреждала тебя, Кент, что я страшная собственница.
— Дениз, дорогая, прошу тебя... — начал было О'Доннелл, но осекся.
— Это твой окончательный ответ? — Голос в трубке звучал любезно, почти ласково.

— По необходимости да, — сказал он. — Прости... Я позвоню тебе, Дениз, сразу, как только смогу отлучиться отсюда.

— Да, пожалуйста, сделай это, Кент. До свидания, — сказала она.

— До свидания, — ответил О'Доннелл и в задумчивости положил трубку на рычаг.

Время близилось к полудню. Шел второй день вспышки брюшного тифа.

Как и предсказывал доктор Пирсон, основная масса кала на анализ начала поступать в лабораторию в течение предыдущего часа.

Ряды картонных коробочек стояли на центральном столе лаборатории. На каждой коробочке значилось имя человека, сдавшего анализ, и сидевший за столом на деревянном стуле Пирсон снабжал каждую коробочку серийным номером и прикладывал к ней бланк для результатов анализа.

Сидевшие позади Пирсона Коулмен и Александер готовили среды для посева культур.

Расположившийся в противоположном конце лаборатории Баннистер работал над материалами, которые Макнил, ставший на время ответственным патологоанатомом, считал первоочередными.

В лаборатории страшно воняло.

За исключением Коулмена, все в помещении курили. Когда с очередных коробочек снимали крышки, Пирсон, борясь с запахом, выпускал огромные клубы сигарного дыма. Незадолго до этого Пирсон предложил сигару Коулмену, и молодой патологоанатом даже раскурил ее, но потом решил, что сигарный дым хуже каловой вони, и затушил сигару.

Молоденький курьер, заклятый враг Баннистера, был наверху блаженства, доставляя в лабораторию пахучий материал. Каждую новую партию он сопровождал издевательской шуточкой. Придя в первый раз, он посмотрел на Баннистера и объявил:

— Ребята нашли верное место, куда посылать эти коробочки.

В следующий раз он сказал Коулмену:

— Вот вам шесть ароматов на выбор, доктор.

А теперь, поставив очередную партию перед Пирсоном, провозгласил:

— Как вам эти сливки с сахаром, сэр?

Пирсон, не подняв головы от стола, злобно фыркнул.

Джон Александер делал свое дело методично, полностью сосредоточившись на работе. Движения его отличались плавностью и быстротой, так понравившейся Коулмену при их первой встрече. Александер брал коробочку с материалом и, пододвинув к себе чашку Петри, маркером копировал на чашку номер коробочки. Потом снимал с нее крышку, брал за деревянную рукоятку тонкую платиновую петлю и прокаливал ее в пламени горелки.

Взяв петлей немного кала из образца, он погружал его в пробирку со стерильным физиологическим раствором. Снова прокалив петлю, он погружал ее в раствор и переносил материал на агар — питательную среду в чашке Петри, проводя штрих по поверхности агара.

Александер надписал очередную пробирку и поставил ее в штатив. Взяв со стола чашку Петри с посевом, он понес ее в термостат. Там культура будет стоять до следующего утра, когда из нее, при необходимости, будут взяты субкультуры. Ускорить этот процесс было невозможно.

Обернувшись, он увидел за спиной Дэвида Коулмена. Повинуясь неожиданному импульсу, Александер тихо, посмотрев на сидевшего за столом Пирсона, сказал:

— Доктор, я хочу вам кое-что сказать.

— Что именно? — Коулмен поставил свою чашку Петри в термостат и закрыл его дверцу.

— Я... то есть мы... решили последовать вашему совету. Я собираюсь подавать документы на медицинский факультет.

— Я рад, — искренне ответил Коулмен. — Уверен, что все будет хорошо.

— Что будет хорошо? — спросил вдруг Пирсон, подняв голову от стола.

Коулмен вернулся на свое рабочее место, открыл следующую коробочку и буднично сказал:

— Джон сказал, что собирается поступать на медицинский факультет. Недавно я советовал ему это сделать.

— О! — удивился Пирсон и метнул пристальный взгляд на Александра. — Как же вы будете учиться?

— Моя жена может работать, это во-первых, доктор. Кроме того, я могу подрабатывать лаборантом, так делают многие студенты-медики. — Александер посмотрел на Коулмена и добавил: — Я и не воображаю, что это будет легко. Но мы думаем, что попробовать стоит.

— Понятно. — Пирсон выдохнул клуб табачного дыма. Он хотел сказать что-то еще, но потом заколебался. И, только помолчав, спросил: — Как чувствует себя ваша жена?

— У нее все будет в порядке. Спасибо, доктор, — негромко ответил Джон.

На мгновение наступила тишина. Потом Пирсон медленно произнес:

— Мне бы очень хотелось хоть что-нибудь вам сказать. Но не думаю, что от этих слов будет какой-то прок.

Александр посмотрел старику в глаза:

— Да, доктор Пирсон, от слов прока не будет.

Вивьен, откинувшись на подушку, пыталась читать принесенный матерью роман. Но слова и их смысл ускользали от ее сознания. Она вздохнула и положила книгу на одеяло. Сейчас она всей душой жалела, что запретила Майку показываться ей на глаза. Может быть, послать за ним кого-нибудь? Она посмотрела на телефон. Если позвонить, то Майк прибежит через несколько минут. Вообще, как могла прийти ей в голову эта глупая идея — побыть несколько дней в разлуке, чтобы все обдумать? Они же любят друг друга, разве этого не достаточно? Позвонить? Рука ее задрожала. Она уже потянулась к трубке, но чувство целесообразности пересилило. Нет! Она будет ждать. Уже прошел второй день. Еще три дня пролетят быстро, а потом Майк вернется к ней — вернется навсегда.

Майк, вырвавшись на полчаса, упал в глубокое кожаное кресло комнаты отдыха младшего врачебного персонала. Он делал именно то, что велела ему Вивьен: думал о том, каково это — жить с женщиной, у которой осталась только одна нога.

Глава 23

Прошло четверо суток после выявления первого случая брюшного тифа в клинике Трех Графств.

Днем в кабинете администратора собрались председатель совета директоров Ордэн Браун, главный хирург Кент О’Доннелл и хозяин кабинета. Браун и О’Доннелл с серьезными лицами слушали, как Гарри Томазелли говорит по телефону.

— Да, — сказал администратор, — я все понимаю. — Последовала пауза, затем он продолжил: — Если это так необходимо, то мы согласимся с любыми предписаниями. Итак, в пять часов. До свидания.

Он положил трубку.

— Ну? — нетерпеливо спросил Ордэн Браун.

— Городской департамент здравоохранения дает нам время до вечера, — ответил Томазелли. — Если к этому времени мы не выявим носителя инфекции, то департамент закроет нашу кухню.

— Они понимают, что это значит? — закипая, спросил О’Доннелл и встал. — Они понимают, что это равносильно закрытию клиники? Разве вы не сказали им, что поставщики готовых блюд могут обеспечить едой всего лишь горстку пациентов?

Не теряя хладнокровия, Томазелли ответил:

— Да, я говорил, но это не произвело на них ни малейшего впечатления. Департамент здравоохранения опасается, что эпидемия может перекинуться и на город.

— Есть какие-нибудь новости из отделения патологической анатомии?

— Нет, — покачал головой О’Доннелл. — Они продолжают работу. Я был там полчаса назад.

— Я не могу этого понять! — возмутился Ордэн Браун. — За четыре дня в клинике выявлено десять случаев брюшного тифа — из них четверо пациентов, — а мы до сих пор не можем обнаружить источник!

— Это очень большая нагрузка для лаборатории, — объяснил О’Доннелл, — они не сидят сложа руки.

— Никто никого не обвиняет, — отрывисто бросил Ордэн Браун, — по крайней мере пока. Но мы просто обязаны дать результат.

— Джо Пирсон сказал, что все культуры будут готовы к завтрашнему утру. Если носитель инфекции — работник кухни, то они выявят его, самое позднее, завтра до полудня.

О'Доннелл обратился к Томазелли:

— Может быть, попробуешь убедить департамент подождать хотя бы до завтра?

Администратор вздохнул:

— Я пытался. Но они и так уже дали нам четыре дня. Больше ждать не хотят и не могут. Чиновник департамента прибудет сюда в пять часов. Если к этому времени носитель не будет найден, то, боюсь, нам придется принять неизбежное.

— И что вы предлагаете? — спросил Ордэн Браун.

— Мой отдел уже работает. Мы исходим из того, что клинику придется на время закрыть. — Было видно, что Томазелли потрясен не меньше остальных.

Наступило молчание, потом администратор обратился к О'Доннеллу:

— Кент, ты не сможешь прийти сюда в пять часов, чтобы вместе со мной встретить чиновника из департамента?

— Приду, — мрачно ответил О'Доннелл. — Думаю, я просто обязан быть здесь.

* * *

Напряжение, царившее в лаборатории, могло сравниться лишь с усталостью работавших здесь трех человек.

Джо Пирсон сильно осунулся, глаза его покраснели, а медлительность движений выдавала неимоверное утомление. Четыре дня и три ночи он провел в клинике, выкраивая по несколько часов сна на кушетке, которую перенес из коридора в свой кабинет. Старик уже два дня не брился. Костюм был сильно помят, волосы всклокочены. Он лишь однажды, на второй день, отлучился из клиники на несколько часов. Никто не знал, где он, и Коулмен не смог его найти, несмотря на неоднократные звонки администратора и главного хирурга, искавших заведующего отделением. Появившись на рабочем месте, Пирсон не объяснил причин своего отсутствия.

— Сколько культур мы уже обработали? — спросил Пирсон.

Коулмен заглянул в список:

— Восемьдесят девять. В термостате стоят еще пять, за которые мы возьмемся завтра утром.

Дэвид Коулмен выглядел свежее, нежели Пирсон, во всяком случае, в том, что касалось внешнего вида. В отличие от Пирсона он каждую ночь спал у себя дома, но уходил из лаборатории далеко за полночь, а

возвращался около шести часов утра. Поэтому тоже чувствовал невыносимую усталость и молил Бога, чтобы не уступить в выносливости старику.

Коулмена поражал Джон Александер. К его приходу молодой лаборант уже был на месте и работал как хорошо отлаженная машина. Движения его были неизменно точны и размеренны, бланки заполнены четким, разборчивым почерком. Джону с самого начала этой адовой работы были не нужны инструкции. Он настолько хорошо все понимал, что Пирсон, последив за ним в первый день, перестал вмешиваться в его работу.

— Что у нас с субкультурами? — обратился Пирсон к Александеру.

Заглянув в журнал, Джон ответил:

— Из восьмидесяти девяти проверенных чашек сорок две были отобраны для высева субкультур. Субкультур высеяно двести восемьдесят.

Пирсон начал прикидывать, затем вполголоса произнес:

— Выходит, надо проверить еще сто десять субкультур, включая завтрашнюю партию.

Коулмен взглянул на Александера. Интересно, что он сейчас чувствует? Не бросился ли он с головой в работу, чтобы хоть как-то отвлечься от своего горя? Прошло четыре дня с тех пор, как умер его ребенок. Потрясение, вызванное несчастьем, внешне уже не проявлялось. Коулмену, однако, казалось, что эмоции Александера продолжают бушевать, и отголоском их было высказанное молодым человеком твердое намерение стать врачом. Пока Коулмен не стал углубляться в эту тему, но решил серьезно поговорить с Александером после аврала. Он мог многое ему посоветовать, основываясь на собственном опыте. Кроме того, что Джону нелегко будет снова стать студентом после неплохо оплачиваемой работы, его следовало предупредить и о других трудностях, ожидающих студентов-медиков в самом начале их тернистого пути.

Четвертый член этой команды, Карл Баннистер, был от работы освобожден. Старший лаборант отработал три дня и три ночи, в одиночку справляясь с повседневной работой лаборатории и помогая остальным, когда те окончательно зашивались. Однако сегодня утром речь Баннистера стала смазанной, движения — неуверенными, и Коулмен, не поставив в известность Джо Пирсона, отпустил его домой. Старший лаборант, бесконечно благодарный Коулмену, не стал спорить и ушел домой.

Подготовительная работа с пробами кала, прибывающими в лабораторию, шла непрерывно. Ко второму дню первые пробы были достаточно время в термостате и были пригодны для дальнейшего исследования. Для того чтобы бесперебойно работать, Джо Пирсон снова

перераспределил силы. Джон Александер и он занялись второй стадией исследования, а Коулмен продолжал обрабатывать поступающие образцы.

На агаре извлеченных из термостата чашек Петри были видны влажные розоватые колонии бактерий, размножившихся за сутки. Теперь предстояло отделить колонии очевидно безвредных бактерий от колоний, напоминающих брюшнотифозные. Эти последние надо было подвергнуть дальнейшей обработке.

Розоватые колонии сразу отбрасывались как не содержащие брюшнотифозных бактерий. Из бледных колоний, в которых могли прятаться бациллы брюшного тифа, материал переносили в десять пробирок. Каждая пробирка содержала особый реагент. После инкубации в термостате этих пробирок будет ясно, в какой пробе находится инфекционная тифозная бацилла.

Сегодня, на четвертый день, все пробы находились наконец в термостате. Эти пробы были взяты в клинике у всех, кто имел хоть какое-то отношение к приготовлению и раздаче пищи. Окончательный ответ лаборатория сможет дать только завтра утром. Сейчас же все двести восемьдесят пробирок с субкультурами, о которых доложил Александер, были расставлены в штативы и поставлены в термостат. Среди тех проб, что были уже исследованы до конца, пробы носителя, которого пытались найти уже четвертый день подряд, не обнаружили.

Зазвонил висевший на стене телефон, и Пирсон, сидевший к нему ближе всех, поднял трубку.

— Да? — ответил он и после паузы сказал: — Нет, пока ничего. Позвоним сразу, как только что-нибудь обнаружим. — Он повесил трубку.

Джон Александер вдруг ощутил сильнейшую усталость. Он заполнил очередной бланк и откинулся на спинку стула. Закрыв глаза, он наслаждался минутой праздного отдыха.

— Отдохни пару часов, Джон, — предложил ему Коулмен. — Поднимись к жене.

Александер встал. Он понимал, что если посидит еще минуту, то заснет.

— Обработаю еще один штатив и пойду, — сказал он.

Он достал из термостата еще один штатив с десятью пробирками, положил на стол чистый бланк и приготовился к работе. Посмотрев на часы, он с удивлением обнаружил, что заканчивается очередной рабочий день. Было без десяти пять.

Кент О'Доннелл положил трубку.

— Джо Пирсон говорит, что пока ничего нового, — ответил он на немой вопрос Томазелли.

В обшитом березовыми панелями кабинете администратора снова воцарилась тишина. Оба понимали все зловещее значение этих слов: «ничего нового». Оба знали, что за стенами кабинета со скрежетом останавливается механизм клиники.

После полудня, согласно заранее разработанному Томазелли плану, началось свертывание служб клиники ввиду угрозы закрытия кухни. Начиная с завтрашнего утра еду для сотни тяжелых, нетранспортабельных пациентов и пациентов, находящихся на строгой диете, будут готовить в двух местных ресторанах. Предполагалось также выписать из клиники всех, кого можно, а остальных перевести в другие лечебные учреждения Берлингтона и его окрестностей, где для них уже были подготовлены места.

Приказ о начале эвакуации больных Томазелли отдал час назад, понимая, что она затянется до глубокой ночи. Перед входом в отделение неотложной помощи начали выстраиваться машины «скорой помощи», вызванные по телефону отовсюду, откуда было возможно. В отделениях медсестры и врачи начали перемещать больных с коек на каталки и кресла, готовя их к переезду. Это был грустный и мрачный момент. Впервые за всю свою сорокапятилетнюю историю клиника Трех Графств закрыла двери перед больными и страждущими.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошел Ордэн Браун. Он внимательно выслушал доклад Томазелли о том, что было сделано за истекшие четыре часа.

Когда Томазелли замолчал, Браун спросил:

— Чиновник из департамента еще не приехал?

— Нет, — ответил Томазелли. — Ждем с минуты на минуту.

— Тогда, если не возражаете, я подожду вместе с вами, — негромко произнес Браун.

Немного помолчав, председатель совета директоров обратился к О’Доннеллу:

— Кент, сейчас это не важно, но я все же скажу, пока не забыл. Мне звонил Юстас Суэйн. Он хочет, чтобы ты приехал к нему, когда все это закончится.

В первый момент бесстыдство этого предложения лишило О’Доннелла дара речи. Было совершенно очевидно, зачем Юстас Суэйн хочет его видеть. Причина одна — несмотря ни на что, старик хочет использовать деньги и влияние для того, чтобы отстоять своего друга, Джо Пирсона.

После того, что произошло за последние несколько дней, такая слепота и предвзятость казались невероятными. В груди О’Доннелла вскипела ярость.

— К черту Юстаса Суэйна и все его козни! — импульсивно воскликнул он.

— Могу напомнить, — ледяным тоном возразил Ордэн Браун, — что речь идет об одном из членов совета директоров. Какими бы ни были между вами разногласия, он заслуживает любезного обращения.

О’Доннелл вперил пылающий взгляд в Брауна. «Очень хорошо, если вы хотите войны, то вы ее получите, подумал он. Я покончил с политическими играми — раз и навсегда».

В этот момент на столе администратора загудел селектор.

— Мистер Томазелли, — послышался женский голос, — только что прибыл чиновник из департамента здравоохранения.

Было без трех минут пять.

Точно так же, как ровно шесть недель назад, когда О’Доннелл получил от Билла Руфуса первое предупреждение о надвигавшихся бедах, колокола церкви Искупления пробили наступление нового часа. Словно повинуясь этому сигналу, маленькая группа двинулась по коридорам клиники Трех Графств. Впереди шел Кент О’Доннелл, за ним — Ордэн Браун, Гарри Томазелли и доктор Норберт Форд, чиновник Берлингтонского департамента здравоохранения. Шествие замыкали миссис Строган, главная диетсестра, присоединившаяся к остальным, когда они выходили из кабинета администратора, и молодой помощник Форда, фамилию которого О’Доннелл забыл в суете взаимных представлений.

Теперь, когда гнев утих, О’Доннелл был рад приезду чиновника. Это вторжение помешало стычке между ним и Ордэном Брауном перерасти в серьезную ссору. Главный хирург понимал, что все они, включая и его самого, находятся в последние несколько дней в страшном напряжении, а председатель совета директоров в данной ситуации просто передал приглашение. Возмущение О’Доннелла вызвал не Браун, а Юстас Суэйн, и Кент уже сам хотел встретиться со старым воротилой с глазу на глаз, когда закончится вся эта история с эпидемией. Не важно, с чего начнет разговор Суэйн, он, О’Доннелл, будет говорить с ним прямо и открыто, невзирая на возможные последствия.

Группа по предложению О’Доннелла решила в первую очередь наведаться в отделение патологической анатомии.

— По крайней мере вы увидите, что мы делаем все от нас зависящее

для выявления источника инфекции, — сказал он чиновнику.

— У меня нет оснований полагать, что вы ничего не делаете, и я вряд ли могу чем-то помочь вашим патологоанатомам, — усомнился доктор Форд. Но О’Доннелл настоял на своем, и вот теперь все они спускались в подвал, в отделение патологической анатомии.

Джон Александер поднял голову, посмотрел на вошедших и снова занялся пробирками. Пирсон, увидев О’Доннелла и Брауна, встал и направился к ним навстречу, вытирая на ходу руки о полы покрытого пятнами халата. По знаку администратора встал и Коулмен.

О’Доннелл представил людей друг другу. Когда Пирсон пожимал руку чиновнику, доктор Форд спросил:

— Вы что-нибудь нашли?

— Пока нет. — Пирсон жестом обвел лабораторию: — Как видите, мы до сих пор работаем.

— Джо, я думаю, вы должны это знать, — сказал О’Доннелл. — Доктор Форд собирается закрыть нашу кухню.

— Сегодня? — не веря своим ушам, спросил Пирсон.

— Боюсь, что да, — серьезно заявил чиновник.

— Но вы не можете этого сделать! Это же смешно! — Перед ними снова был прежний несгибаемый и воинственный Пирсон, усталые глаза его вспыхнули гневом. Он набросился на чиновника: — Мы работаем не покладая рук. Мы будем работать всю ночь и исследуем все оставшиеся субкультуры. Мы непременно закончим к завтрашнему полудню. Если носитель находится среди работников кухни, мы найдем его со стопроцентной гарантией.

— Простите, — вежливо возразил доктор Форд, — мы не можем полагаться на случай.

— Закрытие кухни автоматически влечет за собой закрытие клиники, — продолжал пылать Пирсон. — Не сомневаюсь, что вы можете подождать до утра.

— Боюсь, что нет, — вежливо, но твердо произнес доктор Форд. — Кроме того, это не только мое решение. Нельзя допустить дальнейшего распространение эпидемии. Пока брюшной тиф ограничен стенами вашей клиники, но болезнь может в любой момент вырваться в город. Мы думаем об этом.

В разговор вмешался Томазелли:

— Мы сейчас раздаем ужин, Джо, и это будет последняя раздача. Мы выписали всех, кого смогли, а остальных перевели в другие клиники.

Наступила тишина. Лицо Пирсона страдальчески исказилось. Его

глубоко запавшие, покрасневшие от усталости глаза наполнились слезами. Почти шепотом он произнес:

— Никогда не думал, что доживу до такого дня...

Когда группа собралась уходить, О'Доннелл тихо сказал:

— Сказать правду, Джо, я тоже не думал.

Они уже были в дверях, когда раздался голос Джона Александера:

— Я ее нашел!

Визитеры обернулись, и Пирсон резко спросил:

— Вы нашли — что?

— Это определенно сальмонелла брюшного тифа. — Александер указал рукой на ряд пробирок, с которыми только что работал.

— Дайте я взгляну! — Пирсон почти бегом устремился к рабочему столу. О'Доннелл и остальные вернулись в лабораторию.

Пирсон осмотрел ряд пробирок и нервно облизнул высохшие от волнения губы. Если Александер прав, то наступил момент, ради которого они работали все эти дни и ночи.

— Читайте список реакций, — хрипло сказал Пирсон.

Александер взял с полки руководство по микробиологии и раскрыл разворот с таблицей биохимических реакций, происходящих в бактериальных клетках в растворах различных сахаров. Положив палец на столбец, озаглавленный «Сальмонелла брюшного тифа», Александер приготовился читать.

Пирсон взял первую из десяти пробирок и прочитал этикетку:

— Глюкоза.

Александер посмотрел в таблицу:

— Образование кислоты, но без газообразования.

Пирсон кивнул. Поставив на место первую пробирку, он взял из штатива следующую:

— Лактоза.

— Нет образования кислоты, нет газообразования.

— Правильно. Фруктоза.

— Нет образования кислоты, нет газообразования, — прочитал Александер.

— Сахароза.

— Нет образования кислоты, нет газообразования. Еще одна реакция, характерная для брюшнотифозной бациллы. Напряжение в лаборатории нарастало.

Пирсон взял следующую пробирку:

— Маннитол.

- Образование кислоты, но без газообразования.
- Правильно. — Он взялся за следующую пробирку: — Мальтоза.
- Кислота, но без газообразования.

Пирсон кивнул. Проверено шесть пробирок. Осталось четыре.

- Ксилоза.
- Кислота, но без газообразования.

Седьмая пробирка.

- Арабиноза.
- Кислота без газообразования или отсутствие реакции. Восьмая.

Осталось две.

- Рамноза?
- Нет реакции.

Пирсон внимательно посмотрел на пробирку и тихо повторил:

- Нет реакции.

Осталась одна пробирка.

На последней пробирке была надпись «Образование индола». Пирсон прочел ее вслух.

- Реакция отрицательная, — сказал Александер и закрыл книгу.

Пирсон обернулся к остальным:

- Не может быть никаких сомнений. Это анализ носителя.
- Кто он? — спросил опередивший всех Томазелли.

Пирсон перевернул чашку Петри и прочитал номер:

- Семьдесят два.

Коулмен уже протянул руку к стеллажу, где лежал составленный им список обследованных.

- Шарлотта Берджес, — громко объявил он.

— Я ее знаю! — торопливо произнесла миссис Строган. — Она работает на раздаче.

Как по команде все дружно посмотрели на стенные часы. Было семь минут шестого.

— Ужин! — трагическим тоном воскликнула миссис Строган. — Уже начали раздавать ужин!

- Скорее в столовую! — Говоря это, Томазелли был уже в дверях.

В палату, расположенную на втором этаже, вошла старшая сестра отделения и смущенно посмотрела сначала на Вивьен, а потом на написанный на двери номер.

— Правильно, вы мисс Лоубартон. — Она заглянула в список и сделала пометку карандашом. — Вас переводят в клинику Западного

Берлингтона.

— Когда меня перевезут? — спросила Вивьен. Она с утра знала о предстоящем переводе и его причинах.

— «Скорая помощь» перегружена, — ответила старшая сестра. — Думаю, придется подождать несколько часов. Постовая сестра поможет вам собрать вещи, времени у вас больше чем достаточно.

— Спасибо, — сказала Вивьен.

Озабоченно заглянув в папку со списком, старшая сестра кивнула и вышла из палаты.

Теперь Вивьен решила позвонить Майку. Пять дней разлуки, о которых они договорились, истекут только завтра, но не могли же они знать, что будет эпидемия и эвакуация. Да и вообще, она уже жалела о своей затее; теперь она казалась ей глупой и вздорной, как только такое могло прийти ей в голову?

Не испытывая больше колебаний, она потянулась к телефону. Когда телефонистка ответила, Вивьен сказала:

— Соедините меня, пожалуйста, с доктором Майком Седдонсом.

— Минутку.

Ждать пришлось несколько минут, потом в трубке снова раздался голос телефонистки:

— Доктор Седдонс в настоящий момент сопровождает тяжелого больного в другую клинику. Может быть, вас соединить с кем-то еще?

— Нет, спасибо, — ответила Вивьен. — Я могу оставить для него сообщение?

— Сообщение медицинского характера? — спросила телефонистка.

— Нет, не совсем, — замаявшись, ответила Вивьен.

— Мы принимаем только экстренные сообщения медицинского характера. По другому вопросу позвоните, пожалуйста, позже. — В трубке раздался щелчок и наступила тишина. Вивьен медленно положила ее на рычаг.

Из коридора слышались какой-то шум и громкие голоса. Там, в коридоре, что-то происходило. Раздалась отрывистая команда, потом на пол грохнулось что-то тяжелое, и Вивьен услышала взрыв хохота. Во всем этом не было ничего экстраординарного, обычная клиническая суэта, но в этот миг Вивьен захотелось принять участие в общем деле, разделить с другими хлопоты и волнение. Потом она опустила глаза и посмотрела на одеяло, туда, где был провал на месте отсутствующей левой ноги. Впервые за последние дни Вивьен вдруг остро, до боли и отчаяния, ощутила свое одиночество.

— О, Майк! — шепотом взмолилась она. — Майк, дорогой мой, где бы ты ни был, приходи ко мне скорее!

Медсестра Пенфилд уже хотела войти в столовую, когда вдруг увидела группу людей, стремительно приближавшихся по коридору. Среди них она узнала главного хирурга и администратора. За ними, покачивая на ходу своими огромными грудями и едва поспевая, шла главная диетсестра миссис Строган.

Войдя в столовую, администратор замедлил шаг и сказал миссис Строган:

— Я хочу, чтобы все было сделано быстро и без лишнего шума.

Диетсестра кивнула, и все они вошли в кухню через служебный вход.

О’Доннелл знаком подозвал сестру Пенфилд.

— Прошу вас, пойдите с нами. Я хочу, чтобы вы нам помогли.

Все, что происходило дальше, было исполнено с виртуозной стремительностью. Только что женщина средних лет спокойно работала за прилавком раздачи. Но в следующий миг миссис Строган, взяв ее под руку, вывела в служебное помещение.

— На одну минуту, — сказал О’Доннелл ошеломленной женщине и обратился к сестре Пенфилд: — Побудьте с ней в кабинете диетсестры. — Потом приказал миссис Строган: — Возьмите пищу, которую она раскладывала в тарелки, и сожгите ее. Соберите по возможности все, что успели раздать. Соберите всю посуду, которой она касалась, и обварите ее кипятком.

К прилавку подошла главная диетсестра. В считанные минуты инструкции О’Доннелла были выполнены. О том, что здесь происходило, могли догадаться только люди, находившиеся ближе всех к раздаче.

О’Доннелл прошел в кабинет диетсестры.

— Миссис Берджес, — обратился он к перепуганной работнице кухни, — я вынужден попросить вас с этой минуты считать себя пациенткой клиники. — И мягко добавил: — Не тревожьтесь, вам сейчас все объяснят. — Сестре Пенфилд он сказал: — Отведите больную в изолятор. Она не должна ни с кем контактировать. Я позвоню доктору Чендлеру, и он скажет, что делать дальше.

Взяв испуганную женщину под руку, Элен Пенфилд увела ее из кухни.

— Что с ней теперь будет, доктор О.? — с любопытством спросила миссис Строган.

— Поместят в изолятор, и ее некоторое время будут наблюдать терапевты, — ответил О’Доннелл. — Иногда у носителей брюшного тифа

поражается инфекцией желчный пузырь, и если в данном случае это так, то миссис Берджес придется прооперировать. Наблюдать, конечно, станут всех, кто заразился. За этим проследит Харви Чендлер.

В это время администратор говорил по телефону.

— Я же сказал: отменить все переводы, выписки — выписывать только здоровых. Отменить заказ еды в ресторанах, вообще все экстренные меры. Когда вы это сделаете, позвоните в приемное отделение. Скажите им, что клиника Трех Графств работает в обычном режиме.

Томазелли повесил трубку, широко улыбнулся и взял из рук миссис Строган чашку кофе, который она налила администратору из своего личного кофейника.

— Кстати, миссис Строган, у меня не было времени сказать вам об этом раньше, но сейчас я скажу: вы получите новые посудомоечные машины. Совет директоров одобрил покупку и выделил средства. Надеюсь, монтаж начнется на следующей неделе.

Диетсестра важно кивнула; она, кажется, нисколько не удивилась услышанному и теперь думала уже о другом.

— Уж коль вы здесь, мистер Т., я хочу кое-что вам показать. Мне нужен большой холодильник. — Она строго посмотрела на администратора: — Надеюсь, что для его установки не потребуется еще одна эпидемия?

Администратор тяжело вздохнул и встал.

— У вас нет на сегодня больше никаких проблем? — спросил он О’Доннелла.

— На сегодня нет, — ответил О’Доннелл. — Правда, завтра я хочу лично обсудить с вами одну вещь.

Он думал в это время о Юстасе Суэйне.

Глава 24

Дэвид Коулмен не спал почти всю ночь. Мысленно он снова и снова возвращался к клинике Трех Графств, отделению патологической анатомии и доктору Джозефу Пирсону.

События последних четырех дней ни на йоту не уменьшили вины доктора Пирсона в смерти ребенка Джона Александера. Его ответственность за эту смерть осталась неизменной. Прежним осталось и мнение Коулмена об административном беспорядке, творившемся в отделении Пирсона. Оно стало болотом, тихой заводью, подернутой ряской отживших концепций и устаревших методов, от которых следовало немедленно избавиться.

Тем не менее за последние четыре дня его отношение к Пирсону стало другим, более мягким и снисходительным. Почему? Всего неделю назад Коулмен смотрел на него как на стареющего, изо всех сил цепляющегося за власть невежду. С тех пор не произошло ничего такого, что могло бы изменить это убеждение. Так почему он испытывает смущение и неловкость, вспоминая о нем теперь?

Конечно, во время вспышки брюшного тифа старик проявил себя решительным и компетентным руководителем, он справился с делом так, как едва ли смог бы справиться с ним Коулмен. Но что тут удивительного? Многолетний опыт не сбросишь со счетов, и старик показал себя в этой ситуации во всем блеске.

Удивительно было другое. Изменилось отношение Коулмена к Пирсону вообще, отношение как к человеку. Исчезла прежняя категоричность оценки. Всего неделю назад он считал старого патологоанатома — невзирая на все его прошлые заслуги — человеком, отставшим в своем деле. Теперь Дэвид Коулмен не был так уверен. Больше того, он догадывался, что в скором времени поколеблется его уверенность и во многих других вещах.

Бессонница рано выгнала его из постели и отправила на работу. В начале девятого он был уже в отделении.

За столом Джозефа Пирсона сидел резидент Макнил.

— С добрым утром, — сказал Роджер. — Вы первый, остальные отсыпаются.

— Мы сильно отстали в прочей работе? — спросил Коулмен.

— Все не так плохо, — ответил Макнил. — Кое-что я отложил — нет

никакой срочности, а все остальное в полном порядке. — И добавил: — Седдонс очень толково мне помогал. Я предложил ему остаться у нас, не возвращаться в хирургию.

Коулмена тревожила еще одна мысль.

— Кстати, о практикантке, которой ампутировали ногу? Ампутированную конечность вскрыли?

Это был тот случай, когда их мнения с Пирсоном по поводу окончательного диагноза разошлись.

— Нет. — Макнил взял со стола одну из лежавших на нем историй болезни. — Имя той девушки — Вивьен Лоубартон. Спешить с ней было некуда, и я отложил вскрытие конечности. Вы хотите сделать его сами?

— Да, — ответил Коулмен, — я сделаю его сам. — Взяв историю болезни, он отправился в прозекторскую.

Принеся из холодильника ампутированную ногу, Коулмен снял марлевый чехол, в который она была завернута. Нога была белой как мел, и холодной как лед. На поверхности среза, сделанного на уровне середины бедра, запеклась кровь. Коулмен начал пальпировать место поражения и сразу нащупал опухоль — твердую массу, расположенную на средней поверхности голени, непосредственно под коленом. Взяв нож, он сделал глубокий разрез и погрузился в работу.

Слуга принял у О’Доннелла плащ и шляпу и повесил их в гардеробную темноватой передней с высокими потолками. Оглядевшись, О’Доннелл удивился: почему некоторые люди — не важно, богатые или бедные — предпочитают жить в такой обстановке? Наверное, таким людям, как Юстас Суэйн, мрачный простор жилища, избыток грубого бруса и деревянных панелей, стены из дикого камня внушают чувство феодального могущества, чувство, берущее начало в давней старине, в глубинах человеческой истории. Что будет с этим домом, когда старик умрет? Скорее всего здесь устроят музей или картинную галерею, а может быть, он опустеет и начнет медленно приходить в упадок, подобно многим домам такого рода. Мысль о том, что кто-то захочет его купить, показалась О’Доннеллу маловероятной. Логика подсказывала, что в пять часов вечера такой дом должен закрываться до следующего утра. Потом он вспомнил, что в этих мрачных стенах прошло детство Дениз. Была ли она здесь счастлива?

— Мистер Суэйн чувствует себя сегодня несколько утомленным, сэр, — сказал слуга. — Он спрашивает, не будете ли вы возражать, если он примет вас в спальне.

— Нет, я не буду возражать, — ответил О’Доннелл. Он вдруг подумал, что спальня — самое подходящее место для предстоящего разговора. Если Юстаса Суэйна в результате хватит удар, его по крайней мере не придется переносить в постель.

Вслед за слугой он поднялся по полукруглой лестнице в коридор второго этажа. Толстый ковер скрадывал звук шагов. По коридору они дошли до массивных дубовых дверей. Слуга тихонько постучал, повернул кованую ручку и пропустил О’Доннелла в обширное помещение.

Сначала О’Доннелл не заметил Юстаса Суэйна. Первое, что ему бросилось в глаза, был громадный камин, внутри которого гудели охваченные пламенем бревна. Камин излучал зной. В спальне стояла невыносимая жара, показавшаяся странной этим прохладным, почти осенним утром. Только после этого О’Доннелл увидел Суэйна, опиравшегося на подушки в огромной кровати среди четырех столбов. Приблизившись, О’Доннелл был поражен перемене, происшедшей со стариком с того времени, как он видел его последний раз — за ужином в обществе Ордэна Брауна и Дениз. Суэйн осунулся и сильно похудел, украшенный монограммой халат висел на его плечах.

— Спасибо, что пришли, — произнес Суэйн. Голос его тоже стал намного слабее, чем прежде. Жестом он указал на стоявший возле кровати стул.

— Мне передали, что вы хотите меня видеть, — сказал О’Доннелл усевшись. Мысленно Кент уже отказался от заготовленных дома резких высказываний. Его позиция в отношении Джо Пирсона, естественно, нисколько не изменилась, но излагать ее он будет мягче. Кент не желал схватки со старым больным человеком, слишком неравны были их силы.

— Ко мне приходил Джо Пирсон, — начал Суэйн. — Это было, насколько я помню, три дня тому назад.

Так вот где был Джо, когда вся клиника сбилась с ног в его поисках.

— Да, — отозвался О’Доннелл. — Я почему-то так и думал, что он это сделает.

— Он сказал мне, что уходит из клиники. — В голосе Суэйна чувствовалась бесконечная усталость; не было и следа недовольства, с которым ожидал столкнуться О’Доннелл.

— Это правда, — ответил главный хирург, с любопытством ожидая продолжения.

Старик молчал. Снова он заговорил только после долгой паузы.

— Кажется, бывают ситуации, которыми никто не может управлять. — Теперь в его тоне слышалась горечь. Или это было смирение?

— Да, такие ситуации бывают, — мягко произнес О’Доннелл.

— Придя ко мне, Джо Пирсон сделал два предложения. Первое: мое пожертвование в пользу клиники не должно быть оговорено никакими условиями. Я согласился с этим предложением.

Старик снова замолчал. И во время этой паузы О’Доннелл наконец осознал значение его слов. Суэйн между тем продолжил:

— Второе предложение было сугубо личным. У вас в клинике есть один сотрудник. Его фамилия, если мне не изменяет память, Александер.

— Да, — подтвердил О’Доннелл, — Джон Александер, лаборант отделения патологической анатомии.

— Он потерял ребенка?

О’Доннелл кивнул.

— Джо Пирсон попросил меня оплатить парню курс обучения на медицинском факультете. Конечно, я могу легко это сделать. Должны же деньги хоть иногда приносить какую-то пользу. — Суэйн протянул руку к большому коричневому конверту, лежавшему на постели поверх пледа. — Я уже дал поручения моим адвокатам. Будет создан фонд, который позволит Александеру оплачивать счета за обучение и, кроме того, содержать семью. Потом, если он захочет пройти специализацию, получит деньги и на нее. — Старик умолк. Долгая речь, видимо, утомила его. Отдохнув, он продолжил: — Но я хочу создать нечто более постоянное. Будут и другие кандидаты — полагаю, столь же достойные. Я хочу, чтобы фонд стал постоянно действующим, а управление им я хочу доверить медицинскому совету клиники Трех Графств. Но я настаиваю на одном условии. — Юстас Суэйн, прищурившись, посмотрел на О’Доннелла и с вызовом произнес: — Он будет называться Фондом медицинских пожертвований Джозефа Пирсона. У вас есть возражения?

Пристыженный и тронутый до глубины души О’Доннелл ответил:

— Сэр, у меня нет и не может быть никаких возражений. Думаю, это самое великое дело из всех, какие вы когда-либо совершили.

* * *

— Я прошу тебя, Майк, говори правду, — сказала Вивьен. — Я хочу ее знать.

Они смотрели в глаза друг другу: Вивьен — лежа на клинической койке, Майк — стоя возле нее и малодушно переминаясь с ноги на ногу.

Это была их первая встреча после пятидневной разлуки. Вчера

вечером, после отмены перевода в другую клинику, она попыталась еще раз дозвониться до Майка, но снова безуспешно. Сегодня утром он пришел к ней сам, как они и договаривались шесть дней назад. Вивьен пристально смотрела ему в лицо, ее грыз страх, инстинктом она уже поняла то, что отказывался принять ее разум.

— Вивьен, — сказал Майк, и она заметила, что его бьет дрожь, — мне надо поговорить с тобой.

Она не ответила, продолжая сверлить его своим прямым строгим взглядом. Майк судорожно облизнул мгновенно пересохшие губы. Лицо его горело, сердце бешено билось. Больше всего ему хотелось повернуться и убежать из палаты, но вместо этого он стоял, подыскивая подходящие слова, которых не было.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Майк. — Голос Вивьен был сухим, ровным и бесцветным. — Ты уже не хочешь на мне жениться. Я всегда буду тебе в тягость — так, как сейчас.

— О, Вивьен, дорогая...

— Не надо, Майк! — прервала его она. — Не надо!

— Пожалуйста, выслушай меня, Вивьен! — умоляюще воскликнул он. — Все не так просто... — Он снова замолчал, не зная, что сказать дальше.

Три дня он тщетно искал нужные слова и фразы, готовясь к этому моменту, хотя и понимал, что, какими ни будут эти слова, действие их окажется одним и тем же. За те несколько дней, что они не виделись, Майк Седдонс побывал в бездонных глубинах своей души и совести. То, что он там нашел, повергло его в отвращение и презрение к себе. Но на поверхность он вернулся с правдой. Теперь он знал, что брак между ним и Вивьен никогда не станет счастливым, и не из-за ее физической инвалидности, а из-за его моральной ущербности.

Копаясь в себе, Майк представлял себе картины их будущей совместной жизни. В беспощадном свете воображения он видел, как они с Вивьен входят в заполненный людьми зал. Он — молодой, мужественный, сильный, подвижный, а рядом с ним Вивьен на протезе, идущая медленной, неуклюжей походкой, опирающаяся на его руку или даже на костыль. Он видел, как ныряет, прыгая с вышки, как полуобнаженный лежит на песчаном пляже, а рядом с ним полностью одетая Вивьен, которой не дано ни нырять, ни загорать, так как невозможно же выставить на всеобщее обозрение безобразный протез. Аесли его снять, она тут же превратится в обездвиженное гротескное существо, от которого все будут отводить жалостливый взгляд.

Но и это еще не все.

Преодолев внутреннюю стыдливость, он подумал и о сексе. В воображении он живо рисовал себе ночную постельную сцену. Будет ли Вивьен отстегивать свою искусственную ногу сама или ему придется ей помогать? Почувствует ли он интимность раздевания, зная, что скрывается под одеждой? Как они будут заниматься любовью — с протезом или без него? Если с протезом, то каково будет Майку чувствовать своим разгоряченным телом холодный бесчувственный пластик? Если без протеза, не противно ли ему будет касаться безобразного обрубка? Какой будет близость с обезображенным, неполным женским телом?

Майк Седдонс потел от волнения и стыда. Он проник в глубины и увидел там свое отвратительное отражение.

— Можешь ничего не объяснять, Майк, — сдавленным голосом произнесла Вивьен.

— Но я хочу объяснить! Я должен объяснить! Нам надо о многом подумать. — Теперь слова лились, как водопад, натыкаясь друг на друга. Вивьен должна, обязана все понять! Понять, какие муки он пережил, прежде чем прийти сюда. Он много думал и понял, что для нее же будет лучше...

Он вдруг увидел, что она смотрит на него в упор. Никогда прежде он не замечал, какой прямой и беспощадный у нее взгляд.

— Не лги, Майк, — сказала она. — Тебе лучше уйти.

Он понимал, что говорить дальше бесполезно. К тому же единственное, чего он хотел, — это бежать отсюда без оглядки, лишь бы не видеть глаз Вивьен. Но он все же колебался.

— Что ты будешь теперь делать? — спросил он.

— Пока не знаю. Если честно, то я еще не думала об этом. — Вивьен говорила твердым голосом, но было заметно, с каким трудом дается ей эта твердость. — Может быть, я все же стану медсестрой, если меня возьмут на работу. Но я не знаю, вылечилась ли я до конца. Если нет, то неизвестно, сколько мне отпущено. Разве не так, Майк?

Он опустил глаза.

Дойдя до двери, он обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на нее.

— Прощай, Вивьен, — сказал он.

Она попыталась ответить, но в этот миг самообладание покинуло ее.

Со второго этажа Майк Седдонс спустился по лестнице в отделение патологической анатомии. Он вошел в прозекторскую и увидел доктора

Коулмена, вскрывающего ампутированную нижнюю конечность. Майк посмотрел на мертвую ногу, увидел ее неестественную белизну, темную кровь, проступившую на краях разрезов. В ужасе он представил себе эту ногу затянутой в нейлон и в туфельке на высокой шпильке. Как зачарованный он подошел к столу и прочитал имя больной на титуле истории болезни.

Майк Седдонс выбежал в коридор и уперся руками в стену. Его долго и неудержимо рвало.

— Добрый день, доктор Коулмен! Входите, входите.

Кент О’Доннелл встал из-за стола, когда в его кабинет вошел молодой патологоанатом. Дэвид Коулмен только что закончил вскрытие ампутированной конечности, когда ему сказали, что его хочет видеть главный хирург клиники.

— Садитесь. — О’Доннелл открыл золотой портсигар с монограммой. — Сигарету?

— Спасибо. — Коулмен взял сигарету, прикурил ее от предложенной О’Доннеллом зажигалки и откинулся на спинку глубокого кожаного кресла. Шестое чувство говорило ему, что предстоящий разговор станет поворотным пунктом в его жизни.

О’Доннелл подошел к окну и встал у подоконника лицом к Коулмену. Силуэт главного хирурга четко выделялся на фоне залитого солнечным светом окна.

— Думаю, вы знаете, — сказал О’Доннелл, — что доктор Пирсон подал прошение об увольнении?

— Да, я слышал об этом, — спокойно ответил Коулмен и вдруг, к собственному удивлению, произнес: — Вы, конечно, знаете, что последние несколько дней он не щадил себя. Он работал в отделении день и ночь.

— Да, это я знаю. — О’Доннелл посмотрел на светящийся кончик сигареты. — Но надеюсь, вы согласитесь, что этот факт ничего не меняет?

Коулмен понимал, что главный хирург прав.

— Да, согласен, — сказал он. — Этот факт ничего не меняет.

— Джо выразил пожелание уйти сразу, — продолжал О’Доннелл. — Это означает, что место руководителя отделения патологической анатомии уже освободилось. Готовы ли вы принять эту должность?

Какую-то секунду Дэвид Коулмен колебался. С одной стороны, он жаждал занять это место — получить в свое распоряжение отделение, получить свободу, возможность осуществить реорганизацию, применить на практике последние научные достижения, заняться хорошей практикой,

помочь патологической анатомии занять подобающее ей почетное место среди других медицинских дисциплин. Он хотел испить эту чашу, и вот теперь О'Доннелл подносит ее к его губам.

В следующий момент его охватил страх. Коулмена ужаснула мера ответственности, которая ляжет на его плечи. До него вдруг дошло, что над ним не будет старшего товарища, способного освободить его от принятия решения; последний выбор — окончательный диагноз — будет за ним одним. Сможет ли он выдержать этот груз? Готов ли он к этому? Он еще молод; если захочет, сможет еще несколько лет оставаться на вторых ролях. После этого перед ним еще будут открыты все возможности, времени хватит с избытком. Но одновременно он понимал, что отступать ему уже некуда, что он уже взвалил на себя бремя ответственности — с того момента, когда переступил порог клиники Трех Графств.

— Да, — ответил он, — если мне предложат эту должность, я ее приму.

— Уверен, вам ее предложат. — О'Доннелл улыбнулся и продолжил: — Хотелось бы вам задать один сугубо не медицинский вопрос. Ответите?

— Если смогу.

— Скажите, что для вас медицина и эта клиника?

— Это трудно выразить словами, — ответил Коулмен.

— Но все же попробуйте.

Дэвид Коулмен задумался. Да, были вещи, для него непреложные, но он даже мысленно никогда не облакал их в слова. Но теперь, видимо, наступило время точно их определить.

— Что касается медицины... — медленно начал он. — Все, что есть в медицине — врачи, сестры, лаборанты, медицинские технологии, — существует ради лечения и исцеления испытывающих страдания. Иногда мы забываем об этом. Мы погружаемся в медицинскую науку, стремимся улучшить медицинские технологии и не помним, что все это имеет только одно оправдание своего существования — если служит здоровью людей. Людей, которые приходят к нам за помощью. Ну, а клиника... Наша клиника предоставляет такое поле деятельности для служения медицине и тем, кто в ней нуждается... Я, пожалуй, не очень четко все изложил.

— Нисколько, — возразил О'Доннелл. — Вы прекрасно все сказали.

Внутренне О'Доннелл торжествовал. Интуиция его не подвела, он сделал правильный выбор. Он был уверен, что они превосходно сработаются — он как главный хирург и Коулмен как руководитель патолого-анатомической службы. Они будут вместе строить и созидать, и благодаря их усилиям клиника Трех Графств будет становиться все лучше и

лучше. Не все, что они сделают, окажется совершенным; так не бывает. Неизбежны промахи, провалы и неудачи, но в любом случае у них одна цель, они единомышленники. Им надо держаться друг за друга. Коулмен моложе. В одних сферах пригодится опыт О’Доннелла, в других — современные стремления Коулмена. За последние недели главный хирург понял, что до катастрофы можно докатиться разными путями. Но отныне он будет бороться с самоуспокоенностью и рутинной работой на всех фронтах, и его правой рукой станет молодой доктор Коулмен.

Ему в голову внезапно пришел еще один вопрос.

— Еще одно: как вы относитесь к Джо Пирсону и его уходу?

— Не знаю, — честно ответил Дэвид Коулмен. — Я до сих пор не разобрался в моем к нему отношении.

— Это неплохо — иногда сомневаться и испытывать неуверенность. Помогает сохранить гибкость мышления. — О’Доннелл улыбнулся. — Думаю, есть несколько вещей, которые вам будет интересно узнать. Я разговаривал с некоторыми ветеранами клиники, и они рассказали мне то, о чем я не имел никакого представления. За тридцать два года работы Джо Пирсон сделал для клиники очень много. Большая часть его заслуг забыта, а люди, подобные мне и вам, вообще о них не слышали. Оказывается, именно он организовал в клинике отделение переливания крови. И тогда у него нашлось множество противников. Это он учредил комитет по тканям. И в этом он столкнулся с сильным сопротивлением, однако довел дело до конца. Это позволило улучшить качество хирургической помощи в клинике. Занимался Джо и наукой. Он исследовал причины и распространенность рака щитовидной железы, и многие его взгляды стали теперь общепринятыми, хотя мало кто помнит, что впервые их высказал Джо Пирсон.

— Я не знал, — признался Коулмен. — Спасибо, что рассказали.

— К сожалению, такие вещи забываются. В лаборатории Джо тоже внедрил много нового — новые анализы, новое оборудование. К несчастью, с годами он утратил волю к новаторству — перестал расти и предпочел ехать дальше по наезженной колее. Иногда такое случается.

Коулмен вдруг подумал о собственном отце. Вспомнил об антителах к резус-фактору, которые убили детей Джона Александера, вспомнил об отце, который назначал Элизабет переливания крови без учета резус-принадлежности пострадавшей и доноров, несмотря на то что медицина уже знала об опасности резус-несовместимости.

— Да, — согласился он, — такое действительно случается.

Мужчины встали и направились к двери. Когда они вышли в коридор,

О'Доннелл вдруг тихо сказал:

— Все мы должны сочувствовать друг другу. Никогда не знаешь, когда сочувствие потребуется тебе самому.

— Кент, у тебя очень усталый вид, — сказала Люси Грейнджер.

Близился вечер. О'Доннелл стоял в коридоре и не заметил, как рядом с ним остановилась неслышно подошедшая Люси.

«Дорогая моя Люси, — подумал он, — надежная, добрая, нежная». Неужели всего неделю назад он всерьез хотел уехать из Берлингтона и жениться на Дениз? Сейчас все это казалось ему какой-то романтической игрой, от которой не осталось и следа. Его место здесь, здесь и в горе, и в радости найдет он свое предназначение.

Он взял ее за руку.

— Люси, — попросил он, — давай не будем откладывать нашу следующую встречу. Нам есть о чем поговорить.

— Хорошо. — Она ласково улыбнулась О'Доннеллу: — Можешь завтра пригласить меня на ужин.

Они бок о бок пошли по коридору. Как уверенно он себя чувствует, когда она рядом. Он взглянул на ее профиль и вдруг понял, что впереди их ждет много счастливых дней. Конечно, им понадобится время, чтобы притереться друг к другу, но свое будущее они обретут только вместе.

А Люси подумала: «Мечты иногда сбываются. Может быть, и моя скоро сбудется».

В патолого-анатомическом отделении сумерки наступали рано. Такова была пена, которую они платили за нахождение в подвале. Дэвид Коулмен решил, что первым делом постарается перевести отделение в более подходящее место. Патологическая анатомия должна перестать ютиться в чреве клиники; свет и воздух требовались ей не меньше, чем другим отраслям медицины.

Он вошел в кабинет и увидел сидевшего за столом Пирсона. Старик выгребал содержимое из ящиков.

— Удивительное дело, — сказал Пирсон, — сколько хлама может накопиться за тридцать два года.

Коулмен некоторое время молча смотрел на Пирсона, потом произнес:

— Мне очень жаль.

— Не о чем жалеть, — бесцеремонно ответил Пирсон. Он закрыл нижний ящик и сложил бумаги в портфель. — Слышал, что вы получили новое место. Мои поздравления.

— Мне очень хотелось бы, чтобы это произошло по-другому, — искренне ответил Коулмен.

— Поздно теперь переживать по этому поводу. — Пирсон застегнул замки портфеля и огляделся. — Ну, кажется, все. Если что-нибудь найдете, пришлите мне вместе с чеком на пенсию.

— Я хочу вам кое-что сказать, — остановил его Коулмен.

— Что именно?

Коулмен заговорил, тщательно подбирая слова:

— Речь идет о практикантке-медсестре, которой ампутировали ногу. Сегодня утром я вскрыл ампутированную конечность. Вы правильно поставили диагноз. Опухоль оказалась злокачественной. Остеогенная саркома. Я был не прав.

Старик молчал. Создавалось впечатление, что мыслями он был уже далеко отсюда.

— Я рад, что не ошибся, — сказал он. — По крайней мере в этом случае.

Он снял с вешалки плащ и направился к выходу. Он уже собрался открыть дверь, но остановился, обернулся и почти застенчиво сказал:

— Не возражаете, если я дам вам один совет?

Коулмен покачал головой:

— Буду только благодарен.

— Вы молоды, — начал Пирсон, — в вас много перца и уксуса, и это хорошо. Вы отличный специалист. Вы современны, знаете много такого, чего я не знаю и теперь уже никогда не узнаю. Примите мой совет: оставайтесь таким всегда. Вам будет трудно, но не повторите мою ошибку. — Он махнул рукой в сторону стола, который только что освободил. — Не успеете вы сесть в это кресло, как зазвонит телефон и администратор начнет долго и нудно рассказывать вам о бюджете. В следующую минуту придет сотрудник лаборатории и скажет, что хочет немедленно уволиться. Потом начнут, один за другим, приходить врачи и задавать вам множество всяких вопросов. — Старик едва заметно улыбнулся. — Потом явится коммивояжер и предложит вам пробирки, которые не бьются, или горелку, которая может гореть вечно. Не успеете избавиться от него, как явится следующий, и так без конца. В конце рабочего дня вы спросите себя: «Что я сегодня сделал, чего я смог достичь?»

Пирсон замолчал, но Коулмен ждал продолжения. Он понимал, что старый патологоанатом сейчас, в своих словах, заново переживает свое прошлое. Пирсон снова заговорил:

— Точно так же пройдет следующий день, и еще один, и еще. Вы не заметите, как пролетит год, потом следующий. Вы будете посылать на курсы усовершенствования других людей, потому что вам будет некогда оторваться от рутинной работы. Вы забросите науку, вы будете много работать и уставать так, что вам уже не захочется по вечерам читать медицинскую литературу. И внезапно настанет день, когда вы поймете, что устарело все, что вы знаете и умеете. Именно в тот миг вы осознаете, что вам уже поздно меняться.

Напряженный голос Пирсона дрогнул. Он положил руку на плечо Коулмену, заглянул ему в глаза и умоляюще сказал:

— Послушайте старика, который прошел через все это, впал в эту ошибку и безнадежно отстал от времени. Не дайте такому случиться с собой! Если надо, запирайтесь от всех в шкафу! Держитесь подальше от телефона, папок и бумаг, читайте, учитесь, слушайте, держитесь на уровне! Тогда никто не сможет сказать: «Он конченный человек, он выгорел и остался в прошлом». Они не смогут так сказать, потому что вы будете знать столько же, сколько они, и даже больше, чем они. Но кроме того, у вас будет опыт, которого у них еще нет...

Голос его в конце дрогнул, и Пирсон отвернулся.

— Я постараюсь это запомнить, — сказал Коулмен и мягко добавил: — Я провожу вас до выхода.

Они поднялись по лестнице и вышли в коридор первого этажа, где начиналась вечерняя суета. Мимо торопливо прошла сестра с диетическим ужином на подносе. Было слышно, как шелестит ее накрахмаленная форма. Потом они посторонились, чтобы пропустить кресло-каталку. В ней сидел человек, одна нога которого была в гипсе. Костыли человек держал, как держат вдоль бортов лодки вытасценные из воды весла. Женщина из социальной службы провезла по коридору тележку с газетами и журналами. К лифту пробежал мужчина с букетом цветов в руках. Прошли, смеясь, три студентки-медсестры. Откуда-то донесся детский плач. Это был больничный мир — живой организм, зеркало, отражающее большой мир за его стенами.

Пирсон огляделся.

Коулмен подумал: «Тридцать два года жизни. Как я буду чувствовать себя, когда придет мое время? Вспомню ли я через тридцать лет этот момент? Пойму ли я тогда Пирсона?»

По системе оповещения объявили:

— Доктор Дэвид Коулмен. Доктора Дэвида Коулмена просят подняться в хирургическое отделение.

— Началось, — сказал Пирсон. — Пора готовить замороженные срезы. Вам надо идти. — Он протянул Коулмену руку: — Удачи.

Коулмену было трудно говорить.

— Спасибо, — произнес он сдавленным от волнения голосом.

Старик кивнул и пошел к выходу.

— До свидания, доктор Пирсон! — Это была одна из старых сестер.

— До свидания, — ответил Пирсон, остановился под табличкой «Не курить» и поднес спичку к сигаре.

notes

Примечания

1

Рассечение брюшной стенки с целью уточнения диагноза. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Дронты — семейство птиц отряда голубеобразных, обитавших на островах Индийского океана и истребленных в XVII–XVIII вв.

Одна из самых известных клиник в мире (Рочестер, штат Миннесота).

Александр Флеминг — английский микробиолог, открывший в 1929 г. пенициллин.

Джонас Эдвард Солк — американский вирусолог, разработавший вакцину против полиомиелита.

6

В данном случае работник выездной бригады.